

Review of International Relations

Nº 1 (58) 2018

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ, Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вицепрезидент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Departament, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Departament, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год. ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 22,5 усл. п.л. Заказ № 261.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

 $\label{thm:communications} The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.$

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru; e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160. ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание 1 • 2018

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Мировая политика

- 7 Лебедева М.М. Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс
- 26 Власов А.А., Брега А.В. Крым и политика легитимности в международных отношениях
- 42 Якунин В.И., Молчаков Н.Ю. Феномен Трампа и американская система разделения властей
- 63 Дегтярёв А.А., Бондарев М.Д., Тетерюк А.С. Учёт взаимосвязи циклической динамики «внешней» и «внутренней» среды работы бизнес-организаций в современном GR-менджменте

Энергетический фактор мировой политики

- 94 Reinhardt R.O., Pronichkin S.V. The Realist Paradigm of Energy Diplomacy in the Russian Scientific Tradition and Its Practical Applicability
- 110 Рожков И.С. Энергетический фактор как триггер формирования международного режима Каспийского моря на современном этапе

Продовольственный фактор мировой политики

- 127 Малов А.В. Международный продовольственный режим
- 148 Галищева Н.В. Продовольственная безопасность в Южной Азии: основные проблемы и пути решения

Международный банковский бизнес

- 169 Карминский А.М., Хон О.Д. Факторы залогового обеспечения для управления рисками банков: региональный аспект
- 186 Муршудли Ф.Ф. Инновационные тренды международного банковского бизнеса (на примере Азербайджана)

Реиндустриализация и корпаративизм

- 213 Захаров А.Н. Перспективы реиндустриализации развитых экономик (США, Канада и Австралия)
- 246 Фельдман П.Я. Корпоративизм в странах Западной Европы: современное состояние и перспективы эволюции

РЕЦЕНЗИИ

- 259 Скляров С.А. Через два моря: сотрудничество учёных-гуманитариев Польши и Казахстана
- 265 Баязитова Г.И., Нелаева Г.А., Суфиянова Г.Р. «Гуманитарные организации на войне»: оценки роли Международного Комитета Красного Креста в послевоенные годы
- 271 Звягельская И.Д. Палестинская проблема: каким будет завтра?

Table of Contents 1 • 2018

RESEARCH ARTICLES

Global politics

- 7 Lebedeva M.M. Social and Humanitarian Issues in International Studies: the Russian Perspective
- Vlasov A.A., Brega A.V. Crimea and the Politics of Legitimacy in International Relations
- 42 Yakunin V.I., Molchakov N.Yu. The Phenomenon of Trump and the American System of Separation of Powers
- 63 Degtyarev A.A., Bondarev M.D., Teteryuk A.S. - Cyclical Dynamics of the «External» and «Internal» Environments of Business Organizations in GR-Management

The energy factor of world politics

- 94 Reinhardt R.O., Pronichkin S.V. The Realist Paradigm of Energy Diplomacy in the Russian Scientific Tradition and its Practical Applicability
- 110 Rozhkov I.S. Energy Issues as the Trigger for Formation of an International Regime of the Caspian Sea

The food factor of world politics

- 127 Malov A.V. International Food Regime
- 148 Galishcheva N.V. Food security in South Asia: Major Challenges and Solutions

International banking business

- 169 Karminsky A.M., Khon O.D. Collateral Determinants in Bank Risk Management: The Regional Case
- 186 Murshudli F.F. Innovative Trends of International Banking Business (case of Azerbaijan)

Reindustrialization and Corporatism

- Zakharov A.N. The Problem of Reindustrialization of the World Economy
- 246 Feldman P.Ya. Corporatism in Western Europe: Current State and Prospects for Evolution

BOOK REVIEWS

- 259 Sklyarov S.A. Across Two Seas: Cooperation among Social Science Scholars of Poland and Kazakhstan
- 265 Bayazitova G.I., Nelaeva G.A., Sufiyanova G.R. - «Humanitarians at War»: Assessing The Role of The International Committee of The Red Cross In The Immediate Aftermath of WWII
- Zvyagelskaya I.D. The Palestinian Problem: What Tomorrow Will Bring?

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: РОССИЙСКИЙ РАКУРС

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Начиная с конца XX в. с повышением роли человеческого фактора в мире возросло и значение социальной и гуманитарной компоненты в мировой политике. Это нашло проявление не только в собственно гуманитарных и социальных вопросах, но также и в том, что человеческий фактор стал важнейшей составляющей военно-политической и международно-экономической проблематики.

В статье анализ российских международных исследований по социальным и гуманитарным проблемам проведён по двум основным направлениям, связанным друг с другом: 1) «мягкая сила» и публичная дипломатия; 2) человеческий капитал. В рамках первого направления анализируются различные подходы к пониманию «мягкой силы» и публичной дипломатии в России. Показывается, что нередко оба эти термина понимаются как информационное и пропагандистское воздействие на общества других стран. В связи с этим в последние годы особое внимание российские авторы уделяют вопросам информационных и гибридных войн.

Российские исследования по изучению человеческого капитала в количественном отношении значительно уступают исследованиям первого направления. В то же время отечественные работы по проблемам современной роли высшего образования, его использования в качестве «мягкой силы» явились во многом пионерскими в мировых международных исследованиях.

В статье делается вывод о том, что современные исследования социальной и гуманитарной проблематики как в России, так и за рубежом в целом пока не отвечают той роли, которую приобретает сегодня человек в мировой политике. Требуется концептуальный анализ социальной и гуманитарной компоненты мировой политики, а также её проявлений в конкретных областях.

Ключевые слова: социальная и гуманитарная проблематика, российские международные исследования, «мягкая сила», публичная дипломатия, человеческий капитал.

УДК 327, 378.2 Поступила в редакцию 10.11.2017 г. Принята к публикации 01.02.2018 г.

Рост значения социальной и гуманитарной компоненты в мировой политике

оциально-гуманитарная проблематика по сравнению с проблематикой безопасности в течение многих десятилетий находилась на периферии внимания политиков, а как следствие и исследовательского интереса авторов, работающих в области международных отношений и мировой политики. Все были сосредоточены на военно-политических (т.н., highpolitics) и отчасти политико-экономических вопросах. Перелом произошёл в конце XX – начале XXI вв. Нельзя сказать, что проблемы безопасности или экономического развития стали меньше привлекать внимание политиков и исследователей и ушли из международной повестки. Можно лишь утверждать, что гуманитарные аспекты стали вызывать всё больший интерес тех и других [24].

Причины такой ориентации кроятся в том, что в начале нового века мы наблюдаем очевидный разворот, и в политике, и в научной сфере в сторону человека. Это относится не только к международным исследованиям. Например, не случайно Нобелевская премия в области экономики 2017 г. присуждена Р. Тайлеру за создание такого направления в экономической науке, как поведенческая экономика, являющегося своеобразным мостом между экономикой и психологией. Другим примером может служить то, что в последние годы в развитых странах всё больше внимания уделяется тем отраслям экономики, которые связаны с повышением качества жизни человека [14].

Наконец, социально-гуманитарные связи, впрочем, как и экономические, создают условия для долгосрочного взаимодействия участников даже в ситуациях ухудшения общего политического климата. И это является важнейшим фактором их поддержания, а, следовательно, и изучения.

В международной сфере современные конфликты и войны сопровождаются активными действиями в социальной и гуманитарной сфере. Отсюда появление таких феноменов, как «информационные войны», «гибридные войны» и т.п. Активизация экономических акторов мировой политики – ТНК и других бизнес-структур – привела к тому, что в профессиональную международно-экономическую сферу оказались вовлечены огромные массы людей. Центральной фигурой в этой сфере, как и в экономике в целом, стал человек, который вышел за пределы национальных границ государства.

Что касается непосредственно социальной и гуманитарной области, то она бурно развивалась с конца прошлого столетия через деятельность международных неправительственных организаций, международное сотрудничество в области образования (Болонский процесс со всеми его преимуществами и недостатками – яркий тому пример), социальные сети и т.п.

Очевидно, что вовлечению индивида в транснациональные отношения способствовало развитие информационных и коммуникационных технологий. И если в конце XX в. стала возможной транснационализация государств и ор-

ганизаций (прежде всего, структур бизнеса и НПО), то в XXI в. мир столкнулся с транснационализацией человеческих связей и отношений. При этом один и тот же человек оказывается вовлечённым в целый ряд пересекающихся транснациональных групп. Так, Т. Бирстекер отмечает, что в современном мире происходит формирование транснациональных политических сетей, суть которых заключается в том, что субъект (в частности, человек) оказывается включённым во множество сетей, связанных с исследованием того или иного политического феномена, реализации различных предложений, оценки политических проектов и т.п. [56].

В то же время далеко не все люди включаются в транснациональные отношения. И это порождает новый социальный раскол в мире, который характерен сегодня для целого ряда стран, причём очень разных. Он проходит по линии ориентации человека, либо на транснациональные отношения, либо на возвращения в рамки национального государства, локальных связей, а иногда возвращения и к родоплеменным связям. В этом случае происходит архаизация государства [19]. Примерами архаизации государства, понимаемой как отход к предыдущей ступени развития, могут служить Ливия (возврат от национального государства к родоплеменным отношениям) и Великобритания с её Brexit (возврат от наднациональных структур Евросоюза к национальному государству) [51]. Но если в случае с Ливией раскол общества по данному параметру сложно уловить (скорее, присутствует раскол между различными племенами и группами), то в случае Великобритании он очевиден: крупные города, в частности, Лондон голосовали за то, чтобы остаться в Евросоюзе, т.е. за большую включённость в транснациональные отношения, в то время как небольшие населённые пункты видели своё будущее в рамках национальных границ. Президентские выборы США 2016 г. также продемонстрировали раскол американского общества по этому параметру. Здесь, правда, следует сделать оговорку, связанную с тем, что в последние годы архаичные отношения порой стремятся к транснационализации. Наиболее яркими примерами здесь выступают «Аль-Каида» и ИГИЛ¹.

Тем не менее, явное проявление социального раскола в современном мире, к тому же в значительных масштабах – явление относительно новое и не получившее пока должного осмысления в научной литературе. Однако очевидно, что оно весьма значимо как в плане внутриполитического развития государств, так и в глобальном масштабе и нуждается в серьёзном научном анализе. То же можно утверждать относительно попыток транснационализации архаичных моделей поведения. Представляется, что эта социально-гуманитарная область будет интенсивно изучаться в ближайшем будущем.

В целом социальная и гуманитарная сфера может выступать в различных качествах. Это и сфера взаимодействия и сотрудничества, и средство развития.

¹ Террористические организации, запрещённые в России.

Это ресурс воздействия на другие страны, это также область, в которой может накапливаться конфликтный потенциал. Иными словами, социально-гуманитарный блок может проявлять себя с разными функциями.

Внимание исследователей к социальным и гуманитарным аспектам мировой политики стало возрастать в конце XX в. Именно тогда Дж. Най формулирует свою концепцию «мягкой силы» [59], вызвавшую первоначально бурю критики. Ситуация во многом стала меняться в начале XXI в. Поворотным моментом во многом здесь явились террористические акты 11 сентября 2001 г. Тогда появилось осознание того, что в противодействии терроризму нельзя ограничиваться только военным и экономическим воздействием. А.В. Долинский писал, что террористическая атака, осуществлённая практически несколькими десятками людей, за которыми не стояли великие державы, положила начало дискуссии о том, как предотвратить подобные трагедии в будущем. Довольно быстро академическое сообщество и дипломаты-практики пришли к консенсусу о роли коммуникации с зарубежными обществами с целью препятствовать росту исламистского экстремизма [8].

Как же в современных российских международных исследованиях представлена социально-гуманитарная проблематика?

Обращение России к социальным и гуманитарным проблемам мировой политики

Россия несколько позднее, хотя и без столь драматичных событий как США, поставила перед собой аналогичную задачу: воздействовать на другие страны с помощью информационного и гуманитарного ресурса. Мотивом во многом послужила политическая цель, направленная на восстановление влияния России на мировой арене. Данная цель, а также мотивация были в рамках общемировой тенденции возрастания значения социального и гуманитарного ресурса. Для восстановления влияния России на мировой арене был недостаточен паритет с США в военно-политической сфере. Российская экономика, хотя и демонстрировала в начале XXI в. некоторые улучшения, явно не могла претендовать на обеспечение России лидирующих позиций в мире. В этих условиях гуманитарный ресурс как нельзя лучше подходил для реализации поставленной цели.

Повышение внимания России к гуманитарным аспектам на международной арене нашло отражение в Концепции внешней политики России 2008 г., в которой была сформулирована задача «добиваться объективного восприятия России в мире, развивая собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве»².

² Концепция внешней политики РФ 2008 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/785

В результате в России значительно увеличились финансирование различных проектов и мероприятий в социальной и гуманитарной сферах. Были созданы фонды – «Русский мир», Фонд публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, а также ряд других, задачей которых стало поддержание и распространение русского языка, развитие публичной дипломатии и т.п. В 2008 г. на основе Указа президента России создаётся Федеральное агентство Россотрудничество, деятельность которого направлена на развитие гуманитарного сотрудничества с зарубежными странами, а также работу с соотечественниками, оказавшимися за пределами России. Был образован и целый ряд других структур, в том числе в СМИ. В частности, был создан телевизионный канал Russia Today. Кроме этого, предпринят ещё целый ряд практических шагов. Как результат повышения внимания к гуманитарным и социальным проблемам во внешней политике со стороны российских политиков увеличилось и число российских исследований, в которых анализировались эти вопросы.

Изучение международных аспектов социальной и гуманитарной проблематики в России пошло по двум основным направлениям. Первое направление исследований, которому уделяется больше всего внимания, стало развиваться с начала 2000-х гг. Оно представлено работами по изучению вопросов «мягкой силы» и, отчасти, публичной дипломатии, как в теоретическом плане, так и в плане изучения конкретных примеров использования. В рамках данного направления анализируется также включение гуманитарных и социальных вопросов в проблематику конфликтов и войн. Эти вопросы получили развитие в России немного позднее, а именно, в 10-х гг. нынешнего столетия.

Второе направление в определённой степени связано с первым, но по количеству работ всё же ему уступает. Оно ориентировано на анализ человеческого капитала. Однако именно это направление представляет особый интерес, поскольку по некоторым параметрам тематики российские исследования отличаются от западных работ в этой области. Так, российские авторы во многом выступили пионерами в изучении международных проблем высшего образования и в значительной степени открыли данное направление для международных исследований.

«Мягкая сила» и публичная дипломатия в российских исследованиях

Проблематика «мягкой силы» не сразу была воспринята научным сообществом, впрочем, как и политиками, в России. Идею Дж. Ная, выдвинутую им в начале 1990-х гг., встретили сначала с большой долей скепсиса, не увидев в ней рационального зерна. Из множества возражений, выдвинутых российскими авторами Дж. Наю, пожалуй, наиболее часто используемым было то, что данная идея не содержит ничего нового. Рассуждения строились на том основании, что со времён появления человечества одни группы так или иначе «мягким образом» влияли на других.

Впоследствии после проведения ряда исследований ситуация в России значительно изменилась. В результате во многом благодаря исследовательским наработкам, а также практике применения другими государствами термин «мягкая сила» вошёл в текст Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в $2013 \, \mathrm{r.}^3$, а затем и в Концепцию внешней политики $2016 \, \mathrm{r.}^4$.

Российские работы по «мягкой силе» и публичной дипломатии можно разделить на три большие группы. Первая – это исследования, в которых предпринимаются усилия по теоретическому осмыслению данных вопросов. Вторая группа исследований включает в себя множество case studies по использованию «мягкой силы» и публичной дипломатии теми или иными государствами. Наконец, третья группа, представленная прежде всего исследователями из Екатеринбурга, проводит исследования по операционализации понятия эффективности использования «мягкой силы».

В теоретических работах российские авторы пытаются выявить особенности использования «мягкой силы», её отличие от других средств воздействия и т.п. [10]. Сегодня в России существует множество трактовок «мягкой силы» и переводов данного термина. Например, П.Б. Паршин обратил внимание на два понимания «мягкой силы». Согласно первому – это инструмент или технология, главным образом коммуникативная, которая предполагает нанесение потенциально меньшего ущерба объекту применения силы по сравнению с другими («жёсткими») инструментами (технологиями). Другое понимание «мягкой силы» заключается в том, что она рассматривается как потенциал воздействия некоторого актора, обусловленный его притягательностью и стремлением приобщиться к его ценностям [37].

Наиболее распространённое понимание «мягкой силы» в России – это любые невоенные методы воздействия на противоположную сторону, т.е., скорее, то, что П.Б. Паршин назвал «технологическим». При таком подходе экономическое и политическое принуждение, а также его другие виды попадают под определение «мягкой силы». Обычно считается, что принуждение может быть только военным или экономическим. Так, В.Я. Ваплер, Н.Э. Гронская и их коллеги пишут, ссылаясь на Дж. Ная, что «мягкая сила» – это способность страны воздействовать на других средствами, отличными от военного и экономического принуждения, которое является «жёсткой силой» [5]. Однако Дж. Най много раз подчёркивал, что главное в его концепции – формирование предпочтений путём создания привлекательности для другого [58]. Правда, поскольку в качестве ресурсов «мягкой силы» Дж. Най называет культуру, идеологию, институты, внешнюю политику, можно прийти к заключению, что экономика не входит в арсенал её средств. Однако последующие работы Дж. Ная, а также других

³ Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

авторов, в которых, с одной стороны, показано, что нет жёсткого перехода от «мягкой силы» к «жёсткой силе» [57], с другой – то, что различные явления могут быть привлекательными, в том числе, и экономика, и даже в определённых условиях и для определённых групп «жёсткая сила» [20].

Кроме того, в России (впрочем, не только в России) использование «мягкой силы» нередко отождествляется с пропагандой и в этом случае оценивается обычно отрицательно. При таком понимании, действительно, исчезают различия между «мягкой силой», пропагандой, невоенными и экономическими средствами давления и т.п.

В последние годы в российский научный дискурс всё активнее входит понимание именно того, что Дж. Най определил «мягкую силу» через привлекательность [36]. Было показано, что в рамках реалистского подхода происходит отождествление понятий «мягкая сила» и «пропаганда», в то время, как в рамках неолиберального направления теории международных отношений между этими понятиями есть принципиальная разница. Например, пропаганда предусматривает манипулятивное воздействие, а «мягкая сила» его исключает. Пропаганда ориентирована, как правило, на краткосрочные цели. С помощью пропаганды можно решить сиюминутные задачи, в то время, как «мягкая сила» предусматривает долгосрочные отношения с партнёром [20].

Довольно большой пласт российских работ посвящён анализу «мягкой силы» в качестве внешнеполитического инструмента отдельных государств. В российской научной литературе отмечаются особенности японской «мягкой силы» [55], «мягкой силы» США [4], Германии [43], ЕС [2] и других акторов мировой политики, включая Россию [1; 30] и ЕАЭС [28]. Изучаются также отдельные сферы, которые могут выступать в качестве инструмента «мягкой силы»: образование [49], СМИ [11], кинематограф [45], спорт [41] и т.п., а также относительно новые аспекты «мягкой силы», связанные с негативными последствия её применения [26] и деятельностью террористов [31].

Третья, наименее многочисленная группа работ по «мягкой силе», в значительной степени представлена исследованиями О.Ф. Русаковой и её коллег. В этих работах авторы пытаются, в том числе, на основе количественных показателей определить рейтинговые показатели «мягкой силы». Например, Россия по данным авторов, занимает 27-е место среди 40 проанализированных ими стран [41].

Близкими к проблематике «мягкой силы» являются исследования, связанные с поддержкой соотечественников. Так, в российской политике и научной литературе по сравнению с советским периодом значительно пересмотрены взгляды относительно соотечественников, проживающих за рубежом. Отмечается, что для современной России важна сильная диаспора, интегрированная в общество страны проживания [53].

Исследования по публичной дипломатии в России представлены меньшим объёмом по сравнению с работами по «мягкой силе». В основном они проводятся

в Москве и Санкт-Петербурге, но по своей структуре они сходны с предыдущей группой. Это: 1) теоретическое осмысление вопросов публичной дипломатии и 2) изучение конкретных случаев её использования различными государствами. Интерес к публичной дипломатии в России, как и в предыдущем случае, обусловлен, с одной стороны, вовлечённостью больших масс в мирополитические процессы в современном мире, с другой – задачами по формированию образа России за рубежом.

Если наиболее распространённое понимание публичной дипломатии, например, в США, связано с воздействием одного государства на общество другого (других) государства [61], то этого нельзя сказать о российских исследованиях публичной дипломатии. Во многих российских работах публичная дипломатия отождествляется с деятельностью неправительственных организаций и является синонимом общественной дипломатии, или народной дипломатии [9; 34]. К такому отождествлению ведёт игнорирование того факта, что каналы осуществления публичной дипломатии могут быть, как государственные, так и негосударственные. Иными словами, государство может действовать напрямую через своих официальных представителей, а может – опосредовано, через негосударственных акторов. Кроме того, негосударственные акторы далеко не всегда выступают проводниками политики государства. В результате понятийный аппарат публичной дипломатии в русскоязычной литературе оказался крайне размытым. Такой подход значительно сужает сферу деятельности публичной дипломатии, поскольку исключает официальные каналы её реализации. На данный аспект обращает внимание А.В. Долинский. Он пишет, что у публичной дипломатии «появилось и второе значение термина в русском языке – дипломатия на уровне общественных организаций. Это породило опасную путаницу: даже среди экспертов встречается убеждение, что public diplomacy – это лишь диалог на уровне неправительственных организаций. Между тем, public diplomacy подразумевает более широкий спектр направлений деятельности...» [7]. Близких взглядов придерживается Т.В. Зонова. Она отмечает, что «в нашем внешнеполитическом лексиконе в ходу два термина применительно к дипломатии: «публичная» и «общественная». Однако к взаимозаменяемости этих терминов надо относиться с особой осторожностью. Мы живём в эпоху глобальной коммуникации, а, следовательно, и глобального перевода. Определение «общественная» будет переводиться на другие языки и как социальная, и как гражданская, и как народная. Понятно, что «общественной» мы именуем дипломатию неправительственных организаций» [13].

Ещё один момент, который необходимо отметить в теоретических исследованиях публичной дипломатии, а именно, понимается ли она как один из путей реализации «мягкой силы» в рамках концепции Дж. Ная, или напротив – публичная дипломатия выступает в качестве пропагандистского средства воздействия.

Особое внимание в настоящее время в российских исследованиях обращается на возможности науки в рамках публичной дипломатии и поиска с её по-

мощью разрешения международных проблем. Это направление – научная дипломатия – относительно новое в России, хотя успешный опыт взаимодействия советских и западных учёных в целях урегулирования конфликтов и предотвращения ядерной катастрофы был ещё в период холодной войны. В. Панченко и А. Торкунов отмечают, что исследователи по роду своей деятельности не озабочены необходимостью упрощать реальность. Поэтому взаимодействие исследователей из разных стран позволяет лучше понять проблему, а значит и наметить пути ее решения⁵.

Довольно большой пласт работ посвящён публичной дипломатии государств и межправительственных организаций. Изучается публичная дипломатия Израиля, стран Центральной Азии, Ирана, Ватикана, ЕС, СНГ, НАТО, ОДКБ и ШОС, а также исторические модели публичной дипломатии [29]. При этом публичная дипломатия рассматривается несколько шире его традиционного понимания как воздействие государства на общества других стран, поскольку в исследовательском фокусе оказываются наднациональные межгосударственные структуры. Впрочем, нельзя сказать, что в этом отношении российские исследования уникальны. Публичная дипломатия межправительственных структур изучается не только российскими авторами [60].

Если говорить об исследованиях публичной дипломатии государств, то наибольшее внимание российские исследователи уделяют публичной дипломатии США [17]. При этом Н.А. Цветкова отмечает, что в последние годы публичная дипломатия США претерпевает значительные изменения. Если в начале XXI в. публичная дипломатия США «была нацелена на политику «привлечения-вовлечения» зарубежной целевой аудитории по отношению к ценностям и культуре США», то затем «произошла резкая смена концептуальной парадигмы публичной дипломатии США. Вместо инструмента проведения политики привлечения-вовлечения она стала механизмом стратегической коммуникации» [52], т.е. целенаправленного информационного воздействия на внешнюю аудитория для реализации собственных целей. Иными словами, согласно Н.А. Цветковой, в США произошёл сдвиг от использования публичной дипломатии как инструмента реализации «мягкой силы» к пропагандистскому инструментую. В этом же контексте российские авторы обычно анализируют инструментарии «цветных революций» [33].

Близкое к стратегической коммуникации понимание публичной дипломатии представлено в работах А.И. Подберёзкина и А.В. Жукова. Они отмечают, что в ХХІ в. СМИ и интернет позволяют решать вопросы, которые ранее решались военными, экономическими и другими средствами. В результате «публичная дипломатия стала неотъемлемой составляющей сетецентричной гибридной войны, в которой роль информационного воздействия на противника становится определяющей» [40].

⁵ Панченко В., Торкунов А.В. Учёный как дипломат. Российская газета. 26.06.2017. URL: https://rg.ru/2017/06/26/kak-nauchnoe-sotrudnichestvo-pomogaet-resheniiu-mezhdunarodnyh-problem.html

В целом необходимо отметить, что работы по вопросам гибридных и информационных войн, а также «цветных революций» довольно популярны в России.

Представляется, что следует всё же различать публичную дипломатию и стратегическую коммуникацию, которые представляют два разных инструмента. В ситуациях конфликта могут применяться и часто применяются средства жёсткого информационного воздействия на противоположную сторону. В результате происходят информационные войны, гибридные войны и т.п., получившие описание в российской литературе [32; 35]. В то же время в условиях конфликта и кризиса используются средства собственно публичной дипломатии, направленные на снижение напряжённости, примирение сторон и т.п. [23]. И это разные инструменты, которые следует различать.

Развитие интернета, социальных сетей привело к новым явлениям в публичной дипломатии, к которым относятся не только различные виды онлайновых войн. Так, Е.С. Зиновьева отмечает, что цифровая дипломатия способствовала изменению дипломатии от иерархической к сетевой, вовлечению больших масс людей в решение проблем. Использование цифровой публичной дипломатии может способствовать снижению напряжённости, правда, часто это достигается отключением коммуникации. Эффективна цифровая публичная дипломатия и как инструмент постконфликтного урегулирования [12].

Анализ человеческого капитала в российских международных исследованиях

К вопросам человеческого капитала традиционно обращались экономисты. Для исследователей международных отношений и мировой политики, долгое время концентрировавших своё внимание на проблемах highpolitics, данная категория оставалась вне поля зрения. В конце XX – начале XXI вв. в связи с усилением роли социально-гуманитарного фактора в мире исследователи международных отношений также обратились к его изучению. Однако проблематика человеческого капитала в международных исследованиях оказалась достаточно аморфной. Среди специалистов в области международных отношений напрямую о человеческом капитале пишет А.И. Подберёзкин, подразумевая под этим широкий спектр вопросов, связанных с идеологией, ценностями, социально-экономическими отношениями [39].

Среди вопросов, которые обычно относятся к проблемам человека, человеческому капиталу, правам человека, анализу прав человека в российской внешней политике посвящено, в частности, исследование С.В. Чугрова, который показывает, что несовпадение в понимании фундаментальных прав человека между Россией и Западом во многом обусловлено историческим развитием [54].

Исследователи международных отношений вслед за экономистами обращаются к социально-экономическим проблемам. Однако таких работ немного. В качестве примера можно привести исследование В.М. Сергеева, показавшего,

что корни кризиса 2008-2009 гг. лежат не только в экономической или политической плоскостях, но и в доверии, которое, в том числе определяется социальной ответственностью членов общества [44]. Также к данной категории работ относится анализ миграционных, демографических процессов, наблюдаемых в современном мире. Особый интерес эти исследования стали вызывать в последние годы в связи с миграционным кризисом в Европе [3].

И тем не менее, наибольшее число российских работ, затрагивающих проблематику человеческого капитала, посвящены проблемам высшего образования, и во многом пересекается с вопросами «мягкой силы», но, разумеется, не сводится к ней.

Высшее образование, пожалуй, одна из немногих сфер, в которой российские международные исследования оказались на передовых позициях в мире. Одно из направлений здесь – развитие человеческого капитала и одновременное усиление роли России через развитие высшего образования, его интернационализацию, международное сотрудничество. Российские исследователи отмечают, что в условиях глобализации меняются функции образования. Наряду с традиционными функциями, в том числе и связанными с развитием человеческого капитала, высшее образование влияет на формирование мировой политики, приобретая политикообазующую функцию [22].

Для современного высшего образования характерны такие черты, как транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетизация [50]. В связи с этим трансформируется и университетская политика. Университеты всё больше включаются в процессы интернационализации образования, а также разрабатывают программы обучения для разных категорий населения, в том числе и преподавателей. Указывается, что «вузы стоят перед необходимостью массового обучения и переобучения преподавателей работе с более сложным программным обеспечением – аналогично тому, как в конце 1980-х гг. самые передовые преподаватели пересели с пишущих машин за компьютеры и изучили тогда первые компьютерные программы. В 2010-х гг., как видно, предстоит ещё одна подобная «кадрово-технологическая мини-революция» [46].

Подготовка специалистов в области международных отношений [48] ведёт к развитию человеческого капитала, причём не только для России, поскольку специалисты в области международных отношений в силу своей профессиональной деятельности в наибольшей степени включены в международные процессы. Российские авторы также показывают, какие возможности открывает интернационализация высшего образования для реализации «мягкой силы» России как в краткосрочном, так и долгосрочном плане [27; 47].

Роль университетов в развитии человеческого капитала и в мировых политических процессах – ещё один аспект, который оказываются в фокусе внимания российских исследователей. Университет выступает своеобразной дискуссионной площадкой, он объединяет академическое сообщество, представителей государственных структур и бизнеса, журналистов [25]. Отмеча-

ется, что «университет может объединить сильные стороны всех подразделений, а также партнёров, выявить конкурентные преимущества и опираться на них» [18, с. 22]. При этом анализируются и негативные аспекты, связанные, в частности, со значительной дифференциацией современных университетов, а также указываются пути преодоления негативных явлений [21]. Что касается науки и отражении её роли в международных исследованиях, то эти вопросы рассматриваются в большей степени в связи с новыми технологиями и инновациями, причём в большей степени в экономическом ракурсе [15].

Социальная и гуманитарная проблематика, ставшая одной из наиболее значимых в современном мире, находит сегодня отражение в российских международных исследованиях. Больше всего российских исследователей привлекают вопросы «мягкой силы» и высшего образования, а также анализ манипулятивных стратегий в рамках гибридных и информационных войн, «цветных революций».

Вместе с тем представляется, что та роль, которую сегодня приобретает социальная и гуманитарная проблематика в мировой политике, далеко не в полной мере находит отражение в российских международных исследованиях. Так, почти вне фокуса исследовательского внимания в концептуальном плане оказываются международные проблемы здравоохранения, туризма, культуры, спорта молодёжных и профессиональных контактов (в том числе, и научных). И, конечно, нужны общетеоретические исследования роли гуманитарного компонента в современной мировой политике, в частности, осмысление нового социального раскола в мире по линии включённости или невключённости человека в транснациональные отношения. Правда, справедливости ради, следует отметить, что и в других странах в этом плане дела обстоят не лучше.

Развитие гуманитарных и социальных проблем в рамках российских международных исследований будет способствовать не только формированию собственно российской науки, но и может внести существенный вклад в общемировые международные исследования. С учётом того, что, с одной стороны, международные исследования по социальной и гуманитарной проблематике в мире только начинают формироваться, с другой – Россия имеет богатые культурологические, психологические, философские традиции, данная задача, представляется, вполне реальной.

Список литературы

- Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. 2016. № 5. С. 122-133. DOI: https://doi. org/10.17976/jpps/2016.05.10
- 2. Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник
- МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 36-46.
- Большова Н.Н. «Пегида» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. 2016. № 3. С. 123-137. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.10

- Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 130-144.
- Ваплер В.Я., Гронская Н.Э., Гусев А.С., Коршунов Д.С., Макарычев А.С., Солнцев А.В. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы управления. 2010. № 1 (10). С. 22-27.
- 6. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 9-12.
- 7. Долинский А.В. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? [Электронный ресурс]. // Российский совет по международным делам. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennayadiplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/
- Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 275- 280.
- Евдокимов Е.В. «Народная дипломатия». Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 285-289.
- Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006. 72 с.
- Зегонов О.В. Роль СМИ как сетевого актора в мирополитических процессах // «Приватизация» мировой политики: локальные действия глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. С. 140-178.
- 12. Зиновьева Е.С. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 54-69.
- Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО - инструмент доверия или агент влияния? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 07.08.2012. URL: http://russiancouncil.ru/ inner/?id_4=681
- Отраслевые инструменты инновационной политики / под ред. Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО, 2016. 161 с.

- 15. Иванова Н.И., Дежина И.Г. Наука и инновации: выбор приоритетов. М.: ИМЭМО, 2012. 235 с.
- Казаринова Д. Феномен «мягкой силы» // Свободная мысль. 2011. №3. С. 187-200.
- 17. Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2015. 272 с.
- 18. Ларионова М., Суслова Д. Международное сотрудничество как ресурс развития вуза // Ректор вуза. 2012. № 7. С. 22-27.
- Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. 2016. № 6. С. 22-36. DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03
- Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
- Лебедева М.М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017.
   Т.21. №.3. С. 385-394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394
- Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 69-75.
- 23. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4 (43). С. 45-56. URL: DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.3
- Лебедева М.М. Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1 (32), январь-апрель. С. 4-15.
- Лебедева М.М., Барабанов О.Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 265-279.
- 26. Лебедева М.М., Рустамова Л.Р., Шарко М.В. «Мягкая сила»: тёмная сторона (на примере Германии) // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С. 144-153.
- Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 200-205.
- 28. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 10-13.

 Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. 272 с.

- Леонова О.Г. «Мягкая сила» ресурс внешней политики государства // Обозреватель. 2013. № 4. С. 27-40.
- Манойло А. «Мягкая сила» террористов // Россия и мусульманский мир. 2017. № 3 (297). С. 137-149.
- Манойло А.В. Информационная война как угроза российской нации // Вестник российской нации. 2016. № 6. С.174-184.
- Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24-28.
- Мухаметов Р.С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. №2 (128). С. 84-90.
- Панарин И.Н. Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 2. С. 60-65.
- Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО-университета. 2010. № 4. С. 91–97.
- Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2 (35). С. 14–21.
- Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №2 (34). С. 108–114.
- Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. М.: МГИМО-Университет. 2007-2012. М.: МГИМО-Университет, 2011–2013. 464 с., 400 с., 468 с., 848 с. 362 с.
- Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6 (45). С. 106-106.
- 41. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2014. 376 с.
- 42. Русакова О.Ф. Дискурс soft power в гуманитарной дипломатии: инструментально-измерительный анализ // Гуманитарные науки. 2015. № 2 (30). С. 91-97.
- 43. Рустамова Л.Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1. С. 118-128.

44. Сергеев В.М. О глубинных корнях современного финансового кризиса // Полис. 2009. № 3. С. 47-53.

- Тетерюк А.С. «Мягкая сила»: фактор кинематографа // Международная аналитика. 2014.
   № 2 (8). С. 170-177.
- Торкунов А.В. Задачи и вызовы университетской политики // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 50-57.
- Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85-93.
- Торкунов А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников // Вестник МГИМО-Университета, 2013. № 1. С. 7-8.
- Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. 2008.
   № 6 (16). С. 76-85.
- Харкевич М.В. Глобализация и высшее образование: возможности для России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С.270-276.
- Харкевич М.В., Музалевский В.А., Осколков П.В. Архаика и правый поворот в современной Европе // Современная Европа. 2018. №1.
- Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 121-133. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.42.8
- Чепурин А. «Три кита» российской диаспоральной политики // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. С. 127-138.
- 54. Чугров С.В. К вопросу о правах человека в российской внешней политике // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 6. С. 3-13.
- 55. Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. 2015. № 6. С. 53-67. DOI: https://doi. org/10.17976/jpps/2015.06.08
- 56. Biersteker T.J. Participating in Transnational Policy Networks: Targeted Sanctions // Narrowing the Gap: Scholars, Policymakers and International Affairs: Finding Common Cause. Ed. by M.E. Bertucci, A.F. Lowenthal. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2014. Pp. 137-154.
- 57. Nye J.S. Soft Power and Higher Education [Электронный ресурс] // Forum for the Future of Higher Education (Archives). 2006. Pp. 11-14. URL: https://library.educause.edu/~/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf
- 58. Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. 240 p.
- Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990. 336 p.

- Pagovski Z.Z. Public Diplomacy of Multilateral Organizations: The Cases of NATO, EU, and ASEAN. Los Angeles: Figueroa Press, 2015. 51 p.
- 61. Routledge Handbook of Public Diplomacy. Ed. by N. Snow, Ph. M. Taylor. N.Y.: Routledge, 2009. 404 p.

Об авторе:

Марина Михайловна Лебедева – д.полит.н., к.псих.н., профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

Работа выполнена по гранту РГНФ № 16-23-41004.

SOCIAL AND HUMANITARIAN ISSUES IN INTERNATIONAL STUDIES: THE RUSSIAN PERSPECTIVE

M.M. Lebedeva DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Since the end of the 20th century, with the increasing role of the human factor in the world, the importance of the social and humanitarian component in world politics has also increased. This manifested itself not only in humanitarian and social issues, but also in the fact that the human factor has become an important component of other issues, including military and economic ones.

The analysis of the Russian international studies on social and humanitarian issues in the article has been carried out in two main areas related to each other: 1) soft power and public diplomacy; 2) human capital.

Various approaches to understanding soft power and public diplomacy in Russia are analyzed under the framework of the first area. It is shown that rather often both these terms are understood as informational and propagandistic influence on the societies of other countries. In this regard, in recent years, Russian authors have paid special attention to the issues of information and hybrid wars.

Russian researches on human capital in quantitative terms is much inferior to the research of the first area. At the same time Russian works on the issues of the role of higher education, its use as a soft power were to a great extend a pioneer ones.

The main conclusion of the article is that humanitarian issues do not occupy the some prominaut place in the international studies they do in real life world politics.

Key words: social and humanitarian issues, Russian international studies, soft power, public diplomacy, human capital.

References

 Andreev A.L. "Miagkaia sila": aranzhirovka smyslov v rossiiskom ispolnenii [Soft power: the arrangement of meanings in the Russian version]. *Polis*, 2016, no. 5, pp.

- 122-133. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10 (in Russian).
- Baikov A.A. « Miagkaia moshch'» Evropeiskogo soiuza v global'nom silovom ravnovesii: evro-rossiiskii trek [Soft power of the European Union in the global power balance: Euro-Russian track]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations. 2014, no. 2 (35), pp. 36-46 (in Russian).
- 3. Bol'shova N.N. "Pegida" kak primer massovykh protestnykh dvizhenii, voznikshikh v Evrope pod vliianiem migratsionnogo krizisa ["Pegida" as an example of the mass protest movements that arose in Europe under the influence of the migration crisis]. *Polis*, 2016, no. 3, pp. 123-137. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.10 (in Russian).
- 4. Braterskii M.V., Skriba A.S. Kontseptsiia «miagkoi sily» vo vneshnepoliticheskoi strategii CShA [The concept of soft power in the foreign policy strategy of the USA]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika Bulletin of international organizations: education, science, new economy, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 130-144 (in Russian).
- Vapler V.Ia., Gronskaia N.E., Gusev A.S., Korshunov D.S., Makarychev A.S., Solntsev A.V. Ideia imperii i «miagkaia sila»: mirovoi opyt i rossiiskie perspektivy [The idea of the empire and the "soft power": world experience and Russian perspectives]. Voprosy upravleniia Management issues, 2010, no. 1 (10), pp. 22-27. URL: http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2010/01/02/ (in Russian).
- Voevoda E.V. Professional'naia iazykovaia podgotovka studentov-mezhdunarodnikov: voprosy didaktiki [Professional language training for IR students: issues of didactics]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2013, no. 1, pp. 9-12 (in Russian).
- Dolinskii A. Chto takoe obshchestvennaia diplomatiia i zachem ona nuzhna Rossii? [What is public diplomacy and why does Russia need it?]. Rossiiskii

- sovet po mezhdunarodnym delam Russian Council on Foreign Affairs, 2012. URL: http://russiancouncil.ru/analyticsand-comments/analytics/chto-takoeobshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/ (in Russian).
- . Dolinskii A.V. Evoliutsiia teoreticheskikh osnovanii publichnoi diplomatii [Evolution of the theoretical foundations of public diplomacy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 2, pp. 275- 280 (in Russian).
- Evdokimov E.V. « Narodnaia diplomatiia». Massovosť kak fenomen kitaiskoi vneshnepoliticheskoi propagandy ["People's diplomacy". Massiveness as a phenomenon of Chinese foreign policy propaganda]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2011, no. 3, pp. 285-289 (in Russian).
- Zevelev I.A., Troitskii M.A. Sila i vliianie v amerikano-rossiiskikh otnosheniiakh: semioticheskii analiz. Ocherki tekushchei politiki [Essays on Current Politics]. Iss.
   Moscow, Scientific and Educational Forum on International Relations, 2006 (in Russian).
- 11. Zegonov O.V. Rol' SMI kak setevogo aktora v miropoliticheskikh protsessakh [The role of the media as a network actor in the world politics]. «Privatizatsiia» mirovoi politiki: lokal'nye deistviia global'nye rezul'taty ["Privatization" of world politics: local actions global results]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Golden-Bi Publ., 2008, pp. 140-178 (in Russian).
- 12. Zinovèva E.S. Tsifrovaia publichnaia diplomatiia kak instrument uregulirovaniia konfliktov [Digital public diplomacy as a tool of conflict resolution]. *Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika* [Public diplomacy: Theory and practice]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Aspect Press Publ., 2017. Pp. 54-69 (in Russian).
- 13. Zonova T.V. Publichnaia diplomatiia i ee aktory. NPO instrument doveriia ili agent vliianiia? [Public diplomacy and its actors. NGO a tool of trust or an agent of influence?]. Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam

- [Russian Council on Foreign Affairs], 07.08.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681 (in Russian).
- 14. Otraslevye instrumenty innovatsionnoi politiki [Sectoral instruments of innovation policy]. Ed. by Ivanova N.I. Moscow, IMEMO Publ., 2016. 161 p. (in Russian).
- 15. Ivanova N.I., Dezhina I.G. *Nauka i innovatsii: vybor prioritetov* [Science and innovation: choosing priorities]. Moscow, IMEMO Publ., 2012. 235 p. (in Russian).
- Kazarinova D. Fenomen «miagkoi sily» [The phenomenon of soft power]. Svo-bodnaja mysl', 2011, no. 3, pp. 187-200. (in Russian).
- 17. Kubyshkin A.I., Tsvetkova N.A. *Publichnaia diplomatiia SShA* [USA Public Diplomacy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015. 272 p. (in Russian).
- 18. Larionova M., Suslova D. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo kak resurs razvitiia vuza [International cooperation as a resource for the development of the university]. *Rektor vuza*, 2012, no. 7, pp. 22-27 (in Russian).
- Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinov'eva E.S., Koposova E.N. Arkhaizatsiia gosudarstva: rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologii. *Polis*, 2016, no. 6, pp. 22-36. DOI: http://dx.doi. org/10.17976/jpps/2016.06.03 (in Russian).
- 20. Lebedeva M.M. « Miagkaia sila»: poniatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 3(54), pp. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (in Russian).
- Lebedeva M.M. Mezhdunarodnopoliticheskie protsessy integratsii obrazovaniia [International political processes of integration of education]. *Integratsiia obrazovaniia*, 2017, vol.21, no. 3, pp. 385-394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394 (in Russian).
- 22. Lebedeva M.M. Politikoobrazuiushchaia funktsiia vysshego obrazovaniia v sovremennom mire [Politics forming function of higher education in the current world]. *Mirovaia ekonomika i*

- *mezhdunarodnye otnosheniia*, 2006, no. 10, pp. 69-75 (in Russian).
- Lebedeva M.M. Publichnaia diplomatiia v uregulirovanii konfliktov [Public diplomacy in the settlement of conflicts]. *International trends*, 2015, vol. 13, no. 4 (43), pp. 45-56. DOI 10.17994/ IT.2015.13.4.43.3 (in Russian).
- Lebedeva M.M. Sotsial'no-gumanitarnoe izmerenie mezhdunarodnykh otnoshenii v ATR [The socio-humanitarian dimension of international relations in the Asia-Pacific region]. *International trends*, 2013, vol. 11, no. 1 (32), pp. 4-15 (in Russian).
- 25. Lebedeva M.M., Barabanov O.N. Global'nye tendentsii razvitiia universitetov i transformatsiia rossiiskoi obrazovatel'noi politiki [Global trends in the development of universities and the transformation of Russian educational policy]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2012, no. 6, pp. 265-279 (in Russian).
- 26. Lebedeva M.M., Rustamova L.R., Sharko M.V. «Miagkaia sila»: temnaia storona (na primere Germanii) [Soft power: the dark side (the example of Germany)]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2016, no. 3, pp. 144-153 (in Russian).
- Lebedeva M.M., For Zh. Vysshee obrazovanie kak potentsial «miagkoi sily»
   Rossii [Higher education as a potential soft power of Russia]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2009, no. 4, pp. 200-205 (in Russian).
- Lebedeva M.M., Kharkevich M.V.
   «Miagkaia sila» Rossii v razvitii integratsionnykh protsessov na Evraziiskom prostranstve [Soft power of Russia in the development of integration processes in the Eurasian space]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2014, no. 2 (35), pp. 10-13 (in Russian).
- Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Aspect Press Publ., 2017. 272 p. (in Russian).

- Leonova O. G. «Miagkaia sila» resurs vneshnei politiki gosudarstva [Soft power is a resource of the state's foreign policy]. *Obozrevatel' – Observer*, 2013, no. 4, pp. 27-40 (in Russian).
- 31. Manoilo A. «Miagkaia sila» terroristov [Soft power of terrorists]. Rossiia i musul'manskii mir *Russia and the Muslim world*, 2017, no. 3 (297), pp. 137-149 (in Russian).
- 32. Manoilo A.V. Informatsionnaia voina kak ugroza rossiiskoi natsii [Information war as a threat to the Russian nation]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2016, no. 6, pp.174-184 (in Russian).
- Manoilo A.V. Ukrainskii krizis i «upravliaemyi khaos»: sled «tsvetnykh revoliutsii» arabskoi vesny [The Ukrainian crisis and "controlled chaos": a trace of the "color revolutions" of the Arab Spring]. Vlast, 2014, no. 4, pp. 24-28 (in Russian).
- 34. Mukhametov R.S. Spetsifika obshchestvennoi diplomatii kak instrumenta vneshnei politiki gosudarstva [Specificity of people diplomacy as an instrument of the state's foreign policy]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 3. Obshchestvennye nauki*, 2014, no. 2 (128), pp. 84-90. (in Russian).
- Panarin I.N. Gladiatory gibridnoi voiny [Gladiators of the hybrid war]. Ekonomicheskie strategii, 2016, vol. 18, no. 2, pp. 60-65 (in Russian).
- 36. Panova E.P. Sila privlekateľ nosti: ispoľ zovanie «miagkoi sily» v mirovoi politike [The power of attraction: the use of soft power in world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 4, pp. 91–97 (in Russian).
- 37. Parshin P.B. Dva ponimaniia «miagkoi sily»: Predposylki, korreliaty i sledstviia [Two understandings of "soft power": Prerequisites, correlates and consequences]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2014, no. 2 (35), pp. 14–21 (in Russian).
- 38. Pestsov S.K., Bobylo A.M. «Miagkaia sila» v mirovoi politike: problema operatsionalizatsii teoreticheskogo kontsepta [Soft power in world politics: the

- problem of the operationalization of the theoretical concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2015, no. 2 (34), pp. 108–114 (in Russian)
- Podberezkin A.I. Natsional'nyi chelovecheskii kapital. In 5 vol. [National human capital. In 5 vol.]. Moscow, MGI-MO-University Publ., 2007-2012. 464 p., 400 p., 468 p., 848 p., 362 p. (in Russian).
- Podberezkin A.I., Zhukov A.V. Publichnaia diplomatiia v silovom protivostoianii tsivilizatsii [Public diplomacy in the power confrontation of civilizations]. Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2015, no. 6 (45), pp. 106-106 (in Russian).
- Soft power: teoriia, resursy, diskurs [Soft power: theory, resources, discourse]. Ed. by O.F. Rusakova. Ekaterinburg, Diskurs-Pi Publ., 2014. 376 p. (in Russian).
- Rusakova O.F. Diskurs soft power v gumanitarnoi diplomatii: instrumental'noizmeritel'nyi analiz [Discourse soft power in humanitarian diplomacy: instrumental analysis]. *Gumanitarnye* nauki, 2015, no. 2 (30), pp. 91-97 (in Russian).
- 43. Rustamova L.R. Osobennosti «miagkoi sily» vo vneshnei politike FRG [Features of soft power in the foreign policy of Germany]. *Vestnik MGIMO-Universite-ta MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 1, pp. 118-128 (in Russian).
- 44. Sergeev V.M. O glubinnykh korniakh sovremennogo finansovogo krizisa [On the deep roots of the current financial crisis]. *Polis*, 2009, no. 3, pp. 47-53 (in Russian).
- Teteriuk A.S. «Miagkaia sila»: faktor kinematografa [Soft power: the factor of cinema]. Mezhdunarodnaia analitika, 2014, no. 2 (8), pp. 170-177 (in Russian).
- Torkunov A.V. Zadachi i vyzovy universitetskoi politiki [Tasks and challenges of university policy]. *Mezhdunarodnye protsessy International trends*, 2011, vol. 9, no. 1 (25), pp. 50-57 (in Russian).
- Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «miagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii [Education as an instrument

- of soft power in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 4, pp. 85-93 (in Russian).
- 48. Torkunov A.V. Pedagogika i podgotovka spetsialistov-mezhdunarodnikov [Pedagogy and training of specialists in international relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 1, pp. 7-8 (in Russian).
- 49. Fominykh A. «Miagkaia moshch'» obmennykh programm [Soft power of exchange programs]. *Mezhdunarodnye processy International trends*, 2008, no. 6 (16), pp. 76-85 (in Russian).
- 50. Kharkevich M.V. Globalizatsiia i vysshee obrazovanie: vozmozhnosti dlia Rossii [Globalization and Higher Education: Opportunities for Russia]. Vestnik MGI-MO-Universiteta MGIMO Review of International Relations, 2012, no. 6, pp. 270-276 (in Russian).
- 51. Kharkevich M.V., Muzalevskii V.A., Oskolkov P.V. Arkhaika i pravyi povorot v sovremennoi Evrope [Archaic and right turn in contemporary Europe]. Sovremennaia Evropa Contemporary Europe, 2018, no 1. (in Russian).
- 52. Tsvetkova N.A. Publichnaia diplomatiia SShA [US Public Diplomacy]. *Mezhdun-arodnye protsessy – International trends*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 121-133. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.42.8 (in Russian).
- 53. Chepurin A. «Tri kita» rossiiskoi diasporal'noi politiki ["Three pillars" of the Russian Diaspora policy]. Rossiia v global'noi politike *Russia in global affairs*, 2009, no. 3, pp. 127-138 (in Rus-

- sian).
- 54. Chugrov S.V. K voprosu o pravakh cheloveka v rossiiskoi vneshnei politike [On the question of human rights in the Russian foreign policy]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2001, no. 6, pp. 3-13 (in Russian).
- 55. Chugrov S.V. Miagkoe pritiazhenie Iaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis*, 2015, no. 6, pp. 53-67. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08 (in Russian).
- 56. Biersteker T.J. Participating in Transnational Policy Networks: Targeted Sanctions. Narrowing the Gap: Scholars, Policymakers and International Affairs: Finding Common Cause. Ed. by M.E. Bertucci, A.F. Lowenthal. Baltimore and London, Johns Hopkins University Press Publ., 2014. Pp. 137-154.
- 57. Nye J. Soft Power and Higher Education. Forum for the Future of Higher Education (Archives), 2006. Pp. 11-14. Available at: https://library.educause.edu/~/media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.
- Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower
  Can't Go It Alone. Oxford University
  Press, 2002. 240 p.
- Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books Publ., 1990. 336 p.
- Pagovski Z.Z. Public Diplomacy of Multilateral Organizations: The Cases of NATO, EU, and ASEAN. Los Angeles, Figueroa Press, 2015. 51 p.
- Routledge Handbook of Public Diplomacy. Ed. by N. Snow, Ph. M. Taylor. New Year, Routledge Publ., 2009. 404 p.

About the author:

Marina M. Lebedeva – Ph.D. (Psychology), Dr. of Science (Political Sci.), Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO-University. Russia, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

The article is written with the financial support of the Russian Scientific Foundation for the Humanities, grant No. 16-23-41004.

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

Вестник МГИМО-Университета. 2018. 1(58). C. 26-41 DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-26-41

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

КРЫМ И ПОЛИТИКА ЛЕГИТИМНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.А. Власов, А.В. Брега

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России Финансовый университет при Правительстве России

Несмотря на то, что со времени присоединения Крымского полуострова к России прошло четыре года, в научном сообществе продолжается активная полемика. Очевидно, она так или иначе задаёт определённый политический дискурс не только настоящего, но и будущего. Поэтому нельзя игнорировать наличие серьёзных аргументов со стороны критиков законности действий Российской Федерации. Однако, с другой стороны, имеется достаточно легальных и легитимных оснований, чтобы признать воссоединение Крыма и России вполне обоснованным. Немаловажное значение в этом вопросе занимает анализ взаимосвязи правовых и политических аспектов легитимности.

В постсоветский период украинская власть, взяв курс на стремительную украинизацию и построение (при слабом учёте собственных реалий) государства европейского типа, оказалась не способной изменить пророссийскую идентичностью крымчан. Напротив, её политика только усиливала недовольство людей украинской действительностью. В итоге пророссийская ориентированность большинства жителей Крыма стала российской и легитимностью, и легальностью. Кроме того, важным обстоятельством действий российского руководства в тот период явились вопросы национальной безопасности. Россия была вынуждена закрепить свою высокую традиционную легитимность на полуострове юридически, когда почувствовала угрозу ей со стороны расширяющегося НАТО из-за госпереворота и смещения законной власти.

Введя блокаду полуострова, киевские власти окончательно подорвали украинскую легитимность среди населения Крыма. Блокада сначала со стороны негосударственных акторов, а затем и со стороны государственных структур Украины в водоснабжении, доступе к электричеству, ограничении свободы передвижения и в других областях привели к нарушению прав человека в Крыму. Сегодня украинское государство всячески уклоняется от соблюдения международно-правовых норм по отношению к крымчанам, мотивируя это тем, что Российская Федерация «оккупировала» Крым. Однако, если критика России со стороны Украины будет

УДК 397 Поступила в редакцию 25.01.2018 г. Принята к публикации 10.02.2018 г. А.А. Власов, А.В. Брега ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

продолжаться в рационально-легальном ключе, то Россия также должна настаивать в рамках этой же рационально-легальной логики на материальном возмещении последствий украинской блокады полуострова.

Ключевые слова: легитимность, власть, международное право, Крым; политика, право, блокада.

Легитимные основания воссоединения: точки зрения

роблема присоединения Крыма не может быть рассмотрена исключительно с юридической или политической точек зрения. Здесь сплелись воедино множество аспектов и противоречий, которые обусловили уникальность ситуации. Понятно, что Украина не признает уход Крыма из-под своей юрисдикции, объявив его территорию оккупированной Российской Федерацией. О непризнании крымского референдума было заявлено и в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН¹.

В связи с этим постоянно возникает вопрос о легитимности воссоединения Крыма с Россией. Данный вопрос можно рассмотреть с двух позиций – формально-нормативной и дескриптивной.

Формально-нормативная легитимность – признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия процедур их вхождения во власть букве законов и других нормативных актов, официально действующих в данный период в данном обществе[1, с. 92].

С точки зрения данного подхода сложились две основные точки зрения. Первая: Крым во всех смыслах является территорией России, и совершенно нет необходимости в нормативных актах для легитимации, подтверждающих данный факт. Основаниями для такого утверждения является следующие аргументы.

Во-первых, формально-юридически Россия не нарушала территориальную целостность Украины. Россия присоединяла не украинскую территорию, а Республику Крым, которая вышла из состава Украины 11 марта 2014 г., приняв декларацию о независимости. Подавляющее число жителей полуострова поддержало воссоединение Крыма и Российской Федерации на референдуме 16 марта 2014 г. Россия признала Республику Крым независимым государством 17 марта и на другой день дала согласие на вхождение в свой состав. В результате два независимых государства объединились. Несомненно, Россию и Крым

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES 68/262 от 27 марта 2014 г. о «территориальной целостности» Украины. Official Documents System of the United Nations. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/273/46/PDF/N1427346.pdf?OpenElement (дата обращения: 13.12.2017).

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

можно обвинить в «договорной игре», однако с правовой точки зрения необходимые формальности были соблюдены.

Во-вторых, данные действия были вызваны грубейшими нарушениями конституционного права оппозицией. Действительно, Крым отделился от Украины вопреки украинскому законодательству. Однако это явилось следствием государственного переворота и насильственной смены власти в Киеве. Чрезвычайные обстоятельства, угрожающие началом гражданской войны, вынудили к такому шагу.

В-третьих, использование вооруженных сил России в процессе присоединения Крыма. Следует это признать, но данное нарушение не является агрессией. Присутствие в Крыму российских вооружённых сил было в соответствии с международным правом. Важно другое, подтверждено, что российские вооружённые силы не организовывали референдум и не влияли на его результаты, а значит, они не повлияли на волеизъявление крымчан.

Четвёртое касается обвинений в нарушении международных обязательств. Российская Федерация в Будапештском меморандуме подтвердила «обязательство воздерживаться от угрозы силой или её применения против территориальной целостности или политической независимости Украины»². Необходимо отметить, что, во-первых, данный меморандум не был ратифицирован Россией и с правовой точки зрения носит лишь декларативный характер; во-вторых, относительно разговоров о каких-то «международных обязательствах», Россия никогда не брала на себя обязательство препятствовать выходу части территории Украины по воле местного населения. Другой документ – Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., который закрепил в международно-правовой области политические и территориальные итоги Второй мировой войны. Здесь основная аргументация сводится к следующему: как известно, на год окончания Второй мировой войны, полуостров Крым находился в составе РСФСР, а не Украины.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что с точки зрения формально-нормативной легитимности произошла сецессия, выразившаяся: во-первых, в провозглашении государственной независимости законным представительным органом – Верховным Советом АР Крым, во-вторых, подтверждённое на референдуме, вступление независимого крымского государства в Российскую Федерацию в соответствии с волеизъявлением народа Крыма.

Важно отметить, что признание формально-правовой легитимности вхождения Крыма в состав России имеет некоторую поддержку в среде зарубежных специалистов права. Так, глава Ассоциации акредитованных адвокатов по вза-имодействию с органами государственной власти при Европейском союзе Кри-

² Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия // Архив интроверта, 18.01.2017. URL: http://introvertum.com/budapeshtskiy-memorandum-1994-goda-polnyiy-tekst-na-russkom-yazyike/ (дата обращения: 23.01.2018).

А.А. Власов, А.В. Брега ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

стиан Д. де Фолуа от имени Ассоциации признал референдум в Крыму законным. По его мнению, голосование состоялось в соответствии с Конституцией Украины и нормами международного права³. При этом Ассоциация адвокатов ЕС признала, что Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о «территориальной целостности» Украины была принята без должного юридического анализа ситуации. В настоящее время всё больше государств прямо или косвенно с пониманием относятся к позиции России по вопросу присоединения Крыма⁴.

Другая позиция состоит в том, что присоединение Крыма к России произошло с существенными нарушениями международного права, а значит данное решение не легитимно. Однако, признавая стремление жителей Крыма к воссоединению с Россией, предлагается повторить референдум, но прежде договориться с мировым сообществом о легитимации его результатов.

Западные исследователи в своём большинстве считают действия России незаконной аннексией [2, с. 15]. В частности, Р. Мюллерсон, ссылаясь на Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. и Хельсинский акт 1975 г., квалифицируют поведение России в Крыму как агрессию. В то же время он отмечает, что «Россия имела хороших учителей в Косовском случае и пытается следовать за Косовской формулой – незаконный, но законный в крымском случае» [9, с.143].

Такое мнение можно встретить и среди отечественных учёных и политиков. Они считают произошедшее грубым нарушением Будапештского меморандума, Хельсинкского заключительного акта, процедуры проведения референдума в марте 2014 г. Кроме того, полагают, что Россия и руководство Крыма избрали непропорциональные способы реагирования на события, связанные с государственным переворотом. Другими словами, в российском политическом дискурсе присутствует точка зрения, считающая, что сегодня нужно активно искать компромисс и идти на уступки Западному сообществу. Поскольку оно формирует новые, невыгодные «правила игры» с Россией из-за ситуации Крымом и Донбассом. Последовательно воплощённые эти правила грозят обречь страну на дальнейшее отставание от развитых экономик, перманентное ухудшение качества жизни и тем самым вызвать рост социально-политической напряжённости. Такой сценарий видится вполне возможным. По мнению Г. Явлинского страна из-за санкций уже потеряла свыше 9 трлн. руб., поэтому необходимо провести международную конференцию по статусу Крыма, которая бы инициировала повторный референдум о самоопределении Крыма. Только в этом случае можно вернуть международный авторитет и выйти из изоляции⁵.

³ Такого Украина не ожидала: юристы ЕС подтвердили, что Крым принадлежит РФ // Newinform.com, 05.10.2017. URL: https://newinform.com/84357-takogo-ukraina-ne-ozhidala-yuristy-es-podtverdili-chto-krym-prinadlezhit-rf?utm_referrer=https Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.01.2018).

⁴ Гайдай В. Резолюция ООН по Крыму: действительно ли весь мир с нами? // ИноСМИ.ru, 23.12.2017. URL: https://inosmi.ru/politic/20171223/241077335.html (дата обращения: 23.12.2017).

⁵ Григорий Явлинский запустил сайт «А Крым наш?» // Партия Яблоко, 24.11.2017. URL: http://www.yabloko.ru/news/2017/11/24 (дата обращения: 21.01.2018).

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

Понятно, что такой подход может и имеет под собой определённые рациональные основания в интересах достижения консенсуса и «закрытия» проблемы Крыма для международного сообщества. Вместе с тем, очевидно, что его реализация на практике приведёт, напротив, к существенной дестабилизации политической ситуации. Скажем, в соответствии с каким законодательством проводить референдум? Как решить комплекс вопросов, связанный с агитацией за и против? Как быть с теми людьми, которые уехали или стали проживать в Крыму после 2014 г. и т.д.

Споры о формально-нормативной легальности присоединения Крыма к России будут продолжаться ещё долго, где каждая из сторон представит свои весомые аргументы. Вместе с тем события и последствия «крымской весны» нельзя рассматривать исключительно в юридической плоскости. Не менее весомым здесь является социокультурный и политический аспекты.

Политика и право являются мегарегуляторами общественных отношений. Они оказывают противоречивое влияние друг на друга. Право устанавливает формальные рамки общественного порядка, необходимые для поддержания установленного строя. Главным принципом права выступает принцип «закон – отклонение от закона». Политика же в основном ориентирована на обеспечение групповых приоритетов. Власть всегда опирается на определённую «свою» социальную базу, которая оказывает ей политическую поддержку. Такая поддержка, являясь реальным показателем соотношения политических сил (де-факто), заставляет правящую элиту нередко считаться с ней больше, чем с нормами законов. Ситуация с Крымом – это наглядный пример такого противоречивого взаимодействия политики и права.

Формально-нормативный подход позволяет раскрыть только определённую, правовую сторону легитимации власти. Другая же сторона легитимности раскрывается с помощью дескриптивного подхода, который исходит из фактического состояния общественного сознания и эффективности власти. Иначе, если граждане считают, что желаемый ими политический порядок оправдан и справедлив, то власть легитимна. В этом случае требуется учитывать реальные политические процессы, которые в концентрированном виде отражают экономические, социальные, духовные интересы в определённый исторический период. Иначе, легитимность власти следует рассматривать не только с рационально-легальных позиций, но и с традиционных, харизматических, идеологических, этнонациональных и других сторон. Безусловно, духовность, политическая ментальность, самоидентификация крымчан традиционно всегда являлись пророссийскими. Это неоспоримое обстоятельство, которое не отрицается даже украинскими ультранационалистами.

Крымские события дают нам классический пример системного и стремительного снижения легитимности даже не украинской власти, а всей украинской государственности. Если смотреть в более широком контексте, то Киев оказался неспособным разрешить одно из базовых противоречий постсо-

ветской Украины между традиционной пророссийской легитимностью Крыма и украинской легальностью, которая к тому же демонстрировала перманентно низкую степень эффективности власти. Напротив, действительность только усиливала этот разрыв и сепаратистский потенциал. В итоге традиционная пророссийская легитимность стала российской и легитимностью, и легальностью.

То, что референдум адекватно выразил волю крымчан вернуться в Россию – это объективная реальность. Данное решение, как бы это не осложняло отношения с Украиной и другими странами, необходимо определить, как справедливое и легитимное самоопределение. Исторически принцип самоопределения народа явился констатацией непреложного факта – если у значительной части народа такое стремление устойчиво, то никакие правовые ограничения и ухищрения его не остановят. Право в конечном итоге выступает «фиксатором», элементом институционального закрепления реализованного общеполитического (общественного) интереса. Прошлое предлагает нам множество примеров, подтверждающих данную закономерность. Скажем, в советской Прибалтике, несмотря на юридическую чистоту её вхождения в СССР, были сильны настроения обретения независимости или та же Западная Украина выступила адептом выхода УССР из состава Советского Союза в 1991 г. ГДР прекратила существование, прежде всего, потому что подавляющая часть населения страны захотела объединения с ФРГ. Впрочем, и США стало независимым государством вследствие борьбы за независимость, а знаменитая Декларация только закрепила данный факт юридически. Социально-политические и экономические кризисы, как правило, обостряют уже имеющиеся противоречия и ускоряют центробежные тенденции.

В ситуации, когда нависла реальная угроза безопасности крымского населения и дальнейшего отдаления от России, оно решило самостоятельно свою судьбу путём референдума, отвергая тем самым власть, которая не только игнорировала их интересы на протяжении более чем двух десятилетий, но и обозначила движение страны вопреки базовым ценностям людей данной части Украины. В этом отношении показательна ситуация со статусом русского языка. Можно сколько угодно говорить о том, что закон «О государственной языковой политике», принятый Верховной Радой в феврале 2014 г., предусматривающий отмену официального статуса русского языка и других негосударственных языков на территории Украины не был введён в действие. Важно другое, данный законопроект явно обозначил тенденции не просто ущемления прав, а формирования стратегии «переформатирования» идентичности, заметим, уже коренного русскоязычного населения. Кстати, это было подтверждено дальнейшим развитием событий, причём не только в отношении к русскому населению, но и к румынскому и венгерскому. Реакция Румынии и Венгрии на проект закона «О государственном языке» и закон «Об образовании», принятый в сентябре 2017 г., общеизвестна.

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

Политическая элита Украины после распада СССР за два с лишним десятилетия ментально разъединила страну, ввергла её в перманентный экономический и политический кризис. Украина – одна из немногих стран бывшего Советского Союза, где уровень жизни населения до сих пор остается ниже показателей 1990 г. Фактор долговременной нестабильности вкупе с низкой легитимностью власти привели к делегитимации украинской государственности, особенно на Юго-Востоке страны.

Развитие ситуации вокруг Крыма за после четыре года показало, что наиболее подходящим вариантом достижения согласия по его статусу является постепенная легализация состояния де-факто. Важнейшим аргументом является тот факт, что несмотря на достаточно сложное социально-экономическое положение в Крыму опросы общественного мнения, осуществлённые независимыми организациями в 2015-2017 гг. (в частности, международная компания GfK Group по заказу Berta Communications при поддержке Canada Fund for Local Initiatives для проекта Free Crimea; Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS), показывают устойчивость пророссийского выбора крымчан [11].

Неслучайно в Европе от лиц, представляющих политический и экономический истеблишмент, всё чаще звучат призывы к учёту также внеправовых факторов присоединения Крыма к России. А это следует рассматривать как призыв к признанию иных легитимных оснований отделения Крыма от Украины. Оснований, чтобы Крым признать российским по историко-правовым, политическим, социокультурным, лингвистическим и другим причинам, достаточно много. Об этих причинах заявлено и написано немало, поэтому не будем на них останавливаться.

Геополитические и военно-политические аспекты легитимности отторжения Крыма от Украины

В российском дискурсе Украина всегда была частью более широкой славянской и православной семьи [6, с. 14]. Поэтому проблемы, связанные с Украиной, воспринимаются Россией как естественная часть её региональной политики. По большому счёту отношения идентичности Украины и России стали критически меняться только через два десятка лет после развала СССР. Россияне в последнее десятилетие всё больше и больше стали понимать себя как самодостаточная страна, цивилизационные основы, которой несколько отличны от Европы и Запада [3, с. 247-248]. Достаточно сильны ностальгические настроения по былой истории, что делает Украину важной для русского самосознания, особенно если учитывать общий менталитет, культуру и интегрированную экономическую инфраструктуру. Соответственно интеграция Украины в другое социальное и экономическое пространство, а тем более даже отдалённая возможность военно-политической интеграции с НАТО в России воспринимается как

неестественное, невероятное, и, действительно, опасное действие. Свержение в феврале 2014 В. Януковича серьёзно угрожало российским геополитическим интересам в Крыму, а опасность появления базы НАТО в Чёрном море могла стать реальностью [4]. В российском мировоззренческом коде государственный переворот и свержение Януковича выглядело экзистенциальной угрозой. Ведь Украина давно стала неотделимой геополитической частью самой России, несмотря на государственные границы⁶.

Приблизительно за год до крымских событий российские власти начали разрабатывать множество «кнутов и пряников» Януковича с ЕС по договору о сотрудничестве. Так, Украине были перечислены экономические выгоды, если она присоединиться к Таможенному союзу с Россией, Беларусью и Казахстаном. Причём было обещано лучшее соглашение чем с ЕС, если Украина войдёт в торгово-экономическое объединение России, Беларуси и Казахстана. Вместе с тем эти преимущества шли в купе с предупреждением: если Украина останется вне объединения с указанными странами, то украинские трудовые мигранты больше не будут в состоянии свободно перемещаться в Россию, а украинский экспорт будет подвержен более высоким тарифам и другим ограничениям⁷. Эти, и другие обстоятельства поставили украинское руководство перед политическим выбором.

Немаловажными для России оказались военно-политические риски сближения Украины с Западом. Россия очень болезненно относится расширению НАТО на Восток, а членство Украины в западном военном блоке рассматривается как недопустимое российской элитой [7, с. 84]. Прежде всего, опасения были в отношении Крыма и портового города Севастополя: «Военно-морской флот НАТО был бы тут же в этом городе военной славы России, и это создаст не иллюзорное, а совершенно реальную угрозу всей южной России» В Западные аналитики считают, что Россия уже продемонстрировала в 2008 г. свои намерения, когда остановила продвижение Грузии к членству в НАТО [4, с. 90; 13, с. 96]. Возможно, такие же мотивы присутствовали и в отношении Украины, потому что маловероятно, что государство, «которое вовлечено в военные конфликты, может присоединиться к НАТО» [6, с. 109]. Более того, предполагается, что Россия приняла стратегию «неинтеграции» в Запад путём дестабилизации «территорий, которыми можно прямо или косвенно управлять» [8].

Говоря об учёте опасений России западными партнёрами, как правило, делается акцент на то, что такие ведущие страны НАТО, как Германия и Франция, блокировали вопрос о рассмотрении в качестве кандидатов Украину и Грузию. Конечно, было достаточно многочисленных заявлений о том, что всту-

⁶ См. подробнее: Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

⁷ Пресс-конференция Владимира Путина // Российская газета, 19.12.2013. URL: https://rg.ru/2013/12/19/putin-site. html (дата обращения: 24.12.2017).

⁸ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России, 18.03.2014. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20603 (дата обращения: 14.01.2018).

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

пление Украины в НАТО рассматривается как маловероятное если вообще вероятное [5, с. 276]. Вместе с тем, несмотря на это, не стоит забывать, что в период с 2002 до 2008 г. Украина пыталась четыре раза быть включённой в план действий относительно членства НАТО. Никакое определённое расписание для вступления Украины не было установлено, а значит, всё возможно. Нет никаких гарантий, что вопрос союзнического сотрудничества с НАТО был окончательно закрыт в долгосрочной перспективе, удовлетворив бы опасения Москвы. Думается, что только жёсткая позиция российского руководства в отношении вступления Украины в НАТО в немалой степени «сняла» актуальность процесса расширения на Восток.

Действительно, нет сомнения, что расширение НАТО на Восток является одним из ключевых и постоянных раздражителей в отношениях НАТО-Россия [2, с. 56]. Вместе с тем нет основания считать, что Россия заранее подготавливала такой ход событий, который произошёл в Крыму в 2014 г. Хаотическая манера действий России указывает больше на непосредственную реакцию на свержение Януковича, чем на давно запланированную стратегию предотвращения расширения НАТО на Украину [10, с. 49].

Таким образом, относительно украинского кризиса, расширение НАТО на Восток нельзя назвать стержневым корнем проблемы. Тем не менее, Россия ясно видела (и видит), что её безопасности угрожают. Так или иначе расширение НАТО и ЕС в определённой степени объясняет российское поведение. Россия пыталась предотвратить дальнейшую экономическую и политическую интеграцию отношений между Украиной и ЕС исходя из интересов собственной безопасности и негативного международного опыта, который получила в начале 90-х гг.

Блокада Крыма: стремительный эффект делегитимации украинской власти

В ответ на действия России и жителей Крыма Украина ввела блокаду и санкции, которые, на наш взгляд, грубо нарушили базовые права человека. Этот факт был зафиксирован в марте 2016 г. в 13-м докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ) о положении в области прав и свобод на Украине, которое потребовало от Украины расследовать заявления о нарушениях прав человека, совершённых во время так называемой блокады Крыма, а украинскому руководству рекомендовано расследовать заявления о нарушениях прав человека во время «гражданской блокады» и «арестовать тех, кто их совершил»⁹.

⁹ ООН требует от Киева расследовать нарушение прав человека в Крыму // Известия, 03.03.2016. URL: https://iz.ru/news/605559; Report on the human rights situation in Ukraine 16.11.2015-15.02.2016 // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine_13th_HRMMU_Report_3March2016.pdf (дата обращения: 21.12.2017).

На примере одного лишь сельскохозяйственного предприятия «Крымский рыбокомбинат» из Красноперекопского района Республики Крым (потерпевшего, в данном случае) можно продемонстрировать по сути незаконные действия Украины и дать им политико-правовую оценку. Так, данное юридическое лицо предъявило к Агентству водных ресурсов Украины иск о взыскании 53 млн руб. материального ущерба в Хозяйственный суд г. Киева (Украина) из-за причинённого ущерба, нанесённого после прекращения подачи воды с материковой Украины на Крымский полуостров. То есть, в данном случае идёт речь об имущественной ответственности виновных в этом лиц.

Это предприятие в Красноперекопске занималось разведением живой рыбы в нескольких десятках прудов и из-за водной блокады понесло убытки в размере 53 млн руб. Вода в результате этого высохла и рыба погибла. Поэтому был подан гражданско-правовой иск в Киевский хозяйственный суд от имени украинского юридического лица, которое до настоящего времени не исключено из реестров. Перспектива дела достаточно проблематична, поскольку Украина скорее всего попытается перевести хозяйственный спор в политическую плоскость и, таким образом, «похоронить» его, но в любом случае возник международный политико-правовой и частно-правовой казус, который может в дальнейшем стать предметом рассмотрения в том числе, в международных организациях и судах, в котором попробуем разобраться.

Кстати, помимо российских официальных лиц и омбудсменов, тему нарушения прав человека в Крыму в конце 2016 г. затронули во время своей пресс-конференции в Киеве и украинские правозащитники. В частности, председатель Центра информации о правах человека Т. Печончик заявила, что «за последние два года украинская власть также приняла ряд нормативно-правовых актов, которые негативно влияют на ситуацию с правами жителей Крыма, создают барьеры и сужают пространство для реализации прав и свобод на Крымском полуострове, в частности – свободы передвижения и права собственности»¹⁰.

Вполне очевидно, что применение санкций не должно нарушать права человека. Особенно, если они лишают население доступа к электричеству, к воде, ограничивают свободу передвижения. Всё это противоречит Уставу ООН, Всемирной декларации о правах человека¹¹, Декларации ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, многочисленным резолюциям об укреплении международного сотрудничества в области обеспечения прав человека.

¹⁰ Правозащитники призывают отменить законодательство, ограничивающее права крымчан // Меридиан. Севастополь, 28.12.2016. URL: http://meridian.in.ua/news/27342.html (дата обращения: 27.12.2017).

¹¹ Всемирная Декларация о правах человека // Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 27.12.2017).

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

Приведём конкретные факты.

Блокада водоснабжения. После ряда периодических отключений киевскими властями весной 2014 г. подачи воды в Крым через Северо-Крымский канал в июне 2014 г. доступ водных ресурсов на полуостров был перекрыт шлюзом, построенным до Перекопского перешейка. В результате блокады за три года Крым потерял 74% источников пресной воды¹². Из-за нехватки водных ресурсов Республика Крым потеряла до 120 тыс. га культур. В настоящее время продолжающиеся действия украинских властей являются прямым нарушением права на питьевую воду и санитарные услуги, а также права на питание, предусмотренных Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах¹³. Начавшееся «резкое засоление центрального и восточного Крыма стало уже настоящим, а не делом будущего, и этот процесс уже необратим. Вопрос переселения людей из надвигающихся солончаковых пустынь Северного Крыма надо решать уже сейчас, оставляя там вахтовые команды»¹⁴.

Блокада энергоснабжения. До 2015 г. около 80% потребляемой электроэнергии Крым получал из объединённой энергосистемы Украины. Весной 2014 г. киевские власти впервые заявили о возможности прекращения поставок энергоресурсов на территорию Республики Крым, к чему призывали противники её отделения от Украины. 20 и 22 ноября 2015 г. неизвестные лица взорвали в Геническом и Чаплынском районах Херсонской области две опоры высоковольтной линии, питающей электроэнергией Крымский полуостров.

В результате по состоянию на 24 ноября 2015 г. в Республике Крым было отключено 575 населенных пунктов, 85412 домов, в которых проживает 760467 человек, то есть практически половина населения полуострова. При этом в лечебных учреждениях на стационарном лечении на тот момент находилось 6491 человек, в том числе 1205 детей, к аппаратам искусственной вентиляции легких подключено 43 чел.

Из-за отсутствия света пострадало 2047 социально-значимых объектов (в том числе 1700 в Республике Крым, 347 – в г. Севастополь). Была приостановлена работа объектов санаторно-курортного комплекса, детских садов, принято решение о проведении каникул в общеобразовательных учреждениях, что позволило перераспределить электроэнергию.

Из-за энергоблокады Крыма под угрозой оказались ценнейшие собрания музеев полуострова, в которых хранились сотни тысяч уникальных археоло-

¹² Аксенов признал катастрофу с водой на севере Крыма // Примечания, 18.01.2018. URL: https://primechaniya. ru/home/news/yanvar_2018/aksenov_priznal_katastrofu_s_vodoj_na_severe_kryma/?_utl_t=fb (дата обращения: 21.01.2018).

¹³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon (дата обращения: 09.01.2018).

¹⁴ Прохватилов В. Крым: за три года потеряно три четверти источников пресной воды // Суть Событий, 04.02.2018. URL: https://argumentiru.com/society/2018/02/481992 (дата обращения: 04.02.2018).

гических артефактов, в том числе из драгоценных металлов. Руководители 17 крымских музеев «обвинили Украину в нарушении международных договоренностей в области сохранения культурного наследия, а также этического кодекса Международного совета музеев»¹⁵.

Блокада транспортной системы. Железнодорожная сеть Крыма ранее была связана с украинскими железными дорогами. По этой причине первое же жёсткое решение киевских властей остановить железнодорожное сообщение с Крымом в декабре 2014 г. фактически привело к наземной транспортной блокаде полуострова. Пассажиропоток сократился до минимума, как и перевозка товаров и грузов из Украины. Из-за отсутствия приграничных таможенных терминалов на границе Крыма и Украины железнодорожное сообщение практически полностью блокировано. В результате блокады после принятия этого постановления в нарушение Закона «Об обеспечении прав и свобод внутренне перемещённых лиц» крымчане были практически лишены права перевоза своего имущества и возможности пользоваться им на территории Украины.

Блокада в сфере интернет-технологий и банковской сфере. В декабре 2015 г. боевики из незаконных украинских националистических формирований перебили два оптоволоконных кабеля, ведущих на полуостров. К этому времени трафик был перенаправлен по альтернативному пути, через кабель, проложенный через Керченский пролив, а оборудование операторов маршрутизировало его с украинских направлений на российские.

Блокада в сфере свободы передвижения. Официальные требования Украины ко въезду на территорию Крыма были сформулированы в законе «Об обеспечении прав и свобод гражданам и правовой режим на временно оккупированной территории Украины» (принят в апреле 2014 г.) и формализованы постановлением кабинета министров «О порядке въезда на временно оккупированную территорию Украины и выезда из неё» (издано 4 июня 2015 г.).

Согласно этим документам, иностранцы, собирающиеся в Республику Крым, обязаны получать у Государственной миграционной службы Украины официальное разрешение и могут въезжать только через специально оговорённые пункты пропуска на основной территории Украины. Въезд в Крым через Россию сейчас является на Украине уголовным преступлением, и если он осуществляется «с целью причинения вреда интересам государства», то наказывается лишением свободы на срок до восьми лет (статья 332-1 Уголовного кодекса Украины).

Блокада культурных и родственных связей диаспоральных сообществ Крыма. Жители Республики Крым лишены возможности получить визы для поездок в Западные страны, в том числе и являющиеся исторической родиной для представителей национальных общин полуострова.

¹⁵ Музейщики Крыма обвинили Украину в нарушении этического кодекса Международного совета музеев: из-за блэкаута под угрозой сотни полотен // Правозащитный центр «РОД». URL: http://www.rod-pravo.org/muzejshhiki-kryma-obvinili-ukrainu-v-narushenii-eticheskogo-kodeksa-mezhdunarodnogo-soveta-muzeev-iz-za-blekauta-pod-ugrozoj-sotni-poloten/ (дата обращения: 24.12.2017).

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

Эта проблема также нашла отражение в целом ряде обращений представителей различных народов и национальностей Крыма, в том числе и крымских татар, в ООН и другие международные организации. В них осуждено и названо неприемлемым применение политических и иных санкций, ограничивающих культурные и гуманитарные связи с национальными организациями Крыма, представители которых считают их исторической родиной, что противоречит Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятой без голосования резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 г.

Приведённые факты свидетельствуют о грубейшем нарушении прав населения Крымского полуострова органами исполнительной власти Украины, выражающиеся в лишении доступа к получению электроэнергии, водоснабжению, права на передвижение, реальную угрозу жизни и здоровью больных, находящихся на тот момент в учреждениях здравоохранения, а также о безнаказанности действий радикальных группировок на Украине в отношении Крыма. Данные действия имеют признаки нарушения прав человека с целью создания невыносимых жизненных условий населению Крымского полуострова.

Отметим, что введение санкций украинской стороной – это не только нарушение прав гражданского населения, но и показатель реального отношения киевских властей к народу полуострова. Вышеперечисленные акции только закрепили в сознании крымчан нелегитимность украинской государственности. Причём многие деструктивные действия изначально предпринимали не государственные структуры, а добровольческие организации, тем самым они фактически ограничивали суверенитет власти. Другими словами, украинское государство наглядно продемонстрировало свою слабость, неспособность быть гарантом законности и порядка. Как тогда можно рассчитывать властям на поддержку при полном отсутствии её у населения? Особенно если эти власти пытаются нанести ущерб недружественному государству посредством лишения «своих» граждан базовых жизненных благ. Эффект от таких действий скорее обратный. Сегодня опросы общественного мнения в Крыму наглядно показывают, что эйфория от присоединения к России прошла. У населения имеется масса критических отзывов о деятельности уже российских властей на полуострове. Однако, уверенность в правильности выбора относительно отделения от Украины остаётся такой же высокой, как и в 2014 г. Протестные настроения обращены на конкретные ситуации, но на требование вернуться в украинское правовое поле.

Таким образом, де-факто Крым принадлежит России, при этом имеется достаточно правовых аргументов признать такое положение де-юре и мировому сообществу. Россия ухудшила свое положение в мировом сообществе из-за реакции на украинский кризис. Санкционный режим будет действовать ещё долго, а снижение его негативных эффектов требует большего количества ресурсов и неординарных решений. Однако, положительные последствия от присоеди-

нения Крыма в политическом, социокультурном, оборонном и гуманитарном аспектах очевидны, а значит, легитимность российской государственности стабильна.

Россия закрепила свою высокую традиционную легитимность на полуострове юридически, когда почувствовала угрозу ей со стороны расширяющегося НАТО из-за госпереворота и смещения президента Януковича. При этом действия на основе соображений традиционной, а не рационально-легальной легальности соответствуют общей трансформации легальности в международных отношениях от рационально-легальной к другим формам. Украина на полуострове традиционной легитимностью не обладала, у неё была там только рационально-легальная легитимность. Вместе с тем, введя блокаду, она лишилась и её. Если критика России со стороны Украины будет продолжаться в рационально-легальном ключе, то Россия может и будет настаивать в рамках этой же рационально-легальной логики на материальном возмещении последствий украинской блокады полуострова. России необходимо привнести в свои действия системную последовательность и, главное, чётко выстроить ценностную ориентированность процесса легитимации присоединения Крыма в международном сообществе.

Список литературы

- Розов Н.С. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти // Полис. 2014. № 5. С. 92.
- Beyme K. Die Russland-Kontroverse. Eine Analyse des ideologischen Konflikt szwischen Russland-Verstehern und Russland-Kritikern. Wiesbaden: Springer VS., 2016. 136 p.
- Hopf T. «Crimea is ours»: A discursive history // International Relations. 2016. No. 30 (2). Pp. 247-248.
- Kriendler J. NATO-Russia relations. Reset is not a four-letter word // Understanding NATO in the 21st century. Alliance strategies, security and global governance. Ed. by Herd G. P., Kriendler J. New York: Routledge, 2014. Pp. 85-101.
- Klotz M. Russia and the Ukrainian Crisis: A Multiperspective Analysis of Russian Behaviour, by Taking into Account NATO's and the EU's Enlargement // Croatian International Relations Review. 2017. No. 23 (80). Pp. 259-287.
- Laruelle M. «The Russian World» Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Center on Global Interests. 2015. Pp. 1-19.
- Mearsheimer J. J. Why the Ukraine crisis is the West's fault. The liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. 2014. No. 93(5). Pp. 77-89.

- 8. Meister S. Fünf Illusionen über das System Putin. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 6 // DGAP German Council on Foreign Relations. URL: https://dgap.org/de/article/getFullPDF/26967 (дата обращения: 02.02.2018).
- Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 133-145.
- Treisman D. Why Putin took Crimea. The gambler in the Kremlin // Foreign Affairs. 2016. No. 95(3). Pp. 47-57.
- What Is the Public Mood Like in Crimea? Carnegie Europe, 06.11.2017. URL: http:// carnegieeurope.eu/strategiceurope/74635 (дата обращения: 29.12.2017).
- 12. Исследование западных социологов подтвердило результаты референдума в Крыму // Ридус. Агентство гражданской журналистики, 13.02.2015. URL: https://www.ridus.ru/news/178523 (дата обращения 29.12.2017).
- Zellner W. Entfeindungdurch Dialog. Vomheißen Krieg in der Ukraine zum Frieden in Europa // Blätter für deutsche und international Politik. 2015. Nr. 8. Pp. 89-98.

Research Article A.A. Vlasov, A.V. Brega

Об авторах:

Анатолий Александрович Власов – д.ю.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Александр Васильевич Брега – д.полит.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49. E-mail: avbrega@mail.ru.

CRIMEA AND THE POLITICS OF LEGITIMACY IN INTERNATIONAL RELATIONS

A.A. Vlasov, A.V. Brega DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-26-41

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Financial University under the Government of the Russian Federation

Despite the fact that four years have passed since the accession of Crimean peninsula, an active polemic continues in the academic community. Obviously, it somehow sets a certain political discourse not only of the present, but also of the future. Therefore, one cannot ignore the existence of serious arguments from those who criticize legitimacy of the Russia's actions. However, on the other hand, there are enough legal and legitimate reasons to recognize the reunification of Crimea and Russia as fully justified. The analysis of the relationship between the legal and political aspects of legitimacy is crucial in this matter.

In the post-Soviet period, the Ukrainian government, setting a course for rapid Ukrainianization and building (almost not taking in consideration its own realias) a state of the European type, proved unable to change the pro-Russian identity of the Crimeans. On the contrary, its policies only increased people's discontent with Ukrainian reality. As a result, the pro-Russian orientation of the majority of Crimean residents has become both Russian legitimacy and legality. In addition, the issues of national security were an important circumstance of the Russian leadership actions during this period. Russia was forced to consolidate its high traditional legitimacy on the peninsula legally, when it sensed a threat to it from the expanding NATO because of the coup d'état and the ouster of the legitimate authority.

Introducing the blockade of the peninsula, the Kiev authorities finally undermined the Ukrainian legitimacy among the population of the Crimea. The blockade, first by non-state actors, and then by state structures of Ukraine in water supply, access to electricity, restriction of freedom of movement and in other areas, led to the violation of human rights in the Crimea. Today, the Ukrainian state in every possible way reneges on international law norms in relation to the Crimeans, arguing that the Russian Federation has "occupied" the Crimea. However, if Russia's criticism of Ukraine continues in a rationally legal manner, Russia should also insist, within the same rational-legal logic, on material reparation of the consequences, which may cause Ukrainian blockade of the peninsula.

Key words: legitimacy, authority, international law, Crimea; politics, law, blockade.

References

1. Rozov N.S. Principles and criteria of legit-

imacy of post-revolutionary power. Polis.

- Political Studies, 2014, no. 5, p. 92.
- Beyme K. Die Russland-Kontroverse. Eine-Analyse des ideologischen Konfliktszwischen Russland-Verstehern und Russland-Kritikern. Wiesbaden, Springer VS Publ., 2016. 136 p.
- 3. Hopf T. «Crimea is ours»: A discursive history. *International Relations*, 2016, no. 30 (2), pp. 247-248.
- 4. John J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault (Accessed: 02.02.2018).
- Kriendler J. NATO-Russia relations. Reset is not a four-letter word. Understanding NATO in the 21st century. Alliance strategies, security and global governance. Ed. by Herd G.P., Kriendler J. New York, Routledge Publ., 2014. Pp. 85-101.
- Klotz M. Russia and the Ukrainian Crisis:
   A Multiperspective Analysis of Russian Behaviour, by Taking into Account NA-TO's and the EU's Enlargement. Croatian International Relations Review, 2017, no. 23 (80), pp. 259-287.
- Laruelle M. «The Russian World» Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Center on Global Interests, 2015, pp. 1-19.
- 8. Mearsheimer J. J. Why the Ukraine crisis

- is the West's fault. The liberal delusions that provoked Putin. *Foreign Affairs*, 2014, no. 93(5), pp. 77-89.
- Meister S. Fünfillusionenüber das System Putin. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr 6. Available at: https://dgap.org/de/article/getFullPDF/26967 (Accessed: 02.02.2018).
- Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics. *Chinese Journal of International Law*, 2014, vol. 13, iss. 1, pp. 133-145.
- 11. Treisman D. Why Putin took Crimea. The gambler in the Kremlin. *Foreign Affairs*, 2016, no. 95(3), pp. 47-57.
- 12. What Is the Public Mood Like in Crimea?

  Available at: http://carnegieeurope.
  eu/strategiceurope/74635 (Accessed: 02.02.2018).
- Issledovanie zapadnykh sotsiologov podtverdilo rezul'taty referenduma v Krymu
  [The study of Western sociologists confirmed the results of the referendum in the Crimea]. Available at: https://www.ridus.ru/news/178523 (Accessed: 29.12.2017).
- Zellner W. Entfeindungdurch Dialog. Vomheißen Krieg in der Ukraine zum Frieden in Europa. Blätterfür deutsche und international Politik, 2015, Nr. 8, Pp. 89-98.

About the authors:

Anatoly A. Vlasov – Doctor of Law, Professor, MGIMO-University. Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Alexsandr V. Brega – Doctor of Political Science, Professor, Ph. Financial University (Moscow, Russian Federation). 125993, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49. E-mail: avbrega@mail.ru.

Вестник МГИМО-Университета. 2018. 1(58). C. 42-62 DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-42-62

ФЕНОМЕН ТРАМПА И АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

В.И. Якунин, Н.Ю. Молчаков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Политическая система США не раз демонстрировала существенные отклонения от конституционных положений, определяющих соотношение трёх ветвей государственной власти. В науке уже давно устоялись понятия «джексоновская демократия» или «имперское президентство», которые ярко иллюстрируют попытки американских президентов выходить за конституционно установленные рамки своей компетенции.

Тем не менее элиты сохраняли общий консенсус в представлениях о стабильной внутренней и внешней политике. В качестве главной угрозы этой стабильности рассматривалась возможность революции сверху. Именно под лозунгом свершения такой революции в ноябре 2016 г. главой государства был избран Д. Трамп – первый в политической истории США президент, не имеющий твёрдой поддержки

Несомненно, что такой итог президентских выборов наглядно проиллюстрировал серьёзные проблемы внутри американского общества, в силу чего причины конфликта между Д. Трампом и его противниками следует искать в идеологической плоскости. Новый президент поставил перед собой задачу существенно изменить фундаментальные основы внешней и внутренней политики США.

В отличие от исторических прецедентов, рассмотренных в настоящем исследовании, критика Д. Трампа выходит за рамки обвинений представителей СМИ или части политического истеблишмента, приобретая форму острого противостояния между ветвями власти и внутри них. Данная ситуация проанализирована в настоящей статье с точки зрения политической и юридической науки.

Ключевые слова: разделение властей, конституционная система, политическая элита, конфликт элит, политическая стабильность, Д. Трамп, США.

УДК 321.015 Поступила в редакцию 18.12.2017 г. Принята к публикации 20.01.2018 г. обеда на выборах президента США Д. Трампа в ноябре 2016 г. произвела эффект разорвавшейся бомбы не только на журналистов и социологов, которые упорно прогнозировали его поражение, но и на политологов. Проблема заключалась даже не в том, что пост президента занял человек, никогда прежде не занимавший государственных постов – американская политическая система «переваривала» многих «пришельцев», от генерала У. Гранта до актёра Р. Рейгана. Трудность в другом: впервые за многие десятилетия президент был избран не просто без поддержки, а во многом вопреки воле элит, обозначив глубинные проблемы американского общества и государства Подобной ситуации Соединённые Штаты не знали, по крайней мере, более полутора веков: в 1861 г. избрание президентом А. Линкольна вопреки воле элиты южных штатов закончилось попыткой сецессии и гражданской войной.

Консенсус элит жизненно важен для сохранения внутриполитической стабильности в стране. Дело тут не в пресловутом статус-кво, без которого любая конституция останется лишь листом бумаги: необходимо общее представление о рамках и направлении политического процесса. Иными словами, должна существовать негласная гарантия того, что пришедшая к власти политическая сила не устроит революцию сверху. Такая гарантия особенно востребована, когда вновь избранный президент уже в своей иннаугурационной речи обрушивается с явной критикой на политическую элиту.

Эта гарантия в той или иной форме всегда подразумевается в стабильной политической системе. Её классическим примером принято считать компромисс, достигнутый в Великобритании в 1945–1950 гг. Когда сразу после окончания Второй мировой войны к власти пришли лейбористы, предложенная ими программа революционных преобразований общественной жизни получила широкую поддержку. На волне массовых симпатий к Советскому Союзу подобный сценарий не казался в то время невероятным. Действительно, правительство К. Эттли провело беспрецедентные по размаху и глубине социальные реформы. Но уже через одну каденцию маятник общественного настроения качнулся в обратную сторону, и на выборах одержали верх консерваторы. Ожидания резко изменились, что могло привести к масштабному демонтажу недавних нововведений лейбористов. Однако этого не произошло, все послевоенные социальные завоевания остались в силе. Именно так выглядел компромисс между элитами, результатом которого стала ныне существующая общественно-политическая система Великобритании.

Разумеется, подобный компромисс всегда обеспечивается институционально. Французскому политическому философу М. Дюверже принадлежит точная формулировка: «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент.

¹ Об этом см.: Якунин В. Победа Трампа: слоны заговорили / Коммерсант. 10 ноября 2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3138034 (дата обращения: 05.07.2017).

Различные политические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках» [15, р. 10]. Иными словами, правовые формы, в которые облечено общественно-политическое устройство государства, – это в большей или меньшей степени формальность. За ней скрывается тот самый глубинный компромисс между элитами, залогом сохранения которого выступает т.н. система «сдержек и противовесов».

Взгляд на современное положение дел в США с этой точки зрения проясняет суть происходящих там процессов. Очевидно, что базовый компромисс поколеблен, причём основные расхождения Трампа с его противниками лежат в идеологической плоскости, в критике Трампом неолиберальной модели глобализации, царившей в мире после окончания холодной войны [3, с. 6], что делает компромисс просто невозможным. Первый признак этого – непрерывно оспариваемая легитимность президента Трампа. В этот процесс вовлечены социальные группы, часть членов которых уже изначально были настроены против Трампа: представители отдельных профессий, интеллигенция, средний класс, население неблагополучных пригородов американских мегаполисов (в первую очередь, живущие на пособие). Одновременно запущен правовой механизм делегитимации президента в связи с подозрениями о вмешательстве России в президентские выборы. Надо чётко понимать, что речь идёт не просто о легальности, а именно о легитимности – фактическом нарушении суверенного права американской нации самой определять свою судьбу.

Но это всего лишь фон. Борьба разворачивается непосредственно внутри политической системы и принимает форму острого противостояния между ветвями власти и даже внутри них: президент США вынужден отправить в отставку директора ФБР, от президентской администрации постоянно происходят утечки в СМИ. Каждый новый шаг президента рассматривается не только под микроскопом СМИ, но и получает политическую и правовую оценку различных общественных сил, а также крупных «фабрик мысли». Случай Трампа предоставляет уникальную возможность наблюдать, какие правовые средства политическая элита будет использовать для обуздания «несистемного» президента. Учитывая серьёзность угрозы для американской элиты, в ход идут самые весомые правовые аргументы, способные не только поставить президенту шах – временно ограничить его способность проводить самостоятельную политику, но и мат – добиться его импичмента.

Методологические замечания

Эйфория сторонников Трампа после его избрания во многом была основана на уверенности во всемогуществе американского президента. Однако президентство в США – это очень сложный институт, не имеющий раз и навсегда заданного политического статуса. Система правления, которую образует, с одной стороны, структура высших органов власти (форма правления), а с другой –

система взаимодействия между ними (политический режим), в силу разных причин может заметно отклоняться от установок конституции. В этом можно видеть либо момент неконституционности действий того или иного органа власти, либо свидетельство существования двух конституций – юридической (формальной) и реальной [6, с. 55]. Обе эти трактовки негативны, поскольку подразумевается приоритет нормы права над реальными отношениями между участниками политического процесса. Однако на данную проблему можно взглянуть и в позитивном ключе, что даёт возможность несколько расширить методологию исследования. Тезис М. Дюверже позволяет представителю как юридической, так и политической науки по-новому взглянуть на соотношение конституционно определённой формы правления и складывающегося в её рамках политического режима. Юристы будут выделять различные формы или концепции конституционализма, а политологи – с одной стороны, более детально учитывать различные конституционные средства, позволяющие одним органам власти доминировать над другими, а с другой - создавать на основе соотношения конституционноправового регулирования и политической практики новые объяснительные модели, как например, концепция «нелиберальной демократии» Ф. Закариа [5].

Итак, вслед за М. Дюверже, мы утверждаем, что одна и та же конституционная модель может воспроизводить разные политические режимы. Однако французский исследователь ограничивает свою концепцию современными конституциями, где детально прописаны место и роль каждого органа в механизме государственной власти. Но что если применить такой подход к документу, возраст которого превышает 200 лет и который принято именовать «живой» конституцией, т.е. к Конституции США 1787 г.? Представляется, что такой методический подход даст ключ к пониманию функционирования американской системы правления, что, в свою очередь, раскроет сущность феноменов «джексоновская демократия», «имперское президентство» или «имперский конгресс»² и позволит прогнозировать развитие политической системы США после победы Д. Трампа. Возможность интерпретации американской системы правления на основе тезиса М. Дюверже выводится из следующей цитаты Ф.Д. Рузвельта: «Наша конституция настолько проста и прагматична, что всегда имеется возможность удовлетворить новые потребности путём изменения в акцентах и её адаптации без утраты необходимой формы» [10, с. 241].

В рамках традиционного для юристов подхода обозначенная выше проблема по сути не имеет значения, так как сам механизм «сдержек и противовесов» способствует сотрудничеству ветвей власти и призван конституционно нивелировать любой возникающий между ними конфликт³. С точки зрения по-

² Подробнее о сходных феноменах из истории США см.: [10; 12; 20; 26; 30].

³ Одним из ярких приверженцев такого взгляда выступает Л.М. Энтин, считающий, что «механизм взаимного контроля и сдерживания стал одновременно основой для сотрудничества различных ветвей власти. Он не предотвращает сами разногласия между ветвями власти, ведь в основе их конфликтов и споров лежат скорее политические мотивы, нежели правовые, но сдержки и противовесы не дают спорам перерастать в такое противостояние, которое бы угрожало самому осуществлению власти» [13, с. 42].

литологии, конфликт неизбежен, а его урегулирование достигается с помощью различных неформальных практик, и лишь в случае их отказа имеет место обращение к конституционно-правовым механизмам, например, в случае США – в Верховный суд. Предлагаемый нами подход свободен от двух этих крайностей и с его помощью мы рассчитываем, во-первых, определить конституционность или неконституционность действий Д. Трампа и его политических оппонентов, а во-вторых – с учётом политической истории США дать адекватную оценку политических и юридических средств давления на американского президента, которые применяют (пытаются применить) его оппоненты.

Оттолкнёмся от того факта, что современное развитие американской системы правления задаёт соперничество между президентом и конгрессом при активном участии Верховного суда. Таким образом, поколеблена восходящая к Вильсону [1] вера в «идеальное равновесие властей», отклонения от которого (чаще всего в форме усиления власти президента) происходят исключительно в периоды кризисов. По этому поводу В.В. Согрин писал: «Полномочия исполнительной власти, в первую очередь, президента, расширялись, как правило, в кризисные эпохи (так случилось и в начале XXI в., когда после атак сил международного терроризма против США в сентябре 2001 г. прерогативы президента вновь были серьёзно расширены)⁴.

В посткризисные периоды законодательная власть брала реванш, пытаясь, и не без успеха, восстановить равновесие двух главных ветвей государства. В целом же взаимоотношения двух ветвей власти находились в состоянии динамичного равновесия, означающего, что возвышение одной ветви власти вызывало к жизни контртенденцию расширения полномочий другой, так что предусмотренный отцами-основателями США баланс властей восстанавливался» [10, с. 250].

Американская система разделения властей и дополняющий её механизм сдержек и противовесов были разработаны во времена, когда основная угроза тирании исходила от законодательной власти. Именно боязнь узурпации власти со стороны законодателей, а практика конституционного развития отдельных штатов делала такую возможность весьма вероятной, вынудила авторов Конституции 1787 г. создать весьма сложный механизм, под действием которого каждая из ветвей власти вносила бы вклад в поддержание равновесия системы.

Важной особенностью американской конституционной модели стало не только чёткое закрепление принципа разделения властей, но и разграничение в прямой или косвенной форме предметов ведения: за Конгрессом была закреплена внутренняя политика, за президентом – внешняя политика. Это делало неизбежным конфликт между законодательной и исполнительной властью

⁴ Оговоримся, что избрание Трампа само по себе не программировало конфликт между ветвями власти, а последовавшие события выявили линии напряжения и внутри администрации американского президента. В этом смысле мы имеем возможность наблюдать достаточно редкую ситуацию.

за право первой участвовать в осуществлении внешней политики, а второй – внутренней. Вокруг этого разграничения и развернулась острая политическая борьба между Д. Трампом и Конгрессом.

Прежде чем рассматривать основные вехи данного конфликта, оговоримся, что существенное влияние на его эволюцию оказал и продолжает оказывать Верховный суд, который в 1803 г. на основании решения по делу *Marbury vs. Madison* приобрёл право конституционного надзора.

Конфликт между исполнительной и законодательной властью в США ведёт своё начало с президентства Э. Джексона. Эпоху его правления (1829–1837), отмеченную ростом полномочий главы государства, в американской традиции принято именовать «джексоновской демократией». Джексон был первым президентом, избранным выборщиками, которые, в свою очередь, были выбраны не конгрессом, а народом в соответствии с существовавшими на тот момент избирательными цензами. «Джексоновская интерпретация президентской власти, – писал американский исследователь Дж. Хикс, – также предполагала нечто новое в американской политике. Тот факт, что он был вознесён в должность преобладающим большинством, свидетельствовал о том, что за этот результат нёс ответственность американский народ, а не партийный кокус, не коллегия выборщиков, не серия беневолентных легислатур. Это породило теорию о том, что исполнительная власть наделена значительно большим авторитетом, чем какая-либо другая ветвь правительства» [18, р. 228].

Эпоха Джексона характеризуется не только укреплением власти президента, но и усилением роли политических партий, борьба которых постепенно стала оказывать значительное влияние на развитие системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов. Влияние партий на этот механизм проявляется двояким образом. Во-первых, бо́льшая часть политической истории США прошла в режиме т.н. раздельного правления, когда президент и большинство в конгрессе принадлежали к разным политическим партиям. С точки зрения системы сдержек и противовесов, рассматриваемая ситуация может быть оценена позитивно, так как в её рамках конституционная гарантия против усиления одной из властей подкрепляется раскладом политических сил. Однако этот позитивный эффект нивелируется попытками президента укрепить власть, интерпретируя в свою пользу лаконичные конституционные формулировки или апеллируя к привилегиям, свойственным институту главы государства. Здесь его союзником может стать Верховный суд, если он признает конституционность действий президента.

Другая же важная для настоящего исследования особенность американской системы правления заключается в низком уровне партийной дисциплины. Известно, что господство в законодательном органе партии, от которой был избран глава государства, ведёт к укреплению президентской власти, так как президент будет максимально использовать свои закреплённые в конституции полномочия, расширительно интерпретируя их и зная, что такие действия по-

лучат поддержку однопартийцев. Вспомним мнение цитируемого выше М. Дюверже, считавшего, что «если одна и та же партия держит в своих руках сразу и президентский пост, и большинство обеих палат, это почти полностью стирает конституционное разделение властей» [4, с. 461]. Однако политическая практика США даёт немало примеров, опровергающих указанный выше тезис. Здесь, президент для расширения круга своих полномочий, несмотря на господство в Конгрессе однопартийцев, вынужден действовать осторожно из опасения, что партийное большинство (к которому принадлежит и сам президент), объединившись с меньшинством (партией, находящейся в оппозиции), т.е. предпочтя партийную дисциплину определённой сиюминутной политической выгоде, может попытаться воспрепятствовать его политике или путём законодательного вето, или за счёт реализации своих расследовательских полномочий (inquiry powers), или запуском процедуры импичмента.

Курс Э. Джексона продолжил А. Линкольн, годы правления которого (1861–1865) американский исследователь К. Розитер назвала «диктатурой» [25]. Без преувеличения можно заявить, что Линкольн первым в американской политической истории стал использовать популистские лозунги, мотивируя расширение полномочий исполнительной ветви власти «требованиями общества» или «общественной необходимостью». Напротив, короткий период конца XIX в. ознаменовался победой Конгресса над главой государства. Будущий президент США В. Вильсон не без горечи заметит, что «по конституции система правления должна быть тщательным образом согласована с принципом идеального разделения властей, между тем как действующая в настоящее время система есть просто система верховенства конгресса» [1, с. 13].

Однако такое положение удержалось недолго. Курс на усиление роли президента взял Т. Рузвельт (ассоциировавший своё президентство с правлением Э. Джексона и А. Линкольна), дело которого продолжили и другие президенты первой половины ХХ в., в частности Ф.Д. Рузвельт. Т. Рузвельт сформулировал моральное основание для усиления исполнительной власти, заявив: президент «стоит на страже граждан» и в силу этого обязан делать «всё то, что от него требует нация в той мере, в которой это не выходит за рамки конституции и закона» [23, р. 57]. Советники Ф.Д. Рузвельта в качестве неотъемлемой части Нового курса предложили модель ориентированной на президента (presidencycentered) реорганизации правительства. В.В. Согрин отмечает по этому поводу, что «президентская власть дорузвельтовской эпохи в научной литературе обозначается как традиционная, рузвельтовской и послерузвельтовской эпох – как современная. Главное отличие второй от первой заключалось в возрастании полномочий исполнительной власти» [10, с. 241]. С точки зрения полномочий исполнительной власти важными особенностями президентства Ф.Д. Рузвельта стали значительное усиление роли исполнительных указов президента, а также закрепление за главой государства «неотъемлемого» права на осуществление внешней политики, подтверждённое Верховным судом.

После президентства Ф.Д. Рузвельта вера американской элиты в исполнительную власть усилилась. В научном сообществе манифестами такого политического курса можно без преувеличения назвать книги Р. Нойштадта «Президентская власть» (1960) и А. Шлезингера «Имперское президентство» (1973). Известный исследователь американской системы разделения властей Л. Фишер отмечает, что «со Второй мировой войны до настоящего времени видные учёные возлагали надежды на пост президента, чтобы защитить нацию от внешних угроз и эффективно справляться с внутренними кризисами» [16]. Наступала эпоха «имперского президентства», название которой, на наш взгляд, говорит не столько о внешнеполитическом экспансионизме американского руководства, сколько о том, что исполнительная власть охватила своим влиянием все сферы жизни общества и государства. Мы выходим за рамки предложенной Шлезингером концепции «имперского» президентства как формы осуществления внешней политики, потому что по инициативе президентов глубокие изменения происходили и во внутренней политике. Вспомним, к примеру, программу «Великого общества» Л. Джонсона или неоконсервативные реформы Р. Рейгана. Имеются все основания, чтобы констатировать: в американской политике после Второй мировой войны окончательно закрепился тезис о том, что «система сдержек и противовесов не будет работать, если одна из трёх ветвей власти не возьмёт на себя инициативу, и что вся система будет работать лучше, подчиняясь сильному президентскому руководству. Такое руководство было необходимо для преодоления тенденции к инертности» [27, р. 63].

В начале 1970-х гг. казалось, что тенденцию к усилению исполнительной власти нельзя остановить. Однако её неожиданно оборвал фактор случайности: Р. Никсон из-за Уотергейтского скандала стал последним «имперским» президентом в истории США. Институт главы государства был дискредитирован не только действиями президента, но и ответом на них конгресса – запуском (впервые с 1868 г.) процедуры импичмента. В поиске выхода из сложившейся ситуации Никсон учредил пост специального прокурора, которому вменялось в обязанность объективное расследование деятельности президента⁵. Однако ещё до вынесения сенатом решения об импичменте президент покинул свой пост. Конец эпохи «имперского» президентства был связан не только с личностью Р. Никсона, но и с тем обстоятельством, что сконцентрированный в ру-

⁵ Вопрос о привилегии исполнительной власти является одним из самых дискуссионных в политической науке и конституционно-правовой доктрине США. В обоснование привилегии власти обычно приводится весьма общая формулировка разд. 1 ст. II конституции: «исполнительная власть предоставляется президенту США». По А.А. Мишину, привилегия «сводится к праву президента удерживать информацию, которая, по его мнению, является конфиденциальной, от конгресса и судебнойветви власти. Это право объясняется соображениями государственной безопасности» [8, с. 58–59]. Иными словами, речь идёт, с одной стороны, о праве на конфиденциальность, т.е. о праве президента отказаться от исполнения требований конгресса предоставить информацию о своих действиях, а с другой – об отсутствии обязанности раскрывать информацию о процессе принятия решений в Белом доме перед комитетами конгресса. В политической истории США указанные аспекты рассматриваемой привилегии интерпретировались различным образом, в силу чего до сих пор не существует определённого ответа о границах её применения.

ках исполнительной власти механизм осуществления внутренней политики начал давать серьёзные сбои. По меткому замечанию Т. Лоуви, содержащему даже в названии его книги, «полномочия присвоены, обещания не выполнены» [22]. Иными словами, была утеряна та самая способность отзываться на требования народа, которую М. ван Кревельд называет основой американского правления [7, с. 51].

Эта формулировка как нельзя более точно отражает ситуацию, благодаря которой в президентской должности оказался Д. Трамп. Только в случае с Никсоном такая ситуация возникла в период пребывания президента у власти и послужила основанием для ослабления конгрессом президентской власти.

За «ослабленными» президентами вскоре последовало «восстановительное» президентство Р. Рейгана, ознаменовавшееся значительными реформами в внутренней политике и новыми внешнеполитическими устремлениями. Президент был центральной фигурой данных преобразований, а политика его администрации получила название «рейганомики». На рубеже XX–XXI вв. вновь обозначилась тенденция к возращению «имперского» президентства, особенно в вопросах внешней политики. Действия главы государства, по сути, стали нарушать ограничения, установленные во времена «ослабленного» президентства. Интеллектуальным манифестом нового усиления президентской власти можно считать исследование Б. Клейнермана «Дискреционный президент» (2009). Автор прямо заявил: «...конституционный порядок предполагает, что исполнительная власть может обеспечивать нам безопасность так, как не может это сделать любое другое учреждение» [21, с. IX].

По существу, механизмы усиления власти президента остались неизменны. Во-первых, это использование военной мощи США без санкции конгресса – например, на основании резолюции Совета Безопасности ООН. Впервые применение силы за рубежом санкционировал Г. Трумэн во времена Корейской войны, схожую аргументацию использовал и Б. Обама, «легализуя» операцию в Ливии. Теперь мы наблюдаем, как нагнетается агрессивная риторика в адрес Северной Кореи. Во-вторых, проведение популярных на определенный момент реформ во внутренней политике. Примером такой реформы стали инициированные Б. Обамой преобразования в сфере обязательного медицинского страхования.

Президентство Д. Трампа: продолжение традиции или новая страница американской государственности?

Представляет ли собой президентство Д. Трампа очередную страницу в истории развития «имперского» президентства, а значит, и новый виток в соперничестве президента и конгресса за первенство в проведении внутренней и внешней политики? Ответ на этот вопрос можно считать утвердительным. В первый год пребывания в должности Д. Трамп оказался под сильнейшим политическим давлением. Под вопрос ставятся полномочия президента не толь-

ко во внутренней, но во внешней политике – той сфере, где господствующая роль главы государства косвенно предусмотрена конституцией и подтверждена решениями Верховного суда. Именно здесь проявляется наибольшая активность СМИ, прежде всего посредством кампании по поводу вмешательства России в выборы. Под вопрос ставится не только конституционность действий Д. Трампа, но и его легитимность как президента. Звучит критика косвенной системы выборов главы государства в США как антидемократической, повторяются обвинения по поводу иностранного вмешательства в избирательную кампанию. Позиция Трампа ослаблена сравнительно низким уровнем общественной поддержки: на фоне враждебности СМИ и интеллектуальной элиты, ярким индикатором чего стало обилие нелицеприятных прозвищ президента [2, с. 70], его популярность после вступления в должность составила всего 40%, это самый низкий показатель американского президента за последние четыре десятилетия [9, с. 16].

Наряду с конгрессом, а точнее с находящимися в оппозиции конгрессменами-демократами, сопротивление Трампу оказывают и однопартийцы, особенно истеблишмент Республиканской партии, федеральные чиновники, губернаторы, а также представители различных структур, образующих т.н. «глубинное» государство – сотрудники специальных служб и судьи. Не зря один из оппозиционеров Ч. Шумер с сарказмом заметил: «Я не знаю, что может сделать конгресс, но на месте Трампа я не стал бы тягаться с разведсообществом» Этой позиции в целом придерживается и американское общество: данные опросов показывают, что в разгар конфликта с ЦРУ американцы больше доверяли разведывательным службам, чем президенту (58% против 21% [9, с. 17]).

Такое положение вещей, которое журналисты уже успели окрестить «ползучим переворотом», можно объяснить лишь тем, что избрание Д. Трампа произошло, во-первых, в условиях оппозиции со стороны лидеров Республиканской партии [17], а, во-вторых, под лозунгами отрицания достижений предшествующей администрации [19, с. 9–10], таких как проект Транстихоокеанского партнёрства (ТПП). Предвыборную политическую программу Трампа, а также его конкретные действия в первый год пребывания на своём посту характеризует общая направленность на укрепление института президентства под лозунгами защиты интересов населения во внутренней политике и продвижения курса Атегіса first на мировой арене. По сути президент сделал попытку решить проблему, о которой говорил Лоуви, т.е. вновь заставить власть отзываться на потребности народа. Такая, на первый взгляд, популистская задача сродни описанным выше взглядам А. Линкольна и Т. Рузвельта, и она постепенно решается Д. Трампом, несмотря на сильное давление со стороны прочих участников процесса принятия политических и управленческих решений.

¹⁶ Дробницкий Д. В США происходит ползучий госпереворот // Life.ru. 20.02.2017. URL: https://life.ru/t/%D0%BC% D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/976064/v_ssha_proiskhodit_polzuchii_ghospierievorot (дата обращения: 30.07.2017).

Можно констатировать, что для укрепления президентской власти Д. Трамп использует те же средства, как и его предшественники Дж. Буш и Б. Обама: активную внешнюю политику, зачастую идущую вразрез с видением конгресса, и популярную реформу, конституционность которой оспаривается представителями истеблишмента, но имеет поддержку среди населения. В первом случае речь идёт о выходе из ТТП и Парижского соглашения по климату, во втором – в ужесточении антиэмигрантской политики с целью борьбы с терроризмом, а также всеобъемлющей налоговой реформе. В то же время озвученный Д. Трампом поворот во внешней политике некоторые аналитические центры США назвали «оппозицией союзническим отношения, оппозицией свободной торговле и поддержкой авторитаризма» [32], а действия президента по борьбе терроризмом, обусловленным иммиграцией, заклеймили как дискриминационные.

Пока больше всего ограничен Д. Трамп в сфере внешней политики. В первую очередь сказанное относится к американо-российским отношениям, на радикальное улучшение которых Трамп делал ставку во время своей предвыборной кампании, и которые в настоящее время зафиксированы в самом негативном состоянии из-за принятия Конгрессом ряда санкционных законов, факт принятия которых который американские СМИ успели окрестить «началом новой холодной войны»⁷. Имел место типичный случай использования полномочий парламента для ограничения возможностей президента. В результате возникает риск того, что американо-российские противоречия останутся в своей сути неразрешёнными на протяжении долгого времени. Более того, Трамп, свобода действий которого ограничена принятыми Конгрессом санкционными законами, уже не сможет помочь их урегулированию. Возможно, такие внешнеполитические шаги, как бомбардировка сирийской армии⁸ и угрозы в адрес Северной Кореи⁹, а также и иные внешнеполитические авантюры, Д. Трамп совершил в расчёте на одобрение (или меньшую критику) со стороны элиты.

Рассмотрим те неудачи Д. Трампа, которые обусловлены давлением на президента в рамках конституционной системы сдержек и противовесов, которую президент успел назвать «архаичной». На первый взгляд, доминирование республиканцев в палате представителей и в сенате должно сулить президенту успех в проведении основных преобразований: налоговой реформы и отмены обязательной системы медицинского страхования (Obamacare). Кроме того, в политическую повестку дня президент внёс вопрос о финансировании строительства защитных сооружений на границе с Мексикой. Однако господство республиканцев в конгрессе не гарантирует успеха президентским инициативам. Особенность политической системы США заключается в том, что даже в случае,

⁷ We're on the road to a new Cold War // The Washington Post. 31.07.17. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/were-on-the-road-to-a-new-cold-war/2017/07/31/213af6be-7617-11e7-8839-ec48ec4cae25_story.html?utm_term=.3effe8ea7e95 (дата обращения: 30.07.2017).

⁸ Подробнее см. [32; 33].

⁹ Подробнее об обострении отношений с Северной Кореей см. [38].

когда президент и парламентское большинство принадлежат к одной партии, разделение между исполнительной и законодательной властью может усиливаться, о чем было сказано выше. Прохождение таких серьёзных реформ через Конгресс очевидно зависит исключительно от умения президента и его администрации убедить конгрессменов в правильности своей политики. Хотя в условиях текущей ситуации достигнуть такого результата весьма сложно. Кроме того, нельзя не учитывать и фактор общественного мнения. Например, к отмене системы обязательного медицинского страхования население ещё в начале 2017 г. относилось неоднозначно: опрос показал, что 61% американцев выступают за частичный пересмотр закона, 9% со своей позицией не определились и лишь 30% согласны с Трампом в том, что Конгресс должен отменить закон и разработать новый закон о здравоохранении [9, с. 17].

Вторым серьёзным средством давления на Д. Трампа стала не предусмотренная конституцией возможность назначения должности специального прокурора (в случае Трампа – для расследования «российского следа» в его избирательной компании), т.е. лица, ответственного за расследование уголовно наказуемых деяний высокопоставленного государственного чиновника в ситуации, когда обычные процедуры следствия могут оказаться неэффективными. Как упоминалось выше, президент Р. Никсон создал этот институт, чтобы с его помощью противостоять конгрессу. В ситуации с Д. Трампом назначение спецпрокурора носит откровенно антипрезидентский характер и создаёт рычаг давления на президента США не только юридического, но и общественного свойства, подтверждая обвинения большинства СМИ, постоянно ищущих «российский след» в прошедших выборах. При этом Д. Трамп находится в более сложной ситуации, чем в своё время У. Клинтон. Во-первых, при Клинтоне специальный прокурор был назначен при участии конгресса, т.е. органа законодательной власти, тогда как при Трампе назначение исходило от Министерства юстиции, т.е. органа исполнительной власти. Этот парадоксальный факт вновь подтверждает наличие конфликта внутри ветви власти, к которой принадлежит президент. Во-вторых, специального прокурора назначает министр юстиции, но министр Дж. Сешнс вынужден был взять самоотвод от участия в расследованиях, связанных с президентской кампанией, так как сам подозревается в связях с Россией. В-третьих, на должность специального прокурора был назначен Р. Мюллер, квалифицированный юрист, в 2001-2013 гг. возглавлявший Федеральное бюро расследований. Дж. Коми, сменивший Мюллера на посту председателя ФБР, за некоторое время до назначения абсолютно конституционно был уволен Д. Трампом с формулировкой «за некомпетентность и неспособность к эффективному руководству» 10. Очевидно, что даже высокоразвитая система институтов не может исключить фактор личных связей и профессионального

¹⁰ Новостные ленты СМИ незамедлительно наполнились заголовками: «Президент Дональд Трамп заявил об увольнении директора ФБР Дж. Коми, чем вызвал колоссальное волнение во всём политическом мире».

взаимодействия должностных лиц, особенно в структурах «глубинного» государства, в силу чего расследование специального прокурора легко может приобрести предвзятый характер.

Каковы политические последствия описанного выше назначения для Д. Трампа? Ответ на этот вопрос можно дать либо с точки зрения истории института главы государства в США, либо с точки зрения текущий политической ситуации. Исторические аналогии рисуют неблагоприятную перспективу для действующего президента. К примеру, Р. Никсон перед началом Уотергейтского скандала уволил тогдашнего директора ФБР А. Кокса, чем усилил конституционный кризис, завершившийся в итоге отставкой главы государства. Во-вторых, в обоих случаях назначения спецпрокурора для расследования вопросов, связанных с деятельностью президента, активно обсуждался вопрос об импичменте. Этот момент предстоит учитывать Д. Трампу, так как основания для отрешения президента от должности в конституции обозначены расплывчато и поддаются широкой интерпретации. С точки зрения текущей политической ситуации, назначение спецпрокурора позволит оппонентам президента усилить давление на него, апеллируя к авторитету нового должностного лица как выдающегося юриста (а таковым, несомненно, является Р. Мюллер).

На требование назначить специального прокурора для расследования «усилий российского правительства с целью повлиять на ход президентских выборов 2016 г.» Д. Трамп ответил весьма сдержанно, пообещав дождаться доказательств «фактов сговора с иностранной организацией»¹¹. В то же время Трамп подписал указ об учреждении Президентской консультационной комиссии по обеспечению прозрачности выборов (Presidential Advisory Commission on Election Integrity). Данный орган должен был отвечать за изучение избирательного процесса в США, его особенностей и уязвимостей. В частности, целью комиссии провозглашается поиск возможных способов нарушения законов об избирательном процессе, вмешательства в сам процесс и любых других видов соответствующего мошенничества. Однако уже в январе 2018 г. Комиссия была распущена. Комментируя это решения, Трамп заявил: «Несмотря на существенные доказательства мошенничества с избирателями, многие штаты отказались предоставить президентской консультативной комиссии по прозрачности выборов основную информацию, относящуюся к расследованию» 12. Данное утверждение ещё раз подтверждает наличие серьёзного конфликта в политической элите США, вызванного президентством Д. Трампа и затрагивающего не только федеральный уровень, но и уровень штатов.

Выше мы указали лишь две попытки навязать Д. Трампу отличную от его представлений программу действий, совершённые в рамках системы сдержек и

¹¹ За Трампа возьмётся старина Мюллер // Газета.ru. 18.05.2017. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/18_a_10679411.shtml (дата обращения: 18.07.2017).

¹² Трамп распустил комиссию по прозрачности выборов // USA.One. URL: https://usa.one/2018/01/tramp-raspustil-komissiyu-po-prozrachnosti-vyborov/ (дата обращения: 15.01.2018).

противовесов. Обе эти попытки подтверждают высказанный нами тезис о том, что в настоящее время противоречия существуют не только между законодательной и президентской властью, но и внутри самой исполнительной власти.

Однако вернёмся к успехам, которых президенту удалость достичь благодаря конституционно гарантированной автономии исполнительной власти. В первую очередь, отметим указ (исполнительный приказ) Д. Трампа о предотвращении террористической угрозы со стороны въезжающих в США (Executive Order Protecting The Nation From Foreign Terrorist Entry Into The United States). Heсогласие с его положениями выразили многие представители американского политического истеблишмента и крупного бизнеса. В числе прочего в суд Сиэтла поступило совместное экспертное заключение в поддержку иска против миграционного указа за подписью руководителей 97 ведущих американских компаний, в котором говорилось, что названный указ «дискриминирует по принципу национальности и религии. Он закрывает наши границы для наиболее уязвимых людей в мире — например, тех, кто бежит от разрушений войны. И он устанавливает дискреционные и произвольные правила приёма в страну даже для тех иммигрантов, которые на протяжении многих лет проживали здесь (в США) на законных основаниях»¹³. Кроме того, против данного указа был подан ряд исков в федеральные суды; в частности, федеральный окружной суд штата Гавайи приостановил действие указа. В судебном иске генерального прокурора штата Нью-Йорк критика противников рассматриваемого указа была изложена в наиболее полном виде. Она структурирована по нескольким направлениям: 1) указ лишает вузы возможности принимать на учёбу студентов из стран, внесённых в «чёрный список» (в Городском университете Нью-Йорка обучались более 850, а в Университете штата Нью-Йорк – 232 таких студента); 2) указ наносит удар по системе здравоохранения штата, где занято большое число иммигрантов из стран «чёрного списка»; 3) удар по туристической привлекательности штата; 4) бизнес лишается возможности нанимать сотрудников, имеющих «неблагоприятное» происхождение; 5) разделение семей жителей штата и их родственников в странах «чёрного списка»; 6) удар по беженцам, чьё проживание в штате уже было одобрено. Резюмируя, основанием для признания неконституционности указа прокурор предложил считать нарушение принципов, закреплённых в Билле о правах, т.е. в первых десяти поправках к Конституции США 1789 г.

Однако социологические опросы показывают, что указ получил поддержку половины американцев (50% «за», 41% «против»¹⁴). Точку в споре поставил вставший на сторону президента Верховный суд, который отменил решения нижестоящих судов и подтвердил конституционность действий Д. Трампа, при-

¹³ Лепёхин В. Трамп и юристы: как в США борются с антитеррористическим указом президента // РИА Новости. 8 февраля 2016. URL: https://ria.ru/analytics/20170208/1487455342.html (дата обращения: 05.07.2017).

¹⁴ 52% Say Trump Travel Ban Anti-Terrorist, Not Anti-Muslim. URL: http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/israel_the_middle_east/52_say_ trump_ travel_ban_anti_terrorist_not_anti_muslim (дата обращения: 30.07.2017).

знав запрет на въезд в США мигрантов из Ливии, Сирии, Ирана, Сомали, Судана и Йемена. Таким образом, Д. Трамп одержал как минимум промежуточную (с учётом возможности рассмотрения в Верховном суде вопроса о наличие у президента права на издание такого указа) победу в споре с американским политическим истеблишментом, подтвердив известное со времён Ф.Д. Рузвельта право президента принимать исполнительные приказы по ключевым вопросам внутренней политики наряду с конгрессом.

Особое место во внешнеполитических действиях Д. Трампа, которые его оппоненты стремятся дискредитировать или признать неконституционными, принадлежит выходу США из Транстихоокеанского партнёрства и Парижского соглашения по климату. В отношении последнего дать однозначный комментарий затруднительно, так как не ясны статус данного соглашения с точки зрения международного права и юридическая процедура выхода из него.

Для оценки действий Д. Трампа по выходу США из соглашения о Транстихоокенском партнёрстве предварительно уточним полномочия президента при заключении международных договоров. Во-первых, конституция предусматривает совместное участие президента и сената лишь в процессе ратификации международного договора. Иными словами, президент вправе подписывать международное договоры, но до начала их ратификации он волен распоряжаться подписью по собственному усмотрению. Во-вторых, согласие сената в большинстве случаев носит чисто процедурный характер, но в отношении важных международных обязательств оно может быть использовано против президента. В качестве прецедента нельзя не упомянуть отказ сената от ратификации Версальского мирного договора (1920 г.). В-третьих, конституционная формулировка о совете и согласии Сената не лишает президента права осуществлять международное сотрудничество на основании т.н. соглашений исполнительной власти, что подтверждается рядом решений Верховного суда. В-четвёртых, конституция прямо не указывает, но и не содержит прямого запрета, на право президента денонсировать международные договоры, что даёт исполнительной власти право в одностороннем порядке расторгать международные договоры. Косвенно это право было подтверждено Верховным судом США.

В случае Транстихоокеанского партнёрства речь шла исключительно об отзыве подписи президента, а не о денонсации соглашения. Самим соглашением не предусмотрен запуск процедуры его ратификации. Таким образом, действия Д. Трампа вполне конституционны. Оценить экономические последствия выхода США из соглашения, ещё не вступившего в силу, весьма затруднительно, однако его политические последствия уже просматриваются. Премьер-министр Австралии Р. Тёрнбулл заявил о возможности для Китая присоединиться к ТТП. Такой сценарий маловероятен, так как партнёрство изначально было американским проектом, однако в сложившейся ситуации Китай может выступить в качестве защитника принципов свободной торговли в противовес протекционистской риторике Д. Трампа. Площадкой для реализации такой

инициативы Китая может стать либо зона свободной торговли в рамках АТЭС (без участия США), либо дальнейшее развитие проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства. Однако этот вопрос составляет предмет отдельного исследования. Отметим, что понимание бесперспективности ТТП для США появилось уже при Обаме, хотя критики Трампа предпочитают об этом не упоминать [3, с. 7]. При этом, действующий президент не отрицает необходимости сотрудничества со странами тихоокеанского региона, но путём заключения отдельных договоров о торговле с ними, о чем Трамп упомянул в своём выступлении на недавнем Всемирном экономическом форуме в Давосе¹⁵.

Созданная более 200 лет назад американская конституционная система правления воспроизводила различные подходы к взаимодействию основных ветвей власти в контексте постоянного соперничества президента и конгресса. За исключением небольших по историческим меркам промежутков времени пальма первенства в этом соперничестве принадлежала президенту, что нашло своё отражение в послевоенной концепции «имперского президентства», в рамках которой глава государства выступает основным действующим лицом как внутренней, так и внешней политики. Исходя из этой перспективы, президентство Д. Трампа продолжает традиционную борьбу за ведущее место в процессе принятия основных управленческих и политических решений. Однако современная ситуация уникальна тем, что президенту противостоит не только Конгресс, где большинством обладают однопартийцы главы государства, но структуры «глубинного» государства.

Ставки в этой борьбе высоки. Полномочия президента – это не просто предмет формального оспаривания одной из элитных групп. Фактически мы наблюдаем вялотекущий конституционный переворот. Нечто похожее происходило в США в разгар Великой депрессии. Тогда процесс разворачивался в обратном направлении: президент концентрировал в своих руках власть с опорой на выданный избирателями мандат. Четыре президентских срока Ф.Д. Рузвельта – беспрецедентный в американской истории пример пребывания у власти одного человека без сколь-либо серьёзных попыток оспорить его легитимность. Во многом это было результатом уникального стечения обстоятельств, но и объективные факторы (Великая депрессия, международная обстановка, Вторая мировая война) также играли большую роль.

После Второй мировой войны подобных прецедентов не было. Влиятельность элит серьёзно возросла вследствие изменений, внесённых в процедурную сторону американской демократии:

22-я поправка к конституции ввела законодательный запрет на более чем двукратное замещение поста президента одним и тем же лицом;

¹⁵ Восемь ключевых моментов речи Трампа на форуме в Давосе // TACC. 26.01.2018. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4905874 (дата обращения: 18.01.2018).

повысилась значимость института предварительного голосования по кандидатуре будущего президента (праймериз).

Свои формы начала обретать «элитарная демократия», о которой писали Дж. Домхоф и Ч.Р. Миллс [14; 24]. «Элитарная демократия» прочно конституировалась, обретя чёткую структуру. Крупнейшие корпорации, СМИ, верхушка гражданского общества и политической элиты взяли в свои руки основные рычаги управления страной, посредством которых коллективный суверен (население) мог выразить свою волю, не совпадавшую с целями и задачами элиты.

А. Линкольн в своё время сказал: «Правительство от народа, посредством народа и для народа не исчезнет с лица Земли». Согласимся с В.В. Согриным в том, что современная американская демократия может считаться правительством «от народа» [11, с. 490]. Однако две оставшиеся части формулы Линкольна сейчас уже не работают. Инструменты непосредственного волеизъявления, право на референдум и законодательную инициативу ограничены уровнем штатов. На национальном уровне единственные общенациональные выборы – президентские – не являются прямыми. До президентских выборов 2016 г. считалось, что институт праймериз и коллегия выборщиков служат надёжной гарантией от незапланированных ситуаций в ходе избрания главы государства. В чьих интересах функционирует эта система? Отвечая на этот вопрос, снова сошлемся на В.В. Согрина: «Поименование [американской политической власти – В. Якунин, Н. Молчаков] "общенародной" было бы справедливо, если бы все классы и социальные группы США имели реальную возможность на равных распоряжаться политической властью и извлекать из неё равную выгоду. Этого, однако, не происходит» [11, с. 490].

Это несовершенство американской демократии во многом объясняет успех Д. Трампа, равно как и выступление против него почти всех элитных групп. Есть ли у него шанс выйти из такого противостояния победителем? Ответ на этот вопрос не очевиден. Президент одержал ряд небольших побед над своими оппонентами и обладает значительными конституционными ресурсами для дальнейшего противостояния. Однако он не может сдерживать консолидированное давление элит. Для победы же в этом противостоянии президенту нужны нестандартные политические решения. Сможет ли он их найти – покажет время. Остаётся надеяться, что они не повлекут за собой непредсказуемых негативных последствий для мировой политики.

Список литературы

- 1. Вильсон В. Государственный строй США. СПб: типография А.Г. Розена, 1909. 282 с.
- Глазкова А.А. Особенности прозвищ американских президентов // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 17–3. С. 68–70.
- Громыко А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5–12.
- 4. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2007. 538 с.
- 5. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 330 с.
- 6. Конституционное право зарубежных стран / под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, М.Л. Энтина. М.: Норма, 2004. 832 с.
- 7. Кревельд М. Американская загадка. М.: Мысль, 2016. 552 с.
- Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М.: Наука, 1987. 190 с.
- Попов Н.П. Американское общественное мнение и российская политика администрации Трампа // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 2. С. 15–28.
- Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 368 с.
- Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
- Согрин В.В. Политическая история США. XVII–XX в. М.: Издательство «Весь Мир», 2001. 400 с.
- Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М.: Юридическая литература, 1995. 175 с.
- Domhoff G.W. The Higher Circles. The Governing Class in America. N.Y.: Random House, 1970. 367 p.
- Duverger M. Echec au roi. Paris: Albin Michel, 1978. 249 p.
- Fisher L. Teaching the Presidency: Idealizing a Constitutional Office // PS: Political Science& Politics. January 2012. URL: https://www.jstor. org/stable/41412717 (accessed: 05.07.2017)
- 17. Graham D. The Republican Backlash Against Trump's Vote-Fraud Commission. URL: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/07/kobach-to-where-you-came-from/532878/(accessed: 30.07.2017)
- Hicks J. A short history of American Democracy. Boston: Houghton Mifflin Company, 1956. 864 p.

- Jacobson G. The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory // Political Science Quarterly. 2017. Vol. 132. Issue 1. P. 9–41.
- Jones G.S., Martini J.A. The Imperial Congress: Crisis in the Separation of Powers. N.Y.: World Almanac, 1988. 384 p.
- 21. Kleinerman B. The Discretionary President: The Promise and the Peril of Executive Power. Lawrence: University Press of Kansas, 2009. 338 p.
- 22. Lowi T. The Personal President: Power Invested, Promises Unfulfilled. N.Y: Cornell University Press, 1986. 240 p.
- 23. Mason A., Beaney W. American Constitutional Law. Introductory Essays and Selected Cases. 3d ed. New Jersey: Prentice-Hall, 1964. 588 p.
- 24. Mills C.R. The Power Elite. New York, Oxford: Oxford University Press, 2000. 448 p.
- 25. Rossiter C. Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1963. 322 p.
- 26. Schlesinger A. The Imperial Presidency. Boston: Houghton Mifflin Company, 1973. 505 p.
- 27. Schlesinger A., De Groin A. Congress and the Presidency: Their Role in Modern Times. N.Y.: AEI Press, 1967. 189 p.
- Schmitt M.N., Ford C.M. Assessing U.S. Justifications for Using Force in Response to Syria's Chemical Attacks: An International Law Perspective // International Law. Laws of War. 2017. Vol. 9. No. 2. Pp. 1–19.
- 29. Singh M. Syria after the Missile Strikes: Policy Options. Testimony Submitted to the House Foreign Affairs Committee. April 27, 2017. URL: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/syria-after-the-missile-strikes-policy-options (accessed: 30. 07.2017)
- Skowronek S. Presidential Leadership in Political Time. Reprise and Reappraisal. 2nd ed. Lawrence: University Press of Kansas, 2011. 240 p.
- 31. Warden J.K. North Korea's Nuclear Posture. An Evolving Challenge for U.S. Deterrence // Proliferation Papers, Ifri, March 2017. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/warden_north_korea_nuclear_posture_2017.pdf (accessed: 30.07.2017)
- 32. Wright Th. The 2016 Presidential Campaign and the Crisis of Foreign and the Crisis of US Foreign Policy // Lowy Institute for Foreign Policy. URL: https://www.lowyinstitute.org/publications/2016-presidential-campaign-and-crisis-us-foreign-policy (accessed: 15.08.2017)

Об авторах:

Владимир Иванович Якунин – д.полит.н., заведующий кафедрой государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119192, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. E-mail: viy@polit.msu.ru.

Никита Юрьевич Молчаков – преподаватель кафедры конституционного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. E-mail: nikita.molchakov@gmail.com.

THE PHENOMENON OF TRAMP AND THE AMERICAN SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS

Nikita Y. Molchakov, Vladimir I. Yakunin DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-42-62

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia Lomonosov Moscow State University

The US political system is repeatedly subjected to significant deviations from those constitutional provisions that determine the relationship between the three branches of power. The scientists use such phrases as «Jacksonian democracy» or «Imperial presidency» to illustrate the attempts of American presidents to intervene those issues which constitutionally assigned to the other branches of power.

In general, despite these deviations from legally established rules, the elites retained a general consensus on the notion of stable domestic and foreign policies. As the main threat to this stability, the possibility of organizing a revolution from above was considered. However, in November 2016 D. Trump managed to be elected under the slogan of such a revolution, becoming the first the president in the political history of the United States, which has no firm support among the elites.

Undoubtedly, such a success illustrated serious problems within American society, that's why the reasons of the conflict between D. Trump and his opponents could be found first of all in the ideological sphere. The newly elected president proposes a transformation of the fundamental basics that determined the vectors of US foreign and domestic policy in recent decades.

In this case, unlike the historical precedents considered in this paper, D. Trump's criticism goes beyond simple accusations on the pages of the mass media or in statements of the leading representatives of the American political establishment. It takes a form of an acute confrontation between the branches of power and within them. The analysis of this situation is proposed in the article, both from the point of view of political and legal sciences, which could help to make a forecast on the chances of D. Trump to become a winner in this conflict within the American political elite.

Key words: separation of powers, constitutional system, political elite, elite conflict, political stability, D. Trump, the USA.

References

- 1. Vil'son V. *Gosudarstvennyi stroi SShA* [Constitutional law of the USA]. St. Petersburg, tipografiia A.G. Rozena Publ., 1909. 282 p. (In Russian).
- Glazkova A.A. Osobennosti prozvishch amerikanskikh prezidentov [The peculiarities of nicknames of American presidents]. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v sovremennom mire, 2017, no. 17–3. pp. 68–70 (in Russian).
- 3. Gromyko A. «Novyi populizm» i stanovlenie postbipoliarnogo mirovogoporiadka [New Populism and the Post-Cold War Order in the Making]. *Sovremennaia Evropa*, 2016, no. 6 (72), pp. 5–12 (in Russian).
- Duverger M. Politicheskie partii [Political Parties]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2007. 538 p. (in Russian).
- Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. New York, W.W. Norton Publ., 2003. 286 p. (Russ. ed.: Zakaria F. Budushcheesvobody: neliberal'naiademokratiia v SShA i za ikh predelami [The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad]. Moscow, Ladomir Publ., 2004. 330 p.
- 6. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran [Constitutional Law of Foreign Countries]. Ed. by M.V. Baglay, Iu.I. Leibo, M.L. Entin. Moscow, Norma Publ., 2004. 832 p. (In Russian).
- 7. Creveld M. *Amerikanskaia zagadka* [American Riddle]. Moscow, Mysl' Publ, 2016. 552 p.
- 8. Mishin A.A. *Printsip razdeleniia vlastei v konstitutsionnom mekhanizme SShA* [The principle of separation of powers in the constitutional mechanism of the USA]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 190 p. (In Russian).
- Popov N.P. Amerikanskoe obshchestvennoe mnenie i rossiiskaia politika administratsii Trampa [American public opinion and the Russian policy of the Trump administration]. Kommunikologiia - Communication Studies, 2017, vol. 5, no. 2. pp. 15–28 (in Russian).
- 10. Sogrin V.V. Demokratiia v SShA. Ot kolonial'noi ery do XXI veka [Democracy

- in the USA. From colonial epoch to XXI century]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011. 368 p. (In Russian).
- Sogrin V.V. Istoricheskiiopyt SShA [Historical experience of the USA]. Moscow, Nauka Publ, 2010. 581 p. (In Russian).
- 12. Sogrin V.V. *Politicheskaia istoriia SShA. XVII–XX v.* [Political history of the USA. XVII–XX century]. Moscow, Ves' Mir Pub., 2001. 400 p. (In Russian).
- Entin L.M. Razdelenie vlastei: opyt sovremennykh gosudarstv [Separation of powers: experience of the modern states]. Moscow, Iuridicheskaia literature Publ., 1995. 175 p. (In Russian).
- Domhoff G.W. The Higher Circles. The Governing Class in America. New York, Random House Publ., 1970. 367 p.
- Duverger M. Echec au roi [Failure to the king]. Paris, Albin Michel Publ., 1978. 249
   p.
- Fisher L. Teaching the Presidency: Idealizing a Constitutional Office. *Political Science & Politics*, 2012, vol. 45, no. 1, pp. 17-31.
- 17. Graham D.A. The Republican Backlash Against Trump's Vote-Fraud Commission // TheAtlantic.com, 06.07.2017. Available at: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/07/kobach-to-where-you-came-from/532878/ (accessed: 30.07.2017).
- Hicks J. A short history of American Democracy. Boston, Houghton Mifflin Company, 1956. 864 p.
- Jacobson G. The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory. *Political Science Quar*terly, 2017, vol. 132, iss. 1, pp. 9–41.
- Jones G.S., Martini J.A. The Imperial Congress: Crisis in the Separation of Powers. New York, World Almanac Publ., 1988. 384 p.
- 21. Kleinerman B. *The Discretionary President: The Promise and the Peril of Executive Power.* Lawrence, University Press of Kansas Publ., 2009. 338 p.
- Lowi T. The Personal President: Power Invested, Promises Unfulfilled. New York, Cornell University Press Publ., 1986. 240 p.

- Mason A., Beaney W. American Constitutional Law. Introductory Essays and Selected Cases. 3d ed. New Jersey, Prentice-Hall Publ., 1964. 588 p.
- Mills C.R. *The Power Elite*. New York, Oxford, Oxford University Press Publ., 2000.
   448 p.
- Rossiter C. Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies. New York, Harcourt, Brace & World Publ., 1963. 322 p.
- Schlesinger A. The Imperial Presidency. Boston, Houghton Mifflin Company Publ., 1973. 505 p.
- 27. Schlesinger A., De Groin A. Congress and the Presidency: Their Role in Modern Times. New York, AEI Press Publ., 1967. 189 p.
- 28. Schmitt M.N., Ford C.M. Assessing U.S. Justifications for Using Force in Response to Syria's Chemical Attacks: An International Law Perspective. *International Law. Laws of War*, 2017, vol. 9, no 2, pp. 1–19.
- 29. Singh M. Syria after the Missile Strikes: Policy Options. Testimony Submitted

- to the House Foreign Affairs Committee. *House Foreign Affairs Committee*, 27.04.2017. Available at: http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/syria-after-the-missile-strikes-policy-options (accessed: 30.07.2017).
- Skowronek S. Presidential Leadership in Political Time. Reprise and Reappraisal.
   2nd ed. Lawrence, University Press of Kansas Publ., 2011. 240 p.
- Warden J.K. North Korea's Nuclear Posture. An Evolving Challenge for U.S. Deterrence. *Proliferation Papers, Ifri*, 2017. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/warden_north_korea_nuclear_posture_2017.pdf (accessed: 30.07.2017).
- 32. Wright Th. The 2016 Presidential Campaign and the Crisis of Foreign and the Crisis of US Foreign Policy. Lowy Institute for Foreign Policy, 10.10.2016. Available at: https://www.lowyinstitute.org/publications/2016-presidential-campaign-and-crisis-us-foreign-policy (accessed: 15.08.2017).

About the authors:

Vladimir I. Yakunin – Doctor of Politics, Head of the Public Policy Department, Lomonosov Moscow State University, 27-4, Lomonosovski pr., w, Russian Federation, 119192. E-mail: viy@polit.msu.ru.

Nikita Y. Molchakov – lecturer, Department of Constitutional Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia. 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: nikita.molchakov@gmail.com.

УЧЁТ ВЗАИМОСВЯЗИ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ «ВНЕШНЕЙ» И «ВНУТРЕННЕЙ» СРЕДЫ РАБОТЫ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ GR-МЕНДЖМЕНТЕ

А.А. Дегтярёв, М.Д. Бондарев, А.С. Тетерюк

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В современных условиях крупный бизнес стремится всё более активно воздействовать на процессы формирования и осуществления публично-государственной политики, связанные с регулированием экономики и распределением общественных ресурсов. Для обеспечения возможности ему оказывать такое растущее и системное влияние на процессы выработки государственных решений корпорации продвигают экономические интересы через создание комплексов регулируемых коммуникаций и связей с органами государственной власти (ОГВ). Эта сфера профессиональной деятельности, обозначаемая сегодня рабочим термином «GR» (Government Relations), представляет собой специфический вид управленческой деятельности, особый межсекторальный (межсредовой) менеджмент по взаимодействию компаний бизнеса (как и других негосударственных акторов) с государственными органами, который расположен на пересечении трёх базовых секторов управления обществом (государства, бизнеса и общественных (некоммерческих) организаций). Профессиональные функции по установлению и поддержанию подобных связей бизнеса с госорганами выполняют GR-подразделения крупных компаний, специализированные консалтинговые фирмы и деловые ассоциации. Сложность подобной деятельности для бизнес-организаций заключается в её специфическом расположении на стыке двух сред (секторов): «внутренней» (внутрикорпоративной) и «внешней» (политико-государственной). Это означает, что специалист по связям с госорганами стремится учесть интересы данных контрагентов и выявить точки их пересечения, где совместные интересы могут перерасти в деловое сотрудничество, и это может также способствовать конструктивному участию бизнеса в формировании публичной политики. В ходе подобной деятельности, GR-специалист регулярно сталкивается с практическими проблемами частого временного рассогласования («темпоральной асинхронности») и низкого уровня пространственной сопряжённости («спатиальной дисконгруэнтности») между этими «секторальными (средовыми)» типами управленческой динамики, их автономными ритмами и темпами, особыми отраслевыми стратегиями

УДК 327.82, 338.2 JEL G34 Поступила в редакцию 10.11.2017 г. Принята к публикации 01.02.2018 г. функционирования и развития, развертываемыми внутри каждого из данных секторов (business industry & corporate strategies vs public policy area strategy) и, пока что, со слабо увязываемыми между собой специфическими фазами циклов корпоративного и государственного управления. Авторы исходят при этом из общей идеи, согласно которой базовой методологической предпосылкой для анализа, проектирования и осуществления результативной и эффективной GR-работы становится разработка циклической модели т.н. «межсекторального» менеджмента, которая учитывала бы комплексную динамику как «внутренних», корпоративных, процессов, так и «внешних», государственно-управленческих, циклов.

Ключевые слова: взаимодействие с государственными органами, Government Relations, GR-менеджмент, лоббирование, циклы государственного и корпоративного управления, общекорпоративная и функциональная стратегии менеджмента, фазы межсекторального (межсредового) GR-управления.

коло четырёх десятилетий уже миновало, как в терминологический оборот практиков и теоретиков современного менеджмента широко и прочно вошла категория «GR» (наряду с ранее закрепившимися там PR, РА, HR, и пр.), или «отношения (взаимодействия) с государственными органами» (Government Relations). Это было обусловлено рядом обстоятельств. С одной стороны, появилась относительно новая сфера профессиональной деятельности GR-специалиста и сама профессия GR-менеджера и GR-консультанта. С другой, в последние три десятилетия в междисциплинарном пространстве ряда социальных наук (политологии, менеджмента, правоведения, коммуникативистики, и др.) сформировалось предметное поле такой новой дисциплины как «GR-менеджмент», возникшей на стыке проблематики государственного и корпоративного управления, а также менеджмента общественных объединений и некоммерческих организаций (А.В. Зобнин [7], Т.А. Кулакова [10], А.В. Павроз [16]). Объектно-предметное поле современного GR-менеджмента вошло сегодня и в состав такой широкой практико-прикладной политологической дисциплины [27, с. 15], как политический менеджмент (political management), наряду с электоральным менеджментом (избирательными технологиями), политико-стратегическим PR, и менеджментом публичных отношений (public affairs management), нередко определяемым как «управление интегрированными коммуникациями» [26, с. 5], что тесно связано со способами выработки т.н. «публичной политики корпорации» (corporate public policy) [18, с. 100].

GR-менеджмент как регулируемый процесс взаимодействия организаций различных секторов в современном публичном управлении

И здесь встаёт закономерный вопрос – кому нужны подобные GR-специалисты, чем же и каким образом они должны профессионально зани-

маться, наряду с традиционной работой депутатов и государственных служащих, обычных корпоративных и производственных менеджеров. Во-первых, при помощи специалистов по связям с органами государственной власти (GRспециалистов) обеспечивается формирование, воспроизводство и развитие взаимоотношений (на макро-уровне) трёх основных «секторов управления» общественными процессами: публично-государственного, бизнес-корпоративного и общественно-некоммерческого, взаимодействие отдельных участвующих в этом акторов (на микро-уровне), и взаимное согласование их интересов и целей в рамках принятия и осуществления различных государственных решений и публичной политики. Например, достаточно распространёнными становятся государственно-общественные советы при органах власти (общественно-совещательные и экспертно-консультативные), проекты государственно-частного партнёрства, взаимодействие с местными сообществами и пр. В этом плане, GR-специалисты нередко работают совместно со специалистами по PR (связям с общественностью). Однако профильные задачи и объекты воздействия (целевые аудитории и группы-мишени) у них заметно различаются.

Во-вторых, специализированные подразделения по GR-коммуникации занимают важное место в структуре современного корпоративного управления, играя роль негосударственного субъекта бизнеса, реагирующего на действия органов государственной власти (ОГВ), то есть специализированных GRподразделений, пытающихся воздействовать на свою «внешнюю» (политикогосударственную) среду посредством оказания систематического давления и влияния на процессы принятия госрешений. Другими словами, они развивают и осуществляют особого рода менеджмент по функциональному обеспечению (поддержанию/реагированию) воздействия «внешней среды» деятельности корпорации. Они должны стремиться улучшать, поддерживать или не давать ухудшиться условиям и состоянию внешней среды корпоративного бизнеса (например, налоговой среды), что может привести к снижению конкуренто-способности фирмы. В-третьих, в большинстве современных моделей государственного управления (governance, new public management) вполне официально признаётся существенная и легальная роль бизнеса в разработке и осуществлении государственной политики, в том числе, экономической. Это участие проявляется путём вовлечения фирмы на разных этапах в процесс управления и принятия решений государственными органами (законодательными и исполнительными), посредством системы таких организационных форм и механизмов (именуемой сегодня в научно-экспертных кругах системой «governance» (соуправления)), как «электронное правительство» (electronic government), т.е. аналитического включения бизнеса в транспарентную часть информационнокоммуникационной системы работы правительства; «умное правительство» (smart government), т.е. независимой экспертизы законопроектов и нормативно-правовых актов (НПА), оценки регулирующего воздействия (ОРВ) их на ведение бизнеса, и наконец, «открытое правительство» (open government), для

непосредственного участия в работе общественно-совещательных и экспертно-консультативных советов при институтах власти, например, федеральных и региональных органах исполнительной власти (ФОИВ/РОИВ), парламентских слушаниях в федеральных органах законодательной власти, деловых форумах, общественных дискуссиях в СМК, круглых столах и семинарах, касающихся и затрагивающих ключевые для ведения бизнеса вопросы налогово-финансового и отраслевого регуляторного нормотворчества, бюджетной и ресурсной поддержки, и пр.

Современный GR-менеджмент следует разграничивать с классическим представлением о лоббировании, представляющим собой лишь оперативнотехнологический уровень более масштабной стратегической деятельности. Иными словами, GR составляет всю комплексную сферу разновидности негосударственного политического менеджмента, отражающую совокупность взаимодействий субъектов государственного и корпоративного управления, в том числе, взаимное влияние стратегий поведения государственных органов и бизнес-организаций. В итоге можно определить «GR-менеджмент» как регулирование процессов по оказанию влияния на внешнюю среду негосударственных акторов (корпораций, деловых ассоциаций, общественных объединений, НКО и пр.) для обеспечения и поддержания системы осуществления основной деятельности бизнеса, как вид легального политического управления, который включает совокупность стратегий и тактик, форм и методов поведения негосударственных акторов в политико-государственном макроокружении, способов их давления на центры принятия и реализации государственных, законодательных и административных решений. Использование же понятия «лоббирование» связано в основном со всеми (легальными и нелегальными, официальными и неофициальными, публичными и непубличными) способами влияния и давления различных негосударственных акторов на центры принятия решений легитимных государственных органов для достижения частных (партикулярных) интересов и целей, получения конкурентных преимуществ и максимизации выгод.

Таким образом, в складывающейся профессиональной сфере Government Relations пока что доминирует смысловая нагрузка и особенная коннотация, отражающая уровень решения стратегических задач бизнес-организации, в то время как в зоне классической интерпретации категории «лоббирования» (lobbying) преобладают вопросы, которые связаны уже с определением оперативно-тактических средств и технологий, и с практическим применением разработанных GR-специалистами комбинаций форм и методов ведения отдельной политической кампании. Кроме того, в дисциплинарном континууме политической науки (в рамках предмета которой обычно изучаются лоббистские практики), государственные органы традиционно рассматриваются как субъекты публичного управления и центры принятия решений (ЦПР), и одновременно как объекты негосударственного воздействия со стороны «внешних» бизнес-

организаций, тогда как в предметных границах корпоративного менеджмента всё выглядит ровно наоборот – государственные органы (как регуляторы экономических процессов и распределители общественных ресурсов) находятся уже во «внешней» среде стратегического управления отдельной фирмы.

В ходе анализа нужно также ответить на вопрос о содержательности таких понятий, как «внутренняя» и «внешняя» среда бизнеса, деятельность корпорации и стратегическое управление фирмой. В литературе по стратегическому управлению компаниями, как правило, используется т.н. «экологическая модель» структурной организации бизнеса, распадающаяся на две «среды» – «внутреннюю» и «внешнюю», каждая из которых подразделяется на «субсреды» работы бизнеса. Выглядит такая структурная модель ведения бизнеса, в общих чертах, следующим образом: «внутренняя» среда (производственные подразделения (предприятия), органы управления, включающие подразделения внешних коммуникаций, в т.ч. GR-департаменты или GR-отделы; экономическая (непосредственная) среда работы бизнеса (конкуренты, покупатели, поставщики) и, наконец, «внешняя» (социально-экономическая и политико-правовая) среда работы бизнеса. Профессор О.С. Виханский описывает «внешнюю» среду современного бизнеса как сферу, из которой организация получает ресурсы, необходимые для поддержания её внутреннего потенциала на должном уровне. Внешняя среда изучается для того, чтобы выявить угрозы и возможности, которые компания должна учитывать при определении и реализации своих целей. Задача стратегического менеджмента заключается в обеспечении такого взаимодействия организации со средой, которое позволяло бы ей выживать на рынке в долгосрочной перспективе [3, с. 20].

Для GR-специалистов в данном контексте важным является выделение трёх базовых компонентов в структуре «внешней» (неэкономической) макросреды бизнеса. Во-первых, это государственно-правовая среда (система «государственных продуктов», правовых актов (ПА), устанавливающая регуляторные нормы, что даёт организации возможность определить правовые ограничения во взаимоотношениях с другими субъектами права). Во-вторых, государственно-политическая среда (деятельность государственных акторов на федеральном и региональном уровнях – работа законодательных и административных ОГВ, воздействующих на фирму посредством подготовки и принятия правовых актов, как нормативных, так и индивидуальных). И, в-третьих, общественно-политическая среда, которая включает негосударственных акторов, влияющих «снизу» на государственные ЦПР, к которым можно отнести политические партии, общественные объединения и ассоциации, НКО, СМК, и др.

И здесь сразу же перед исследователями (в рамках заданной темы) возникает целый набор актуальных теоретических и практических проблем. Если GR-работа находится во «внешней среде», на пересечении зон управления организаций государственного и негосударственного секторов, в частности, процессов функционирования различных ОГВ и отдельных бизнес-организаций, то

как «внутренний» процесс стратегического управления корпорации зависит от «внешней» динамики воспроизводства и изменения её политико-государственной среды, к примеру, от регуляторной политики государственных органов, парламента и правительства. Здесь же появляются проблемы «конгруэнтности» (сопряженности и взаимосоответствия), и вытекающие из них парадоксы «асинхронизации» (расхождения и рассогласования) различных типов жизненных циклов функционирования и развития организаций (life cycles), бизнесциклов и циклов корпоративных решений, в отношениях с циклами работы и жизнедеятельности ОГВ (например, при принятии решений правительством и парламентом), которые нередко ведут к росту издержек и снижению доходов, вследствие регулирования производственной деятельности бизнес-структур. Это могут быть самые различные виды циклических процессов работы отдельных ОГВ и принятия ими публичных решений (в рамках принятой специалистами типологии государственной политики): «регуляторный» (принятие и применение регулирующих норм законодательного акта), «дистрибутивный» (принятие трехлетнего регионального бюджета, реализация проекта госзакупок), или же «конституентный» (установленный электоральный цикл, поэтапный процесс кадровой ротации или омоложения состава госаппарата) [26].

Это вполне прагматические вопросы, поскольку от них зависит вся система проектирования и планирования GR-работы бизнеса – от разработки общекорпоративной политики и «GR-стратегии кОмпании» до подготовки тактического плана, по общему и соотносительному, с указанными верхними уровнями управления (хоть он и называется обычно «стратегией GR-кАмпании»), той или иной конкретной фирмы. Чтобы адекватно сформулировать задачу для дальнейшего прояснения указанной проблемы, следует поставить вопрос о месте GR-менеджмента в общей системе корпоративного управления. Здесь следует отметить, что в специальной литературе выделяются различные уровни (виды) современного менеджмента – общекорпоративно-стратегический, оперативно-тактический и секторально-функциональный, и др. К последнему из вышеперечисленных уровней корпоративного управления, т.н. «функциональному», относят работу GR-подразделений.

Наиболее распространённой организационной формой ведения GRдеятельности, вместе с работой консалтинговых фирм и деловых ассоциаций (GR-out-source), является корпоративный GR (GR-in-house), то есть осуществление GR-менеджмента в рамках департамента как структурного подразделения крупной компании, наряду с осуществлением других её специальных функций (PR, HR, IR, и т.д.). Это позволяет отнести корпоративный GR к секторально-функциональному уровню планирования и осуществления стратегического менеджмента бизнес-организации, в качестве неотъемлемой элемента продвижения и обеспечения общекорпоративной стратегии в её «внешней» среде. Сотрудники GR-департамента представляют интересы коммерческой компании во «внешней» (политико-государственной) среде, отслеживают угро-

зы для компании от деятельности и решений профильных ОГВ и действий акторов (стейкхолдеров), предпринимают меры для предотвращения реализации этих угроз, а также ищут потенциальные возможности для увеличения прибыли компании через её участие в политических воздействиях на «внешнюю» политико-государственную среду.

Для воздействия на «внешнюю» среду специалисты по связям с госорганами проводят тактические GR-кампании, включающие применение комплекса лоббистских форм и методов по продвижению и инкорпорированию частных интересов бизнеса в состав общей «формулы публичных интересов» (отражаемой в содержании конкретных решений ОГВ), которые при этом выступают в качестве способов осуществления долгосрочных GR-стратегий частных корпораций. Ранее разработанная в офисах конкретной фирмы долгосрочная отраслевая «GR-стратегия кОмпании» постепенно трансформируется и реализуется через ту или иную «тактику GR-кАмпании», включающую определённую «спатиальную комбинацию» с точки зрения приложения совокупности тактических инструментов лоббистов к различным «точкам доступа» (access points) в социально-политическом пространстве работы ОГВ и поведения ЛПР, а также особый «темпоральный алгоритм», т.е. синхронизированные с направлениями работы временные отрезки для приложения указанных инструментов (этому служат, например, известные в проектном менеджменте диаграммы Ганта и сетевые графики).

В сложившейся практике лоббистской работы успех конкретной GR-кампании оценивается сквозь призму уровня её результативности и эффективности, что подразумевает анализ и оценку степени выполнения (или невыполнения) алгоритмизированных планово-функциональных задач, стоящих перед GR-менеджерами в рамках их тактической работы [24, с. 209]. Высокая (или низкая) степень результативности лоббистских усилий достигается за счёт продвижения альтернативных вариантов решений через «точки доступа» в работе ОГВ (связанные с чиновниками и депутатами, контролирующими прохождение той или иной управленческой процедуры), при использовании которых GR-менеджеры могут оказать известное влияние на интересующий их отраслевой государственно-управленческий процесс.

Методологические предпосылки разработки модели циклической динамики GR-менеджмента в стратегическом управлении корпорации

Уже приходилось ранее рассуждать по поводу генезиса как общей теории социально-политических циклов (одни авторы считают её объяснительно-концептуальной конструкцией, другие – лишь рабочей описательно-таксономической схемой), так и анализировать ход становления и развития специфической модели политико-управленческого цикла (policy cycle), связанной с интерпретацией (или описанием) процесса принятия госрешений [5, с. 158]. Изучение

же циклического процесса GR-деятельности бизнес-организаций обычно базируется на двух «геркулесовых столпах» – анализе этапов процесса производственно-управленческой деятельности фирмы, т.е. циклической динамики «внутренней» (эндогенной) среды, а также на изучении связанных между собой фаз принятия государственных решений, т.е. циклической динамики «внешней» (экзогенной) среды.

Что касается задач этой работы, в статье предпринимается попытка построения общих контуров модели GR-цикла для решения прикладных задач рабочей «алгоритмизации» процесса аналитической работы и системного планирования GR-кампаний. При этом следует учитывать взаимное воздействие циклических факторов «внешней» и «внутренней» среды бизнес-корпорации на выработку общего проекта подобной политической кампании и основных направлений её стратегии и тактики. В основе подобного моделирования лежит идея об учёте рассогласования и преодолении асинхронизации циклической динамики неких «параллельных» процессов в рамках обеих секторов («сред»), что позволяет описывать и рационализировать всю динамику управленческой практики лоббистов. Характерными особенностями подобных циклических процессов при их интерпретации являются ритмичная и направленная, сопряжённая и согласованная смена стандартных и последовательных стадий, а также т.н. «инициированность» (policy initiation) начала циклического движения, и «терминальность» (policy termination), т.е. известная конечность и завершённость каждого «полного оборота» цикла, сопровождаемая затем очередным переходом на новый виток систематически воспроизводящейся циклической спирали.

Если обратиться к литературе, связанной с разработкой общей теории деятельности организаций и организационного развития (единой для всех секторов и сред современного общества), то можно обнаружить целую палитру «организационных циклов» – от глобального и долгосрочного мегацикла возникновения и смерти международных организаций до оперативно-логистических циклов текущей работы микро-подразделения организации малого бизнеса. Все эти разновидности организационных циклов – «жизненный цикл», «стратегические цикл», «рабочий цикл» деятельности и пр. – совместно (как матрёшки, встроенные друг в друга) составляют общий комплекс цикла жизнедеятельности (функционирования и развития) организации того или иного сектора и типа.

Сектора и типа. Нобелевский лауреат по экономике Г. Саймон сформулировал (достаточно обоснованное) важное общеметодологическое положение о существовании системообразующей и общетеоретической основы для интерпретации любой формы административного управления (или «администрирования») и о том, что в работе отдельных механизмов управления и принятия решений в рамках организаций, на первый взгляд вроде бы и не похожих друг на друга и встречающихся в самых различных общественных сферах и средах, существуют всеобщие принципы и базовые фазы управленческой (административной) де-

ятельности, которые затем проявляются в специфической форме лишь при их применении в работе организаций разных общественных секторов и уровней. В качестве образца Г. Саймон ещё в середине XX в. предложил универсальный «трехзвенный» алгоритм – «intelligence-design-choice» (поиск информации – разработка альтернатив – выбор итогового проекта) [31].

В основе исследования внутренних циклов развития корпорации как вида бизнес-организации лежит также и общая концепция «жизненных циклов» (life cycles), описанная в трудах И. Адизеса. Согласно ему, любая фирма в ходе деятельности проходит определённые стадии жизненного цикла, которые отличаются «темпоральной» продолжительностью, и которым соответствуют адекватные им цели и результаты управления [9, с. 15]. Смена стадий роста социальной организации подобна эволюционному развитию биологических организмов – от рождения и «младенческого» состояния до «увядания» и «смерти». Каждой фазе организационного развития присущи две системные характеристики: гибкость и управляемость. По мере роста компании («взросления») соотношение двух параметров меняется: контролируемость растет, но гибкость падает. Но от смены стадий жизненного цикла организации меняется и сам процесс управления, будучи зависимым от организационного этапа развития компании [20, с. 63].

Цикл стратегического управления организаций устроен несколько подругому, поскольку там сам горизонт упреждения и планирования связан уже не со всем циклом жизни организации, а лишь с одним стратегическим этапом её деятельности. И он, в свою очередь, также может состоять из более коротких и узких подэтапов работы: определения миссии организации; разработки «древа» долгосрочных и краткосрочных целей; анализа возможностей «внутренней» среды организации; оценки воздействия «внешней» среды; прогнозирования последствий стратегических альтернатив; выбора стратегии и её практической реализации; итоговой оценки полученных общих результатов и итоговых изменений. Приблизительно аналогичную последовательность смены стадий можно наблюдать и в цикле работы производственных структур бизнеса, осуществляющих действия по управлению продукцией в рамках корпоративной стратегии, будь то разработка нового продукта, производство и вывод его на рынок, продажа и рекламное продвижение.

Следует также заметить, что в ходе применения в анализе циклических моделей управления обнаруживаются и слабые места. Во-первых, политико-управленческий процесс в рамках институциональной системы разделения властей оказывается более комплексным феноменом, чем некая «линейно-круговая» циркуляция. Ведь принятие бюджетного решения в государственной организации, включающей десятки подразделений и тысячи сотрудников, представляется гораздо более сложным делом, чем пошаговое принятие отдельным человеком решения о том, как распорядиться своими собственными деньгами. При этом возможно и «реверсивное» движение (к примеру, возвращение закона о бюджете в парламент президентом, использующим право вето). Во-вторых, на

разных фазах продвижения публичного решения, в данный процесс подключаются различные государственные органы и заинтересованные группы (депутатов, чиновников, лоббистов). Следовательно, принятие государственных решений не является «монолитным процессом» в силу присущих ему конкуренции и борьбы группировок с разнонаправленными интересами, преследующих зачастую прямо противоположные ценности и цели. В силу этого обстоятельства содержание первоначального проекта решения может многократно корректироваться, а иногда и полностью меняться, при переходе от фазы к фазе цикла, в зависимости от соотношения сил между разными социально-политическими группировками. И, в-третьих, к недостаткам фазово-циклической модели можно отнести невысокий объяснительный потенциал, поскольку она выглядит скорее таксономическим инструментом, способствующим описанию и систематизации эмпирической информации, чем теоретической конструкцией, вскрывающей внутренние тенденции и зависимости процессов. В целом можно заключить, что циклические модели вполне можно использовать в дескриптивном качестве как структурную основу для анализа процесса принятия государственных решений, учитывая при этом ограниченность их эвристического потенциала.

Учёт циклов динамики «внешней» среды в работе корпорации как основа для GR-проектирования и участия в публичной политике

Прежде чем приступить к разработке специфических контуров функционально-динамической модели GR-деятельности, необходимо определить параметры общих циклов динамики «внутренней» и «внешней» среды (сектора) управленческой работы бизнес-корпорации, которые могли бы лечь в основу разработки уже интегральной «межсредовой (межсекторальной)» модели. Для GR-деятельности критически важным является знание специфики и принципов функционирования политической среды и работы ОГВ, отвечающих за принятие публичных решений, поскольку их деятельность создает специфическое пространство регуляторной, дистрибутивной и конституентной сфер государственной политики, в которых находится и работает коммерческая компания.

В корпусе прикладных политико-управленческих наук имеют хождение различные теоретико-методологические подходы и концептуальные модели, в рамках которых исследуются процессы принятия решений ОГВ. В данной работе предложено опираться, в том числе, на классическую теорию политико-управленческого цикла, согласно которой процесс госуправления интерпретируют в пределах определённого социально-политического и пространственно-временного континуума [5, с. 160]. В основе данной концептуальной модели лежит идея о темпорально-динамическом характере процесса проектирования, принятия и реализации государственных решений, состоящего из функционально релевантных структурным подразделениям ОГВ и линейно-алгоритмично рас-

положенных стадий (фаз), последовательно сменяющихся в рамках цикла работы отдельного органа государственной власти.

Первые теоретические разработки процессуально-циклической модели принятия публичных решений обнаруживаются ещё в классических трудах Г. Саймона, Г. Лассуэлла и А. Вилдавского [29; 31; 32]. Системно-функциональный подход также активно используется современными теоретиками в области политико-управленческих наук, среди которых следует отметить работы Д. Андерсона и У. Данна, выделивших пять основных стадий политико-управленческого цикла [23; 24]. Данный подход подразумевает, что цикл представляет собой последовательную череду сменяющих друг друга стадий (см. Таблицу 1). В развитие данной модели У. Данн разработал также свою оригинальную модель управленческого цикла с выделением фаз, описывающих релевантные стадии работы политических аналитиков, функционально сопровождающих проектирование решений советниками и политиками [24, с.13-19].

Табл. 1. Основные фазы политико-управленческого цикла Table 1. The main phases of the political-management cycle

Определение фазы	Функциональное предназначение					
1.Построение политической повестки дня	Определение приоритетных общественных проблем и включение их в официальную повестку публичной политики государственных органов.					
2.Формулирование проектов государственного решения	Агенты процесса принятия решения формулируют ряд альтернативных его вариантов для преодоления общественной проблемы, которые проходят селекцию					
3.Официальное утверждение государственного решения	Утверждение и легитимизация государственного решения на основе выбора итоговой альтернативы, при помощи официальных процедур внесения, рассмотрения, обсуждения, согласования, голосования и промульгации					
4.Реализация государственного решения.	Реализация решения административными органами государственного управления и параллельный контроль за ходом его исполнения со стороны ЦПР					
5.Оценка результатов осуществления публичного решения	Оценивание итогов, результатов и последствий исполненного решения с точки зрения достижения целей, уровня издержек и адекватности средств					

В фокусе процессуально-циклической модели находятся функциональные роли и динамический характер реального поведения официальных лиц, принимающих решения (ЛПР) и государственных органов, отвечающих за содержание и результаты публичных решений, рассмотрение отдельных фаз процесса, выражающих им заданные и специальные функции, а также виды носителей (акторов) этой функциональной активности, что предполагает также их различные позиции и диспозиции по поводу контента публичного решения, и формы вза-имодействия (взаимоположения) между основными стейкхолдерами [5, с. 159].

Политико-управленческие циклы охватывают кооперативную деятельность как общественных акторов (лоббистов и экспертов, функционеров и активи-

стов), так и работников органов исполнительной и законодательной власти (депутатов палат парламента, чиновников администрации президента, правительства, министерств и ведомств), продуктом которой являются выработка государственно-управленческих решений. Данный цикл отражает «внутренний», социально-содержательный аспект принимаемого решения, в то время как правотворческий цикл выражает лишь только его «внешний», формально-процедурный аспект. «Единицами оценивания» в таком цикле (в отличие от критерия норморелевантности при прохождении формальных процедур в правотворческом процессе) могут выступать качество обоснования «концептуального контента» (аналитическая аргументированность проекта) и потенциал продвижения «коалиции поддержки» (ресурсная проходимость решения), т.е. качество обоснованного содержания проекта решения, степень поддержки политико-управленческого решения на базе формирования неформальных конвенций и построения коалиций между участниками принятия государственного решения.

Поскольку компании осуществляют свою деятельность не в правовом вакууме, а в упомянутой выше «государственно-правовой среде», юристами также выделяется процесс правотворческой деятельности (в частности, правоустановительной, но в ряде отношений доведённый до правоприменительной практики), связанный прежде всего с законодательными и административным процессами разных ОГВ. То есть правотворческие процессы выступают определённой правовой формой для содержательного (социально-экономического, политического и пр.) наполнения процесса принятия государственных решений, в качестве некоего «параллельного» процесса в общей динамике «внешней» среды бизнеса. При этом данный процесс носит ярко выраженный циклический характер, поскольку формально-институциональные процедуры разработки и принятия правовых актов (в частности, регуляторных НПА) воспроизводятся каждый раз согласно официально принятому регламенту.

Соотношение «политико-управленческого» (разработка социально-экономического и политического содержания проекта) и «правотворческого» (нормативно-процедурное оформление и утверждение акта) аспектов цикла принятия решения (или даже взаимосвязанных функциональных циклов работы над решением) содержит ряд особенностей, которые необходимо принимать во внимание на протяжении всего хода проведения GR-работы. Исходной предпосылкой является наличие взаимосвязи между обоими этими взаимозависимыми аспектами (или «двуедиными субциклами»). С содержательной точки зрения, правотворческий процесс «вторичен» по отношению к процессу разработки проектов решений, поскольку он лишь официально оформляет то или иное содержание политико-управленческого решения. Подобная ситуация произошла зимой 2015-16 гг., когда на встрече с представителями крупного российского бизнеса президент В.В. Путин предложил проработать вопрос о введении такой меры как принудительное лицензирование в фармацевтической отрасли

для поддержки отечественных фармпроизводителей. Спустя несколько месяцев данная идея эволюционировала в содержание нового проекта НПА и внесение поправок в федеральное законодательство¹.

Относительно строгое соответствие способа производства юридических актов формальным принципам, нормам и процедурам выражает поэтому весь его сугубо официальный и регламентированный характер (при этом публично транспарентный и относительно «объективированный»), а алгоритм его функционирования представляется как относительно предсказуемый и ожидаемый для реагирования от стороны GR-специалистов. Зная основные стадии внесения и прохождения законопроекта, можно представлять в деталях весь процесс и даже предсказывать ситуации (их место и время), в границах которых обсуждение проекта нормативно-правового акта может, в краткосрочной перспективе, приостанавливаться или ускоряться. В таком случае уместно говорить о своеобразном «ритме» и «темпе»» каждого правотворческого цикла: последовательной череде законодательных фаз и размерности пауз между ними разной «темпоральной» длительности. Например, промежуток времени между первым и вторым чтениями законопроекта может быть более продолжительным, в силу потребности в его концептуальной доработке, нежели пауза между вторым и третьим чтениями, где могут быть устранены или изменены лишь отдельные положения, или довольно быстро подготовлены редакционные поправки.

Несколько иначе обстоит дело с «политико-управленческим» аспектом процесса принятия государственных решений. Данный процесс является в большей степени «субъективированным» (за счёт вовлечения в него многочисленных негосударственных стейкхолдеров, обладающих разными объёмами полномочий и ресурсов), так как его ход зависит не столько от места формальных процедур в регламенте ОГВ, сколько от роли социальных ценностей и интересов, потенциалов и техник стейкхолдеров, уровня вовлечённости и ресурсной возможности отдельных ЛПР и др. акторов, чтобы «продавить-дожать», либо вовсе заблокировать или просто отменить решение. При этом, действуя иногда в нестандартных и нерутинных ситуациях, политики и администраторы подключают к поиску способов решения экстарациональные (психологические, манипулятивные и пр.) механизмы, чем создают дополнительную неопределённость [32, с. 116].

Кроме того, анализируя государственно-управленческие процессы, нельзя обойти стороной также особенности принятия решений в представительно-законодательных и административно-исполнительных институтах (например, в ФОИВах и ФОЗВах), т.е. учесть специфику цикла законодательного и административного процессов. Оба цикла отличаются и по «темпоральности», как ха-

¹ Бизнес в очередной раз выдвинул инициативу о принудительном лицензировании // Фармацевтический вестник. 2 февраля 2016. Режим доступ: http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/biznes-v-ocherednoj-raz-vydvinul-initsiativu-o-prinuditeljnom-litsenzirovanii.html#.WATQKvl97RZ (дата обращения 10.01.2018); ФАС разработал законопроект по принудительному лицензированию // Фармацевтический вестник. 18 марта 2016. Режим Ддоступа: http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/fas-razrabotal-zakonoproekt-po-prinuditeljnomulitsenzirovaniju.html#.WATRG_l97RY (дата обращения 10.01.2018)

рактеристике скорости протекания, что препятствует точному расположению их фаз относительно друг друга. По этому поводу профессор М.В. Ильин замечает, что «политика существует только во времени и никак иначе» [8, с. 59]. Это означает, что циклы могут по-разному развёртываться и в социальном времени, и в социальном пространстве. Так, более оперативный (в плане согласований), административный цикл подготовки регуляторного НПА в правительстве может значительно опережать законодательный процесс, если, к примеру, в отраслевом нормативном регулировании образовалась какая-либо правовая лакуна, которую никак не могут заполнить законодатели-депутаты в силу их межфракционной борьбы. Решение тогда может оперативно приниматься и уже исполняться ещё до начала инициирования законотворческого процесса по аналогичным регуляторным нормам. С другой стороны, законодательный цикл может вполне «обгонять» административный процесс нормотворчества, в случаях отсутствия согласованной межведомственной позиции в отношении необходимости принятия межотраслевых решений или же благодаря деятельности внутриведомственных сил, блокирующих его совместную реализацию.

Наконец, рассматриваемые циклы обладают весьма существенными особенностями с точки зрения оценки лоббистами эффективности работы тех или иных «каналов» (процедурных форм) при продвижения интересующей их альтернативы через т.н. «точки доступа (access points)»² в различных «спатиальных месторасположениях» работы ОГВ (т.е. пространственных площадках, «кабинетах и коридорах власти»). Хотя при выполнении требований регулирующих норм успех цикла законотворчества зависит от его реализации в подзаконном административно-управленческом процессе, наибольшее число относительно транспарентных для GR-специалистов «точек доступа» расположено именно в его пространстве. Во-первых, с формально-процессуальной точки зрения, количество базовых стадий подготовки НПА в законодательном цикле (в силу наличия там системы «бикамерализма») зачастую выделяется больше, чем в административно-управленческом процессе. Этот вывод следует и из сравнения регламентов палат Федерального Собрания РФ с правилами принятия НПА федеральных органов исполнительной власти РФ (девять стадий против пяти)3. Во-вторых, с учётом права думских комитетов и комиссий на организацию целой системы мероприятий в ФОЗВах для «выяснения фактического положения

² «Точка доступа» здесь определяется как пространственно-временной фрагмент процесса принятия государственных решений, расположенный на его некоторой процедурной фазе и обладающий характеристиками возможного времени и определённого места, для оказания направленного влияния лоббиста на работу ЛПР. Например, часы приёма в конкретном отделе департамента ОГВ или плановое заседание экспертного совета при правительстве в определенный период времени, которым располагает GR-специалист для коммуникации и осуществления лоббистских действий в отношении отдельного ЛПР с целью передачи ему необходимого сообщения.

³ Постановление Госудмы ФС РФ «О Регламенте Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 25.02.2015) // https://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/; Постановление Совета Федерации ФС РФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 10.02.2016) // http://base.garant.ru/12125778/ (ред. от 10.11.2016); Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 15.10.2016) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/

дел и общественного мнения по вопросам законопроектной деятельности и по другим вопросам» ^{4} , с временной и ресурсной точки зрения данный цикл является более открытым для оперативных GR-действий, нежели внутриведомственный и общеправительственный уровни ФОИВов, «точки доступа» в механизме работы которых не просто ограничены, но и сужаются прямо пропорционально уровню обсуждения и «весу» государственного решения.

Различия в рабочих схемах федеральных законодательных циклов (где также есть особенности в процедурах принятия ФЗ и ФКЗ) базируются, как правило, на особой дробности и детализации количества стадий, которое может колебаться от трёх-четырёх до шести-десяти. К примеру, многие российские правоведы при рассмотрении российского законодательного цикла в рамках Госдумы РФ выделяют четыре базовые стадии: внесение законодательной инициативы в парламент; рассмотрение и обсуждение законопроекта в Госдуме; принятие закона (голосование в трёх чтениях и утверждение его итогов) и, наконец, промульгацию и вступление закона в юридическую силу [11, с. 282]. Одно из существенных отличий выделения фаз циклов принятия политикоуправленческих решений от официальных стадий процесса их процедурноправотворческого оформления состоит в том, что последний заканчивается на опубликовании и вступлении в силу правового акта (ПА), т.е. он не учитывает ни процесс внедрения ПА в социально-политическую практику, ни собственно управленческие результаты, степень преодоления (при его помощи) той или иной социальной проблемы, ни социальные последствия его реализации.

В итоге получается, что «в нужное время и в нужном месте нужным людям нужно (убедительно или принудительно) продвинуть нужный им проект», т.е. на определённом временном этапе соединить содержательно адекватный и обоснованный проект решения с открывшимся на время формально-процедурным «окном возможностей» и лоббировать его, опираясь на временно установившийся баланс силовых потенциалов между коалициями различных социально-политических акторов. Может оказаться, что в ходе планирования и осуществления отдельной GR-кампании проблемы конгруэнтности и сопряженности (т.е. «темпоральной синхронности» и «спатиального взаиморасположения») указанных циклов «внешней» среды (которые тесно взаимосвязаны и сопрягаются между собой) в значительной мере затрудняют выполнение этой управленческой задачи в силу их межсекторального и гетерогенного характера.

Циклы жизнедеятельности во «внутренней» среде работы бизнес-корпорации

Принятие топ-менеджментом крупной компании стратегических решений, планов и программ считается обычно экспертами «осевым пунктом» (pivotal

⁴ Пункт 5 статьи 26 Регламента Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации.

stage) при описании общего цикла корпоративного управления. В подобных компаниях решения принимаются, как правило, комплексные и многоуровневые, требующие дополнительного внутреннего («вертикального» и «горизонтального») согласования действий производственных и функциональных департаментов (в особенности, когда для их реализации предусматривается выделение значительных финансовых ресурсов). При этом основы их выработки чётко фиксируются в установленных корпоративных принципах и правилах, регламентах и стандартных операционных процедурах (СОП). Следовательно, помимо финансового департамента, в такие процессы вовлекаются прочие структурные подразделения: юридический и планово-аналитический департаменты, отделы по контролю за соблюдением корпоративных принципов (compliance), связей с общественностью и государственными органами и т.д.

При этом цикл принятия отдельных управленческих решений (в т.ч. решения отдельных бизнес-единиц, производственных подразделений или даже отдельных сотрудников) оказывается одновременно вписанным в более широкий контекст общего цикла стратегического управления и планирования корпоративной деятельности, как системообразующего процесса для всего объема и спектра направлений предпринимательской деятельности [17, с. 334]. Не останавливаясь на описании всей значимости планирования, отметим главное для понимания роли субъектов GR-деятельности: процесс стратегического планирования связан с формулированием генеральной миссии компании, разработкой комплексного пакета её стратегий (от общекорпоративной до функциональной и т.д.), а также преобразованием их в конкретные тактические задачи, средства и действия.

Именно здесь пересекаются общекорпоративная стратегия и функциональная GR-стратегия фирмы, поскольку GR-специалист действует, прежде всего, руководствуясь общими принципами и целями компании, а задачи своей функциональной стратегии соотносит с генеральным планом стратегического управления фирмой.

Согласно «процессному» подходу (О.С. Виханский, А.И. Наумов и др.) [3], общий цикл корпоративного стратегического управления характеризуется как долгосрочный временной отрезок – от стартового анализа элементов среды ведения бизнеса до оценки и контроля выполнения ранее выбранной стратегии. Ключевым моментом производственной деятельности является выход фирмы на отраслевой рынок с готовой продукцией, что соответствует итоговому этапу выполнения стратегии. В рамках процессного подхода цикл стратегического управления фирмой раскладывается на следующие стадии: 1) анализ среды (на данном этапе проводятся экономические исследования и анализ законодательной базы государств и регионов, на рынки которых предполагается выходить, для выявления оптимального с точки зрения политических и юридических рисков варианта); 2) определение миссии и целей, выбор стратегии фирмы, причём на данном этапе проводится позиционирование выбранных сегментов рычём на данном этапе проводится позиционирование выбранных сегментов рычём на данном этапе проводится позиционирование выбранных сегментов рычём на данном этапе проводится позиционирование выбранных сегментов рыческих рисков варианта); 2)

ночного пространства и таргетирование целевых аудиторий (этап совпадает или несколько предшествует подготовке текстов нужных законопроектов или поправок к ним, а также этапу построения политической повестки дня); 3) выполнение стратегии (проводится реклама продукции и мониторинг ее эффективности, начинается массовое производство продукции, и осуществляется выход на исследуемый рынок); 4) контроль за исполнением и оценка результатов выбранной стратегии.

Каковы тогда место и роль «GR-стратегии кОмпании» и «тактики GR-кАмпании» фирмы в этой общей системе корпоративного управления? Циклический процесс GR-деятельности отражает поведение бизнес-корпорации при продвижении своих «внутренних» интересов в ходе отраслевой работы всей системы «внешних» органов государственной власти, а практически любая тактическая GR-кампания является «производной» (соподчинённой и субординированной) в отношении стратегии корпоративного управления и во многом зависит от расположения её цикла относительно уже динамических циклов деятельности государственных стейкхолдеров во «внешней» среде. Цикл GR-кампании обычно запускается менеджерами в двух достаточно типичных политико-управленческих ситуациях: когда корпоративная стратегия находится в процессе реализации и у компании, к примеру, возникает потребность либо во введении новых правил игры (проактивная стратегия), либо в препятствовании применения регуляторных правил до её завершения (реактивная стратегия).

Основные фазы и компоненты рабочей «проектно-программной» модели циклического процесса для осуществления GR-менеджмента

Из приведённого выше рассуждения можно предварительно заключить, что GR-менеджмент бизнес-организации, как своего рода «межсредовой» (межсекторальный) или же «посреднический» (функционально-коммуникационный) вид менеджмента по оказанию влияния на «внешнюю» среду работы фирмы, является во многом производным и результирующим от учёта и адаптации к исходным условиям динамики двух базовых циклических процессов – государственного и корпоративного управления.

В специальной литературе сложились некоторые подходы к структурированию этапов процессов GR-работы в контексте общего цикла управления корпорацией. Их можно подразделить на два основных: 1) «проектно-тактический» (или, образно выражаясь, «кАмпанейский») подход к выстраиванию краткосрочных оперативно-тактических циклов в рамках общего процесса GR-менеджмента; 2) «программно-стратегический» (или условно говоря, «кОмпанейский») подход к определению уже долгосрочных стратегических циклов GR-управления. В соответствии с первым, «проектным» подходом ряд авторов определяют лишь основные, тактические этапы и формы краткосрочного цикла

оперативной работы над GR-проектом в рамках отдельно взятой лоббистской кампании (А.С. Автономов [1], И.Е. Минтусов, [13], А.Н. Шохин [2] и др.)

«Проектная» модель GR-деятельности уделяет значительное внимание функциональному содержанию фазы анализа релевантной информации при подготовке отдельных GR-кампаний, причём как в трудах ряда американских [29], так и российских политологов [13; 19]. Методы анализа данных в рамках данной фазы рассматриваются в работах отечественных авторов, описывающих процессы как собственно GR-работы, так и стратегического менеджмента корпорации [3; 15]. Отдельные попытки разработки проблемы исследования такой фазы GR-кампании как её проектирование и планирование встречаются в работах зарубежных (например, Д. Гелак, П. Либби [25; 30]) и отечественных авторов (А.А. Дегтярёв, Л.С. Сморгунов [4, 4, 19]). Конкретная же фаза реализации отдельной GR-кампании часто выглядит достаточно уникальным образом, что нередко осложняет её обобщение.

Пожалуй, наиболее развёрнутая и последовательная попытка разработки и обоснования «проектной» модели тактического GR-менеджмента (цикла проведения отдельной лоббистской кампании) была предпринята в трудах профессора А.С. Автономова [1, с. 109]. Его схема позволяет достаточно детально выделить следующие основные стадии цикла оперативно-тактической работы в пределах отдельно взятой лоббистской кампании: создание рабочей группы и распределение функций; проведение переговоров со стейкхолдерами; распространение сведений об общественной выгоде от действий, предпринимаемых лоббистами; работа со СМИ и связи с общественностью; мониторинг и контроль осуществляемых лоббистских акций. В конце данного цикла, выделен также этап оценки результатов лоббистской кампании, который согласуется с двумя заключительными этапами цикла принятия публично-государственных решений, демонстрируя, что лоббистская кампания не заканчивается на получении «нужной подписи». Последующее сопровождение лоббистского проекта, конвертируемое в мониторинговые и пр. мероприятия, также играет немаловажную роль, подстраховывая бизнес-структуры от рисков, возникающих на этапе реализации и оценки последствий принятого решения.

Вместе с тем приведённые выше модельные «проектные» версии не охватывают всех особенностей данной системной проблемы в силу недостаточного учёта комплексности и известной «многоуровневости» реальных процессов GR-управления, что заставляет задуматься о её дальнейшей комплексной структуризации и оптимальной алгоритмизации.

В рамках альтернативного, «программно-стратегического», подхода также высказан ряд конструктивных идей, связанных как с формами стратегического взаимодействия, так и со взаимной адаптацией деятельности бизнеса и государства, в долгосрочной политико-стратегической и программно-отраслевой перспективе их работы [14; 15; 21]. В частности, профессор О.А. Маленков пишет (по поводу роли и значения выработки специальной стратегии

функциональных подразделений фирмы, в том числе, и её GR-отдела), что во многих российских компаниях ошибочно считают возможным обходиться без разработки функциональных стратегий и ограничиваться главной стратегией и стратегиями бизнес-единиц. В этом случае цели, поставленные на общекорпоративном уровне, «повисают в воздухе» и отрываются от тактических задач функциональных подразделений, из-за неясности, кто и за что отвечает, какие оперативные задачи нужно решать в первую очередь и как конвертировать в них выполнение стратегических задач [12, с. 10].

В новом фундаментальном «Компедиуме SAGE по международным корпоративным и публичным отношениям» (2017) говорится, что развитие и осуществление такой функциональной стратегии корпорации, как «стратегические публичные отношения» (strategic public affairs), куда обычно входят функции GR-менеджмента, составляет ту базовую управленческую задачу, без решения которой потенциал долгой и успешной работы частной фирмы в публичной сфере вряд ли сможет быть реализован в полной мере [27, с. 65].

Что же тогда должен делать корпоративный специалист со своей GR-программой в отношении увязки общекорпоративной и отраслевой государственной стратегии в рамках смежного пространства участия в формировании долгосрочной публичной политики? Во-первых, лоббисту корпорации необходимо осуществить функциональное целеполагание, выстроить «древо» целей и соотнести в нем долгосрочные задачи GR-работы с общестратегическими целями корпорации с учётом основных направлений отраслевой государственной программы (или же пакета смежных программ). Здесь отраслевые корпоративные стратегии (corporate & business industry strategies) должны сопрягаться в масштабном социально-политическом пространстве и синхронизироваться в долгосрочном периоде социального времени с разработкой и осуществлением релевантных отраслевых государственных стратегий (policy area strategies).

Во-вторых, ему необходимо разработать собственно программу секто-

Во-вторых, ему необходимо разработать собственно программу секторально-функциональной GR-работы, увязав стратегию функционального менеджмента во «внешней» среде бизнеса со общестратегическим и оперативно-тактическим уровнями планирования «внутренней» работы фирмы. Таким образом, конкретная задача проведения отдельной лоббистской кампании распадается здесь на три рабочих шага: осуществление GR-анализа и картирования стейкхолдеров (stakeholders mapping), проектирование альтернативы и планирование GR-кампании (action planning) и имплементация плана продвижения альтернативы посредством применения специальных GR-технологий (action performance).

Попробуем предпринять собственную попытку предложить интегральноописательную модель «программно-проектного подхода» и итоговую конструкцию «общего цикла» GR-менеджмента отдельной фирмы, включающего в себя «матрёшку» из встроенных друг в друга стратегического и оперативно-тактического «субциклов» GR-работы. При исследовании особенностей циклического процесса GR-менеджмента можно выделить четыре его основные фазы: 1) исходная и базовая «метафаза уровня стратегирования» (стратегического целеполагания, общекорпоративного и функционального планирования, разработки отраслевой GR-стратегии); 2) фаза «кабинетно-аналитической работы» (GR-анализ, информационно-аналитическая работа и использование аналитических методик); 3) «проектно-плановая фаза» (проектирование альтернативного варианта государственного решения и планирование GR-кампании по продвижению этой альтернативы; 4) «имплементационно-полевая фаза» («коридорно-коммуникативная), связанная с реализацией плана кампании и применением коммуникативного воздействия при помощи GR-технологий для продвижения предпочтительного для бизнес-структур альтернативного варианта вплоть до его принятия конкретным ОГВ.

Как правило, в практике работы крупного бизнеса такие GR-стратегии бывают двух базовых видов: «проактивной» (ех ante, т.е. упреждающей и наступательной) и «реактивной» (ех post, т.е. арьергардной и оборонительной). Под «проактивной» стратегией понимаются упреждающие действия GR-специалистов, которые прогнозируют вероятное поведение ОГВ и целью которых является вплетение корпоративных интересов в готовящуюся политико-управленческую повестку решения ещё задолго до момента принятия. «Реактивная» GR-стратегия подразумевает осуществление оборонительных акций под влиянием уже состоявшегося, принятого и реализуемого ОГВ решения с целью частичной нейтрализации негативных социально-экономических последствий от этого решения для ведения бизнеса, обычно путем микширования и блокирования его немедленной имплементации, попытками отсрочить его вступление в силу или же внесением дополнительных изменений и поправок.

Уже было отмечено, что «спатиально-темпоральный» характер функционирования секторально-средовых циклов означает возможность их рассогласованного взаимного пространственного положения и асинхронных временных ритмов и темпов: они могут разворачиваться как конгруэнтно и синхронно, так и автономно (и при этом асинхронно), то есть циклы динамики «внутренней» среды могут заметно опережать динамические циклы среды «внешней», и наоборот, могут сильно отставать от них. Для идентификации различных типов политико-управленческих ситуаций (ПУС), с которыми регулярно сталкиваются некоторые корпоративные GR-менеджеры, вводятся специальные понятия «ситуация опережения» и «ситуация отставания», означающие соотносительное состояние (синхронизированное/асинхронизированное) циклической работы государственных и негосударственных участников отдельных секторальных процессов принятия решений, зафиксированных в определённых пространственных и временных рамках. ПУС «опережения» представляет собой такое состояние секторальной динамики в пространстве и времени, при котором циклы общекорпоративного управления и GR-менеджмента несколько опережают

государственно-управленческие циклы во времени, в пространственных «точках доступа». В противном же случае фазы циклы корпоративного управления и лоббирования «отстают» во времени (и «отрываются» в пространстве) от циклов принятия решений ОГВ.

Опережение функциональных этапов одних секторальных циклов (бизнесцикла) в отношении других «сред» (сектора ОГВ) создает, по выражению профессора Дж. Кингдона, «окно возможностей» (window of opportunities), которое представляет собой необходимый достаточный комплекс субъективных факторов и объективных обстоятельств в пространстве и времени государственно-управленческой динамики для вероятной реализации того или иного GRпроекта [28, с. 151]. «Окно возможностей», в определённом смысле, внезапно и ненадолго приоткрывает «спатиально-когруэнтный» коридор для умелых лоббистов в государственно-управленческом пространстве в определённой ранее «точке доступа» по оказанию адекватных ему типов воздействия. «Темпоральная синхронность» приводит к нахождению «критического момента» – поворотной временной точки для старта или усиления продвижения (а затем и принятия) государственно-управленческого решения, что в свою очередь обуславливается достаточными объёмами ресурсных потенциалов и качеством техник лоббистов для оказания влияния на ОГВ и способствует успешной выработке и реализации стратегии и тактики GR-кампании фирмы.

Следует отметить, что циклы управленческой динамики во «внутренней» и «внешней» средах деятельности фирмы разворачиваются не совершенно автономно или абсолютно параллельно, а взаимопереплетаются и взаимообуславливаются, постоянно «конвертируя» друг в друга свои секторально-менеджериальные средства и продукты. Это проявляется и в том, что коммерческая компания действует «вовне» двояко – в своей естественной рыночной (национальной и отраслевой) «экономической среде», и в обширной «политической среде», куда попадает уже само осуществление публичной политики корпорации, но со стороны уполномоченных ОГВ как макрорегуляторов развития отраслевого рынка.

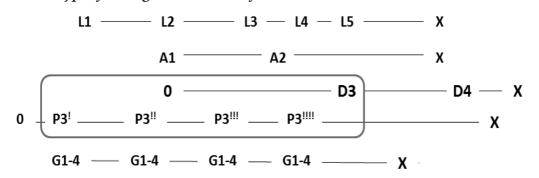
Типовые политико-управленческие ситуации «опережения» и «отставания» в анализе условий осуществления GR-работы

Для иллюстрации ряда приведённых выше общих положений рассмотрим характерный частный случай (кейс), который должен проиллюстрировать специфику двух указанных выше типовых ситуаций в повседневной работе GR-менеджеров, в плане различных вариантов сопряжения адекватности «позиций спатиального местоположения» действующих базовых стейкхолдеров с уровнем синхронизации их же «точек «темпорального времяположения».

Рассмотрим вначале политико-управленческую ситуация «опережения» (положение точки Р3 до точки D3), что указывает на возможность выбора про-

активной стратегии. В этом случае модели процессов разворачиваются во времени приблизительно следующим образом⁵:

Табл. 2. Вид управленческой ситуации «опережения» Table 2. Type of managerial situation of «advance»

Компания уже выбрала страну или регион, где собирается вести бизнес. Подготовка текста проекта НПА осуществляется до формирования политической повестки, внесение текста в профильный комитет и рассмотрение его в первых двух чтениях предшествует принятию решения (D3). Принятие закона в третьем чтении (L5) формально закрепляет принятие решения, после чего начинается его имплементация. Корпоративная стратегия (Р3) начала выполняться или была выполнена до принятия политико-управленческого решения, что и характеризует политико-управленческую ситуацию как «опережение»: применяется анализ ex ante, ищутся пути возможностей изменить принимаемое властью решение. Потребность в выполнении корпоративной стратегии инициирует цикл лоббирования, а положение стадии выполнения корпоративной стратегии во времени относительно этапа принятия политико-управленческого решения определяет, сколько точек доступа будет в распоряжении у лоббистов. После выполнения корпоративной стратегии (Р3) начинается упорная работа лоббистов (G1-4): создание рабочей группы, проведение переговоров со стейкхолдерами и донесение до общественности информации о выгодах, которые она извлечёт из данного проекта. После принятия политико-управленческого решения, осуществляется мониторинг и контроль лоббистских акций (X).

Положение точки Р3 относительно точки D3 говорит в пользу выбора проактивной стратегии GR-кампании. Положение точки Р3 относительно правотворческого цикла (точек L1-L5) обозначает пространство для манёвра, которое имеют GR-специалисты. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что, чем больше процесс корпоративного управления и цикл лоббирования опережают

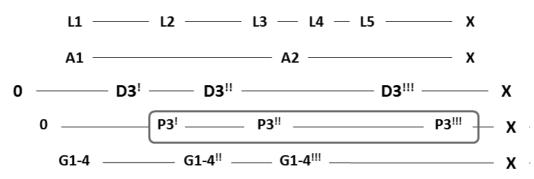
⁵ Символы (!) обозначают возможные положения точек относительно других графиков.

⁶ Обозначения, примененные при составлении схемы: L – правотворческий цикл, A – политико-управленческий цикл, D – стадия принятия решения (согласно пятифазной модели Данна), P – цикл реализации корпоративной стратегии, G – цикл GR-деятельности.

процессы государственного управления во времени, тем шире возможности для достижения эффективности проактивной стратегии GR-кампании, т.к. чем больше точек доступа, тем больше шанс, при прочих равных, донести позицию бизнеса до власти и повлиять на принимаемое решение. С приближением точки массового выпуска продукции к точке принятия политико-управленческого решения возможности для проактивной стратегии постепенно уменьшаются, вынуждая лоббистов делать выбор в пользу реактивной стратегии [1, с. 98].

Политико-управленческая ситуация «отставания» (положение точки Р3 между точками D3 и X правотворческого цикла) говорит в пользу реактивной стратегии. В данном случае временная конфигурация циклов среды корпорации может выглядеть следующим образом:

Табл. 3. Вид управленческой ситуации «отставания» Table 3. Type of managerial situation «lag»

В данной ситуации компания произвела значительный объём продукции, и частично выполнила стратегическую задачу после принятия государственноуправленческого решения (в каждом моменте точка Р3 отстает от точки D3), но до его формального закрепления в правотворческом цикле (точки X законодательного или административного процессов), в чём и заключается суть политико-управленческой ситуации «отставания». В данной ситуации лоббистам приходится проводить анализ возможностей по препятствованию формальному закреплению принятого решения (ex post анализ), что говорит о вынужденном выборе реактивной стратегии GR-кампании. При этом, поскольку инициатива исходит от государства, принятие решения может в значительной мере опережать цикл его формального закрепления. На графике видно, что точка D3 может находиться как перед этапами L2-L5, так и после них. Чем ближе точка Р3 находится к точке D3, тем больше точек доступа (L2 – L5) находится в распоряжении лоббистов. К примеру, в ситуации D3!P3! лоббистам открыты этапы L2 - L5 с соответствующими точками доступа, а в ситуации D3!P3!!! точек доступа не остаётся и возможности по предотвращению появления новых правил формально очень ограничены. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что чем короче цикл корпоративного управления и цикл лоббирования отстают от циклов государственного управления во времени, тем больше возможностей для повышения технической эффективности реактивной стратегии GR-кампании, т.к. чем больше точек доступа, тем больше шанс, при прочих равных, попытаться затянуть этап имплементации уже принятого решения. С удалением точки выпуска продукции от точки принятия государственно-управленческого решения спектр возможностей оказать влияние на ЛПР и затянуть имплементацию решения становится всё меньше.

Кейс о продвижении интересов правоообладателей в сети Интернет представляет пример политико-управленческой ситуации «опережения», которая описывается с помощью модели опережения циклом корпоративного управления и зависимым от него циклом лоббирования цикла политико-управленческого решения и обусловленного им цикла правотворчества в целях выявления аналитического потенциала последней.

В начале 2010-х гг. интенсивный рост онлайн-сектора индустрии развлечений и распространение высокоскоростного интернета в условиях недостаточности существовавших на тот момент в России регуляторных механизмов породили феномен интернет-пиратства колоссальных масштабов⁷. Нарушение прав интеллектуальной собственности стало повсеместным явлением и неизбежно влекло за собой серьёзные финансовые и репутационные издержки, способствовало закреплению негативного паттерна поведения в обществе. Под давлением западных партнёров и лоббистов отечественной киноиндустрии в государстве и обществе был сформирован запрос на последовательную и безапелляционную борьбу с пиратством XXI в., который шёл в разрез с интересами бенефициариев «зыбких» нормативных рамок. В результате проведения GR-кампании были внесены существенные изменения в Федеральный закон об информации, ГК и Гражданский процессуальный кодекс, создавшие механизм прекращения нарушения прав на продукцию кинопромышленности в сети Интернет⁸.

Перед началом активных действий со стороны корпоративного сектора расстановка сил выглядела следующим образом⁹. В принятии НПА была за-интересована коалиция поддержки в лице правообладателей и легальных онлайн-платформ, не желающих терять часть прибыли из-за широкого распространения нелегального контента, а также само российское государство, на чьи плечи бременем ложилась репутация «страны третьего мира» в том, что касается вопросов защиты интеллектуальной собственности¹⁰. Против будущего закона выступали представители интернет-индустрии под флагом защиты

⁷ Россия попала в очередной американский список интернет-пиратов [Электронный ресурс] // РИА новости. 20 мая 2010 г. Режим доступа: https://ria.ru/world/20100520/236464493.html (дата обращения 10.01.2018)

⁸ Федеральный закон от 02.07.2013 N 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях». 2013.

⁹ Международное сообщество выступает за баланс интересов всех игроков рынка цифровой среды» // Личный сайт О.Г. Румянцева. 14 апреля 2014 г. Режим доступа: http://rumiantsev.ru/a983/ (дата обращения 10.01.2018)

¹⁰ Пираты попали под раздачу [Электронный ресурс] // Газета Коммерсантъ. 10 июнь 2013 г. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2208653 (дата обращения 15.01.2018)

права российских граждан на доступ к информации, которое может нарушить массовая блокировка интернет-ресурсов и медленная работа судов по делам защиты ${\rm IC}^{11}$.

Переходя к описанию ситуации с помощью предлагаемой циклической модели опережения, стоит отметить, что определяющим выступает взаимное положение фаз непосредственного принятия политического решения (D1) и массового производства продукции (P1) в рамках ведущих циклов.

Построение политической повестки дня по данному вопросу и отбор альтернатив проходили последовательно с апреля 2012 по май 2013 г. Ключевое политическое решение (D3) о поддержке позиции правообладателей в вопросе защиты интеллектуальной собственности в Интернете было принято на встрече Президента РФ с кинематографистами 24 мая 2013 г. ^{12} . Формальное отражение решение нашло в следующих фазах правотворческого цикла. В июне 2013 г. законопроект был внесен в профильный комитет ГД (комитет по информационной политике, информационным технологиям и связям) (L2), в конце июня – начале июля 2013 г. законопроект был ободрен в первом и втором чтениях (L3-L5). Далее в кратчайшие сроки он миновал последующие этапы и 1 августа 2013 г. закон вступил в силу ^{13} .

В рамках цикла корпоративного управления точка Р3 расположилась перед точкой D1 и пришлась на 2011 г.: сборы за просмотр российских фильмов в России и СНГ составили за этот период более 5 млрд рублей. Для сравнения, аналогичные цифры в 2010 и 2012 составили 4,5 млрд и 4,6 млрд рублей соответственно¹⁴. Поскольку точка Р3 значительно опередила D3, лоббисты имели больше точек доступа для обеспечения эффективности проводимой кампании. В ноябре 2011 – январе 2012 г. проходили подготовительные мероприятия (G1). С декабря 2011 по март 2012 г. проходил второй этап цикла лоббирования (G2) по созданию широкой коалиции поддержки¹⁵. В ходе третьего этапа с апреля 2012 по май 2013 г. (G3) было подготовлено обращение к президенту РФ с призывом учесть интересы правообладателей при внесении изменений в законодательство, осуществлялась работа над ПФ3, принималось участие в публичных мероприятиях, была организована встреча с президентом РФ¹⁶. Последующие фазы цикла лоббирования (G4-G5) были посвящены сопровождению оформления и реализации решения.

¹¹ Интернет-компании призвали пересмотреть «антипиратский» закон // РИА новости. 27 июня 2013 г. Режим доступа: https://ria.ru/society/20130627/946096704.html (дата обращения 15.01.2018)

¹² Совещание по вопросам развития отечественной кинематографии // Сайт Президента России. 24 мая 2013 г. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/18182 (дата обращения 15.01.2018)

¹³ Федеральный закон от 02.07.2013 N 187-Ф3 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях». 2013.

¹⁴ По материалам сайта kinopoisk.ru за 2014 г. [Электронный ресурс] // Кинопоиск.ру. Режим доступа: http://www.kinopoisk.ru/box/year/2014/type/rus/cur/RUB/ (дата обращения 15.01.2018)

¹⁵ В данный период были организованы различные экспертные публичные мероприятия: Форум «Интеллектуальная собственность – XXI в.», Форум «Антиконтрафакт», конференция РАЭК и тд.

¹⁶ Аншлаг в кинозале заседаний [Электронный ресурс] // Коммерсант. 25 мая 2013 г. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2197602 (дата обращения 15.01.2018)

На основании вышеизложенного модель политико-управленческой ситуации «опережения» предстаёт следующим образом:

Таблица 4. Временные параметры управленческой ситуации «опережения» Table 4. Time parameters of the managerial situation of «advancing»

Временной период Цикл	Ноябрь	Декабрь	Январь	Март	Апрель	Декабрь	Январь	Май	Июнь	Июль	Август	С-Д
	2011	2011	2012	2012	2012	2012	2013	2013	2013	2013	2013	2013
L					L1				L2	L3-L5	Х	
D							D3			×		
Р	0 P3			Х								
G	G1		G2		G3			G4		G4		G5

Из Таблицы 4 видно, что циклы внутренней среды опережают циклы внешней среды, что говорит в пользу выбора проактивной стратегии GR-кампании: поскольку компании сами являлись инициаторами данного законопроекта, они располагали временем, необходимым на его проработку и подготовку системы аргументации и мер в пользу его принятия.

По итогам проведённого выше анализа условий, типов ситуаций и моделируемых фаз процесса работа GR-менеджеров, можно изложить некоторые предварительные выводы. Во-первых, потребность в учёте взаимосвязи динамических процессов «внешней» и «внутренней» среды, критически влияющих на работу бизнес-компании, возрастает в современном GR-менеджменте в условиях постоянно изменяющихся регуляторных «правил игры». При помощи указанных циклических моделей оказывается возможным реконструировать и увязать процессы «межсредовой» (межсекторальной) работы компании в социальном времени и пространстве.

Во-вторых, предложенная рабочая модель GR-менеджмента создаёт предпосылки для рационализации стратегии и тактики публичного поведения бизнесорганизации по продвижению её интересов на различных этапах деятельности органов государственной власти (ОГВ), и является поэтому обеспечивающим (базовый производственный процесс) управленческим продуктом, который вырабатывается с учётом ограничений и взаимосвязи функционирующих циклов корпоративного и государственного управления, что позволяет фирме уже оптимизировать затем собственно процесс планирования и реализации функциональной стратегии GR-управления.

И, в-третьих, циклы GR-деятельности запускаются обычно в типовых ситуациях, когда корпоративная стратегия уже реализуется, и возникает потребность либо во внедрении новых и комфортных регуляторных правил во «внешней» среде (проактивная стратегия ех ante), либо в препятствовании и микшировании осуществления новых не вполне удовлетворительных для ве-

дения бизнеса правил игры (реактивная стратегия ех post). Знание и умение расположить работу лоббиста в рамках фаз секторальных (средовых) управленческих циклов соотносительно друг друга, и понять при этом степень «опережения» или «отставания» одних операций и действий другими может повысить эффективность и результативность проведения тактической GR-кампании в различных типах политико-управленческих ситуаций.

Список литературы

- Автономов А.С. Азбука лоббирования. М.: ИРИС, 2009. 109 с.
- Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия / рук. авт. колл. А. Н. Шохин. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 352 с.
- 3. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Гардарика, 1998. 164 с.
- Дегтярев А.А. Проблема учета «внешних» и «внутренних» правил при осуществлении GR-работы в современной России // Корпоративное управление и социальная ответственность бизнеса / под ред. Е.Б. Завьяловой. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 270-282.
- Дегтярев А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 158-168.
- 6. Дегтярев А.А. Экспертные методы в анализе уровня результативности и эффективности осуществления взаимодействия с органами государственной власти в современной России // Формирование гражданского общества в России: стратегии и управление: монография / под ред. Л.И. Ильичевой. М.: Аналитик, 2015. 400 с.
- Зобнин А.В. GR-менеджмент на новом этапе развития // Лабиринт: Журнал социальногуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 78-86
- Ильин М. В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис: Политические исследования. 1996. № 1. С. 55-77.
- Козлов С. В. Влияние стадии жизненного цикла предприятия на формирование стратегии развития // Вестник Волжского университета. 2009. № 17. С. 15-28.
- Кулакова Т.А. Government Relations в процессе принятия политических решений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. № 2.

- C. 226-237.
- Левина М. И. Модели процесса принятия решений и парламентский процесс // Ежегодник сравнительного правоведения. 2002. С. 274-291.
- 12. Маленков Ю.А. О классификациях стратегий компаний // Эмитент: существенные факты, события, действия. 2006. № 42 (173). [Электронный ресурс]. // Корпоративный менеджмент. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/concepts/classification.shtml (дата обращения 10.01.2018).
- GR: теория и практика: учебник / под ред. И.Е. Минтусова, О.Г. Филатовой. СПб.: Издво С.-Петерб. ун-та, 2013. 180 с.
- 14. Молчанова О.П. Стратегический менеджмент некоммерческих организаций. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 261 с.
- Орехов С.А., Соколов М.А., Мадьяров М.А., Шамарова Г.М. Handbook по дисциплине «Анализ и разработка корпоративной стратегии». М.: Синергия, 2014. 192 с.
- 16. Павроз А.В. Government Relations как институт социально-политического взаимодействия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. № 2. С. 238-251.
- 17. Свэйм Р. Стратегии управления бизнесом Питера Друкера. СПб.: Питер, 2011. 416 с.
- 18. Сморгунов Л.В. Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббирования к корпоративной публичной политике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. 2016. № 4 (71). С. 100-104.
- Сморгунов Л.В. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / Под ред. Л.В.Сморгунова и Л.Н.Тимофеевой. М.: РОССПЭН, 2011. 407 с.
- Филонович С.Р., Кулешевич Е.И. Теория жизненных циклов организации И. Адизеса и российская действительность // Социоло-

- гические исследования. 1996. № 10. С. 63-71.
- 21. Фарнель Ф. Ж. Лоббирование: стратегии и техники вмешательства. Париж: Jouve, 1994. 118 с.
- 22. Хасби Д. Стратегический менеджмент. М.: Контур, 1998. 198 с.
- Anderson J. Public Policymaking: An Introduction. Boston, Cengage Learning, 2004.
   352 p.
- Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. Englewood Cliffs, 1994. 480 p.
- Gelak D. Lobbying and Advocacy. The Capitol. Net, 2008. 516 p.
- Greitens J.T., Joaquin E.M. Policy Typology and Performance Measurement // Public Performance and Management Review. 2010. Vol. 33. Iss. 4. Pp. 555-570.

- 27. Harsanyi F., Allen G. Achieving the Strategic Potential of Public Affairs // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / Ed. by P. Harris, C. Fleisher. London: SAGE, 2017. 728 p.
- Kingdon J. Agendas, Alternatives and Public Policies. Boston: Little, Brown & Co. 1984. 240 p.
- 29. Lasswell H. The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis. College Park. University of Maryland Press, 1956. 176 p.
- 30. Libby P. The Lobbying Strategy Handbook. London, Sage Publications, 2012. 301 p.
- Simon H. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations. N.Y.: Free Press, 1947. 358 p.
- 32. Wildavsky A. The Policy Cycle. Beverly Hills (LA), 1978. 332 p.

Об авторах:

Андрей Алексеевич Дегтярёв – к.филос.н., заместитель заведующего кафедры политической теории, Факультета управления и политики МГИМО МИД России, доцент, 119454, Москва пр. Вернадского, 76. E-mail: andrew.a.deqtyarev@qmail.com.

Михаил Дмитриевич Бондарев – студент магистратуры Факультета управления и политики МГИМО МИД, 119454, Москва пр. Вернадского, 76.

Алексей Сергеевич Тетерюк – аспирант кафедры политической теории Факультета управления и политики МГИМО МИД, 119454, Москва пр. Вернадского, 76.

CYCLICAL DYNAMICS OF THE «EXTERNAL» AND «INTERNAL» ENVIRONMENTS OF BUSINESS- ORGANIZATIONS IN GR-MANAGEMENT

A.A. Degtyarev, M.D. Bondarev, A.S. Teteryuk DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-63-93

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Within current conditions large business seeks to more actively influence processes of public state policy formulation and implementation connected with regulation of the economy and allocation of public resources. To ensure growing and systemic influence on the processes of government decision making, corporations promote economic interests by creat-

ing systems of controlled communications and relations with state bodies (SB). This field of professional activity identified as «GR» (Government Relations) is a specific type of management activity, specific cross-sectoral (cross-area) management of interactions between business companies (and other non-state actors) and the state authorities, located at the crossing of three basic sectors of governance (government, business and social (nonprofit) organizations). Professional functions on establishing and maintaining relations between business and government are conducted by GR-departments of large companies, specialized consulting firms and business associations. The complexity of those activities for business organizations proceeds from its specific location at the intersection of two environments (sectors): internal (in-house) and external (political and public) ones. This means that GR-specialist tries to consider the interests of these counterparties and identify points of intersection, where common interests can develop into business cooperation, and this may also contribute to the constructive involvement of business in shaping public policy. During such activities GR-specialist regularly faces the practical problems of frequent temporary error ("temporal asynchrony") and low level of spatial contingency ("spatial incongruence") between the "sectoral (environmental)" types of managerial dynamics and their autonomous rhythms and paces, special sectoral functioning and development strategies, deployed within each of these sectors (industry business strategy vs public policy area) and specific phases of the cycles of corporate and public governance, yet weakly interlinked. The authors stem from the common idea according to which a basic methodological prerequisite for the analysis, design and implementation of the effective and efficient GR-work is the development of a cycle model of the so-called "cross-sectoral" management, which would consider complex dynamics of the «internal» corporate processes as well as «external» public-management cycles.

Key words: interaction with state bodies, Government Relations, GR-management, lobbying, policy and corporate governance cycles, corporate and functional management strategies, phases of cross-sectoral (cross-areal) GR-management.

References

- 1. Avtonomov A.S. *Azbuka lobbirovaniia* [The ABC of lobbying]. Moscow. IRIS Publ., 2009. 109 p. (In Russian).
- Biznes i vlast' v Rossii: teoriia i praktika vzaimodeistviia [Business and authority in Russia: theory and practice of interaction] / Ed. by A. N. Shokhin. Moscow, NIU VShJe Publ., 2011. 352 p. (In Russian).
- Vikhansky O.S. Strategicheskoe upravlenie [Strategic Management]. Moscow, Gardarika Publ., 1998. 164 p. (In Russian).
- Degtyarev A. A. Protsess priniatiia i osushchestvleniia reshenii v publichno-gosudarstvennoi politike: dinamicheskii tsikl i ego osnovnye fazy [Process of decisionmaking in public policy: dynamic cycle and its main phases]. Polis. Politicheskie issledovaniia - Polis. Political Studies, 2004, no. 4, pp. 158-168. (In Russian).
- Degtyarev A.A. Problema ucheta «vneshnikh» i «vnutrennikh» pravil pri osushchestvlenii GR-raboty v sovremennoi

- Rossii [Problem of considering external and internal rules of conducting GR-activity in modern Russia]. *Korporativnoe upravlenie i sotsial'naia otvetstvennost' biznesa*. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2013. pp. 270-282. (In Russian).
- Degtyarev A.A. Ekspertnye metody v analize urovnia rezul'tativnosti i effektivnosti osushchestvleniia vzaimodeistviia s organami gosudarstvennoi vlasti v sovremennoi Rossii [Expert methods in analysis of level of efficacy and effectiveness of conducting interaction with state authorities in modern Russia]. Ed. by L.I. Ilyicheva. Moscow, Analitik Publ., 2015. 400 p. (In Russian).
- Zobnin A.V. GR-menedzhment na novom etape razvitiia [GR-management at new stage of development]. Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii, 2012. no. 2, pp. 78-86. (In Russian).
- 8. Ilyin M. V. Khronopoliticheskoe izmerenie: za predelami Povsednevnosti i Istorii

- [Chronopolitical Dimension: beyond Everyday Life and History]. *Polis: Politicheskie issledovaniia Polis. Political Studies*, 1996, no. 1, pp. 55-77. (In Russian).
- Kozlov S.V. Vliianie stadii zhiznennogo tsikla predpriiatiia na formirovanie strategii razvitiia [Influence of life cycle phases of enterprise on formulation of development strategy]. Vestnik Volzhskogo universiteta - Vestnik of Volzhskiy University, 2009, no. 17, pp. 15-28. (In Russian).
- Kulakova T.A. Government Relations v protsesse priniatiia politicheskikh reshenii [Government Relations in decision making process]. Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS. 2005. no. 2, pp. 226-237. (In Russian).
- Levina M. I. Modeli protsessa priniatiia reshenii i parlamentskii protsess [Models of decision making process and parliamentary process]. *Almanac of Compara*tive Law, 2002, pp. 274-291. (In Russian).
- 12. Malenkov Y.A. O klassifikatsiiakh strategii kompanii [About classification of corporate strategies]. *Emitent: sushchestvennye fakty, sobytiia, deistviia,* 2006, no. 42. 17 p. Available at: http://www.cfin.ru/management/strategy/concepts/classification.shtml (Accessed (In Russian).
- 13. Mintusov I.E., Filatova O.G. *GR: teoriia i praktika* [GR: theory and practice]. Saint-Petersburg, St. Petersburg university Publ., 2013. 180 p. (In Russian).
- 14. Molchanova O.P. Strategicheskii menedzhment nekommercheskikh organizatsii [Strategic management of nongovernmental organizations]. Moscow, Iurait Publ., 2016. 261 p. (In Russian).
- 15. Orekhov S.A., Sokolov M.A., Mad'iarov M.A., Shamarova G.M. *Handbook po distsipline «Analiz i razrabotka korporativnoi strategii»* [Handbook on discipline "analysis and development of corporate strategy"]. Moscow, Sinergiia Publ., 2014. 192 p. (In Russian).
- Pavroz A.V. Government Relations kak institut sotsial'no-politicheskogo vzaimodeistviia [Government Relations as institute of social and political interaction].
   Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS, 2005, no. 2, pp. 238-251. (In Russian).
- 17. Swaim R. The Strategic Drucker: Growth Strategies and Marketing Insights from the

- Works of Peter Drucker. Jossey-Bass, 2009. 250 p. (Russ. ed.: Strategii upravleniia biznesom Pitera Drukera. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2011. 416 p.).
- 18. Smorgunov L.V. Vzaimodeistvie gosudarstva i biznesa v Rossii: ot lobbirovaniia k korporativnoi publichnoi politike [Interaction between state and business in Russia: from lobbying to corporate public policy]. *Nauka i obrazovanie: khoziaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo, pravo i upravlenie,* 2016, no. 4, pp. 100-104. (In Russian).
- 19. Smorgunov L.V. GR-sviazi s gosudarstvom: teoriia, praktika i mekhanizmy vzaimodeistviia biznesa i grazhdanskogo obshchestva s gosudarstvom [GR-networks with state: theory, practice and mechanisms of interaction between business and civil society with the state: textbook]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 407 p. (In Russian).
- Filonovich S.R., Kuleshevich E.I. Teoriia zhiznennykh tsiklov organizatsii I. Adizesa i rossiiskaia deistvitel'nost' [Theory of life cycles of organization of I. Adizes and Russian reality]. Sociological Studies, 1996, no. 10, pp. 63-71. (In Russian).
- Farnel' F. Zh. Lobbirovanie: strategii i tekhniki vmeshatel'stva [Lobbying: strategies and techniques of interference]. Paris, Jouve Publ., 1994. 118 p. (In Russian).
- Khasbi D. Strategicheskii menedzhment [Strategic management]. Moscow, Kontur Publ., 1998. 198 p. (In Russian).
- Anderson J. Public Policymaking: An Introduction. Boston, Cengage Learning, 2004. 352 p.
- 24. Dunn W. *Public Policy Analysis: An Intro-duction.* Englewood Cliffs, 1994. 480 p.
- 25. Gelak D. *Lobbying and Advocacy*. The-Capitol.Net Publ., 2008. 516 p.
- Greitens J.T., Joaquin E.M. Policy Typology and Performance Measurement //
  Public Performance and Management Review. 2010. vol. 33., pp. 555-570.
- Harsanyi F., Allen G. Achieving the Strategic Potential of Public Affairs // The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs / Ed. by P. Harris, C. Fleisher. London: SAGE, 2017. 728 p.
- Kingdon J. Agendas, Alternatives and Public Policies. Boston: Little, Brown & Co. 1984. 240 p.

- 29. Lasswell H. The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis. College Park. University of Maryland Press, 1956.
- 30. Libby P. The Lobbying Strategy Handbook. 32. Wildavsky A. The Policy Cycle. Beverly Sage Publ., 2012. 301 p.
- 31. Simon H. Administrative Behavior: A
- Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations. The Free Press, N.Y., 1947. 358 p.
- Hills (LA), 1978. 332 p.

About the authors:

Andrey A. Degtyarev - PhD, Deputy Chair, Department of Political Theory, School of Governance and Politics, MGIMO-University, Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76. Mikhail D. Bondarev - Master Student, School of Governance and Politics, MGIMO-University, Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.

Aleksey S. Teteryuk – Postgraduate Student, School of Governance and Politics, MGIMO-University, Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.

Вестник МГИМО-Университета. 2018. 1(58). С. 94-109 DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-94-109

THE REALIST PARADIGM OF ENERGY DIPLOMACY IN THE RUSSIAN SCIENTIFIC TRADITION AND ITS PRACTICAL APPLICABILITY

Roman O. Reinhardt, Sergei V. Pronichkin

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia Russian Academy of Sciences

Nowadays energy diplomacy tends to be one of most relevant and important fields of applied research in International Relations. It is characterized by an interdisciplinary approach being an intersection of political and economic theory, international law, energetics, theory of diplomacy, as well as other fields. Still, numerous research works in the given area both in Russia and abroad are characterized by a number of controversies, such as absence of a common theoretical, methodological basis and conventional terminology, as well as lack of consistency in the choice of scientific paradigms, which leads to divergence of research results and hinders the comparability of the latter. Along with that, in terms of scientific policy it is worth mentioning the absence of a common scientific space in the above field of research, which tends to be shaped by national research cultures and traditions. Throughout the 2000-2010s representatives of the MGIMO scientific school have accumulated experience in dealing with problems of energy diplomacy. However, most of the existing works do not specify the selected political theory paradigms, such as, for instance, realism, liberalism or constructivism. With no intention to conduct a comparative analysis of the aforementioned concepts, the authors of the article outline the key theoretical findings of political realism as the most suitable paradigm for explaining, analyzing and eventually forecasting the recent trends and phenomena given the current geopolitical and economical juncture. They prove the applicability of the proposed model to the OPEC case study and demonstrate its potential practical usefulness for policy-makers in foreign affairs and international energy relations.

Ключевые слова: political realism, energy diplomacy, theory of diplomacy, scientific policy, MGIMO scientific school, OPEC.

УДК: 327.82 Поступила в редакцию 21.12.2017 г. Принята к публикации 20.02.2018 г. owadays there tends to be no shortage of special science literature on theory of diplomacy and diplomatic practice. Research traditions of such outstanding scholars as J. Hotman, G. Bragaccia, A. de Wicquefort, F. de Callières, H. Nicolson, E. Satow and others invoke substantial changes in order to satisfy the demand not only of the academic community, but also of MFA civil servants as well as the general public interested in the respective problems. Still, whilst working with these abundant research works scientists may come across a number of difficulties.

First, it is worth mentioning that the modern diplomatic system is undergoing a permanent transformation and hence cannot be described by fixed terms. Due to objective and natural reasons both definitions and concepts tend to lose relevance and become out of date. Thus, they have to be revised on a regular basis in order to reflect geopolitical changes. Unfortunately, not all contemporary scholars are eager to actively contribute to the above revision, while some of them, both in Russia and abroad, continue thinking in mostly traditional categories [20, p. 8-10].

Second, many investigations in this field have quite a high degree of specialization. On the one hand, focusing on an aspect of the topic and elaborating it might ceteris paribus provide a deeper analysis. On the other hand, such an approach may hinder seeing the gist of diplomatic processes with the considered phenomena being dealt with out of the general context. As a result, the holistic picture of modern diplomacy tends to get blurry. Working from the premises of already existing subfields, e.g. public, economic, energy diplomacy etc., some experts make a point of further parceling the subject and outlining its idiosyncratic forms. It appears questionable whether it makes sense to make 'diplomacy' a universal tag, adding it to any type of international cooperation. Probably, one could as well do without 'sports diplomacy' or 'celebrity diplomacy' [20, p. 530, 617]. At the same time, drawing attention to this kind of problem seems to be relevant and potentially useful with regard to the development of the theory.

Third, not all research works apply an interdisciplinary approach. While some of them, as H. Nicolson would put it, stray 'into the sands of foreign policy', others stray 'into the marshes of international law' [15, p. 20]. In the current scientific discourse, there are islands of economics (especially when dealing with foreign economic affairs and economic diplomacy), political sciences, history of international relations etc. Building bridges between them can be considered a complex but absolutely necessary task of today's diplomatic theory.

Fourth, globalization tends to have an impact on both the research subject (the diplomatic system) and on those who examine it (transnational scientific contacts, multinational research groups etc.). However, it would be untimely to talk about a common scientific space. This can be basically explained by two main factors i.e. language and methodology. Even taking into account the fact that English is increasingly gaining ground as the academic lingua franca, most research papers dedicated to diplomatic service issues are still being written in the languages of the respective countries. As far as methodology is concerned, it still tends to be shaped by traditions and specifics of national scientific cultures [11, p. 4-6].

Fifth, with regard to the variety of modern forms, models and methods of diplomacy providing comprehensive analysis and description in the framework of the previous century classics, including founding fathers of diplomatic science, it is hardly possible. XXI century diplomacy is a complex multilevel system with interaction of numerous actors (State, private, supranational etc.) coping with a wide range of issues – from disarmament and maintaining international security to protecting consumer rights and fighting certain diseases [23, p. 8-11]. Casting light on just one dimension and putting aside all the others would mean giving a fragmentary image of the system.

Not to put too fine a point on it, the outlined problems are especially acute in the field of energy diplomacy. The analysis of the existing works on this issue reveals several weak points and controversies in foreign and Russian studies. One can mention the absence of a common conceptual framework and universal terminology, point to the focus on specific aspects, which go along with underdeveloped interdisciplinary and system approaches, and criticize the overall fuzziness in choosing scientific schools and paradigms [22, p. 10-11]. With regard thereto, prior to an applied examination of the respective practices we reckon appropriate to elaborate a theoretical and methodological basis of energy diplomacy studies with political sciences (alongside economics) as one of its key pillars.

Theoretical basis of the realist paradigm in energy diplomacy

In this context, it is worth referring to geoeconomics, or as defined by a prominent Russian scholar V. Dergachev, new economical geopolitics [6, p. 13]. Its core idea boils down to regarding the foreign policy strategy of a State or a group of States (block, integration group, coalition) as a derivative of its economic power. In other words, geopolitical processes of redistribution of influence spheres of such actors as a result of conflicts amongst them, transcend from the military and political dimension to the economy. Hence the shift in means, since war becomes no longer just a military confrontation, but an economic one with sanctions, embargos, attacks against national currencies etc. and mutual defense alliances projects being brought forward in parallel with regional economic integration.

In general, geoeconomics does not imply the renouncement of 'classical' geopolitics and the substitution of its military elements by foreign trade issues. The economic confrontation goes hand in hand with the traditional one as well as with the so-called geophilosophical, i.e. the third and latest stage of geopolitics according to V. Dergachev meaning the collision of cultures and civilizations [6, p. 15]. The condition of peace or 'peaceful coexistence' in terms of geoeconomics takes shape as a local (restricted by time and space) equilibrium characterized by a denial of direct destructive measures or economic aggression. The latter can manifest itself as trade, 'gas' or 'oil wars', coordinated speculative attacks on strategic resources, manipulating energy sources, food and other valuable products prices.

Thus, geoeconomic warfare can be defined as a set of measures meant to undermine the national economic and, especially, the energetic security of the opponent, whereas peace, sometimes perceived by globalists as *pax mercatoria* [8, p. 2], is a temporary condition determined by tactical reasons for postponing war. The time gained thereby is used for the accumulation economic resources (be it foreign currency, investments, oil reserves etc.) in order to have a more favorable disposition in the future, where a recourse to aggressive measures can never be excluded. To cut a long story short, achieving such a condition and maintaining it, encompasses the mission of energy diplomacy being a subfield of economic diplomacy [21, p. 14].

Considering the scientific schools in International Relations conducive to providing a concise understanding of contemporary energy diplomacy, it seems to be appropriate to opt for the canonic realist paradigm. In line with its key principles, the main actors in international relations (in the given context also world economy) are States. The nature of these relations can be defined as anarchic with no supreme power, even embodied by international political and economic organizations with their competences being restricted by a number of formal and informal factors, and the principle of self-help [14, p. 55].

The ultimate goal of actors on the international scene can be perceived as a complex protection of national interests determined by the endeavor to provide the State's perpetual existence in time and space. Still, this endeavor is by no means taken per se, since the State appears to be a derivative of the social and economic formation, its functional and operational expression. In a nutshell, each State is backed up by interests of social (parties, unions etc.) and economic (corporations, businesses, consumers etc.) groups. However, on the world arena (external environment) the State remains the key provider of internal actors' interests being in charge of harmonizing and consolidating their positions. Consequently, energy diplomacy as part and parcel of the system should serve the interests of citizens and national business.

Obviously, with the advent of globalization, internal political actors have begun to play an increasingly active and autonomous role in international affairs as stakeholders of the latter [14, p. 60]. Notwithstanding this evidence, the role of the State as a link between local and global politics tends not only to remain but to be amplified and strengthened, especially during difficult periods in terms of geopolitical juncture. The fact that the main pillar of virtually each government is secured by the national rather than the world economy should also be taken into consideration. At the same time sticking to this somewhat statist vision, it is crucial to emphasize once again the adherence to the principle 'State for society and economy', and not vice versa.

The primordial task in this context can be defined as maintaining the State's security with national energy security being an integral part thereof. Therefore, the target function of energy policy measures is maximizing the resistance of the national energy system toward exogenous as well as endogenous shocks.

As for the means used to ensure it, without listing them we put an emphasis on force as their main driver. Be it aggression or diplomatic initiatives, the better part of

the respective measures imply pressure leading at the end of the day to a balance of power point. Such a static equilibrium in a constantly changing world with many simultaneously ongoing processes can only be of short-term nature.

As the story unfolds, processes in the realist theory appear as conflicts between States resulting in wars in the worst scenario. The latter can take place in a geographic theater of war, as well as in a geoeconomic one, i.e. on exchanges, financial or commodity markets, whereby their parallel development cannot be excluded. In the XXI century, there is also space for information and Internet wars, confrontation of mass media etc. With regard to the modern military terminology, such cases may be deemed hybrid wars.

In general, apologists of this paradigm assume the unchangeable nature of international relations: notwithstanding any inevitable transformations, the system's core will remain the same, at least in the foreseeable future. Unlike Liberalists or Marxists, Realists do not preview a 'permanent peace' [8, 12] or the advent of an utopist idea (for instance, communism). The main assumption of the whole concept boils down to the permanent existence of national interests.

The choice of this paradigm is justified by the fact that it allows to analyze the contemporary international relations phenomena as well as links between them in the most clear-cut and straightforward way. The main remarks to this formula are 'ceteris paribus' and 'hic et nunc'. Among the most representative cases in this regard can be considered the latest events of world politics and especially the confrontation between Russia and the West [17, p. 40-41].

We stress that in terms of science studies the choice of the theoretical and methodological basis, especially as far as human sciences are concerned, can only vary. Moreover, it encompasses the author's stance on the problematics, which has to unique, i.e. different from previous results of scientific procedures.

The perception of the topic proposed in the present article is far from being a universal one. Neoliberalism, neomarxism or constructivism could also constitute a fair theoretical basis for applied research in the field of energy diplomacy, as it implicitly or explicitly results from other cited works. [21, p. 87-90].

The appliance of the above approaches would by no means undermine the theoretical consistency of the research papers, but, in our humble opinion, could have a negative impact on their practical applicability. The latter appears to be a volatile category subject to middle-term changes on the world arena. According to A.Kireev, all models 'are wrong, but some of them are useful' [10, p. 371]. In line with this idea, we consider the practical usefulness of the theoretical paradigm.

In this regard, even in the early 2000s energy diplomacy could have been described in terms of the neoliberal or constructivist approaches. Nowadays (in the second decade of the XXI century) such a traditional attitude appears to be somewhat outdated and methodologically useless, even if the links between globalization and energy policy are still relevant. Increasing confrontation between the key stakeholders on the international scene, i.e. USA, EU member States, Russia, China, Japan, OPEC

members etc., tends to shape the newest changes of the geopolitical landscape. This is no longer about the rivalry of certain participants of the global market in the framework of the world economy's internationalization, but a real geopolitical and economical confrontation.

Conflicts of specific economic interests consolidated on the national level should be considered the subject of contemporary energy diplomacy studies [18, p. 80-82]. Drastically decreasing oil prices (since 2014 onwards), Middle East and Lugansk/Donetsk crises demonstrate the usefulness of the aforementioned conflictological approach. Conflictogenous by its nature, this interaction fits the theoretical discourse of the nationally oriented economical realist paradigm, brought forward by foreign as well as Russian scholars, including the representatives of the MGIMO scientific school. In order to illustrate the consistency of the proposed approach, it seem appropriate to look into the recent developments of the Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC) in the context of its international relations and interaction with other global energy market stakeholders.

OPEC case study: applying the paradigm

The creation of OPEC in 1960 was an important step in terms of the influence of countries on energy markets through cooperation. However, in recent years, attempts to stabilize energy prices are becoming increasingly problematic. The volume of oil production in non-OPEC countries has increased, just like the competition of hydrocarbon suppliers with alternative energy sources providers. It appears that the future of OPEC will depend on its cooperation with other organizations, as well as on its internal coherence. Historically and in line with the above paradigm, OPEC established the interstate regulation in the energy sector and the world oil market: a group of countries formed an official international organization, by means of which they combined efforts in energy policy in order to raise world average prices and increase revenues from oil sales, which was the beginning of a global confrontation between energy producers and consumers [4].

It may seem that such a commodity as oil with a high degree of monopolization and low production costs in most OPEC countries should be fairly stable, however, oil prices, after a sharp increase in 1973-1974, experienced fluctuations repeatedly [3]. Nowadays most OPEC economies are still facing serious challenges, while they are fully aware of their dependence on consumers. An inconclusive embargo on oil supplies to Europe and the formation of strategic oil reserves (about three months of their import requirements) by countries belonging to the International Energy Agency made OPEC members abandon application of straightforward political pressure. Now there exists an informal agreement between oil importers and OPEC in order to maintain stability, as there are enough reasons for concern, like riots and strikes in Nigeria and Venezuela, the terrorist chaos in Iraq, the tension in the Israeli-Palestinian relations, and now in the Israeli-Lebanese-Syrian relations, the growing concern about the situation in Iran and its allegedly aggressive behaviour [16].

Russia and Norway also have a considerable share in exporting energy resources: their economic interests embrace relatively high oil prices, which often leads to an aggravation of political tension. Nevertheless, the consequences of exacerbations may exceed economic benefits, a fact that policy-makers in the respective countries cannot neglect. Therefore, they often meet the proposals of OPEC and importers to maintain stability in oil markets, and in some cases, to achieve a modus vivendi in political conflicts.

The natural concerns of exporters about relatively high oil prices have their bounds, so they are interested in the so-called fair price, which guarantees long-term stability in the consumption of their goods. A fair price is a price conducive to satisfying the reasonable economic needs of the exporter and, at the same time, not exceeding a level which could cause negative consequences for both exporters and importers. The concept of a fair price for oil, and, accordingly, for natural gas and other forms of energy, is normally set by the oil price corridor, which OPEC countries are trying to fulfil with quotas for oil production supplied to the world market.

Thereby, too high prices can cause a significant reduction in the growth rates of the economy in net energy importing countries and, accordingly, a decline in the global economy as a whole, thus hitting the interests of the countries that are net exporters of hydrocarbons. In the long run, Russia and some other net exporters of hydrocarbons are in fact not interested in excessively high prices for energy resources, because they have a negative impact on the development of the domestic economy, increasing the share of the energy in the national industry, and cause fast depletion of subsoil, which can ultimately lead to the reduction in oil production and export [5]. In addition to price interests (high for exporters, low for importers) there is another significant and sticky point, i.e. the access to the most preferable markets. On the one hand, it determines the development of the corresponding transport infrastructure - a network of trunk pipelines, appropriate transport, terminals and refining plants. All this requires huge investments that usually involve high risks for the private sector, which in turn seeks to compensate and reduce them with support from the State. The latter implies a wide-range strategic public-private partnership, which can be considered a feature of the modern realist paradigm.

Talking about the coincidence of the exporters' and importers' interests one may go as far as to affirm that it definitely does exist ensures a stable growth of the global economy. By and large, a relative stability of oil production and consumption constantly remains under the destabilizing (not always negative) influence of weak nodes in the existing infrastructure and emerging new infrastructure projects that change the overall picture of the world's energy flows. For example, the first include areas with a high density of shipping (Turkish, Danish, Strait of Hormuz and Malacca), with transit problems, politically unstable from an inter-ethnic and interstate point of view.

The second group of reasons that change the direction of energy flows can be associated with new transport projects, such new pipelines as Baku-Ceyhan, the North Pipeline, the Eastern Siberia-Pacific Ocean oil pipeline etc. For instance, the increase

in the oil supply from Russia to the Asia-Pacific and China in the amount of up to 80 million tons per year in the initial period can withdraw tens of millions of tons of oil a year from the Russian supply market to Europe (depending on the success of geological exploration in Eastern Siberia) [5]. On the other hand, the opening of the Baku-Ceyhan oil pipeline will significantly affect the reduction of transit volumes of Azerbaijani oil via the Baku-Novorossiysk pipeline and the cargo turnover of the Novorossiysk terminal. In this context, the significance of the aforementioned political risks in addition to economic risks is also growing. Therefore, minimizing both risks alongside developing an appropriate risk management system can be considered as one of the most important components in ensuring international energy security. Risk management as such has both economic and political significance. In the economic dimension, there is a reduction of costs for a country's energy market, in the political one - the prevention of socio-political crises within a country and the prevention of conflicts between States.

International energy security has been traditionally considered from the point of view of the leading net importers of energy resources (consumers), from the standpoint of providing them with hydrocarbons on a stable basis and at relatively moderate prices. At the same time, the countries-net exporters (producers) have to maintain a significant level of reserve capacity, which would allow them, in times of oil supply crisis in case of reduction in supplies from one country (region) to get supplies (or produce alternative energy) from others. All these things can only complicate things for suppliers. After all, their business is connected with significant risks that include a cyclical development of the world economy, falling demand for energy resources, the desire of consumers to switch to alternative energy sources, the efforts to ensure the safety of routes for the transportation of energy resources. In turn, producers have the same dependence on consumer They must ensure budget revenues, as energy resources export often makes up a significant share of the income of OPEC countries and other oil producers. In addition to fluctuating demand, producers are also influenced by inflation of the US dollar. With regard thereto, speaking about energy security, it seems fit to introduce the notion of a "fair economic interdependence" [2].

After the significant fall in oil prices, that took place in 2014, OPEC countries along with those not-members struggled to stabilize the prices of crude oil and develop a plan to freeze the level of production, even though they knew it would be a long and thorny path. Many experts tried to explain the collapse of oil prices and why OPEC and non-OPEC countries could not come to an agreement to bring stability to the market immediately. According to some experts, Saudi Arabia started a price war to increase its market share [4]. Others said that it was an initiative undertaken by Saudi Arabia and other OPEC members to drive out US oil shale producers from the market [16]. It was also suggested that this was a part of the regional rivalry between Saudi Arabia and Iran. Others argued that this was part of the political game of Saudi Arabia and its Western allies in order to exert pressure on Russia supporting President Bashar al-Assad in the ongoing conflict in Syria [19]. It was assumed that lower oil

prices would force Russia to stop supporting the Syrian government. At any rate, such a conflictogenous perception of the phenomenon would surely correspond to the offensive realism paradigm.

Despite the conjectures about the reasons for the fall in oil prices, the situation at the end of the day changed fundamentally. OPEC and non-OPEC countries reached an agreement to reduce oil production by 1.8 million barrels a day, even though Russia continues to support the Syrian government and Iran has not taken any responsibility to cut its oil production [16]. Moreover it continues to enhance its oil production since the lifting of sanctions in early 2016. Anyway, in order to influence the oil market, OPEC countries have to coordinate with either non-OPEC exporters, or with importers. Taking this into consideration, it seems necessary to analyze the interaction of OPEC with two groups of countries: firstly, with other major oil exporters, such as, Russia, the US, Norway, etc, and secondly, with the countries on the list of the largest oil importers, such as China, India and others.

OPEC's interest in Russia and some CIS countries may be explained by the fact that these countries have significant oil and gas reserves and can influence the global markets. In addition, Russia and the CIS countries need significant investments, which can exacerbate competition on the world market of loan capital. OPEC has repeatedly raised the issue of developing cooperation with Russia and the oil and gas countries of the CIS. Russia's economic and energy security is largely related to the state and intensity of its interaction with OPEC. It is especially important now, when Russia's energy diplomacy is actively pursuing a line for simultaneous cooperation with countries - exporters and importers of energy resources. At the same time, considering national interests, Russia makes a significant contribution to ensuring international energy security at the global and regional levels, which strengthens its political position in the world.

Since 1998, Russia participates in the sessions of the Conference of OPEC member countries as an observer. Moreover, meetings of high-level experts from Russia and the OPEC member countries are held regularly. The deepening of cooperation demonstrates mutual interest in getting reliable information concerning the state of affairs in the world oil markets, forecasts of their short- and medium-term development. Possession of such information allows coordinating joint actions to stabilize the markets. Russia also works with the leading members of OPEC in the framework of bilateral cooperation. Since the establishment of OPEC, Russia's relations with this organization have always been somewhat complicated.

It is worth mentioning that attempts to build constructive relations between Russia and OPEC have been made several times. Since 1991, the development of Russia's relations with OPEC has passed a number of stages that were directly related to periods of recession of the world economy in 1997-1998 and 2008-2009, when there was a decline in demand in the world market and, consequently, the price of oil fell. Russia, recovering from the 1998 crisis, began to increase exports, which caused OPECs discontent, as at that time the price was about 10 USD per barrel and the OPEC countries were reducing their production [2]. It came to the point that OPEC threatened Russia

to crash oil prices (coercive diplomacy or menace of economic warfare). In order to have the possibility to resolve such conflicts, since 1998, Russia has started to participate in the sessions of the OPEC Conference, as well as in expert meetings.

In 2002, the "oil war" between the OPEC and Russia broke out again. Against the backdrop of the fall in oil prices, OPEC demanded that Moscow reduce its production and sales of its energy resources to the foreign market. Representatives of OPEC began to threaten that they could significantly reduce the price of oil again. Formally, Russia accepted OPEC's request. However, according to official statistics, oil exports from Russia were growing steadily. The conflict was settled with the increase in oil prices in early 2003 on the eve of the US-British invasion in Iraq. At the meeting in October 2004 in Moscow, Russia's readiness to continue consultations both in multilateral and bilateral formats was reaffirmed.

In recent years, the relationship between OPEC and Russia has improved. Russia, as stated above, constantly participates in OPEC ministerial conferences as an observer and is open to further dialogue. At the height of the global economic recession of 2008, when oil prices fell from 140 below 50 USD per barrel, Russia and OPEC significantly increased mutual cooperation and coordination of their actions. 2016 was marked by a breakthrough in Russia-OPEC relations. Officials from OPEC noted that it occurred due to the consistency and perseverance of the Russian side. Negotiations and the achievement of an agreement between the OPEC countries and states outside the cartel in December 2016 contributed to a serious increase in oil prices during the past year, from about 30 USD to 55 USD per barrel, which, according to some estimates, brought to the Russian budget 1.5 trillion roubles.

The document, signed on December 10, 2016, on the cooperation between the OPEC countries and the oil-producing states that are not members of the cartel, was unprecedented. For the first time, it was possible to reach an agreement on a voluntary reduction in the volume of oil production, which goes well beyond OPEC. The efforts of the OPEC countries aimed at restoring and rebalancing the world oil market were supported by 11 more world producers, the largest of which is Russia. This agreement appears even more significant because it comes more than a decade since the last one was struck between OPEC and non-OPEC countries. However, an increase in production was noted in a number of countries that did not sign the agreement, for example, in Canada and Brazil. Nevertheless, the main focus is on the United States, which can become a fount for the next "shale recovery".

Commodity stocks of oil in the US have recently increased, reaching 528 million barrels, which exceeds January figures by more than 49 million barrels. Oil reserves traditionally grew at the beginning of the year, but the current level is historically unprecedented. This record became possible due to the reduction in refining at American refineries (in early March, this figure fell to 15.47 million barrels per day - in early January 2017, processing fluctuated between 16.5-17 million barrels) and an increase in imported oil supplies. However, the concerns of the participants in the Vienna agreements are primarily related to the increase in production in the US itself.

American oil companies have made good use of the situation on the oil market. In March 2017, after a year of falling, for the first time oil production overcame the mark of 9 million barrels a day. The cost of production in the US has been declining for three years, reaching 35-40 USD per barrel for such major fields as Bakken, Permian, Niobrara and Eagle Ford (this figure is not yet market price, since the extracted oil should be transported). The improvement of technological parameters for horizontally drilled wells, as well as the reduction in maintenance costs in times of the crisis (the cost of drilling or well construction) have become the basis for the current recovery, but the important role is played by the beliefs of American oilmen that the administration of Donald Trump (himself a firm realist) will stimulate the oil industry in the spirit of the pre-election slogan "Make America energetically independent".

Given the situation in the Middle East, Riyadh cannot ignore what is happening. Recently, high-ranking Saudi politicians, including Energy Minister Khalid al-Falih, have hinted that the country may refuse to extend the regime for reducing production recorded in the framework of the OPEC summit in late November 2016. They tend to be concerned that US oil companies are enjoying an improvement in the overall oil market situation and are not going to put up with the fact that some oil and gas exporters, not limiting themselves to anything and not binding themselves, derive substantial benefits from the Vienna arrangement.

The Vienna agreements per se, being voluntary obligations of the States, are not legally binding. They are not underpinned by enforcement mechanisms. OPEC countries are interested in fluctuation of the oil quotes in the range of 55-60 USD per barrel, and almost everyone wants to avoid a return to oil quotes below 50 USD, when most of the US shale deposits will become unprofitable. Excessive drop in quotations will affect the solvency of Riyadh itself. Therefore, in the mid-term, Saudi Arabia would probably "push out" carefully shale oil by bringing its reserve capacity to the market (up to 12 million barrels per day). For oil shale companies range of 40-45 USD per barrel can be considered unacceptable. Still, in order to keep prices at this level steadily, the country would have to work hard and make real steps to reduce government spending and diversify the economy.

China increasingly turned to Persian Gulf, African, and Latin American producers within OPEC to satisfy its burgeoning domestic oil needs after becoming a net oil importer in 1993 when its domestic demand began to outstrip its crude output. At current volumes, Saudi Arabia accounts for approximately 20 percent of China's total crude imports [13]. Another OPEC member Angola is a long-standing supplier of China. The country's economic interaction with the Gulf accelerated in the 2000s. Chinese national oil companies spent approximately 15 billion USD in oil and gas acquisitions in 2009 and more than 26 billion USD in 2010 as a means to diversify their energy investment portfolios and benefit from an appreciation in assets in the coming decade [19]. OPEC members situated in the Gulf contributed the majority of China's oil imports.

China continues to stand by Iran, even as international sanctions targeting the OPEC producer have proved hard for both Beijing and Tehran to elude [1]. China

says its long-term dependence on foreign oil imports means it cannot afford to relinquish bilateral energy relations with any major Middle East energy producer, including Iran. But China has paid a geopolitical price for betting incorrectly in and around the Middle East, and its support for Iran and Syria's Assad regime currently puts its improving relations with Saudi Arabia and Kuwait in some jeopardy. Saudi Arabia and Qatar have taken active steps to support the overthrow of Syria's Assad regime and to contain Iran's regional influence. China now runs the risk of damaging its own important relationship with Saudi Arabia and Qatar by backing the wrong side in the brewing regional battle for supremacy between these important Sunni Arab states of the Gulf region and Shi'ite Iran and its satellite regional proxies. US Middle East policy is now perhaps the single biggest inhibitor to China's successful implementation of its "going abroad" strategy. Most recently, US-led sanctions policy against Iran has forced Beijing to pull back on its commitments in the Iranian oil and gas industry. US efforts to sanction Iran for its nuclear aspirations have also prompted China to pressure its firms to slow activities in Iran to minimal tasks such as appraisal studies instead of active drilling and construction related to existing deals.

Another key stakeholder of the global energy diplomacy appears to be India. In 1990 India imported 37% of oil it consumed while in 2012 it imported a staggering 82% of consumed oil, pushing the import bill to 120 USD billion and making it the energy source with the highest import dependency [9]. The reduction in oil production by the Organization of Petroleum Exporting Countries combined with rising prices could pose a threat to India's energy security and will force it to look for alternative suppliers of hydrocarbons.

Iraq and Saudi Arabia, the main oil exporters to India, will cut supplies as part of the OPEC + pact, while shipments from Iran fell due to a conflict between Indian companies and Tehran over the development of the Farzad B gas field, which forces Delhi to look for new sources of raw materials. In search of new sources of oil, India drew attention to Urals, close in quality to many near-Eastern varieties. Indian refineries have already purchased a record volume of Urals since the beginning of 2017 and, according to the traders, will buy more. Until now, supplies of the Russian oil to India were irregular and did not exceed 500,000 tons per year [9]. Currently, India ranks third in the world in terms of consumption and import of oil after the US and China, while approximately 86% of the oil supplied from abroad comes from OPEC countries. With regard thereto, Indian higher officials fear that restrictions on oil production in the OPEC countries and outside the cartel may lead to insufficient investments in exploration and new facilities, which in the long term will reduce supplies from these States.

To conclude, the above case study demonstrates the consistency and proves the applicability of the outlined realist paradigm in modern energy diplomacy. Its further elaboration and adjustment to the challenges of the contemporary international relations and shifts on the global energy market remains a key precondition for strengthening the link between theory and practice in the respective field and forecasting scenarios of it future development. In terms of science diplomacy, further studies of the

subject with eventual modifications of the suggested model may not only be of theoretical value for scholars but also useful for policy-makers in the process of decision taking in foreign affairs.

References

- Álvarez C. B. M. De Ghawar a Palian: Diplomacia energética y estrategias corporativas en los vínculos energéticos entre el golfo Pérsico y la República Popular China, 1990-2010 [From Ghawar to Dalian: Energy Diplomacy and Corporate Strategy in the China-Persian Gulf Relations, 1990-2010]. Estudios De Asia y Africa, 2014, vol. 49, no. 2, pp. 301-363.
- Bayou C. L'europe et la diplomatie énergétique du pouvoir russe défiances et dépendances [Europe and the Energy Diplomacy of Russian Power: Defiance and Dependence]. Revue Internationale Et Strategique, 2007, vol. 68, no. 4, pp. 175-186.
- Bösch F. Energy diplomacy: West Germany, the Soviet Union and the oil crises of the 1970s. Historical Social Research, 2014, vol. 39, no. 4, pp. 165-185.
- Chaban N., Knodt M. Energy diplomacy in the context of multistakeholder diplomacy: The EU and BICS. Cooperation and Conflict, 2015, vol. 50, no. 4, pp. 457-474.
- Chun H. Russia's energy diplomacy toward Europe and Northeast Asia: a comparative study. Asia Europe Journal, 2009, vol. 7, no. 2, pp. 327-343.
- 6. Dergachev V.A. Geojekonomika [Geoeconomics]. Kiev: Vira-P., 2002. 512 p.
- Gueldry M., Liang, W. China's global energy diplomacy: Behavior normalization through economic interdependence or resource neo-mercantilism and power politics? *Journal of Chinese Political Science*, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 217-240.
- Goldstone P.R. Pax Mercatoria Does Economic Interdependence Bring Peace? MIT CIS Audits of the Conventional Wisdom, 2007, no. 7, pp. 1-4.
- Huda M. S., Ali S. H. Energy diplomacy in South Asia: Beyond the security paradigm in accessing the TAPI pipeline project. *Energy Research and Social Science*, 2017, no. 34, pp. 202-213.
- Kireev A.P. Prikladnaja makrojekonomika [Applied Macroeconomics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2006. 456 p.
- Konnov V.I. Harakteristika rossijskoj nauchno-issledovateľskoj kuľtury: vozmozhnosti sociaľno-psihologicheskogo podhoda [Characterizing Russian Scientific Culture Based on Socio-psychological Approach] Voprosy psihologii, 2012, no. 4, pp. 3-12.

- 12. Lambert H. Pax economica: la liberté des échanges internationaux fondement nécessaire et suffisant de la paix universelle et permanente [Pax economica: the liberty of international exchanges fundamentally necessary and sufficient for universal and permanent peace]. Paris: Librairie F.Alcan, 1921. 324 p.
- 13. Lanteigne M. China's Energy Security and Eurasian Diplomacy: the Case of Turkmenistan. *Politics*, 2007, vol. 27, no. 3, pp. 147-155.
- Lebedeva M. Resources of Influence in World Politics. Social Sciences. Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences, 2014, no. 3, pp. 55-64.
- Nicolson H. Diplomatija. Per. s angl. pod red. i s predisloviem A.A. Trojanovskogo [Diplomacy. Translated from English and edited by A.A. Trojanovskij]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1941. 154 p.
- Proedrou F. Revisiting pipeline politics and diplomacy: from energy security to domestic politics explanations. *Problems of Post-Communism*, 2017, no. 2, pp. 1-10.
- 17. Simoniya N.A., Torkunov A.V. Vlijanie geopoliticheskih faktorov na sostojanie mezhdunarodnyh jenergeticheskih rynkov (na primere SShA) [The Impact of Geopolitical Factors on International Energy Markets (On the Example of the USA)]. Polis. Politicheskie issledovanija, 2016, no. 2, pp. 38-48.
- Simoniya N., Torkunov A. The European Union's Energy Security and Russia. Social Sciences. Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences, 2015, no. 2, pp. 78-89.
- Wu F. China's puzzling energy diplomacy towards Iran. *Asian Perspective*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 47-70.
- The SAGE Handbook of Diplomacy. C. Constantinou, P. Kerr and P. Sharp, eds. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc, 2016. 684 p.
- 21. Zhiznin S.Z. Jenergeticheskaja diplomatija [Energy diplomacy]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2007, no. 2, pp. 86-95.
- Zhiznin S.Z. Rossijskaja jenergeticheskaja diplomatija i mezhdunarodnaja jenergeticheskaja bezopasnost' (geopolitika i jekonomika) [Russian Energy Diplomacy and International Economic Security (Geopolitics and Economics].

Baltijskij region, 2010, no. 1, pp. 8-21.Zonova T.V. Diplomatija: Modeli, formy, metody

[Diplomacy: Models, Forms and Methods]. Moscow: Aspekt Press, 2013. 348 p.

About the authors:

Roman O. Reinhardt – PhD in World Economy, Senior Lecturer at the Department for Diplomatic Studies, Russia MGIMO-University, Russia, 119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76. E-mail: don.reinhardt@mail.ru. Sergei V. Pronichkin – PhD in Technical Sciences, Senior Researcher, Federal Research Center "Computer Science and Control" of Russian Academy of Sciences. Russia, 117312, Moscow, Prospect of the 60th Anniversary of October, 9. E-mail: pronichkin@mail.ru.

The article is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 16-18-10282.

РЕАЛИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЁ ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРИМЕНИМОСТЬ

Р.О. Райнхардт, С.В. Проничкин DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-94-109

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление», РАН

В настоящее время энергетическая дипломатия представляется одной из наиболее важных и значимых областей прикладных международных исследований. Данный раздел отличается междисциплинарностью, находясь на стыке политической и экономической теории, международного права, энергетики, теория дипломатии, а также других смежных сфер. При этом множественные исследования, посвящённые указанной проблематике, как отечественные, так и зарубежные, характеризуются рядом спорных моментов, а именно: фактическим отсутствием единой теоретико-методологической базы и общепринятой терминологии, недостаточной четкостью и ясностью в выборе научных парадигм, что приводит к существенным расхождениям при формулировке выводов исследований и снижает сопоставимость их результатов. Помимо этого, с точки зрения научной политики допустимо говорить об отсутствии единого научного пространства в рассматриваемой области знания, которая в большинстве случаев определяется национальной научно-исследовательской культурой и соответствующими традициями. Научной школой МГИМО и отдельными ее представителями за последние десятилетия накоплен богатый опыт изучения и анализа проблем энергетической дипломатии. Вместе с тем во многих из имеющихся трудов напрямую не обозначены выбранные политико-теоретические парадигмы, такие как, например, реализм, либерализм или конструктивизм. Не ставя перед собой задачи сравнительного анализа перечисленных концепций, авторы настоящей статьи подробно описывают основные теоретические посылы и положения парадигмы, которая в условиях наблюдаемых в настоящее время геополитических и геоэкономических реалий способствует их наиболее адекватной трактовке, прикладному анализу и последующему прогнозированию – политический реализм. Авторы обосновывают применимость предлагаемой модели на эмпирическом материале, исследуя кейс ОПЕК, и демонстрируют её потенциальную практическую полезность для лиц, принимающих решения в области внешней политики и международных энергетических отношений.

Key words: политический реализм, энергетическая дипломатия, теория дипломатии, научная политика, научная школа МГИМО, ОПЕК.

Список литературы

- Álvarez C. B. M. De Ghawar a Palian: Diplomacia energética y estrategias corporativas en los vínculos energéticos entre el golfo Pérsico y la República Popular China, 1990-2010 [From Ghawar to Dalian: Energy Diplomacy and Corporate Strategy in the China-Persian Gulf Relations, 1990-2010]. Estudios De Asia y Africa, 2014, vol. 49, no. 2, pp. 301-363.
- Bayou C. L'europe et la diplomatie énergétique du pouvoir russe défiances et dépendances [Europe and the Energy Diplomacy of Russian Power: Defiance and Dependence]. Revue Internationale Et Strategique, 2007, vol. 68, no. 4, pp. 175-186.
- Bösch F. Energy diplomacy: West Germany, the Soviet Union and the oil crises of the 1970s. Historical Social Research, 2014, vol. 39, no. 4, pp. 165-185.
- Chaban N., Knodt M. Energy diplomacy in the context of multistakeholder diplomacy: The EU and BICS. Cooperation and Conflict, 2015, vol. 50, no. 4, pp. 457-474.
- 5. Chun H. Russia's energy diplomacy toward Europe and Northeast Asia: a comparative study. Asia Europe Journal, 2009, vol. 7, no. 2, pp. 327-343.
- 6. Dergachev V.A. Geojekonomika [Geoeconomics]. Kiev: Vira-P., 2002. 512 p.
- Gueldry M., Liang, W. China's global energy diplomacy: Behavior normalization through economic interdependence or resource neo-mercantilism and power politics? Journal of Chinese Political Science, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 217-240.
- 8. Goldstone P.R. Pax Mercatoria Does Economic Interdependence Bring Peace? MIT CIS Audits of the Conventional Wisdom, 2007, no. 7, pp. 1-4.

- Huda M. S., Ali S. H. Energy diplomacy in South Asia: Beyond the security paradigm in accessing the TAPI pipeline project. Energy Research and Social Science, 2017, no. 34, pp. 202-213.
- Kireev A.P. Prikladnaja makrojekonomika [Applied Macroeconomics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2006. 456 p.
- Konnov V.I. Harakteristika rossijskoj nauchno-issledovateľskoj kuľtury: vozmozhnosti sociaľno-psihologicheskogo podhoda [Characterizing Russian Scientific Culture Based on Socio-psychological Approach] Voprosy psihologii, 2012, no. 4, pp. 3-12.
- 12. Lambert H. Pax economica: la liberté des échanges internationaux fondement nécessaire et suffisant de la paix universelle et permanente [Pax economica: the liberty of international exchanges fundamentally necessary and sufficient for universal and permanent peace]. Paris: Librairie F.Alcan, 1921. 324 p.
- Lanteigne M. China's Energy Security and Eurasian Diplomacy: the Case of Turkmenistan. Politics, 2007, vol. 27, no. 3, pp. 147-155.
- Lebedeva M. Resources of Influence in World Politics. Social Sciences. Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences, 2014, no. 3, pp. 55-64.
- Nicolson H. Diplomatija. Per. s angl. pod red. i s predisloviem A.A. Trojanovskogo [Diplomacy. Translated from English and edited by A.A. Trojanovskij]. Moscow: Izdateľstvo politicheskoj literatury, 1941. 154 p.
- 16. Proedrou F. Revisiting pipeline politics and diplomacy: from energy security to

- domestic politics explanations. Problems of Post-Communism, 2017, no. 2, pp. 1-10.
- 17. Simoniya N.A., Torkunov A.V. Vlijanie geopoliticheskih faktorov na sostojanie mezhdunarodnyh jenergeticheskih rynkov (na primere SShA) [The Impact of Geopolitical Factors on International Energy Markets (On the Example of the USA)]. Polis. Politicheskie issledovanija, 2016, no. 2, pp. 38-48.
- Simoniya N., Torkunov A. The European Union's Energy Security and Russia. Social Sciences. Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences, 2015, no. 2, pp. 78-89.
- Wu F. China's puzzling energy diplomacy towards Iran. Asian Perspective, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 47-70.

- The SAGE Handbook of Diplomacy. C. Constantinou, P. Kerr and P. Sharp, eds. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc, 2016. 684 p.
- Zhiznin S.Z. Jenergeticheskaja diplomatija [Energy diplomacy]. Pravo i upravlenie. XXI vek, 2007, no. 2, pp. 86-95.
- 22. Zhiznin S.Z. Rossijskaja jenergeticheskaja diplomatija i mezhdunarodnaja jenergeticheskaja bezopasnosť (geopolitika i jekonomika) [Russian Energy Diplomacy and International Economic Security (Geopolitics and Economics]. Baltijskij region, 2010, no. 1, pp. 8-21.
- Zonova T.V. Diplomatija: Modeli, formy, metody [Diplomacy: Models, Forms and Methods]. Moscow: Aspekt Press, 2013. 348 p.

Об авторах:

Роман Отмарович Райнхардт – к.э.н., старший преподаватель кафедры дипломатии МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: don.reinhardt⊚mail.ru.

Сергей Васильевич Проничкин – к.т.н., старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. Россия, 117312, Москва, пр-т 60-летия Октября, 9. E-mail: pronichkin@mail.ru.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 16-18-10282.

Вестник МГИМО-Университета. 2018. 1(58). С. 110-126 DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-110-126 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ТРИГГЕР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА КАСПИЙСКОГО МОРЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

И.С. Рожков

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Объектом исследования данной статьи является формирование международного режима Каспийского моря после развала СССР в 1991 г., когда распад союзного государства привёл к увеличению количества прибрежных стран и трансформации «закрытого» советско-иранского региона в арену столкновения внешнеполитических интересов ведущих держав мира. Предметом исследования является энергетический фактор во взаимоотношениях стран Каспийского региона, который долгое время оказывал существенное влияние на позиции государств в переговорном процессе. Особое внимание уделено эволюции подходов членов каспийской «пятёрки» по вопросу ресурсной делимитации, в т.ч. в фокусе разработки Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Отмечены основные вехи многолетнего переговорного «марафона» на данном треке, рассмотрены последствия разграничения дна северной части Каспия между Россией, Казахстаном и Азербайджаном на основе дву- и многосторонних соглашений 1998-2003 гг. Подвергнута тщательному анализу ситуация, сложившаяся вокруг трансграничных нефтегазоносных месторождений Южного Каспия, оспариваемых Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном («Кяпаз» / «Сердар», «Азери» / «Оман», «Чираг» / «Осман», «Алов – Араз – Шарг» / «Альборз», «Сардар Джангал», «Алтын Асыр»), как фактор нестабильности в регионе, высказана оценка её негативного влияния на отношения прикаспийских стран в целом. Основным выводом автора является то, что дискуссия, начатая прикаспийскими странами для прояснения модальностей юрисдикции морских недр в формате Специальной рабочей группы на уровне заместителей иностранных дел, превратилась в полноценный механизм многостороннего взаимодействия региональных субъектов и стала триггером для обсуждения прочих насущных вопросов каспийской повестки дня: политикоэкономических, экологических, военных, по вопросам безопасности, транспортных, туристических и т.д. В этой связи выделены основные факторы, влияющие на поиск эффективных решений по выходу из «делимитационного тупика» на современном этапе, в т.ч. особая позиция Ирана по вопросам разграничения, роль внерегиональных акторов, экологические риски. Также исследована конструктивная роль на данном направлении четырёх Каспийских саммитов и документов, при-

УДК 341.1/8, 94:327(262.81) JEL Q4, К32 Поступила в редакцию 25.11.2017 г. Принята к публикации 01.02.2018 г. нятых по их итогам, подчёркнута безальтернативность принятия единого компромиссного подхода к ресурсному разграничению дна и недр Каспийского моря и его закрепления в будущей Конвенции по правовому статусу водоёма.

Ключевые слова: Каспийское море, правовой статус, делимитация, дно и недра, углеводороды, конвенция, спорные трансграничные месторождения, Каспийский саммит.

Распад Советского Союза в 1991 г. вызвал фундаментальные сдвиги в политической тектонике Каспийского региона¹, обозначив новый этап его развития. Появление на карте мира «молодых каспийцев» – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана – привело к трансформации сложившегося в течение XX в. статус-кво, связанного с советско-иранским доминированием на Каспии, и обозначило необходимость изменения устоявшихся «правил игры». Отныне судьба водоёма де-факто определялась результатами взаимодействия пяти независимых государств, многие из которых уже на заре своего становления столкнулись с рядом серьёзных вызовов и угроз, обусловленных несовершенностью существующего юридического статуса моря.

Целью настоящего исследования является попытка проследить эволюцию взаимоотношений между прибрежными странами на постсоветском этапе через призму определения нового юридического режима Каспийского моря, а также выявить основные факторы, способствующие развитию переговорного процесса внутри «пятёрки». Было бы опрометчиво предполагать, что после обретения независимости «новые каспийцы» безоговорочно согласятся с существующими правовыми «порядками», регулирующими отношения региональных акторов. В этой связи закономерно возникает вопрос о том, что же стало основным катализатором взаимодействия прикаспийских государств.

Если до 1991 г. главными направлениями каспийского сотрудничества были рыболовство, судоходство и экология, то после исчезновения СССР с политической карты мира геоэкономическое измерение в Каспийском регионе приобретает освоение богатых нефтегазоносных месторождений², разработка большинства из которых в советское время была признана нерентабельной ввиду глубины залегания ресурсов и отсутствия необходимых для их добычи технологий [3, с. 257]. Уже в начале 1990-х гг. некоторые западные аналитические компании объявляют об открытии колоссальных запасов углеводородов в недрах Каспия и публикуют якобы достоверные данные, подтверждающие статус ре-

¹ В настоящей статье под понятием «Каспийский регион» будет пониматься совокупность стран, чьи берега образуют границу акватории Каспийского моря.

 $^{^2}$ Согласно данным BP Statistical Review 2016, доказанные запасы нефти и газа каспийских стран составляют: Азербайджан – 1 млрд т / 1,1 трлн м³, Казахстан – 3,9 млрд т / 0,9 трлн м³, Туркменистан – 0,1 млрд т / 17,5 трлн м³, Иран – 21,7 млрд т / 34 трлн м³, Россия – 14 млрд т / 32,3 трлн м³ (BP Statistical Review of World Energy. June 2016. [Электронный ресурс] // URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/ energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (дата обращения: 15.11.2017).

гиона в качестве нового глобального энергетического центра. Работы советских геологов и нефтяников, изучавших море в течение практически целого столетия и косвенно опровергавших в своих трудах завышенные цифры, при этом в расчёт не берутся³. Подобные прогнозные манипуляции превращают каспийские ресурсы в лакомый кусок большого «энергетического пирога» и предмет повышенного интереса со стороны крупных международных компаний, с приходом которых «новые каспийцы» связывают увеличение объёмов бюджетных поступлений, приток передовых технологий, а также широкомасштабные инвестиции в нефтегазовую отрасль [13, с. 172-173].

В этой связи автор исследования склонен полагать, что именно энергетический фактор сыграл доминирующую роль в укреплении сотрудничества прикаспийских стран, а также придал положительный импульс дискуссии по определению правового статуса моря. В качестве основного контраргумента к позиции ряда исследователей, считающих, что основным драйвером взаимодействия прибрежных государств после распада СССР была необходимость предотвращения надвигающейся экологической катастрофы вследствие увеличившейся антропогенной нагрузки на биосферу водоёма, а также агрессивные попытки внерегиональных центров силы (США, ЕС, Турция) проникнуть на Каспий и закрепить там свои позиции, стоит упомянуть, прежде всего, экзистенциальную значимость минеральных ресурсов для формирующихся экономик «молодых каспийцев», которые срочно нуждались в финансовой подпитке для стабилизации и укрепления. Как справедливо отмечает в этой связи российский политолог И.А. Чихарев, рассуждая о роли ресурсно-сырьевой составляющей в современных политических отношениях, «основу экономического и политического жизнеобеспечения формируют природные ресурсы, без которых невозможно никакое социальное, интеллектуальное и информационное воспроизводство. Именно природные ресурсы имеют сегодня особый статус из-за обострения энергетической проблематики» [10, с. 13-14]. Основным же препятствием на пути освоения углеводородов и осуществления иной хозяйственной деятельности, связанной с их добычей и транзитом на внешние, прежде всего европейские, рынки, становится неурегулированность юридического статуса Каспийского моря.

В качестве методологической основы исследования выступают исторический и сравнительный методы научного анализа. Важным выводом статьи является фиксация того факта, что обусловленные необходимостью установления единых и прозрачных правил освоения минеральных ресурсов дна и недр Каспийского моря переговоры между прибрежными государствами постепенно трансформировались в пятистороннюю дискуссионную площадку по целому спектру вопросов: от экологии до безопасности – и стали триггером для формирования ряда региональных механизмов многостороннего взаимодействия.

³ Жильцов С.С. Каспийская энергетическая игра. [Электронный ресурс] // Независимая газета. 14.01.2014. URL: http://www.ng.ru/energy/2014-01-14/11_kaspiy.html (дата обращения: 13.11.2017).

И.С. Рожков ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Статус решает всё

В течение большей части XX в. правовой режим водоёма определялся двумя советско-иранскими соглашениями: Договором между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. Они содержали актуальные для того времени положения о свободе судоходства по всей акватории моря, свободе рыболовства за исключением десятимильных прибрежных зон, в которых соответствующие прибрежные государства имеют особые полномочия, запрете плавания судов под флагами некаспийских стран. Вместе с тем эти документы никак не затрагивают выдвинувшиеся на передний план на современном этапе вопросы недропользования, охраны природной среды, транзитно-транспортного сотрудничества, проведения научных исследований и т.д.

Россия и Иран исходят из того, что до момента подписания нового всеобъемлющего юридического соглашения по Каспию упомянутые документы сохраняют свою силу. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан также признали их действие, подписав 21 декабря 1991 г. Алма-Атинскую Декларацию СНГ и тем самым приняв на себя все существующие международно-правовые обязательства по сохранившим силу договорам Советского Союза⁴, однако на практике пренебрегают исполнением, периодически заявляя о нераспространении их действия на свои территории [8, с. 38] и устанавливая собственные границы и режимы в акватории посредством внутреннего законодательства⁵. Россия и Иран в свою очередь не признают данные односторонние действия в качестве легитимных.

По замыслу руководства прикаспийских стран, новый базовый юридический документ – Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (Конвенция) – должен заменить явно устаревшие в новых геополитических условиях и не отвечающие реальному положению дел советско-иранские договоры XX в. Первые переговоры по данной тематике состоялись уже в середине 1990-х гг. Как и ожидалось, в авангард каспийской повестки дня был выдвинут вопрос о разграничении морских недр с целью начала их скорейшего освоения и разработки.

Ситуация дополнительно осложнялась тем, что в советское время делимитация на Каспии официально не проводилась: согласно договорам 1921 г. и 1940 г., водоём рассматривался как «советский и иранский». Негласная граница фактически проходила по линии Астара – Гасан-Кули, соединяющей крайние пограничные точки двух стран на западном и восточном берегах моря (хотя такое «разделение» никогда официально не признавалось). Оба государства осущест-

⁴ Тогрул И. Международно-правовой статус Каспия: исторические предпосылки текущих проблем. [Электронный ресурс] // Sia.az. 21.10.2015. URL: http://sia.az/ru/news/culture/507039.html (дата обращения: 20.11.2017).

⁵ К примеру, закон «О государственной границе Туркменистана» от 1 октября 1993 г. установил «территориальное море Туркменистана» шириной 12 морских миль; закон «О государственной границе Республики Казахстан» от 16 января 2013 г. – «территориальные воды (море) Республики Казахстан» шириной 12 морских миль; Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. закрепила понятие «сектор Каспийского моря (озера)».

вляли геологические исследования, разведку нефтяных месторождений в «своих» частях Каспия без каких-либо уведомлений друг друга, но и не нарушая при этом сложившийся правовой режим.

В 1970-х гг. Министерство нефтяной промышленности СССР для ведомственных нужд условно разделило морское дно «советской» части Каспия между АзССР, РСФСР, КазССР и ТССР на «республиканские секторы» без привязки к каким-либо координатам [5, с. 129]. При этом такое деление носило чисто административный характер, использовалось исключительно в служебных целях подведомственными Миннефтепрому предприятиями и не служило в качестве границ на море.

На первых раундах переговоров «новые каспийцы» принялись рьяно отстаивать свои права на «национальные секторы», задействуя в качестве основного аргумента вышеупомянутое служебное разграничение советского периода. Иран и Россия солидарно высказывались за сохранение существующего порядка, выступая за совместное использование водных и минеральных ресурсов моря до выработки нового всеобъемлющего юридического документа.

Несмотря на все усилия некоторых стран не допустить проникновения на Каспий внерегиональных бизнес-игроков, 20 сентября 1994 г. произошло подписание т.н. «контракта века» между правительством Азербайджана и одиннадцатью транснациональными энергетическими компаниями, согласно которому последние допускались к разработке трёх перспективных нефтегазоносных каспийских месторождений - «Азери», «Чираг» и «Гюнешли». Ожидаемый объём инвестиций, согласно договорённостям, должен был превысить 7 млрд долл. США, из которых чуть более 0,5 млрд долл. США (т.е. ок. 6%) в проект обещал вложить российский «Лукойл» [1]. Азербайджанские власти не только умело воспользовались текущим положением дел для заключения выгодной во всех отношениях сделки, но и получили доступ к новым технологиям, позволяющим добывать нефть глубокого залегания с морских структур. Такие энергоносители, по сути, составляли единственный перспективный источник пополнения госбюджета республики, ведь практически все старые сухопутные скважины были истощены в течение предыдущих столетий [4]. Чтобы окончательно сохранить за собой право на самостоятельную разработку минеральных ресурсов, Баку инициировал принятие на референдуме 1995 г. Конституции Азербайджанской Республики, в которой было закреплено понятие «сектор Каспийского моря (озера)» (ст. 11, п. II) [14, с. 8].

«Северная формула»

На фоне подписания «контракта века» всем сторонам стала понятна необходимость форсирования переговоров по наиболее чувствительным вопросам правового статуса Каспия, включая делимитационный. 11-13 ноября 1996 г. министры иностранных дел каспийской «пятёрки» провели встречу в Ашхаба-

де, на которой условились о создании постоянного переговорного механизма – Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел при-каспийских государств (СРГ). Её учреждение стало первым важным шагом на пути разрешения «делимитационной головоломки». На рабочую группу была возложена задача по выработке нового правового статуса водоёма. Первое заседание СРГ прошло 22 мая 1997 г. в Казахстане; к настоящему времени состоялось больше полусотни встреч в подобном формате.

По мере развития переговорного процесса Казахстан выступил с инициативой о ресурсной делимитации Каспия на основе принципа модифицированной срединной линии⁶, идущей от сухопутных границ. Подразумевалось, что дно и недра моря будут разделены в целях недропользования и осуществления иной хозяйственной деятельности между сопредельными и противолежащими государствами на участки (или донные секторы), в пределах которых они будут осуществлять свои суверенные права в целях разведки и освоения минеральных ресурсов, а водная толща останется в общем пользовании. На практике такой подход означал бы совместное решение вопросов экологии, транспорта, рыболовства и т.п. При этом в случае прохождения разделительной линии через перспективные углеводородные структуры и месторождения соответствующие прибрежные государства имели бы исключительное право на их совместную разработку, а долевое участие определялось бы на основе сложившейся мировой практики и с учётом добрососедских отношений.

Важно отметить, что в предложении Казахстана речь шла исключительно о ресурсной, а не о территориальной юрисдикции, которую отстаивал Азербайджан. Для России этот фактор имел стратегическое значение, ведь реализация азербайджанских планов означала бы автоматическое превращение линий разграничения в государственные рубежи, что не только лишало бы Россию доступа к южной части моря, но и вело к значительному повышению уровня милитаризации региона (на том временном этапе), ведь каждой прикаспийской стране понадобились бы собственные военно-морские силы для охраны и патрулирования морских пределов.

В итоге Россия согласилась поддержать казахстанскую инициативу, несмотря на то что долгие годы совместно с Ираном придерживалась идеи установления в водоёме принципа кондоминиума. Смену российских позиций эксперты объясняют изменившейся ситуацией в регионе, где всё заметнее стали проявляться последствия внешнеполитического присутствия США и их союзников [9].

6 июля 1998 г. Россия и Казахстан подписали Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование, в котором был зафиксирован общий подход к режиму хо-

⁶ Модифицированная срединная линия представляет собой изменённый вариант обычной срединной линии и строится в целях ресурсного разграничения по договорённости сторон с учётом географических особенностей, геологических структур и прочих особых обстоятельств местности.

зяйствования на Каспии по формуле «Дно делим – вода общая». В Протоколе к данному Соглашению от 2002 г., а также в Протоколах о внесении изменений в Протокол 2002 г., принятых в 2006 г. и 2015 г., были впоследствии отражены особенности прохождения модифицированной срединной линии разграничения зон недропользования России и Казахстана, а также определены условия совместного освоения и правовой статус нефтегазоносных структур, расположенных на стыке этих участков. Принятые меры позволили урегулировать модальности раздела трёх перспективных месторождений – «Хвалынское», «Центральное» и «Курмангазы». Тем самым Россия и Казахстан создали благоприятный для решения чувствительной проблемы прецедент, предложив остальным прикаспийским соседям эффективный вариант выхода из «делимитационного тупика».

Первой страной, по достоинству оценившей перспективность найденного компромисса, стал Азербайджан, уже в ноябре 2001 г. подписавший с Казахстаном Соглашение о разграничении противолежащих участков дна Каспийского моря по срединной линии (без модификации) и в феврале 2003 г. Протокол к нему. В сентябре 2002 г. на высшем уровне было подписано Соглашение о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря между Россией и Азербайджаном, а в мае 2003 г. переговорный процесс успешно завершился подписанием трёхстороннего Соглашения между Россией, Азербайджаном и Казахстаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря. Тем самым тремя постсоветскими странами был успешно завершён процесс делимитации дна и недр около 60% всего водоёма [2, с. 7]. Северные соседи смогли не только прийти к консенсусному решению относительно модальностей прохождения линий разграничения по перспективным углеводородным месторождениям, но и определить взаимовыгодные условия их освоения и разработки [7]. Казалось, был найден действенный и неконфликтный способ раздела каспийского «энергетического пирога», который применим и в южной части моря при условии согласия с таким подходом оставшихся членов «пятёрки».

В ответ на действия России, Казахстана и Азербайджана последовало совместное туркмено-иранское заявление, в котором выражался резкий протест «сепаратным» договорённостям и констатировался отказ признавать их в качестве легитимных. Особо жёсткую позицию занял Ашхабад, хотя изначально туркменская сторона проводила довольно сбалансированную политику на каспийском направлении, проявляла умеренную гибкость при обсуждении вопросов правового статуса водоёма, что во многом было связано с конституционно закреплённым нейтральным статусом и невысоким военно-морским потенциалом страны, не позволявшим решать вопросы с позиции силы. Однако после заключения «северянами» трёхсторонних соглашений президент Туркменистана С. Ниязов принял решение об отказе от рассматривавшейся ранее идеи совместного освоения морских ресурсов. Вместо этого было издано постановление № 3467 «Об утверждении перечня географических координат точек, определяющих положение исходных линий на туркменском побережье Каспийского

моря», согласно которому создавался «туркменский национальный сектор», состоящий из 31 блока. Принятие данного документа развязывало Ашхабаду руки в отношении самостоятельного освоения богатых залежей полезных ископаемых, прежде всего нефти и газа.

Недовольство Тегерана и Ашхабада односторонними действиями Москвы, Астаны и Баку, равно как и неготовность задействовать в Южном Каспии найденную формулу ресурсного разграничения привели к возгоранию доселе тлеющих конфликтных очагов вокруг спорных трансграничных нефтегазоносных месторождений.

Скважины раздора

Осложнение отношений между Баку и Ашхабадом вызвало месторождение «Кяпаз» (аз.) / «Сердар» ^{7} (туркм.), которое было открыто ещё в советское время и первоначально носило название «Промежуточное».

В основу спора двух государств легли различия страновых методик построения срединной линии для определения границ донных секторов. В Азербайджане его отмеряют от восточной оконечности Апшеронского полуострова (Шахова коса), заметно выдающейся вглубь Каспия⁸, а также ссылаются на «сложившуюся практику» (карты 70-х гг. прошлого столетия, когда Миннефтепром СССР осуществлял разделение «советской» части Каспия на «республиканские секторы» для служебной необходимости) и первенство своих учёных в обнаружении и начале разведки месторождения в 1981 г. [11, с. 22-23]. Туркменистан же настаивает на отсчёте границы дна от базовой линии каспийского побережья на азербайджанской территории⁹.

Весной 2001 г. Туркменистан предпринял неудачную попытку прийти к соглашению с Азербайджаном по вопросу определения границы между донными секторами двух стран. Переговоры завершились обвинением Баку в аннексии части территории суверенной страны и обещанием привлечь к разбирательству данного случая международные структуры¹⁰. Впоследствии имели место инциденты с участием военных кораблей, связанные с попыткой одной из сторон провести геологоразведочные работы на спорной территории. Разгоревшийся конфликт даже привёл тогда к закрытию туркменского посольства в Азербайджане¹¹ (возобновило свою работу только в 2008 г.).

 $^{^{7}}$ По оценкам экспертов, запасы «Кяпаз» / «Сердар» достигают 80 млн т нефти и 32 млрд м ^{3} газа.

⁸ Шахсуваров Р. Азербайджан – Туркменистан: имеет ли проблема решение? [Электронный ресурс] // ИА «REX». 02.07.2013. URL: http://www.iarex.ru/articles/38380.html (дата обращения: 12.11.2017).

⁹ Шахсуваров Р. Азербайджан – Туркменистан: имеет ли проблема решение? [Электронный ресурс] // ИА «REX». 02.07.2013. URL: http://www.iarex.ru/articles/38380.html (дата обращения: 12.11.2017).

¹⁰ Азербайджан с Туркменией не поделили «Кяпаз» («Сердар») на Каспийском море. [Электронный ресурс] // Neftegaz.ru. 02.07.2012. URL: http://neftegaz.ru/news/view/103196-Azerbaydzhan-s-Turkmeniey-ne-podelili-Kyapaz-Serdar-na-Kaspiyskom-more (дата обращения: 23.11.2017).

¹¹ «Сердар» vs «Кяпаз»: какой суд рассудит Азербайджан с Туркменистаном? [Электронный ресурс] // ИА «Фергана». 03.07.2012. URL: http://www.fergananews.com/articles/7413 (дата обращения: 20.11.2017).

Одновременно Ашхабад претендует на месторождения «Азери» (аз.) / «Омар» (туркм.) и «Чираг» (аз.) / «Осман» (туркм.) ^{12} , входящие в структуру «Азери – Чираг – Гюнешли» ^{13} и с 1994 г. разрабатываемые по «контракту века» международным консорциумом.

Определённая корректировка в каспийской политике Ашхабада наметилась с приходом к власти в 2007 г. нового президента Г. Бердымухамедова. В 2008 г. Азербайджан и Туркменистан условились о неосуществлении какой-либо деятельности по разведке и добыче минеральных ресурсов на пересечении своих донных участков вплоть до завершения переговоров по определению статуса Каспийского моря и подписали об этом соответствующий договор. Тем не менее уже в 2009 г. новый лидер Туркменистана объявил о решении потребовать от Азербайджана компенсацию за ведущуюся разработку этих морских месторождений, пообещав, в случае отказа, вынести вопрос на рассмотрение Международного суда ООН в Гааге¹⁴. Это создало бы нежелательный прецедент вмешательства в дела водоёма сторонних сил, особенно по такой деликатной проблематике. В ответ Баку предложил вернуться к урегулированию проблемы на двусторонней основе, намекнув на возможность совместной разработки спорных месторождений. Однако эту идею в Ашхабаде восприняли скептически¹⁵.

В 2014 г. на фоне нормализации двусторонних отношений и обоюдной заинтересованности в развитии своих топливно-энергетических и транзитнотранспортных потенциалов стороны вернулись к обсуждению спорного вопроса. Этому «способствовали» обвал цен на мировых рынках энергоносителей, а также прекращение закупок туркменского газа Россией и – как следствие – необходимость для страны искать новые маршруты сбыта, в т.ч. в Европу.

Персидская игра

Особую позицию в вопросе о разделе дна в Южном Каспии занимает Иран. Тегеран активно проводит геологические исследования, в т.ч. вторгаясь в сферу интересов своих соседей. Туркменистан в ответ на действия каспийских партнёров зачастую молчит, а Баку регулярно, но безрезультатно заявляет об их неправомерности. В то же время иранцы возражают против попыток соседей

¹² Любопытно, что туркмены дали данным месторождениям имена преемников пророка Мухаммеда, второго и третьего правоверных халифов, которые особо почитаются мусульманами суннитского толка, составляющими большинство населения Туркменистана, но не признаются шиитами, проживающими в Азербайджане и Иране.

 $^{^{13}}$ По различным оценкам, прогнозные показатели по «Азери» / «Омар» и «Чираг» / «Осман» в совокупности составляют св. 900 млн т нефти, 630 млрд м ^{3} природного газа и 350 млрд м ^{3} попутного газа (Шахсуваров Р. Азербайджан – Туркменистан: имеет ли проблема решение? [Электронный ресурс] // ИА «REX». 02.07.2013. URL: http://www.iarex.ru/articles/38380.html (дата обращения: 20.11.2017)).

¹⁴ «Сердар» vs «Кяпаз»: какой суд рассудит Азербайджан с Туркменистаном? [Электронный ресурс] // ИА «Фергана». 03.07.2012. URL: http://www.fergananews.com/articles/7413 (дата обращения: 14.11.2017).

¹⁵ Баку и Ашхабад снова взялись за «Кяпаз». [Электронный ресурс] // Независимая газета. 20.06.2012. URL: http://www.ng.ru/cis/2012-06-20/7_kaspiy.html (дата обращения: 18.11.2017).

приступить к освоению спорных месторождений, давая понять, что в случае начала работ они не остановятся перед применением силы. Однако несмотря на то, что Тегеран обладает вторым по численности и потенциалу военно-морским флотом на Каспии, реализация «силового сценария» развития конфликта вряд ли реалистична, ведь все стороны осознают, что решение делимитационной проблемы лежит в дипломатической плоскости.

Спор между Азербайджаном и Ираном ведётся вокруг нефтегазоносной структуры «Алов – Араз – Шарг» (аз.) / «Альборз» (перс.). Баку ещё в 1998 г. подписал соглашение о его разработке международным консорциумом под управлением ВР [12, с. 29-30]. Однако 23 июля 2001 г. корабль ВМС Ирана под угрозой применения силы вынудил азербайджанские научно-исследовательские суда «Геофизик-3» и «Алиф Гаджиев», на которых находились представители ВР, прекратить проведение научно-изыскательных работ на данном месторождении и покинуть «иранские территориальные воды» [2, с. 12]. До открытого военного столкновения между двумя странами дело не дошло, однако вследствие обострения ситуации все программы, реализуемые на данном участке, были свёрнуты в течение месяца.

В 2002 г. иранские специалисты во время проведения геологоразведочных работ у берегов провинции Гилян недалеко от порта Нека обнаружили месторождение газа с прогнозными запасами ок. 1,4 трлн м³. Структура получила название «Сардар Джангал», однако её разработка не была признана приоритетной в силу ограниченности финансовых и кадровых ресурсов в связи с освоением более перспективного месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе¹6. В декабре 2011 г. иранцы провели дополнительные исследования при помощи крупнейшей в стране полупогружной буровой установки «Амир Кабир» и выяснили, что в этом районе также имеются богатые нефтяные залежи, объём которых составляет ок. 1,5 млрд т¹7.

Однако неожиданно о правах на новую структуру заявил Баку, мотивируя свои притязания тем, что залежи ресурсов находятся географически ближе к его побережью, на стыке границ азербайджанского и туркменского «секторов». Тегеран, в свою очередь, не намерен уступать столь лакомый кусок «энергетического пирога»: это первое многообещающее открытие на каспийском дне в течение долгих лет, в освоение которого уже вложены немалые средства.

В настоящее время стороны ведут переговоры относительно дальнейшей судьбы и перспектив совместной реализации спорных месторождений ^{18} . Досто-

¹⁶ «Сардар Джангал» станет одной из основных целей для азербайджанских вооружённых сил. [Электронный ресурс] // Vesti.az. 14.01.2013. URL: http://vesti.az/news/143787 (дата обращения: 13.11.2017).

¹⁷ В Иране ведутся споры о необходимости разработки нефтяного месторождения на Каспии. [Электронный ресурс] // Iran.ru. 31.05.2017. URL: http://www.iran.ru/news/economics/105662/V_Irane_vedutsya_spory_o_neobhodimosti_razrabotki_neftyanogo_mestorozhdeniya_na_Kaspii (дата обращения: 14.11.2017).

¹⁸ Пока не будет договорённости в пятистороннем формате, дву- и трёхсторонние соглашения не будут действовать эффективно. Интервью с заместителем министра иностранных дел Ирана по вопросам Каспия И. Рахимпуром [Электронный ресурс] // Caspianenergy.net. 18.04.2016. URL: http://caspianenergy.net/ru/neft-i-qaz/33322-2016-04-18-11-54-27 (дата обращения: 15.11.2017).

верно известно, что данная тема поднималась в ходе поездки президента Азербайджана И. Алиева в Тегеран в феврале 2016 г., а также в рамках ответного визита его иранского коллеги Х. Рухани в Баку в мае 2017 г. Определённые договорённости, видимо, были достигнуты¹⁹, но их явно недостаточно для того, чтобы запустить полномасштабную разработку оспариваемых структур.

Споры между Ашхабадом и Тегераном вызывает месторождение «Алтын Асыр» (нефтегазоносные блоки 29-31), которое входит в структуру «Альборз».

Президентские встречи

Конфликт, развернувшийся вокруг трансграничных углеводородных месторождений Южного Каспия, наглядно продемонстрировал необходимость совместного поиска эффективных способов его урегулирования, а также указал на безальтернативность скорейшей выработки нового международно-правового статуса водоёма.

Особого прогресса на данном направлении удалось достичь благодаря проведению четырёх Каспийских саммитов, в рамках которых на высшем уровне обсуждались наиболее чувствительные проблемы региона и возможные пути их разрешения. В Декларации по итогам II Каспийского саммита (Тегеран, 16 октября 2007 г.) - первом политическом документе, содержащем свод принципов и правил поведения стран «пятёрки» на Каспии, которыми они намерены руководствоваться до принятия Конвенции, - зафиксированы принципиально важные договорённости сторон о том, что только прибрежные государства обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов. Решения, принятые лидерами прикаспийских стран в ходе IV Каспийского саммита (Астрахань, 29 сентября 2014 г.), развивают договорённости предыдущих встреч: президенты условились проводить «разграничение дна и недр Каспийского моря на основе общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации суверенных прав Сторон на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр, по договорённости Сторон» (п. 12 Заявления²⁰). В Коммюнике по итогам Астраханского саммита констатировалось, что согласованные в Заявлении принципы деятельности станут «каркасом» будущей Конвенции.

В ходе состоявшегося в Москве 4-5 декабря 2017 г. Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств (СМИД) сторонам удалось со-

¹⁹ Об этом в апреле 2016 г. в одном из интервью недвусмысленно заявил министр связи и информационных технологий Ирана М. Ваези. По его словам, стороны уже определились, какое месторождение будет разрабатываться совместно, однако его название раскроют только после окончания переговоров (Иран готов к совместной с Азербайджаном разработке месторождений на Каспии. [Электронный ресурс] // Trend.az. 21.04.2016. URL: https://www.trend.az/business/energy/2523182.html (дата обращения: 19.11.2017)).

²⁰ Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана (по итогам IV Каспийского саммита) [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 29.09.2014. URL: http://kremlin.ru/supplement/ 4754 (дата обращения: 17.11.2017).

гласовать проект Конвенции о правовом статусе Каспийского моря ^{21} . Это позволяет надеяться, что её подписание на высшем уровне (разумеется, после соответствующей редакторской доработки, перевода на национальные языки и завершения необходимых для каждой страны внутригосударственных процедур) состоится в рамках V Каспийского саммита в первой половине 2018 г. в Казахстане.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что делимитация Южного Каспия будет, скорее всего, осуществляться по «северной формуле», с использованием простой или модифицированной срединной линии путём согласования границ донных секторов непосредственно между соседними и противолежащими странами. Первый шаг в данном направлении сделал Туркменистан, в декабре 2014 г. заключивший Соглашение о разделе дна Каспийского моря с Казахстаном, который стал вторым прикаспийским государством (после России), успешно завершившим процесс согласования всех границ своего донного сектора.

Факторы риска

Несмотря на наметившийся на данном направлении прогресс, говорить об успешном разрешении проблемы ещё рано. При анализе перманентно меняющейся ситуации вокруг ресурсной делимитации Южного Каспия необходимо учитывать целый комплекс факторов, определяющими из которых являются:

- 1. неурегулированность международно-правового статуса Каспийского моря. Предполагается, что в Конвенции, разработка которой ведётся на протяжении 20 лет, будут определены общие правила разграничения водной толщи, а также дна моря в целях недропользования. На Астраханском саммите президентам прикаспийских стран впервые удалось достичь и закрепить в итоговом Заявлении принципиальные договорённости о будущем разделении акватории на морское пространство под национальным суверенитетом прибрежного государства шириной 15 морских миль, примыкающее к нему 10-мильное пространство, где действуют исключительные права прибрежного государства на добычу биоресурсов, и общее водное пространство. Был согласован и принцип ресурсного разграничения дна (приводился выше). Теперь необходимо правильно собрать «донный пазл» на Юге²²;
- 2. особая позиция Ирана. Данная страна является, по сути, единственным участником каспийской «пятёрки», который не признаёт «северную формулу» делимитации.

²¹ Выступление министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств, Москва, 5 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Сайт МИД России. 05.12.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/70vQR5KJWVmR/content/id/2978643 (дата обращения: 13.01.2018).

²² Игорь Братчиков: надеемся, что пазл на Каспии скоро будет собран. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 19.10.2017. URL: https://ria.ru/interview/20171019/1507141988.html (дата обращения: 25.11.2017).

В попытках понять природу персидской неуступчивости некоторые эксперты прозорливо указывают на один весьма тонкий аспект внутреннего иранского законодательства. Дело в том, что его нормы прямо запрещают принимать какие-либо решения или заключать новые договора, которые могут негативно сказаться в будущем на политико-экономическом потенциале страны, а также потенциально ослабить или ухудшить его международное положение. Принимая во внимание тот факт, что позиция Ирана на переговорах по определению правового статуса Каспия была утверждена верховным лидером страны – рахбаром – аятоллой А. Хаменеи, любые отклонения от уже согласованных решений должны непременно вновь получить его одобрение [7].

Основной парадокс иранской ситуации заключается в том, что, непреклонно отстаивая на протяжении многих лет принцип разделения Каспийского моря на равные части и де-факто нивелируя усилия остальных стран по поиску вза-имоприемлемого компромисса, Тегеран не торопится с разработкой перспективных нефтегазоносных месторождений на своём участке дна. Обладая надёжным «тылом» в виде запасов Южного Парса, персы стремятся получить для себя наиболее выгодные условия делимитации за счёт своих соседей. Однако если рассмотреть данную ситуацию через призму математического анализа, станет совершенно очевидно, что вопрос раздела ресурсов Южного Каспия – классическая модель игры с ненулевой суммой, когда интересы акторов не являются прямо противоположными и проигрыш одного не обозначает непременного выигрыша другого, т.к., по данным некоторых специалистов, вне зависимости от того, какой процент дна отойдёт Ирану, крупнейшие углеводородные структуры всё равно будут расположены на секторальном стыке [7]. Поэтому «южанам» более выгоден кооперационный сценарий раздела, нежели конфронтационный;

- 3. неодинаковая ценность каспийских углеводородных ресурсов для стран. Фактор освоения нефтегазовых запасов играет куда большую роль для развития слабо диверсифицированных экономик Азербайджана, Туркменистана, чем их соседей по региону [4], служит гарантом политической стабильности;
- 4. снижение цен на энергоносители в результате падения общемирового спроса. Решение «делимитационной головоломки» представляет собой первостепенную задачу, прежде всего для Туркменистана и Азербайджана, т.к. стабильность экономик этих стран напрямую зависит от объёмов реализации нефти и газа. Резкое падение цен на углеводороды в 2014 г. привело к необходимости интенсифицировать их добычу и нарастить объёмы сбыта.

При этом важно учитывать, что Туркменистан – в отличие от Азербайджана – не обладает необходимыми экспортными возможностями, технологиями глубоководного бурения (ГНКАР были получены от ВР), а также финансовыми ресурсами для освоения морских месторождений. В настоящее время одной из главных проблем Ашхабада, по мнению экспертов, является отсутствие транзитной инфраструктуры, посредством которой можно было бы ежегодно поставлять на рынок ЕС большие объёмы туркменского газа;

5. вмешательство внерегиональных акторов. Каспийский регион попрежнему находится в зоне интересов таких игроков, как ЕС, США и Турция [6, с. 150-158], которые стремятся играть посредническую роль в снятии туркмено-азербайджанских разногласий. Западники заинтересованы ликвидировать существующие между странами противоречия и тем самым устранить одно из серьёзных препятствий, мешающих прокладке Транскаспийского газопровода для перекачки экспортных объёмов туркменского «голубого топлива» в Европу в обход России. Так, в январе 2015 г. на встрече министров иностранных дел Азербайджана, Туркменистана и Турции было предложено организовать совместную разработку месторождения «Кяпаз» / «Сердар» путём создания азербайджано-туркменского консорциума на основе соглашения о разделе продукции;

6. экологические риски. В погоне за увеличением экономических показателей и бесконтрольным расширением добычи углеводородных ресурсов на морских месторождениях Каспия нельзя забывать об экологических рисках, им сопутствующих. Удовлетворение неуёмных энергетических аппетитов зачастую сопряжено с повышенной угрозой загрязнения каспийской акватории нефтью и её продуктами. Национальные правовые нормы в области экологии, действующие в странах «пятёрки», не всегда отвечают высоким международным стандартам и обеспечивают стопроцентную защиту уникальной морской среды, состояние которой в последнее время вызывает особую обеспокоенность у специалистов²³. В этой связи Россия последовательно поддерживает примат экологии над экономикой на Каспии, выступает за неукоснительное выполнение требований и норм Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. (Тегеранская конвенция), содействует разработке и принятию новых Протоколов к ней²⁴.

Quo Vadis?

Подводя итоги, необходимо отметить, что энергетический фактор (в т.ч. проблема ресурсной юрисдикции) сыграл существенную роль в формировании международного режима моря. Несмотря на то, что проблема ресурсной делимитации Южного Каспия продолжает создавать препятствия для полномасштабного освоения спорных нефтегазоносных месторождений и вызывает осложнения в отношениях стран «пятёрки», есть надежда, что Конвенция о правовом статусе Каспийского моря окончательно «наведёт порядок» во внутренних делах водоёма. Важным выводом исследования является то, что начавшиеся как дискуссия для прояснения модальностей юрисдикции морских недр пере-

²³ Бесхозное море. [Электронный ресурс] // Каспий-online. 27.04.2017. URL: http://www.kaspiy.az/news.php?id=59506 (дата обращения: 16.11.2017).

²⁴ Игорь Братчиков: надеемся, что пазл на Каспии скоро будет собран. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 19.10.2017. URL: https://ria.ru/interview/20171019/1507141988.html (дата обращения: 25.11.2017).

говоры давно «переросли» свой формат и трансформировались в полноценную площадку для обсуждения насущных вопросов каспийской повестки дня: политико-экономических, экологических, военных, безопасности, транспортных, культурных, туристических и т.д. 25. Успехи заседаний СРГ, СМИД, четырёх Каспийских саммитов трансформировались в конкретные договорённости, позволившие сформировать ряд многосторонних механизмов для регулирования взаимодействия соседей в определённых сферах: экологической (Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря), в области управления водными биоресурсами (Комиссия по сохранению, рациональному использованию водных биоресурсов Каспийского моря и управлению их совместными запасами), по вопросам безопасности (Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море), гидрометеорологии (Комитет по гидрометеорологии Каспийского моря) и т.д. Подобная эволюция стала для каспийских партнёров наглядным примером того, что эффективные решения многих проблем региона, в т.ч. поиск выхода из «делимитационного тупика», могут быть найдены только совместными усилиями за столом переговоров.

Список литературы

- Абакаров А.Т. Каспийский регион в глобальной стратегии в условиях нового геополитического пространства // Право и политика. 2007. № 11. С. 86-93.
- 2. Гегелашвили Н.А. Каспийский регион в мировой политике. М.: ИСКРАН, 2014. 165 с.
- Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005. 640 с.
- Жизнин С.З., Гулиев И.А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1 (22). С. 241-247.
- 5. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. М.: Аспект Пресс, 2016. 240 с.
- 6. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009. 200 с.
- 7. Кольчугин Н.П. Каспийское море: процесс выработки правового статуса остаётся в тупике // Сайт Института Ближнего Востока. 16.05.2012. URL: http://www.iimes.ru/?p=14732#more-14732 (дата обращения: 16.11.2017).

- 8. Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра. Баку, Азернешр, 2006. 456 с.
- Темирбулатов А.М. Правовой статус Каспийского моря: позиции прикаспийских государств // Геополитика и безопасность. 2011. № 4 (16). С. 74-80.
- Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных отношениях // Политическая наука. 2009. № 1. С. 7.
- Akiner S., Gizzatov V., Roberts J. The Caspian. Politics, energy and security. Ed. by Akiner S. RoutledgeCurzon Publ., 2005. 372 p.
- 12. Janusz-Pawletta B. The Legal Status of the Caspian Sea. Current Challenges and Prospects for Future Development. Springer Publ., 2015. 176 p.
- Kubicek P. Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. No. 2. Pp. 171-180.
- Zimnitskaya H., von Geldern J. Is the Caspian Sea a sea; and why does it matter? // Journal of Eurasian Studies. 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 1-14.

²⁵ Пархомчик Л.А. Современные тренды многостороннего взаимодействия стран «Каспийской пятёрки» [Электронный ресурс] // Каспий-Евразия. 16.06.2017. URL: http://caspian-eurasia.com/2017/06/16/ sovremennye-trendy-mnogostoronnego-vzaimodejstvija-stran-kaspijskoj-pjatjorki (дата обращения: 25.11.2017).

Об авторе:

Илья Станиславович Рожков – второй секретарь 3-го Департамента стран СНГ МИД России (119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34). E-mail: ilja_roschkow@mail.ru.

ENERGY ISSUES AS THE TRIGGER OF FORMATION OF AN INTERNATIONAL REGIME OF THE CASPIAN SEA

I.S. Rozhkov DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-110-126

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The research object of the article is a development of the international regime of the Caspian Sea after the collapse of the Soviet Union in 1991 and increase in the number of the Caspian Littoral States, which transformed the former "closed" Soviet-Iranian region to the arena for wrangling between the different foreign policy interests of the most powerful world nations. The research subject is the key role of energy resources in the negotiation process between the States of the Caspian Region. The author pays special attention to the evolution of national approaches of the "Caspian Five" to the problem of mineral resources delimitation as well as its connection to negotiations on the draft comprehensive Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. The article mentions the key benchmarks of the negotiation process, examines the influence of bi- and multilateral arrangements among Russia, Kazakhstan and Azerbaijan during 1998-2003 on the situation in the region. The role of conflicts among Azerbaijan, Iran and Turkmenistan over transboundary oil and gas fields in the southern part of the sea as a factor of regional instability as well as its negative influence on the relations between the Caspian Littoral States, in general, are analyzed. The main conclusion of the author is that debates, launched by the Caspian Littoral States on the energy issues in the format of the Special Working Group at the level of Deputy Foreign Ministers, have gradually transformed to the multilateral mechanism for interaction of regional actors and become a trigger for debates on the other issues of the Caspian agenda such as economic, ecological, military, security, transport, tourist cooperation, etc. Taking into account importance and a positive role of four Caspian Summits as well as influence of other factors (separate position of Iran, external forces, environmental risks) on the negotiation process, the author underlines the fact that all efforts of the Caspian Littoral States should be focused on elaborating the compromise settlement scheme of mineral resources delimitation, which should be fixed in the future comprehensive Convention.

Key words: Caspian Sea, legal status, delimitation, seabed and subsoil, mineral resources, draft convention, disputed transboundary fields, Caspian Summit.

References

- Abakarov A.T. Kaspiiskii region v global'noi strategii v usloviiakh novogo geopoliticheskogo prostranstva [Caspian Region in the Context of Global Strategy in Geopolitical Space]. Pravo i politika [Law and Politics], 2007, no. 11, pp. 86-93. (In Russian).
- Gegelashvili N.A. Kaspiiskii region v mirovoi politike [Caspian Region in the World Politics]. Moscow, ISKRAN Publ., 2014. 165 p. (In Russian).
- Zhiznin S.Z. Energeticheskaia diplomatiia Rossii: ekonomika, politika, praktika [Energy Diplomacy of Russia: Economics, Politics, Practice]. Moscow, East Brook Publ., 2005. 640 p. (In Russian).
- 4. Zhiznin S.Z., Guliev I.A. *Energeticheskaia diplomatiia v Kaspiiskom regione* [Energy Diplomacy in the Caspian Region]. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations], 2012, no. 1 (22), pp. 241-247. (In Russian).
- Zhil'tsov S.S. Politika Rossii v Kaspiiskom regione [Politics of Russia in the Caspian Region]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2016. 240 p. (In Russian).
- Zhil'tsov S.S., Zonn I.S. SShA v pogone za Kaspiem [USA Chasing after the Caspian Region]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009. 200 p. (In Russian).
- 7. Kol'chugin N.P. *Kaspiiskoe more: protsess vyrabotki pravovogo statusa ostaetsia v tupike* [Caspian Sea: Drafting the Legal Status Is At a Deadlock]. Middle East Institute Website, 16.05.2012. Available at: http://www.iimes.ru/?p=14732#more-14732 (accessed 16.11.2017). (In Russian).

- Mamedov R. Mezhdunarodno-pravovoi status Kaspiiskogo moria: vchera, segodnia, zavtra [Legal Status of the Caspian Sea: Yesterday, Today, Tomorrow]. Baku, Azerneshr Publ., 2006. 456 p. (In Russian).
- 9. Temirbulatov A.M. *Pravovoi status Kaspiiskogo moria: pozitsii prikaspiiskikh gosudarstv* [Legal Status of the Caspian Sea: Positions of the Caspian Littoral States]. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security], 2011, no. 4 (16), pp. 74-80. (In Russian).
- Chikharev I.A. Problematika politicheskogo prostranstva i vremeni v sovremennoi politologii i mezhdunarodnykh otnosheniiakh [Political Space and Time Issues in the Modern Political Science and International Relations]. Politicheskaia nauka [Political Science], 2009, no. 1, p.7. (In Russian).
- Akiner S., Gizzatov V., Roberts J. The Caspian. Politics, energy and security. Ed. by Akiner S. RoutledgeCurzon Publ., 2005. 372 p.
- Janusz-Pawletta B. The Legal Status of the Caspian Sea. Current Challenges and Prospects for Future Development. Springer Publ., 2015. 176 p.
- Kubicek P. Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin. Journal of Eurasian Studies, 2013, vol. 4, no. 2, pp. 171-180.
- 14. Zimnitskaya H., von Geldern J. Is the Caspian Sea a sea; and why does it matter? Journal of Eurasian Studies, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 1-14.

About the author:

Ilya S. Rozhkov – Second Secretary of the Third CIS Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Smolenskaya-Sennaya Square 32/34, 119200 Moscow, Russia. E-mail: ilja_roschkow@mail.ru.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ РЕЖИМ

А.В. Малов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В обзорной статье раскрыто содержание малоизвестного в российской академической литературе понятия «food regime». На основании ретроспективного анализа автор проследил и кодифицировал смысловую динамику терминологической единицы от её первозданных трактовок до современных формулировок. С помощью исторического и компаративного методов были реабилитированы академические заслуги Д. Пухала и Р. Хопкинса, использовавших концепцию food regime ещё за несколько лет до её общепризнанного генезиса и официального научного дебюта. Методом восхождения от абстрактного к конкретному автор воспользовался для демонстрирования классификации продовольственных режимов, составленной по принципу геополитических интересов в сфере мирового производства, потребления и дистрибуции продуктов питания. В хронологическом порядке были описаны характерные черты исторически сложившихся продовольственных режимов, а также идентифицированы современные тенденции, обладающие реформистским потенциалом. В частности, было установлено, что альтернативная устоявшемуся corporate food regime идея «продовольственного суверенитета» является предметом для острых академических споров. С помощью метода обработки и анализа вторичных данных была проанализирована дискуссия между Ф. Макмайклом и А. Бернштейном, посвящённая «крестьянскому вопросу» — мобилизационному фрейму стратегии food sovereignty. Благодаря критическому анализу автор приходит к выводу, что следование принципам продовольственного суверенитета является необходимым для успешного предотвращения катастрофических перспектив, связанных с деградацией экосистем, ускоренной эрозией почв, сокращением биоразнообразия и корпоративной автократией. Автор убеждён, что идея food sovereignty способна отвратить энергичную либерализацию природы, интенсивную приватизацию жизни и стремительную монетизацию безусловных рефлексов человека.

Ключевые слова: продовольственный режим, продовольственный суверенитет, продовольственная безопасность, революция супермаркетов, глобализация, корпорации, контрдвижение.

УДК 321.011; 327 Поступила в редакцию 18.12.2017 г. Принята к публикации 30.01.2018 г.

егодня около 800 млн чел. во всём мире не имеют достаточного количества продовольствия для ведения активной и здоровой жизни [13, р. 80]. Вместе с тем за последние два десятилетия ежегодное производство продуктов питания во всём мире неуклонно увеличивается на 2%, тогда как темпы глобального роста населения падают, составляя 1,14% в год [30]. Стремительное производство продовольствия при более низких демографических темпах сопровождается дополнительной проблемой – преждевременной утилизацией пищи. В глобальном масштабе, около трети всей произведённой еды, проходящей по продовольственной цепи, – перерабатывается или тратится впустую [13, р. 112].

Сложившаяся асимметрия, характеризующаяся переизбытком и колоссальными объёмами преждевременного уничтожения продовольственных товаров, с одной стороны, и острой нехваткой продуктов питания с другой, говорит о том, что современная продовольственная система находится в уязвимом положении. Стремления разобраться, установить причины и смоделировать решения по эффективному преодолению кризисного положения требуют консолидированного подхода. По мнению автора, междисциплинарный синтез политэкономии, истории и агроэкологии, используемый в процессе исследования продовольственной проблемы, имеет основополагающее значение в первую очередь для того, чтобы, не ограничиваясь констатированием количественных «рекордов» продовольственного коллапса, идентифицировать мировую структуру производства и потребления продуктов питания, выявить её специфические черты и переходные моменты. Концепция международного продовольственного режима обладает междисциплинарным характером и предоставляет исследователю эвристическую возможность для комплексного решения продовольственного вопроса.

Дефиниция food regime остаётся совершенно не изученным явлением в российской академической литературе. Однако её осмысление активно осуществляется такими зарубежными авторами, как: Х. Фридманн, Ф. Макмайкл, А. Бернштейн, А. Десмараис, Х. Виттман, Э. Холт-Хименес, С. Тауэр, Г. Печланер, Х. Отеро, Д. Смит, А. Хиггинс, Э. Шаттук, П. Нидерле, А. Гаррапа, М. Торрадо и другими. Основополагающие труды по теме food regime публикуются в таких периодических изданиях, как: Journal of Rural Studies, Journal of Peasant Studies, Sociologia Ruralis, American Journal of Sociology, Iberoamericana – Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies и в других.

Цель статьи заключается в расширенной демонстрации концепции food regime: установлении её теоретических истоков, систематизации этапов развития и определении методологической специфики.

Обобщённое представление концепции food regime обогатит методологический инструментарий политической экономии, расширит область академических дискуссий на темы глобальной, региональной и локальной экономической безопасности, а также укажет на особенности продовольственной политики, проводимой США и странами Европы. Концепция food regime будет полезной

специалистам, в чей круг компетенций входят проблемы импортозамещения и продовольственной безопасности Российской Федерации.

С помощью метода единства исторического и логического в статье было изучено возникновение, формирование и развитие идеи food regime в своей хронологической последовательности. Ретроспективный и идеографический методы способствовали классифицированию продовольственных режимов и обособленному их рассмотрению. Опираясь на критический подход и метод актуализации были оценены возможности концепта food sovereignty материализовать свой реформистский потенциал и послужить основанием для нового food regime.

Источниковую базу исследования составили декларации различных международных организаций, а также научные труды: материалы конференций, монографии, статьи в академических журналах и периодических сборниках, опубликованные на немецком, испанском и английском языках.

Концепция food regime: историческая справка

Прошло более трёх десятилетий с момента появления концепта «продовольственного режима», сформулированного профессором обществоведения Торонтского университета Х. Фридманн. В опубликованном в 1982 г. исследовании закономерностей производства и потребления продуктов питания в послевоенный период, Х. Фридманн оперировала понятием international food order. Международный продовольственный порядок (прототип концепции food regime) подразумевал секторальный анализ мировой хозяйственной жизни, основанный на взаимосвязи экономики, капитала и международной власти [19, р. 282]. Благодаря этому подходу Х. Фридманн обозначила рост и спад программы североамериканской продовольственной поддержки (USA Food Aid), используемой в качестве геополитического оружия в эпоху холодной войны [39, р. 140].

В конце 1980-х гг. более систематизированная формулировка концепции food regime, предложенная Ф. Макмайклом и Х. Фридманн, появилась в европейском журнале Sociologia Ruralis. На страницах этого издания авторский дуэт определил, что концепция food regime связывает международные отношения производства и потребления продуктов питания с периодами накопления капитала, которые трансформируются с 1870 г. [26, р. 95].

Начиная с 1990-х концепция food regime обозначает созвездие классовых и межнациональных взаимоотношений, институтов и властных порядков, в котором глобальные каноны производства и потребления продовольствия связываются с периодами накопления капитала [61, р. 89]. С тех пор идея food regime была популяризирована и стала предметом для споров между специалистами, исследователями и преподавателями в области гуманитарных наук.

В XXI в. под концепцией food regime подразумевается влиятельный подход к пониманию продовольственной проблемы, а также эффективный способ

применения принципов общей теории систем. Анализ food regime используется для истолкования контекста геополитической экономики, а также объяснения стратегической роли сельского хозяйства и продуктов питания. Таким образом, теория food regime, историоризируя глобальную продовольственную систему, подвергает рефлексивному осмыслению линейное представление об эволюции сельского хозяйства [39, р. 140]. По мнению Ф. Макмайкла, food regime является историческим концептом, дифференцировавшим темпоральные договорённости о производстве и циркуляции продовольственных товаров, неразрывно связанные с различными формами гегемонии в мировой экономике (британской, американской и корпоративной). В связи с этим food regime является оптикой, через которую продовольственный товар представляется не «объектом», а скорее «результатом отношений» с определёнными геополитическими, общественными, культурными и экологическими взаимосвязями в конкретный исторический момент [40, р. 281]. Похожую, но более компактную дефиницию предложила и Х. Фридманн, определив продовольственный режим, как господствующую структуру производства и потребления продуктов питания в глобальном масштабе [22, р. 30].

Итак, согласно выполненной ретроспективе, можно полагать, что теория международных продовольственных режимов является междисциплинарным исследованием политических институтов, экономических связей и договорённостей в области производства, потребления и дистрибуции продуктов питания.

Международный продовольственный режим: критический взгляд на вещи

Традиционным для «эпистемологического сообщества» остаётся мнение, что концепция международного продовольственного режима была сформулирована и популяризирована Х. Фридманн и Ф. Макмайклом. Сегодня подавляющее большинство зарубежных исследователей, работающих на немецком [55, р.70], испанском [45, р. 54; 58, р. 48; 11, р. 190] и английском [9; 10, р. 261; 12, р. 322; 14; 28, р. 69; 47; 48, р. 298] языках, убеждены в том, что подлинными архитекторами терминологической единицы являются Х. Фридманн и Ф. Макмайкл. Не отрицая колоссального вклада этого «академического тандема» в концептуализацию, теоретизацию и продвижение идеи food regime, заметим, что аналогичные воззрения не вполне корректны.

Так, в 1978 г., когда Х. Фридманн занималась исследованием семейного сельского хозяйства и глобального рынка пшеницы [17; 18], такие североамериканские авторы, как Д. Пухала и Р. Хопкинс уже апеллировали термином global food regime. Глобальный продовольственный режим был определён исследовательским дуэтом как набор правил, норм и институциональных ожиданий, регулирующих поведение участников в глобальной продовольственной системе. Установ-

ление нормативных параметров (правил игры), таким образом, предписывало совершение одних и санкционировало отказ от других сделок [49, р. 856].

Стоит отметить, что трактовка Д. Пухала и Р. Хопкинса предвосхитила не только формулировки, выполненные Х. Фридманн и Ф. Макмайклом, но также стала одной из предшественниц популярной в международной политэкономики дефиниции international regime. Так, признанный специалист в области мировой политики и международных отношений С. Краснер в 1983 г. определил «режим» как совокупность имплицитных и эксплицитных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сближаются ожидания политических акторов в предметной области международных отношений. [34, р. 186]. Формулировка С. Краснера согласуется и с другими «производными» от global food regime дефинициями. Например, американские политологи Р. Кеохэйн и Дж. Най определили «режимы» как набор управленческих соглашений, которые включают в себя широкую сеть правил, норм и процедур [33, р. 19]. Основатель неофункционализма Э. Хаас утверждает, что «режимы» охватывают взаимосогласованный набор мероприятий, норм и правил [27, р. 553]. По мнению профессора Колумбийского университета. Джервиса, концепция «режимов» подразумевает не только нормы и ожидания, которые содействуют кооперации, но также является и формой сотрудничества, возвышающейся над мимолётным эгоизмом [32, р. 357].

Важно заметить, что дефиниция Д. Пухала и Р. Хопкинса (global food regime) указывает на трансграничный характер научного подхода — существенно поднимающего когнитивный статус идеи продовольственного режима. По мировоззренческому основанию автора, присутствие в терминологической конструкции прилагательного «глобальный» способно предупредить скрытую понятийную путаницу. Возможность конфликта по оси «денотат – коннотат» возникает в свете использования словосочетания food regime в иных научных дисциплинах и академических дискурсах. Например, в ряде медицинских, биологических и химических исследованиях [7; 15; 16] термин food regime используется для обозначения рациона и алгоритма принятия пищи, не имея при этом никакого отношения к политической экономии.

В целом концепция международного продовольственного режима, предложенная Ф. Макмайклом и Х. Фридманн является модифицированным прототипом дефиниции Д. Пухала и Р. Хопкинса. Когнитивная «модернизация» концепта global food regime была осуществлена с помощью теории регуляции, целью которой является конструирование историко-экономического инструмента для рассмотрения капитализма [2, р.97; 35, р.233], а также с опорой на мирсистемный анализ, объясняющий планетарное разделение труда за счёт политической зависимости и неравномерного развития центра и периферии [60, р. 349]. В своей современной интерпретации понятие международного продовольственного режима обозначает определённые институциональные структуры, нормы и неписаные правила в мировом производстве и потреблении продовольствия, которые обладают географической и исторической спецификой [46, р. 352].

Для дидактической оперативности отобразим семантическую динамику концепции food regime с 1978 по 1992 гг. Согласно кодифицированным в таблице №1 данным, отметим, что смысловая эволюция термина сопровождается появлением таких предикатов, как «глобальный», «интернациональный» и «мировой». Принципиальное наличие квантора всеобщности (заимствованного из предикатной логики) верифицирует планетарный масштаб концепции, функциональная «эластичность» которой будет рассмотрена в следующей части нашего исследования.

Табл. 1. Эволюция концепции food regime в период с 1978-1992 гг. Table 1. Evolution of the food regime concept between 1978 and 1992.

Автор / Год	Puchala & Hopkins 1978	Friedmann 1982	Puchala & Hopkins 1982	Friedmann 1987	Friedmann & McMi- chael 1989	Butcel & Goodman 1989	McMichael 1992
Термин	Global Food Re- gime	Interna- tional Food Order	Interna- tional Food Regime	Interna- tional Food Regime	First Food Regime / Second Food Re- gime	Interna- tional Food Regime	World Food Order

Источник: [8; 19; 20; 26; 36; 50; 51]

Международный продовольственный режим: инструментальная специфика

Для установления методологического потенциала концепции food regime необходимо обратиться к её непосредственной функциональности. Переходя к спецификации, отметим, что стараниями X. Фридманн и Ф. Макмайкла было аутентифицировано три продовольственных режима, на протяжении которых накопление капитала и чёткие геополитические интересы были связаны со специфическими моделями производства, потребления и дистрибуции продуктов питания. Принципиально важно указать на то, что на протяжении последних десятилетий каждый из трёх food regime имел отличительную «маркировку», которая передавала характерные особенности заданного исторического периода. Для визуальной оперативности эволюция терминологических единиц, используемых в работах X. Фридманн и Ф. Макмайклом была кодифицирована. Согласно представленным в таблице №2 данным, выполним последовательный анализ каждого из трёх food regime.

Первый продовольственный режим

В Первом продовольственном режиме (длившемся с 1870 по 1930 гг.) поток «простых» продуктов питания и необработанных материалов из поселенческих территории (settlement territories) и оккупированных колоний (occupied colonies) подпитывал европейскую индустриализацию. В то время импорт мяса

Табл. 2. Эволюция концепции food regime в работах X. Фридманн и Ф. Макмайкла (в период с 1982 по 2013 гг.)

Table 2. Evolution of the food regime concept between 1982 and 2013. Based on the studies of H. Friedmann and P. McMichael.

	I	II	III	
Friedmann 1982	Prewar Food Order	International Food Order of the Postwar period	New Food Order	
Friedmann 1987	Extensive first Interna- tional Food Regime	Second International Food Regime (Intensive / Fordist Regime)	New International Food Regime	
Friedmann & McMichael 1989	First Food Regime	Second Food Regime		
McMichael 1992			Third World Food Order	
Friedmann 1992	Prewar Food Regime	Post war Food Regime		
Friedmann 1993		Surpluz Food Regime		
Friedmann 2005	Colonial-Diasporic Food Regime	Mercantile-Industrial Food Regime	Corporate-Environmental Food Regime	
Friedmann 2005	Settler-Colonial Food Regime			
McMichael 2005			Corporate Food Regime	
McMichael 2007	The Colonial Food Regime Project	The Development Food Regime Project	The Globalization Food Regime Project	
McMichael 2013		US-centered intensive Food Regime		

Источник: [19; 20; 21; 22; 23; 24; 26; 36; 37; 38; 41]

и пшеницы из поселенческих территорий классифицировался как «дешёвая пища», которая обеспечила Британии и другим странам Европы ускоренный промышленный рост. Именно это обстоятельство, по мнению Х. Фридманн и Ф. Макмайкла, способствовало укреплению фундамента Первого продовольственного режима [26, р. 95-96; 39, р. 141].

Для сохранения доминирующей геополитической позиции и лидерства на трансокеанском рынке «простых» продуктов питания Великобритания активно продвигала либерализацию торговли, а также глобальную монетарную систему, основанную на собственной валюте [57, р. 9]. Первый food regime функционировал по принципу британского «империализма свободной торговли», установленного с целью получения доступа к экономикам соперников и консолидации коммерческого господства в миросистеме. Таким образом, политика Соединённого Королевства и стерлинговый золотой стандарт поспособствовали первому глобальному рынку капитала [37, р. 271]. При этом специализированные экспортные регионы, именуемые сегодня как World's breadbaskets (мировые хлебные корзины), были созданы путём вложения британского капитала в железные дороги и за счёт насильственного изгнания коренных народов (с целью расширения поселенческих районов).

Важным фактом является то, что в рамках Первого продовольственного режима власть и благополучие сосредотачивались в странах-импортёрах. Правительства этих государств экспортировали промышленные товары, рабочую силу и капитал с целью строительства новых путей сообщения и для всецелого усовершенствования земель, экспроприированных у коренных народов [23, р. 126].

Обобщённо, характерными чертами Первого food regime являются:

- геополитическое превосходство Британии;
- риторика свободной торговли;
- функционирование стерлингового золотого стандарта;
- ввоз в Европу экзотических продуктов из колоний;
- импорт базовых злаковых культур и продукции животноводства из поселенческих районов в европейские страны.

Необходимо также заметить, что временной интервал Первого продовольственного режима вызывает ряд спорных моментов. Например, в более ранних работах Д. Пухала и Р. Хопкинса темпоральные границы «сужаются» с 1870 по 1914 гг., совпадая при этом с кульминацией колониальной эпохи [49, р. 856; 50, р. 251]. Однако, в современных исследованиях темпоральные грани, наоборот, «расширяются». Так, в работе 2017 г. С. Риу утверждает, что Первый продовольственный режим начинается в 1846 г. с отменой *Corn Laws* (Хлебных законов) в Великобритании [54]. Замечание С. Риу вполне уместно, так как денонсация меркантилистских указов, действовавших с 1815 г. в Соединённом Королевстве, символизировала шаг на пути к фритредерству — характерной черте Первого *food regime*.

Второй продовольственный режим

Первый food regime рухнул под давлением Первой и Второй мировых войн, Великой депрессии и серии экологических катастроф (*Dust Bowl*) в США. В попытке устранить неблагоприятные последствия начиная с 1940-х гг. американские власти начали принимать протекционистские законы и практики в сельскохозяйственном секторе, которые стимулировали внутреннее производство и привели к образованию колоссального количества продовольственных излишков [22; 23; 41].

Таким образом, Второй продовольственный режим, продолжавшийся с 1940-х до 1970-х гг., характеризовался изменением потока продуктов питания с Юга на Север. Причиной коррекции «товарного маршрута» стал трансфер сельскохозяйственных излишков из США в её неформальную империю постколониальных государств по стратегическим периметрам холодной войны [39, р. 141]. Продовольственная поддержка (food aid) использовалась в качестве практического инструмента для селективной индустриализации стран третьего мира и идеологического фактора укрепления лояльности против коммунизма

и имперских рынков [39, р. 141]. По мнению X. Виттман, вывоз продуктовых излишков из США в качестве *food aid* в постколониальные «государства развития» был воплощён с целью расширения индустриализации и смягчения угрозы коммунизма [61, р. 89].

Небезызвестно, что бывший американский вице-президент Х. Хамфри, являлся ярым сторонником программы по продовольственной помощи. В то время Хамфри прославился следующими словами: «Если вы ищите способ заставить людей быть зависимыми от вас, с точки зрения кооперации, то продовольственная подневольность — максимально эффективна» [57, р. 13]. Слова Х. Хамфри материализовались посредством двух программ по продовольственному содействию, которые помогли США эффективно избавиться от собственных излишков продуктов питания. Первая программа (Marshall aid), принятая в 1948 г., предназначалась для послевоенного восстановления стран Европы. В то время помощь по плану Д. Маршалла на 40% состояла из продовольствия, животных кормов и удобрений [22, р. 36; 23, р. 129]. Второй проект (Public law 480), принятый в 1953 г., способствовал экономической поддержке новых деколонизированных стран третьего мира [44, р. 4]. Этот закон предусматривал предоставление продовольственной помощи на условиях денежной оплаты или кредита нуждающимся странам [29]. Всесторонняя поддержка Д. Маршалла и Food for Peace PL-480 в основном принимали форму «концессионных продаж», суть которых заключалась в том, что власти США, имея валютные счета в каждом государстве-реципиенте, могли пользоваться ими лишь в странах-эмитентах этой валюты. Это считалось выгодной поддержкой, которая давала США право использовать накопившиеся за рубежом авуары в собственных интересах [23, р. 141].

Таким образом, структурообразующими элементами Второго food regime являются:

- геополитическое соперничество США и СССР;
- привлечение новых независимых государств к американской торговой системе;
  - масштабная индустриализация мирового сельского хозяйства;
  - протекционистские меры США;
- североамериканские программы селективной продовольственной поддержки.

Третий продовольственный режим

Третий food regime установился после глобальных экономических потрясений 1970-х и 1980-х гг. [31, р. 111]. В те годы США пережили свой первый торговый дефицит века, что побудило нацию агрессивно проводить политику агроэкспорта, включавшую в себя строительство новых рыночных участков [57, р. 15]. В 1980-х гг. на фоне долгового кризиса в странах третьего мира американский агробизнес объединил усилия по сокращению государственного управления и

контроля за сельскохозяйственными товарами в странах с развивающейся экономикой. Это привело к реструктуризации глобальной системы производства и потребления продуктов питания, характеризующийся беспрецедентной рыночной властью агропродовольственных корпораций.

На протяжении 1980-х программы структурной перестройки (Structural Adjustment Programs), разработанные институтами Глобального Севера, подорвали тарифы, демонтировали национальные комитеты по маркетингу и уничтожили правительственные исследовательские инициативы в области сельского хозяйства в странах Глобального Юга. Эти стратегии были включены в международные соглашения на основании двусторонних и межнациональных договоров о свободной торговле (FTAs). Учреждение Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 г. и подписание документа, фиксирующего взаимные обязательства по сельскому хозяйству (Agreement on Agriculture), институционализировали процесс аграрной либерализации в глобальном масштабе [31, р. 111].

Декомпозиция гражданства и эрозия национального суверенитета через неолиберальный проект «глобализации» аннулировали политические достижения, связанные с периодом гегемонии США. Следствием этому стало беспрецедентное переориентирование сельского хозяйства на обеспечение богатого класса покупателей. Стимулируемый рост потребительской активности, приносящей колоссальные дивиденды транснациональным акторам, утвердился в моделях консюмеризма и фриганизма. Эти отличительные черты Третьего продовольственного режима, вскоре привели к «революции супермаркетов» в странах с развивающейся экономикой, начавшейся в 1990-е гг. и продолжающейся в наши дни [46]. Под революцией разгадывается количественное умножение универсамов (всего современного «ритейла» включающего в себя сетевые магазины различных форматов), которые изначально базировались в мегаполисах и были рассчитаны на клиентов из высшего и среднего классов [51, р. 14; 52; 53].

Таким образом, основополагающими особенностями Третьего *food regime* являются:

- геополитическое могущество США (наступившее в результате краха СССР);
  - неолиберализм;
- институты, регламентирующие глобальную продовольственную торговлю;
  - программы структурной перестройки;
  - расширение интересов транснациональных корпораций;
  - «революция супермаркетов».

Food sovereignty - основание четвёртого продовольственного режима?

Благодаря созданию глобальной коммерческой политики в XX в. транснациональные корпорации и международные организации в сфере торговли, финансов и развития стали главными акторами, принимающими решения в области продовольствия, энергетики и других жизненно важных ресурсов. К примеру, такие зерновые гиганты, как Archer Daniels Midland и Cargill контролируют 75% мировой торговли пшеницей [59, р. 39]. Химические корпорации Monsanto и DuPont завоевали 65% глобального рынка семян кукурузы [31, р. 111]. Три компании (Philip Morris, Nestlé и Sara Lee) контролируют 45% мирового рынка кофе [59, р. 49].

Такая концентрация корпоративной власти угрожает демократическому процессу, влечёт рост расходов для производителей и потребителей продуктов питания, а также лишает средств к существованию миллионы мелких фермеров. По убеждению Ф. Макмайкла, Третий продовольственный режим порождает всевозрастающую и экологически разрушительную индустриализацию сельскохозяйственного производства, при этом подрывая условия выживания человека посредством:

- интенсивной зависимости от ископаемого топлива;
- выбросов парниковых газов (треть которых приходятся на долю индустриального агропромышленного комплекса);
  - деградации почв и увеличения зависимости от химических удобрений;
  - сокращения биоразнообразия;
- исчезновения культурных знаний об экологической жизни и о работе с природными циклами [39, р. 153].

«Сопротивление» нынешнему food regime, характеризующиеся тем, что французский фермер-активист X. Бове назвал «продуктами питания из ниоткуда», наиболее заметно проявилось в идеи «продовольственного суверенитета», которая сосредотачивается на подлинных правах человека, автономии и «продовольствии откуда-то» [61, р. 89]. В сложившихся обстоятельствах идея Food sovereignty всё чаще рассматривается как альтернативная парадигма, бросившая вызов корпоративному режиму и глобальной институциональной иерархии [1, с. 243]. По мнению М. Альтьери, концепция Food sovereignty была сформулирована в надежде защитить средства к существованию, биосферу и здоровье общества путём передачи «орудий производства» продуктов питания в руки мелким фермерам [3, р. 104]. Драйвером продовольственного суверенитета, по убеждению Х. Виттман, выступают усилия по установлению экономической, политической и экологической справедливости, связанной с производством, потреблением и торговлей в сфере сельского хозяйства [61, р. 89].

Сходных взглядов придерживаются такие исследователи, как М. Эдельман, М. Альтьери, С. Борегард, Р. Готтлиб, М. Пимберт, Д. Джонсен, М. Виндфур, С. Боррас, А. Десмараис, Р. Патель, Ф. Макмайкл, В. Толедо, Дж. Плоег, К. Барнетт, С. Мерфи, П. Клейс, Э. Траугер и другие. Растущая теоретическая популярность концепции *Food sovereignty* всё чаще трансформируется в её практическую востребованность. В последнее десятилетие идея продовольственного суверенитета основательно закрепляется в конституциях и законодательных

актах стран (Боливия, Эквадор, Венесуэла, Непал, Никарагуа, Мали, Сенегал, Филиппины), городов (Блу Хилл — расположенный в штате Мэн на северо-востоке США) и общин (находящихся в южной части Чикаго, на Гавайских островах и на оккупированной территории Палестины) [56, р. 422].

Не исключено, что стратегия *Food sovereignty*, представляющая собой констелляцию таких идей, политических доктрин, принципов, и мировоззрений как экологизм, мультикультурализм, коэволюционизм, экоцентризм, эгалитаризм, полиархия и субсидиарность, способна послужить основанием для Четвёртого продовольственного режима. Однако, стоит отметить, что функциональная специфика стратегии *Food sovereignty* остаётся спорной даже внутри самого «эпистемологического сообщества».

«Крестьянский путь» продовольственного суверенитета: разногласия на заданном маршруте

Концепция Food sovereignty тесно связана с транснациональным крестьянским движением La Via Campesina, которое популяризировало продовольственный суверенитет как лозунг, манифест и политический проект. Стратегический потенциал Food sovereignty является предметом оживлённых споров, находящих своё отражение на страницах Journal of Peasant Studies. Необходимо оговориться, что подробное описание всех диалектических тенденций ограничено рамками нашего исследования. В связи с этим обстоятельством обозначим лишь принципиально важные моменты в прениях между двумя генеральными оппонентами (Ф. Макмайклом и А. Бернштейном).

Профессор Лондонского университета SOAS А. Бернштейн, относится к так называемому второму поколению исследователей, работающих над улучшением понимания и выявлением уязвимых сторон теории *Food regime*. Ключевым объектом критических изысканий учёного стал так называемый крестьянский путь развития.

По словам А. Бернштейна, ревизионистское возвращение к «крестьянской проблеме» поразительно, так как фермеры третьего мира вовсе не фигурировали в исследованиях, посвящённых Первому и Второму продовольственному режиму, или же представлялись в них пассивными наблюдателями. «Крестьянство» как глобальный агент «сопротивления» появился лишь в рамках Третьего продовольственного режима, после «заполнения» мира дешёвыми пищевыми продуктами, проходившего под аккомпанемент структурной перестройки и соглашений о свободной торговле. Вместе с тем «крестьянство» влечёт за собой снижение производительности и не способно обеспечить достаточным количеством продуктов питания весь мир [5, р.1031; 6]. В конечном счёте, проведя критическое исследование теории международных продовольственных режимов, А. Бернштейн заявил, что некоторые взгляды Ф. Макмайкла принимают ошибочный «крестьянский поворот».

В ответ на замечания Ф. Макмайкл напоминает А. Бернштейну о том, что мелкие крестьяне по-прежнему являются производителями 70% всего мирового продовольствия. В связи с этим крестьянское сопротивление, заложенное в онтологию продовольственного суверенитета, является реактивным процессом, предполагающим рефлекс, а не «рефрейминг» аграрного вопроса [42]. Дискурс Food sovereignty, утверждает Ф. Макмайкл, посвящён социальной и экологической судьбе планеты и включает вопросы, связанные с выживанием экосистем, интеллектуальными правами и приватизацией [42]. Артикуляция аналогичных проблем была бы невозможна без крестьянской мобилизации. Именно крестьянские движения бросили вызов существующему порядку миросистемы. Для дискриминации неолиберальной продовольственной безопасности (проекта агробизнеса) и разоблачения недемократической архитектуры режима «свободной торговли» движение за Food sovereignty использует политику «стратегического эссенциализма» [43]. Абсолютизированный «перманентный поиск меньшего, но лучшего» повышает резистентность от приватизации продовольственной безопасности.

В завершение стоит упомянуть о том, что попытка разрядить (détente) дискуссионную обстановку была предпринята Х. Фридманн. Выступив импровизированным медиатором, Х. Фридманн заявила, что разногласие между Ф. Макмайклом и А. Бернштейном сводится лишь к отличающейся point of view авторов и их специфике анализа продовольствия, сельского хозяйства и капитализма [25, р. 671]. Столь деликатное ранжирование по субъективному принципу привело к определённому снижению дискуссионного градуса внутри «эпистемологического сообщества». Однако выявленная асимметрия во взглядах на мир лишь указывает на временный характер достигнутого «академического перемирия».

В процессе исследования удалось выявить теоретические истоки идеи food regime, а также проследить эволюцию дефиниции от первоначальных интерпретаций до современных формулировок. Принципиально важным моментом, стало обнаружение более ранних модификаций концепции food regime, выполненных Д. Пухала и Р. Хопкинсом. Заслуги этого авторского дуэта, до сих пор остававшегося в тени, были успешно реабилитированы и включены в академический дискурс.

Вместе с тем была продемонстрирована инструментальная способность концепции food regime, систематизировать исторические этапы на основании геополитического могущества, аккумулирования капитала и глобального производства, потребления и циркуляции продуктов питания. Для этого была выполнена классификация с последовательным описанием характерных особенностей трёх продовольственных режимов.

На основании этого автором были установлены факты, способные повлиять на перевоплощение современного *food regime*. Мировой уязвимости экосистем, глобальной деградации почв и корпоративному тоталитаризму была противо-

поставлена идея «продовольственного суверенитета». Несмотря на множество спорных моментов в возобновляемых академических дискуссиях, революционный потенциал идеи «продовольственного суверенитета» остаётся довольно высоким. Планетарная агропродовольственная обстановка, обозначенная как «мировой голод среди глобального изобилия пищи» [4, р. 41], характеризуется беспрецедентным господством рыночной власти, тиранией транснациональных корпораций и коммерческим диктатом продовольственных гипермаркетов. Современное доминирование продуктовых универсамов, поддерживаемых корпоративным капиталом, провоцирует тотальное обезличивание (commoditization) продуктов питания и нивелирует конкурентные способности рынков живой продукции (wet market), функционирующих за счёт находчивости мелкого фермерства.

По убеждению автора, поддержание жизнеспособности крестьянства, популяризация экологически устойчивых практик ведения сельского хозяйства и культивирование труда (как метода, предотвращающего комплексную деградацию человечества) – являются «альтернативной действительностью» и «действенной альтернативой» расширяющимся программам либерализации природы, приватизации жизни и монетизации безусловных рефлексов человека.

Список литературы

- Малов А.В. Продовольственный суверенитет: политическая концепция, общественное движение и контр-гегемонистский дискурс XXI века // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 65. С. 221-246. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/65_2017malov.htm (дата обращения: 20.10.2017).
- Aglietta. M. A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience. London: New Left Books, 1979. 448 p.
- Altieri M.A. Agroecology, small farms, and food sovereignty // Monthly Review-an Independent Socialist Magazine. 2009. Vol. 61. No. 3. Pp. 102-113.
- Araghi F. Food regimes and the production of value: Some methodological issues // Journal of Peasant Studies. 2003. Vol. 30. No. 2, Pp. 41-70. DOI: 10.1080/03066150412331311129
- Bernstein H. Food sovereignty via the 'peasant way': a skeptical view // The Journal of Peasant Studies. 2014. Vol. 41. No. 6, Pp. 1031-1063. DOI: 10.1080/03066150.2013.852082

- Bernstein H. Agrarian political economy and modern world capitalism: the contributions of food regime analysis // Journal of Peasant Studies 2016. Vol. 43. No. 3. Pp. 611-647. DOI: 10.1080/03066150.2015.1101456
- Brendelberger H. Growth of juvenile bithynia tentaculata (prosobranchia, bithyniidae) under different food regimes: A long-term laboratory study // Journal of Molluscan Studies. 1995. Vol. 61. No. 1. Pp. 89-95. DOI: 10.1093/ mollus/61.1.89
- 8. Butcel F.H, Goodman D. Class, State, Technology and International Food Regimes: An introduction to recent trends in the sociology and political economy of agriculture // Sociologia Ruralis. 1989. Vol. 29. No. 2. Pp. 86-92. DOI: 10.1111/j.1467-9523.1989.tb00359.x
- Campbell H. Breaking new ground in food regime theory: Corporate environmentalism, ecological feedbacks and the 'food from somewhere' regime? // Agriculture and Human Values. 2009. Vol. 26. No. 4. Pp. 309-319. DOI: 10.1007/s10460-009-9215-8

- Campbell H., Dixon J. Introduction to the special symposium: Reflecting on twenty years of the food regimes approach in agri-food studies // Agriculture and Human Values. 2009. Vol. 26. No. 4. Pp. 261-265. DOI: 10.1007/s10460-009-9224-7
- De Souza J.O.L., De Oliveira P.H. Os regimes alimentares mundiais e a produção agrícola brasileira, os dados do censo agropecuário de 1920 a 2006 // Espaco Plural. 2016. Vol. 17. No. 35. Pp. 187-211.
- Dixon J. From the imperial to the empty calorie: How nutrition relations underpin food regime transitions // Agriculture and Human Values. 2009. Vol. 26. No. 4. Pp. 321-333. DOI: 10.1007/ s10460-009-9217-6
- FAO. The future of food and agriculture: Trends and challenges. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2017. 163 p.
- 14. Farina F. Japan in the international food regimes: Understanding japanese food selfsufficiency decline // Feeding japan: The cultural and political issues of dependency and risk. Ed. by Niehaus A., Walravens T. London: Palgrave Macmillan, Cham. 2017. Pp. 363-384. DOI: 10.1007/978-3-319-50553-4_14
- Fernández-Reiriz M.J., Labarta U., Navarro J.M., Velasco A. Enzymatic digestive activity in Mytilus chilensis (Hupé 1854) in response to food regimes and past feeding history // Journal of Comparative Physiology B. Biochemical, Systemic, and Environmental Physiology. 2001. Vol. 171. No. 6. Pp. 449-456. DOI: 10.1007/s003600100194
- Ferreiro M.J., Pérez-Camacho A., Labarta U., Beiras R., Planas M., Fernández-Reiriz M.J. Changes in the biochemical composition of ostrea edulis larvae fed on different food regimes // Marine Biology. 1990. Vol. 106. No. 3. Pp. 395-401. DOI: 10.1007/BF01344318
- Friedmann H. Simple commodity production and wage labour in the American plain // Journal of Peasant Studies. 1978a. Vol. 6. No. 1. Pp. 71-100. DOI: 10.1080/03066157808438066
- Friedmann H. World Market, State and Family Farm: Social Bases of Household Production in the era of Wage Labor // Comparative Studies of Society and History. 1978b. Vol. 20. No. 4. Pp. 545-586. DOI: 10.1017/S001041750001255X
- Friedmann H. The political economy of food: the rise and fall of the postwar international food order // American Journal of Sociology. 1982. Vol. 88 (annual supplement). Pp. 248–86. DOI: 10.1086/649258
- 20. Friedmann H. The Family Farm and the

- International Food Regimes // In T. Shanin (ed.) Peasants & Peasant Societies. 2d ed. Oxford: Basil Blackwell, 1987. Pp. 247-258.
- Friedmann H. Distance and durability: Shaky foundations of the world food economy // Third World Quarterly. 1992. Vol. 13. No. 2. Pp. 371– 383
- Friedmann H. The political economy of food: a global crisis // New Left Review. 1993. Vol. 197. Pp. 29–57.
- Friedmann H. Feeding the Empire: Pathologies of Globalized Agriculture // The Socialist Register. Ed. by Panitch L., Leys C. London: Merlin Press, 2005a. Pp. 124-143.
- 24. Friedmann H. From Colonialism to Green Capitalism: Social Movements and Emergence of Food Regimes // New Directions in Sociology of Global Development. Ed. by Buttel E.N., McMichel P. Amsterdam: Elsevier, 2005b. Pp. 227-264. DOI: 10.1016/S1057-1922(05)11009-9
- Friedmann H. Commentary: Food regime analysis and agrarian questions: Widening the conversation // Journal of Peasant Studies. 2016. Vol. 43. No. 3. Pp. 671-692. DOI: 10.1080/03066150.2016.1146254
- Friedmann H., McMichael P. Agriculture and the State System: the Rise and Decline of National Agricultures, 1870 to the Present // Sociologica Ruralis. 1989. Vol. 29. No. 2. Pp. 93-117.
- Haas E. Technological Self-Reliance for Latin America: The OAS Contribution // International Organization. 1980. Vol. 34. No. 4. Pp. 541-570. DOI: 10.1017/S0020818300018841
- Heis A. The alternative agriculture network Isan and its struggle for food sovereignty - a food regime perspective of agricultural relations of production in Northeast Thailand // Austrian Journal of South-East Asian Studies. 2015. Vol. 8. No. 1. Pp. 67-86. DOI: 10.14764/10. ASEAS-2015.1-5
- Helscher D. Public Law 480, American Agriculture and World Food Demand // Case Western Reserve Journal of International Law. 1978. Vol. 10. No. 3. Pp. 739-761.
- 30. Holt-Gimenez E. The World Food Crisis: What's Behind It and What We Can Do // Hunger Notes. 23.10.2008. URL: http://www.worldhunger.org/world-food-crisis/ (дата обращения: 20.07.2017).
- 31. Holt-Giménez E., Shattuck A. Food crises, food regimes and food movements: rumblings of reform or tides of transformation? // Journal of Peasant Studies. 2011. Vol. 38. No. 1. Pp. 109 144. DOI: 10.1080/03066150.2010.538578
- 32. Jervis R. Security Regimes // International

Organization. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 357–378. DOI: 10.1017/S0020818300018981

- Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Second Edition. New York: Harper Collins Publishers, 1989. 315 p.
- Krasner S. Structural causes and regime consequences: regime as intervening variables // International Organization. 1982. Vol. 36. No. 2. Pp. 185-205. DOI: 10.1017/S0020818300018920
- 35. Mavroudeas S. The French regulation approach and its theory of consumption // Paper № 19730, Munich Personal REPEC Archive. 2003. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/19730/1/ MPRA_paper_19730.pdf (дата посещения: 21.09.2017).
- McMichael P. Tension between national and international control of the world food issue: contours of a new food regime // Sociological Perspectives. 1992. Vol. 43. Pp. 83- 105.
- McMichael P. Global Development and the Corporate Food Regime // New Directions in Sociology of Global Development. Ed. by Buttel F. N., McMichel P. Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 265-299. DOI: 10.1016/S1057-1922(05)11010-5
- McMichael P. Feeding the world: Agriculture, development and ecology // The socialist register 2007: Coming to terms with nature. Ed. by Panitch L., Leys C. London: Merlin Press, 2007. Pp. 170-194.
- McMichael P. A food regime genealogy // The Journal of Peasant Studies. 2009a. Vol. 36. No. 1. Pp. 139-169. DOI: 10.1080/03066150902820354
- McMichael P. A Food Regime Analysis of the World Food Crisis // Agriculture and Human Values. 2009b. Vol. 26. No. 4. Pp. 281–295. DOI: 10.1007/s10460-009-9218-5
- McMichael P. Food Regimes and Agrarian Questions. Halifax, NS: Fernwood Books Ltd, 2013. 196 p.
- McMichael P. A comment on Henry Bernstein's way with peasants, and food sovereignty // Journal of Peasant Studies. 2015. Vol. 42. No. 1. Pp. 193-204. DOI: 10.1080/03066150.2014.936853
- McMichael P. Commentary: Food regime for thought // Journal of Peasant Studies. 2016. Vol. 43. No. 3. Pp. 648-670. DOI: 10.1080/03066150.2016.1143816
- 44. Morley M. United States Farm Bill: Historical Perspectives and Contemporary Recommendations, 2008. URL: http://www.madeleinemorley.com/uploads/4/6/8/5/4685915/unitedstatesfarmbill. pdf (дата обращения: 01.09.2017)
- 45. Otero G. El régimen alimentario neoliberal y

- su crisis: Estado, agroempresas multinacionales y biotecnología // Antipoda: Revista de Antropología y Arqueología. 2013. No. 17. Pp. 49-78. DOI: 10.7440/antipoda17.2013.04
- Pechlaner G., Otero G. The third food regime: neoliberal globalism and agricultural biotechnology in North America // Sociologia ruralis. 2008. Vol. 48. No. 4. Pp. 351-371. DOI: 10.1111/j.1467-9523.2008.00469.x
- Plahe J.K., Hawkes S., Ponnamperuma S. The corporate food regime and food sovereignty in the pacific islands // Contemporary Pacific. 2013. Vol. 25. No. 2. Pp. 309-338. DOI: 10.1353/ cp.2013.0034
- 48. Pritchard B. The long hangover from the second food regime: A world-historical interpretation of the collapse of the WTO doha round // Agriculture and Human Values. 2009. Vol. 26, No. 4, Pp. 297-307. DOI: 10.1007/s10460-009-9216-7
- Puchala D. J., Hopkins R.F. Toward innovation in the global food regime // International Organization. 1978. Vol. 32. No. 3. Pp. 855-868. DOI: 10.1017/S0020818300031969
- Puchala D., Hopkins R. International regimes: lessons from inductive analysis // International Organization. 1982. Vol. 36. Pp. 245-275. DOI: 10.1017/S0020818300018944
- Reardon T. The global rise and impact of supermarkets: an international perspective // The Supermarket Revolution in Food: Good, bad or ugly for the world's farmers, consumers and retailers? / Conference conducted by the Crawford Fund for International Agricultural Research, Parliament House, Canberra, Australia, 14-16.08.2011. URL: http:// ageconsearch.umn.edu/bitstream/125312/1/ Reardon2011.pdf (дата обращения: 18.08.2017)
- 52. Reardon T., Timmer P., Barrett B., Berdegue J. The rise of supermarkets in Africa, Asia and Latin America. 2003. URL: http://www.rimisp.org/wp-content/uploads/2013/06/0269-001928-2003ajaereardonetal.pdf (дата обращения: 28.08.2017).
  - 3. Reardon T., Gulati A. The supermarket revolution in developing countries // Policies for Competitiveness with inclusiveness. Michigan State University. June 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/5056902_The_Supermarket_Revolution_in_Developing_Countries_Policies_for_Competitiveness_with_Inclusiveness (дата обращения: 18.08.2017).
- 54. Rioux S. Rethinking food regime analysis: An essay on the temporal, spatial and scalar dimensions of the first food regime // Journal

- of Peasant Studies. 2017. Pp. 1-24. DOI: 10.1080/03066150.2017.1351432
- Salzmann P. (Kein) Weiter wie bisher? Landnahmen, finanzialisierung und widerstande im umkampften nahrungsregime // Journal Fur Entwicklungspolitik. 2014. Vol. 30, No.2, Pp. 69-91.
- Shattuck A., Schiavoni C., VanGelder Z.
   Translating the Politics of Food Sovereignty: Digging into Contradictions, Uncovering New Dimensions, Globalizations // Globalizations.

   Vol. 12. No. 4. Pp. 421-433. DOI: 10.1080/14747731.2015.1041243
- 57. Smith J. An Analysis of the History of Industrial Agriculture, its Environmental Impacts, and Sustainable Alternatives in the United States // Master Thesis No A 067805. Universität Wien, 2013. 77 p. URL: http://othes.univie.ac.

- at/29873/1/2013-08-12_1069123.pdf (дата обращения: 19.08.2017).
- Torrado M. Régimen alimentario en la era posneoliberal: Argentina y la expansión de la soja transgénica. Estudios CrítiCos dEl dEsarrollo. 2016. Vol. 6. No. 11. Pp.45-64.
- Vorley B. Food, Inc. corporate concentration from farm to consumer. London: UK Food Group, 2003. 89 p.
- 60. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974. 410 p.
- 61. Wittman H. Food Sovereignty: A new Rights Framework for Food and Nature? // Environment and Society: Advances in Research, Special Issue on Food. 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 87-105.DOI: 10.3167/ares.2011.020106

Об авторе:

Александр Вадимович Малов – аспирант кафедры сравнительной политологии Факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. E-mail: malov.pvo@gmail.com.

INTERNATIONAL FOOD REGIME

Alexander V. Malov DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-127-147

Lomonosov Moscow State University

The review article reveals the content of the concept of Food Regime, which is little-known in the Russian academic reference. The author monitored and codified the semantic dynamic of the terminological unit from its original interpretations to modern formulations based on the retrospective analysis. The rehabilitation of the academic merits of D. Puchala and R. Hopkins — authors who used the concept Food Regime for a few years before its universally recognized origin and official scientific debut, was accomplished with help of historical and comparative methods. The author implemented the method of ascension from the abstract to the concrete to demonstrating the classification of Food Regimes compiled on the basis of geopolitical interests in the sphere of international production, consumption, and distribution of foodstuffs. The characteristic features of historically formed Food Regime were described in the chronological order, as well as modern tendencies possessing reformist potential were identified. In particular, it has been established that the idea of Food Sovereignty (which is an alternative to the modern Corporate Food Regime) is the subject for acute academic disputes. The discussion between P. McMichael P. and H. Bernstein devoted to the "peasant question" — mobilization frame of the Food Sovereignty strategy was analyzed using the secondary data processing method. Due to the critical analysis, the author comes to the conclusion that it is necessary to follow the principles of the Food Sovereignty strategy to prevent the catastrophic prospects associated with ecosystem degradation, accelerated erosion of soils, the complete disappearance of biodiversity and corporate autoc-

racy successfully. The author is convinced that the idea of Food Sovereignty can ward off energetic liberalization of nature, intensive privatization of life and rapid monetization of unconditioned human reflexes.

Key words: food regime, food sovereignty, food security, supermarket revolution, globalization, corporations, counter-movement

References

- Malov A.V. Prodovoľstvennyi suverenitet: politicheskaya kontseptsiya, obshchestvennoe dvizhenie I kontr-gegemonistskii diskurs XXI veka [Food Sovereignty: political concept, social movement and counter-hegemonist discourse of the 21st century] Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik, 2017, vol. 65, pp. 221-246. Available at: http://e-journal.spa. msu.ru/vestnik/item/65_2017malov.htm (Accessed 20.10.2017). (In Russian).
- Aglietta. M. A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience. London, New Left Books Publ., 1979. 448 p.
- Altieri M. A. Agroecology, small farms, and food sovereignty. *Monthly Review-an Independent Socialist Magazine*, 2009, vol. 61, no. 3, pp. 102-113.
- Araghi F. Food regimes and the production of value: Some methodological issues. *Journal of Peasant Studies*, 2003, vol. 30, no. 2, 41-70. DOI: 10.1080/03066150412331311129
- 5. Bernstein H. Food sovereignty via the 'peasant way': a skeptical view. *The Journal of Peasant Studies*, 2014, vol. 41, no. 6, pp. 1031-1063. DOI: 10.1080/03066150.2013.852082
- Bernstein H. Agrarian political economy and modern world capitalism: the contributions of food regime analysis. *Journal of Peasant Studies*, 2016, Vol. 43, no. 3, pp. 611-647. DOI: 10.1080/03066150.2015.1101456
- Brendelberger H. Growth of juvenile bithynia tentaculata (prosobranchia, bithyniidae) under different food regimes: A long-term laboratory study. *Journal of Molluscan Studies*, 1995, vol. 61, no. 1, pp. 89-95. DOI: 10.1093/mollus/61.1.89
- Butcel F.H., Goodman D. Class, State, Technology and International Food Regimes: An introduction to recent trends in the sociology and political economy of

- agriculture. *Sociologia Ruralis*, 1989, vol. 29, no. 2, pp. 86-92. DOI: 10.1111/j.1467-9523.1989.tb00359.x
- Campbell H. Breaking new ground in food regime theory: Corporate environmentalism, ecological feedbacks and the 'food from somewhere' regime? Agriculture and Human Values, 2009, vol. 26, no. 4, pp. 309-319. DOI: 10.1007/s10460-009-9215-8
- Campbell H., Dixon J. Introduction to the special symposium: Reflecting on twenty years of the food regimes approach in agri-food studies. *Agriculture and Human Values*, 2009, vol. 26, no. 4, pp. 261-265. DOI: 10.1007/s10460-009-9224-7
- 11. De Souza J.O.L., De Oliveira P.H. Os regimes alimentares mundiais e a produção agrícola brasileira, os dados do censo agropecuário de 1920 a 2006 [The world food regimes and the brazilian agricultural production, the data of the agricultural census of 1920 to 2006] *Espaco Plural*, 2016, vol. 17, no. 35, pp. 187-211.
- Dixon J. From the imperial to the empty calorie: How nutrition relations underpin food regime transitions. *Agriculture and Human Values*, 2009, vol. 26, no. 4, pp. 321-333. DOI: 10.1007/s10460-009-9217-6
- 13. FAO. The future of food and agriculture: Trends and challenges. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2017. 163 p.
- Farina F. Japan in the international food regimes: Understanding japanese food self-sufficiency decline. Feeding japan: The cultural and political issues of dependency and risk. Ed. by Niehaus A., Walravens T. London, Palgrave Macmillan Publ., Cham. 2017. Pp. 363-384. DOI: 10.1007/978-3-319-50553-4 14
- Fernández-Reiriz M.J., Labarta U., Navarro J.M., Velasco A. Enzymatic digestive activity in Mytilus chilensis (Hupé

- 1854) in response to food regimes and past feeding history. *Journal of Comparative Physiology B. Biochemical, Systemic, and Environmental Physiology,* 2001, vol. 171, no. 6, pp. 449-456. DOI: 10.1007/s003600100194
- Ferreiro M.J., Pérez-Camacho A., Labarta U., Beiras R., Planas M., Fernández-Reiriz M.J. Changes in the biochemical composition of ostrea edulis larvae fed on different food regimes. *Marine Biology*, 1990, vol. 106, no. 3, pp. 395-401. DOI: 10.1007/BF01344318
- Friedmann H. Simple commodity production and wage labour in the American plain. *Journal of Peasant Studies*, 1978a, vol. 6, no. 1, pp. 71-100. DOI: 10.1080/03066157808438066
- Friedmann H. World Market, State and Family Farm: Social Bases of Household Production in the era of Wage Labor. Comparative Studies of Society and History, 1978b, vol. 20, no. 4, pp. 545-586. DOI: 10.1017/S001041750001255X
- Friedmann H. The political economy of food: the rise and fall of the postwar international food order. *American Journal* of Sociology, 1982, vol. 88 (annual supplement), pp. 248–86. DOI: 10.1086/649258
- Friedmann H. The Family Farm and the International Food Regimes. In T. Shanin (ed.) Peasants & Peasant Societies. Second edition. Oxford: Basil Blackwell, 1987. Pp. 247-258.
- Friedmann H. Distance and durability: Shaky foundations of the world food economy. *Third World Quarterly*, 1992, vol. 13, no. 2, pp. 371–383.
- 22. Friedmann H. The political economy of food: a global crisis. *New Left Review*, 1993, vol. 197, pp. 29–57.
- Friedmann H. Feeding the Empire: Pathologies of Globalized Agriculture. *The Socialist Register*. Ed. by Panitch L., Leys C. London, Merlin Press Publ., 2005a. Pp. 124-143.
- Friedmann H. From Colonialism to Green Capitalism: Social Movements and Emergence of Food Regimes. New Directions in Sociology of Global Development. Ed. by Buttel F.N., McMichel P. Amsterdam, Elsevier Publ., 2005b. Pp. 227-264. DOI: 10.1016/S1057-1922(05)11009-9

- Friedmann H. Commentary: Food regime analysis and agrarian questions: Widening the conversation. *Journal of Peasant Studies*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 671-692. DOI: 10.1080/03066150.2016.1146254
- Friedmann H., McMichael P. Agriculture and the State System: the Rise and Decline of National Agricultures, 1870 to the Present. Sociologica Ruralis, 1989, vol. 29, no. 2, pp. 93-117.
- Haas E. Technological Self-Reliance for Latin America: The OAS Contribution. International Organization, 1980, vol. 34, no. 4, pp. 541-570. DOI: 10.1017/ S0020818300018841
- Heis A. The alternative agriculture network Isan and its struggle for food sovereignty a food regime perspective of agricultural relations of production in Northeast Thailand. Austrian Journal of South-East Asian Studies, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 67-86. DOI: 10.14764/10.ASE-AS-2015.1-5
- Helscher D. Public Law 480, American Agriculture and World Food Demand. Case Western Reserve Journal of International Law, 1978, vol. 10, no. 3, pp. 739-761
- 30. Holt-Gimenez E. The World Food Crisis: What's Behind It and What We Can Do. *Hunger Notes*. 23.10.2008. Available at: http://www.worldhunger.org/worldfood-crisis/ (Accessed 18.07.2017).
- Holt-Giménez E., Shattuck A. Food crises, food regimes and food movements: rumblings of reform or tides of transformation? *Journal of Peasant Studies*, 2011, vol. 38, no. 1, pp. 109-144. DOI: 10.1080/03066150.2010.538578
- Jervis R. Security Regimes. *International Organization*, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 357–378. DOI: 10.1017/S0020818300018981
- Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Second Edition. New York: Harper Collins Publishers, 1989. 315 p.
- Krasner S. Structural causes and regime consequences: regime as intervening variables. *International Organization*, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 185-205. DOI: 10.1017/ S0020818300018920
- Mavroudeas S. The French regulation approach and its theory of consumption.
   Paper № 19730, Munich Personal REPEC

Research Article Alexander V. Malov

- Archive. 2003. Available at: https://mpra. ub.uni-muenchen.de/19730/1/MPRA_paper_19730.pdf (Accessed: 10.09.2017)
- McMichael P. Tension between national and international control of the world food issue: contours of a new food regime. Sociological Perspectives, 1992, vol. 43, pp. 83-105.
- McMichael P. Global Development and the Corporate Food Regime New Directions in Sociology of Global Development.
   Ed. by Buttel F. N., McMichel P. Amsterdam, Elsevier Publ., 2005. Pp. 265-299.
   DOI: 10.1016/S1057-1922(05)11010-5
- McMichael P. Feeding the world: Agriculture, development and ecology. The socialist register 2007: Coming to terms with nature. Ed. by Panitch L., Leys C. London, Merlin Press Publ., 2007. Pp. 170-194.
- McMichael P. A food regime genealogy. The Journal of Peasant Studies, 2009a, vol. 36, no. 1, pp. 139-169. DOI: 10.1080/03066150902820354
- McMichael P. A Food Regime Analysis of the World Food Crisis. Agriculture and Human Values, 2009b, vol. 26, no. 4, pp. 281–295. DOI: 10.1007/s10460-009-9218-5
- McMichael P. Food Regimes and Agrarian Questions. Halifax, NS, Fernwood Books Ltd Publ., 2013. 196 p.
- 42. McMichael P. A comment on Henry Bernstein's way with peasants, and food sovereignty. *Journal of Peasant Studies*, 2015, vol. 42, no. 1, pp. 193-204. DOI: 10.1080/03066150.2014.936853
- McMichael P. Commentary: Food regime for thought. *Journal of Peasant Studies*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 648-670. DOI: 10.1080/03066150.2016.1143816
- Morley M. United States Farm Bill: Historical Perspectives and Contemporary Recommendations, 2008. Available at: http://www.madeleinemorley.com/up-loads/4/6/8/5/4685915/unitedstatesfarm-bill.pdf (Accessed: 01.09.2017).
- 45. Otero G. El régimen alimentario neoliberal y su crisis: Estado, agroempresas multinacionales y biotecnología [The neoliberal food regime and its crisis: State, agribusiness transnational corporations, and biotechnology] Antipoda: Revista de Antropología y Arqueología, 2013, no.

- 17, pp. 49-78. DOI: 10.7440/antipoda17.2013.04
- Pechlaner G., Otero G. The third food regime: neoliberal globalism and agricultural biotechnology in North America. *Sociologia ruralis*, 2008, vol. 48, no. 4, pp. 351-371. DOI: 10.1111/j.1467-9523.2008.00469.x
- Plahe J.K., Hawkes S., Ponnamperuma S. The corporate food regime and food sovereignty in the pacific islands. *Contemporary Pacific*, 2013, vol. 25, no. 2, pp. 309-338. DOI: 10.1353/cp.2013.0034
- 48. Pritchard B. The long hangover from the second food regime: A world-historical interpretation of the collapse of the WTO doha round. *Agriculture and Human Values*, 2009, vol. 26, no. 4, pp. 297-307. DOI: 10.1007/s10460-009-9216-7
- Puchala D. J., Hopkins R.F. Toward innovation in the global food regime. *International Organization*, 1978, vol. 32, no. 3, pp. 855-868. DOI: 10.1017/ S0020818300031969
- Puchala D., Hopkins R. International regimes: lessons from inductive analysis. *International Organization*, 1982, vol. 36, pp. 245-275. DOI: 10.1017/ S0020818300018944
- 51. Reardon T. The global rise and impact of supermarkets: an international perspective // The Supermarket Revolution in Food: Good, bad or ugly for the world's farmers, consumers and retailers? / Conference conducted by the Crawford Fund for International Agricultural Research, Parliament House, Canberra, Australia, 14–16.08.2011. Available at: http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/125312/1/ Reardon2011.pdf (Accessed: 18.08.2017).
- Reardon T., Timmer P., Barrett B., Berdegue J. The rise of supermarkets in Africa, Asia and Latin America. 2003.
   Available at: http://www.rimisp.org/wp-content/uploads/2013/06/0269-001928-2003ajaereardonetal..pdf (Accessed: 28.08.2017).
- Reardon T., Gulati A. The supermarket revolution in developing countries. *Policies for Competitiveness with inclusiveness*. Michigan State University. June 2008. Available at: https://www.researchgate. net/publication/5056902_The_Super-

- market_Revolution_in_Developing_ Countries_Policies_for_Competitiveness_with_Inclusiveness (Accessed: 18.08.2017).
- 54. Rioux S. Rethinking food regime analysis: An essay on the temporal, spatial and scalar dimensions of the first food regime. *Journal of Peasant Studies*, 2017, pp. 1-24. DOI: 10.1080/03066150.2017.1351432
- 55. Salzmann P. (Kein) Weiter wie bisher? Landnahmen, finanzialisierung und widerstande im umkampften nahrungsregime [(No) "continuing as before"? Land grabs, financialization and oppositions in the contested food regime] *Journal Fur Entwicklungspolitik*, 2014, vol. 30, no. 2, pp. 69-91.
- 56. Shattuck A., Schiavoni C., VanGelder Z. Translating the Politics of Food Sovereignty: Digging into Contradictions, Uncovering New Dimensions, Globalizations. Globalizations, 2015, vol. 12, no. 4, pp. 421-433. DOI: 10.1080/14747731.2015.1041243
- Smith J. An Analysis of the History of Industrial Agriculture, its Environmental Impacts, and Sustainable Alternatives

- in the United States. Master Thesis No A 067805. Universität Wien, 2013. 77 p. Available at: http://othes.univie.ac. at/29873/1/2013-08-12_1069123.pdf (Accessed: 19.08.2017).
- 58. Torrado M. Régimen alimentario en la era posneoliberal: Argentina y la expansión de la soja transgénica [Food regime analysis in a post-neoliberal era: Argentina and the expansion of transgenic soybeans] *Estudios CrítiCos dEl dEsarrollo*, 2016, vol. 6, no. 11, pp. 45-64.
- Vorley B. Food, Inc. corporate concentration from farm to consumer. London: UK Food Group, 2003. 89 p.
- 60. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974. 410 p.
- 61. Wittman H. Food Sovereignty: A new Rights Framework for Food and Nature? *Environment and Society: Advances in Research, Special Issue on Food*, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 87-105.DOI: 10.3167/ ares.2011.020106

About the author:

Alexander V. Malov – postgraduate student, Department of comparative politics, Faculty of Political Science, Moscow State University. Russia, 119991, Moscow, GSP-1, Lomonosov Avenue, 27, b. 4. E-mail: malov.pvo@gmail.com.

Вестник МГИМО-Университета. 2018. 1(58). С. 148-168 DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-148-168 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЮЖНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Н.В. Галищева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В настоящем исследовании анализируется состояние продовольственной безопасности стран Южной Азии на современном этапе. На основе исторического и статистического методов выявлены условия развития сельского хозяйства региона, охарактеризованы наличие и доступность продовольствия, а также проведена оценка стабильности обеспечения продовольствием и продовольственного потребления. Автор сравнила подходы стран Южной Азии к реализации продовольственной политики, что позволило выявить специфические инструменты, применяемые в отдельных странах региона, и общие, характерные для всех южноазиатских государств.

При выборе предмета исследования автор исходила из того, что за последние два десятилетия в российской экономической литературе проблема продовольственной безопасности стран Южной Азии практически не освещалась.

Тема исследования потребовала привлечения и обобщения большого объёма статистических данных, которые были почерпнуты из многих источников, включая официальные интернет-сайты международных организаций и южноазиатских государств. В статье приведены статистические данные, характеризующие масштабы голода в Южной Азии. Автор широко использовала российские и индийские научные журналы и монографии.

В статье дана оценка состояния продовольственной безопасности в регионе в соответствии с показателями, предложенными ФАО. Автор рассмотрела ситуацию в сельском хозяйстве стран Южной Азии, урожайность, объём сельскохозяйственного производства, уровень потерь продовольствия, а также зависимость от импорта продовольствия. В статье проанализированы экономические возможности населения Южной Азии приобретать необходимые объёмы продовольствия, а также продовольственное потребление с позиции соответствия фактического потребления нормам пищевой ценности.

Автор представила программы всех семи южноазиатских государств, направленные на борьбу с голодом. Отмечено, что, несмотря на определённое разнообразие, в области продовольственной безопасности широко распространены универсальные инструменты государственной политики: создание агропромышленных комплексов, в финансировании которых участвует как национальный частный, так и государственный капитал; меры по повышению производительности труда в сельском хозяйстве, внедрение НИОКР, сокращение уязвимости сель-

УДК 339.96 JEL O53, Q18 Поступила в редакцию 20.12.2017 г. Принята к публикации 18.01.2018 г. ского хозяйства от стихийных бедствий. В статье описаны меры по достижению коллективной продовольственной безопасности, предпринимаемые в рамках региональной интеграционной группировки СААРК.

Ключевые слова: Южная Азия, продовольственная безопасность, голод и недоедание; наличие и доступность продовольствия; объём сельскохозяйственного производства; уровень потерь продовольствия; программы по борьбе с голодом; бедность.

о данным на 2014-2016 гг., в Южной Азии проживает бо́льшая часть недоедающих как в Азии (52,6% их общей численности в Азии), так и в мире (33,9%). Хотя за 1990-2016 гг. абсолютное число недоедающих в рассматриваемом регионе сократилось незначительно, с 284,5 до 269,3 млн чел., их доля в общей численности населения заметно снизилась: с 23,4% до 15,0% (см. табл. 1). Между тем, в отдельные годы исследуемого периода отмечалось увеличение абсолютного числа недоедающих, что было вызвано, главным образом, повышением цен на продовольствие на мировом рынке. Так, в 2005-2007 гг. по сравнению с 2000-2002 гг. наблюдался рост численности недоедающих на 47,7 млн чел., а в 2014-2016 гг. по сравнению с 2010-2012 гг. – на 6,7 млн.

Табл. 1. Масштабы недоедания в Южной Азии в 1990-2016 гг. Table 1. The extent of malnutrition in South Asia in 1990-2016

	1990-1992 гг.		2000-2002 гг.		2005-2007 гг.		2010-2012 гг.		2014-2016 гг.	
	млн чел.	%								
Индия	210,1	23,7	185,5	17,5	233,8	20,5	189,9	15,6	194,6	15,2
Пакистан	28,7	25,1	34,4	23,4	38,1	23,7	38,3	21,8	41,4	22,0
Бангладеш	36,0	32,8	27,7	20,6	24,3	16,8	26,5	17,3	26,3	16,4
Шри-Ланка	5,4	30,6	5,7	29,7	5,9	29,1	5,3	25,3	4,7	22,0
Мальдивы	0,1	12,2	0,1	11,9	0,1	15,4	0,1	8,7	0,1	5,2
Непал	4,2	22,8	5,2	21,9	4,1	15,8	2,5	9,2	2,2	7,8
Всего	284,5	23,4	258,6	17,6	306,3	19,3	262,6	15,4	269,3	15,0

Источник: [14, с. 46].

Страновые различия в решении проблемы недоедания весьма существенны. Наиболее значительных успехов в деле сокращения масштабов недоедания в 1990-2000-е гг. добились Бангладеш и Непал, где доля недоедающих сократилась

¹ Рассчитано автором по *The State of Food Insecurity in the World 2015. P.8.* В этом источнике к региону Южная Азия помимо Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланки, Мальдивской Республики, Непала и Бутана относят Афганистан и Иран. Автор статьи, следуя российской географической и экономической школе, в регион Южная Азия не включает Афганистан и Иран. Соответственно все данные в статье приводятся без учёта этих двух государств.

соответственно в два и три раза (см. табл. 1). Между тем, описанные достижения было бы неправомерно объяснять грамотной государственной политикой по ликвидации голода и успехами в экономическом развитии. Так, например, в Непале среднегодовые темпы экономического роста в 2000–2016 гг. составляли лишь около 3,9%, а политическая ситуация была крайне нестабильной, произошёл переход от монархической формы правления к республиканской. В Бангладеш отмечается высокий уровень коррупции, не прекращается жёсткое противоборство двух политических лагерей, сгруппированных вокруг крупнейших политических партий страны – «Народной лиги» и Националистической партии Бангладеш, периодически имеют место масштабные протесты. Правда, среднегодовые темпы экономического роста здесь в 1,5 раза выше непальских – 6,2%. В двух этих государствах констатируемое статистикой сокращение масштабов недоедания обусловлено, прежде всего, изменением национальной методологии подсчёта².

Существенное влияние на сокращение численности недоедающих в Южной Азии оказывает постепенное решение проблемы голода в Индии, тогда как в Пакистане, Шри-Ланке и на Мальдивах значимых сдвигов не произошло. Беспокойство аналитиков вызывает несоответствие между высокими темпами экономического роста (в среднем в регионе 5,6% в 1990–1999 гг., 7,1% – в 2000–2009 гг. и 5,6% – в 2010–2016 гг.³) и отсутствием заметного прогресса в решении проблемы недоедания. Достижение продовольственной безопасности по-прежнему остаётся главным вызовом для стран Южной Азии.

Важнейшим фундаментом исследования стали работы южноазиатских учёных, прежде всего, И. Алама, У. Викрамасингха, У. Капила, С. Секхара и Дж. Бхатта. Между тем, их работы посвящены, как правило, либо анализу состояния сельского хозяйства в регионе, либо отдельным вопросам борьбы с голодом. Среди российских учёных, исследующих различные аспекты продовольственной безопасности лидера Южной Азии – Индии, следует выделить Е. Брагину.

Таким образом, данная статья представляет собой попытку комплексного исследования проблемы достижения продовольственной безопасности в Южной Азии.

Теоретической основой исследования явились работы по проблематике продовольственной безопасности государств, например, российских авторов Н. Шагайда и В. Узуна. Базой для проведения исследования стала методика анализа состояния продовольственной безопасности, разработанная Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО).

На основе исторического и статистического методов по региону выявлены условия развития сельского хозяйства, охарактеризованы наличие и

² Poverty in Bangladesh // The Asian Development Bank. [Электронный ресурс]. Available at: https://www.adb.org/countries/bangladesh/poverty (accessed 03 August 2017).

³ World Economic Outlook. Gaining Momentum? / IMF. April 2017. P. 202, 203.

доступность продовольствия, а также проведена оценка стабильности обеспечения продовольствием и продовольственного потребления. Сравнение подходов стран Южной Азии к реализации продовольственной политики позволило выявить специфические инструменты, применяемые в отдельных странах региона, и общие, характерные для всех южноазиатских государств.

Целью работы является всесторонний анализ аспектов продовольственной безопасности стран Южной Азии. Исходя из этого определяются следующие основные задачи: выделение основных проблем, препятствующих достижению продовольственной безопасности в регионе; выявление позитивного опыта стран Южной Азии в выработке и реализации программ по борьбе с голодом и недоеданием, который мог бы опять полезен многим развивающимся государствам со схожими проблемами.

Концептуальные основы продовольственной безопасности

Продовольственная безопасность – это постоянная способность государства и общества стабильно обеспечивать население страны продовольствием в объёме и качестве, необходимом для полноценной жизни, вне зависимости от неблагоприятных внешних и внутренних воздействий. Поскольку продовольственная безопасность затрагивает целый ряд социальных, демографических и экологических аспектов жизнедеятельности страны, продовольственная безопасность считается неотъемлемой частью национальной безопасности и выделяется как приоритетное направление государственной политики.

Для оценки состояния продовольственной безопасности Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) разработала следующие четыре группы показателей [9, с. 64–65].

1. Наличие продуктов: объём производства, урожайность, уровень запасов, потерь и т.д.

Продовольственная безопасность какой-либо страны может достигаться за счёт самообеспечения продуктами питания, за счёт импорта продовольствия или путём комбинирования собственного производства и импорта. В соответствии с Концепцией продовольственной безопасности ФАО, продовольственная безопасность – не синоним самообеспечения продовольствием. Правительствам вменяется в обязанность обеспечить физическую и экономическую доступность безопасного продовольствия [9, с. 64–65]. Принято считать, что объём импорта продовольствия по основным товарным группам (мясо, молоко, яйца, хлеб и т.д.) не должен превышать 30% объёмов внутреннего потребления.

Благодаря произошедшей в 1960–1970-е гг. «зелёной революции» страны Южной Азии смогли нарастить производство продовольствия и тем самым ослабить проблему хронического голода (см. табл. 2).

Табл. 2. Доля собственного производства основных видов продовольствия на внутреннем рынке в странах Южной Азии в 2011 г. (%)

Table 2. Proportion of domestic production of main food in the domestic market in

Table 2. Proportion of domestic production of main food in the domestic market in South Asia in 2011 (%)

	Зерно	Бобовые	Картофель	Мясо	Молоко и молочные продукты	Caxap	Растительное масло
Индия	109	85	101	121	100	108	57
Пакистан	116	57	111	102	99,3	102	34,4
Бангладеш	102,6	37,8	99,2	100	86,7	36,4	10,1
Шри-Ланка	78	9	74	101	25	6	25
Непал	100,8	89,5	95,3	100,6	98,4	113,6	46,3

Источник: [15, с. 37].

Сельское хозяйство стран Южной Азии, несмотря на снижение его доли в производстве ВВП в среднем с 30% в начале 1990-х гг. до 14-20% в 2016 г. остаётся важной сферой экономики, главным источником продовольствия и поставщиком рабочих мест для примерно половины экономически активного населения ^{5} .

Темпы роста сельскохозяйственного производства в странах региона невысоки – в среднем около 1,5–2% ускорить их сложно. Прежде всего, развитие сельского хозяйства сдерживает нехватка финансовых ресурсов. В связи с сезонным характером производства, значительными временными разрывами между затратами и полученным результатам большую роль для сельского хозяйства играет кредит. Кредитованием сельского хозяйства Южной Азии занимаются кредитные кооперативы, коммерческие банки (например, в Индии в 1976 г. даже создали специальную сеть региональных сельскохозяйственных банков) и государство, предоставляющее крестьянам прямые ссуды (например, в Индии широкое распространение получила система льготных ссуд, именуемая «таккави», предоставляемая правительствами штатов мелким фермерским хозяйствам). Но важнейшим источником заёмных средств остаются ростовщики.

Кроме того, развитие сельского хозяйства сдерживают такие факторы, как деградация природной ресурсной базы, ограниченность площади обрабатываемых земель, возросший несельскохозяйственный спрос на землю и воду в результате урбанизации и ускорения экономического роста в регионе, нехватка

⁴ Доля сельского хозяйства в формировании ВВП стран Южной Азии в 2015 г. составила от 14% в Индии и 16% в Бангладеш до 20% в остальных государствах региона. См. Economic Survey 2015/16 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. - February 2016. P. A6. Pakistan Economic Survey 2015-16. P. 23. Bangladesh Economy during 2013-14. Metropolitan Chamber of Commerce and Industry, Dhaka. – August 2014. P. 30.

⁵ Исключение составляют Мальдивская Республика и Шри-Ланка. В Мальдивской Республике в сельском хозяйстве создаётся 8,5% ВВП, здесь трудятся около 3,5% экономически активного населения. В сельском хозяйстве Шри-Ланки занято около трети экономически активного населения.

⁶ Economic Survey 2015/16 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. - February 2016. P. A10. Pakistan Economic Survey 2015-16. P. 23. Bangladesh Economy during 2013-14. P. 30.

сельскохозяйственной техники и оросительных сооружений, трудности с развитием семенного фонда. Механизации препятствует относительная дешевизна ручного труда. Практически повсеместно главная тягловая сила – это рабочий скот. Несмотря на относительно высокую стоимость химических удобрений, их использование постепенно расширяется, что, однако, вследствие их некорректного использования в ряде районов региона приводит к существенному загрязнению окружающей среды и ухудшению экологической ситуации. Особенно остро эта проблема стоит в Индии, где дешевизна азотных удобрений при относительном недостатке фосфатных и калийных удобрений привела к деградации почвы и снижению её продуктивности.

Наряду с перечисленными выше общими проблемами сельского хозяйства региона отдельным государствам присущи специфические проблемы. Так, для Непала, Бутана и северо-восточных штатов Индии характерна алюминиевая токсичность, повышенная кислотность и эрозия почв; в Бангладеш и индийских штатах Западная Бенгалия и Бихар подтопление и неудовлетворительный дренаж привели к засолённости, высокой кислотности почв, отмечается и мышьяковая заражённость; в северо-восточных районах Пакистана и индийских штатах Джамму и Кашмир и Химачал Прадеш эрозия и деградация почв связаны с сильными дождями и наводнениями.

Южная Азия богата пашнями, но они распределены между странами крайне неравномерно. Доля пашни в общем земельном фонде составляет около 10% в Мальдивской Республике, 16% – в Шри-Ланке, Непале и Бутане, 25% – в Пакистане, 46% – в Индии, 60% – в Бангладеш. При этом значительная часть пашни (до 32,5% – в Индии, 60% – в Бангладеш, 90% – в Непале) засевается чаще одного раза в год.

Как известно, повышению урожайности растениеводства способствует ирригация. Возможности ирригации используются пока недостаточно. По мнению специалистов, необходимо расширить площадь орошаемых земель, доля которых в общей площади обрабатываемых земель составляет около 40% (от трети в Бангладеш до 50% в Индии и 75% в Пакистане).

В 2000-е гг. благодаря интенсификации производства выросла урожайность многих сельскохозяйственных культур. Например, урожайность риса составляет около 20 ц/га в Непале, 20–22 ц/га – в Бангладеш, 23–24 ц/га – в Индии и 25–28 ц/га – в Пакистане; урожайность пшеницы около 20 ц/га в Непале и Бангладеш, 25–29 ц/га – в Пакистане и 29–31 ц/га – в Индии⁷. Среднегодовые объёмы урожая пшеницы в 2010–2015 гг. составляли от 1,5–2 млн т в Непале и Бангладеш до 25 млн т в Пакистане и более чем 90 млн т в Индии. Существенно выросли сборы риса (от 3–4 млн т в Непале и Шри-Ланке до 6–7 млн т в Бангладеш и Пакистане и более 100 млн т в Индии), кукурузы (от 2–5 млн т в Непале, Бангла-

⁷ Economic Survey 2015/16 / Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division. - February 2016. P. A34-A36. Pakistan Economic Survey 2015-16. P.26. Bangladesh Economy during 2013-14. P. 4-6.

деш и Пакистане до более 23 млн в Индии), бобовых (от 0,2–0,5 млн т в Непале, Бангладеш и Пакистане до 17–19 млн т в Индии) и масличных (от 0,5 млн т в Непале и Бангладеш до 5 млн т в Пакистане и 7–8 млн т в Индии)⁸.

Сохраняет свою остроту, особенно в Непале и Бангладеш, проблема потерь при хранении, переработке и транспортировке продовольствия (см. табл. 3). Даже в более успешной Индии, по некоторым оценкам, погибает до 40% собранного урожая овощей и фруктов, теряется качество зерновых [1].

Табл. 3. Потери продовольствия в странах Южной Азии в 2011 г. (% производства)

Table 3. Food loss in South Asia in 2011 (% of production)

	Индия	Пакистан	Бангладеш	Шри-Ланка	Непал
Зерно	5	3	6	5	11
Бобовые	3	2	3	3	4
Картофель	17	10	10	7	14
Мясо	0	0	0	0	0
Молоко и молочные продукты	4	10	8	1	5
Сахар	0	0	0	0	0
Растительное масло	0	0	0	0	0

Источник: [15, р. 38].

Несмотря на разницу в уровнях развития стран, для региона в целом характерна существенная схожесть стратегий продовольственной безопасности на современном этапе. Во всех государствах Южной Азии проводятся структурные либеральные реформы с целью увеличения эффективности государственного сектора, ускорения экономического роста за счёт стимулирования частного сектора, уменьшения регулирующей роли государства в хозяйственной жизни, упрочения интеграции национальной экономики в мировое хозяйство. За последние два с половиной десятилетия все страны (кроме Бутана) добились заметных успехов в политике стимулирования экспорта. Хотя по показателю внешнеторговой квоты (около 35-37% ВВП) Индия и Пакистан относятся к «полуоткрытым» экономикам, и применительно к этим странам вполне уместно говорить о том, что одним из главных драйверов их экономик выступает экспорт. Либеральные реформы, запущенные в регионе в начале 1990-х гг., стимулировали приток частных инвестиций в капиталоёмкие отрасли сельского хозяйства, прежде всего, в садоводство, огородничество, животноводство и рыболовство [9, с. 34-35]. Кроме того, либерализация рынка продовольствия способствовала появлению большого числа новых предприятий, деятельность которых также приводит к постепенному сокращению масштабов голода. Конкурируя друг с другом за покупателя, предприятия предлагают широкий ассор-

⁸ Ibid.

тимент продукции и снижают цены. Интересен в этой связи опыт Бангладеш. Серьёзно пострадав от наводнения 1998 г., когда более 2/3 урожая риса было практически смыто, страна смогла избежать дефицита продовольствия и многочисленных голодных смертей не столько благодаря государственным закупкам (их объёмы были невелики вследствие ограниченности средств у государства), сколько во многом благодаря частным предприятиям, закупившим продовольствие в Индии, Пакистане, Таиланде и Малайзии. Как впоследствии отмечали аналитики, наряду с гуманитарной помощью, «частный сектор помог предотвратить голод и миллионы смертей в стране» [12, р. 174].

Таким образом, рост объёмов сельскохозяйственного производства качественно изменил ситуацию и составные части продовольственного баланса стран Южной Азии. Для подавляющего большинства из них в настоящее время характерно положительное продовольственное сальдо. Индия превратилась в одного из крупнейших производителей и поставщиков продовольствия на мировой рынок.

Несмотря на положительные подвижки в развитии сельского хозяйства, страны региона по-прежнему испытывают нехватку продовольствия и вынуждены компенсировать его нехватку ввозом из-за рубежа. Наиболее серьёзно от импорта продовольствия зависит Шри-Ланка⁹. Она импортирует сахар (около 100% потребляемого объёма), бобовые (90%), молоко и молочные продукты (75%), растительное масло (75%), зерновые (42%). Прочие страны активно ввозят растительное масло: Индия – 49% потребляемого объёма, Непал – 56%, Пакистан – 73%, Бангладеш – около 90% [15, р. 38].

2. Доступность продовольствия. Показатели: экономическая возможность приобретать продовольствие в необходимых объёмах, возможность доставки продовольствия по доле дорог с твёрдым покрытием в общей протяжённости дорог, плотности железнодорожных путей и т.д.

Возможность покупать продукты зависит от уровня доходов населения и цен на продовольствие. Известно, что странам Южной Азии присуще так называемое «единство в бедности»: по результатам 2016 г., 18,8% населения Южной Азии живёт менее чем на 1,9 долл. в день ^{10} . И хотя уровень цен и установленные государствами нормы потребления в Южной Азии невысоки (так, например, в Индии Национальный институт питания рекомендует сельским жителям потреблять в день 2400 ккал, а горожанам – 2100 ккал ^{11}), большая часть населения не в состоянии без поддержки государства обеспечивать себя продовольствием.

overview#1 (дата обращения: 18.01.2017).

⁹ Ввиду отсутствия данных в анализе этого аспекта не учитывались Мальдивская Республика и Бутан. Однако есть все основания предполагать, что их зависимость от импорта продовольствия находится на таком же высоком уровне, как и у Шри-Ланки. Более подробно см. *Sekhar C.S.C. and Bhatt Yogesh*. Food Security in South Asia − Prospects for Regional Integration / UNCTAD. Institute of Economic Growth. Background Paper №RVC 6. − November 2012. P. 15.
¹⁰ The World Bank. South Asia Region. [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldbank.org/en/region/sar/

¹¹ Dietary Guidelines for Indians. A Manual // National Institute of Nutrition. – Indian Council of Medical Research. – Hyderabad – 500007, India, 2011. P. 3.

Для оценки доступности продовольствия очень важен показатель доли расходов на питание в общем объёме расхода домохозяйств. Этот показатель особенно высок среди бедных: в среднем по Южной Азии составляет 60%, максимум в Непале (71%) и в Пакистане (75%) [15, р. 14]. Очевидна необходимость принятия продуманного комплекса мер по ликвидации нищеты. Справедливости ради необходимо отметить, что южноазиатские правительства всегда включали их в свою повестку дня. Мероприятия по укреплению продовольственной безопасности и борьбе с бедностью на протяжении всего периода независимости реализовывались здесь (хоть и с разной степенью успешности) параллельно.

3. Стабильность продовольственного обеспечения. Показатели: наличие достаточного количества продовольствия в разные периоды, изменение цен на продовольствие и т.д.

Всемирный банк выделяет хроническую и временную продовольственную небезопасность. Хроническая небезопасность предполагает постоянную, в течение года, невозможность потреблять продовольствие, временная – периодическую невозможность, вызванную неурожаями, ростом цен или сокращением уровня доходов населения.

Временная нехватка продовольствия почти ежегодно случается в южных регионах Индии, северной и центральной части Шри-Ланки. Особенно она распространена среди домохозяйств в сельских районах, где крайне низок уровень сбережений и дохода населения. Даже незначительное уменьшение дохода при природных катаклизмах приводит к сокращению потребления относительно дорогих продуктов питания – мяса, яиц, молочных продуктов.

Наиболее серьёзные масштабы имеет временная нехватка продовольствия в северо-западных округах Бангладеш: Нильфамари, Гайбандха, Куриграм, Рангпур и Динаджпур. Здесь из года в год повторяется т.н. феномен «монга» (в переводе с бенгальского «абсолютный голод»). С августа по ноябрь, т.е. после окончания посадки риса и до начала его уборки, самые бедные сельскохозяйственные рабочие, численность которых превышает 3 млн, лишены возможности найти работу и достать средства для пропитания своих семей. Несмотря на помощь государства и неправительственных организаций, в этот период тысячи бангладешских семей с «нулевым доходом» остаются без средств к существованию и вынуждены голодать, питаясь кореньями, листьями и т.п. В период «монга» бедняки вынуждены до начала сбора урожая риса работать за мизерную оплату. Чтобы спасти свои семьи от голодной смерти, берут в долг деньги (в среднем под 300% годовых) или рис. Зачастую малоимущие крестьяне продают по дешёвой цене свой будущий урожай риса задолго до его сбора. В период сбора урожая им приходится расплачиваться за «кредиты» вместо того, чтобы накопить деньги впрок [6, с. 63].

4. Продовольственное потребление. Показатели: соответствие фактического потребления нормам по пищевой ценности (калориям, белку, микроэлементам и т.д.).

В 2000-е гг. необходимые энергетические потребности человека, обеспечиваемые питанием, оценивались в 2800 ккал в день. Минимальная калорийность пищевого рациона, ниже которого начинается недоедание, по нормам ФАО составляет 1819 ккал в день. За прошедшие четверть века в Южной Азии произошёл незначительный рост энергетической ценности рациона питания. В настоящее время в среднем один человек потребляет 2360 ккал (см. табл. 4). Самый бедный по энергетической ценности рацион в Бангладеш (2270 ккал) и Пакистане (2280 ккал), самый богатый – в Мальдивской Республике (2550 ккал).

Табл. 4. Энергетическая и питательная ценность рациона питания в странах Южной Азии (в среднем за сутки на одного члена домохозяйства)

Table 4. Energy and nutritional value of diet in South Asian countries (average per day per household member)

	1990–1992 гг.	1995–1997 гг.	2000–2002 гг.	2006–2008 гг.
Белки, г	55	56	56	57
Жиры, г	41	46	45	49
Килокалории, всего	2270	2300	2290	2360

Источник: [13, р. 47]

Для региона характерны не только страновые различия в уровне потребления калорий. Существенные разрывы в уровне потребления калорий существуют и внутри отдельных стран. Это обусловлено, прежде всего, разницей в уровнях доходов населения в зависимости от сферы занятости и места проживания. В среднем доходы городского населения выше, чем сельского, поэтому у горожан выше калорийность питания и разнообразнее его рацион. По некоторым данным, в Индии ежедневный объём потребляемых деревенской беднотой калорий едва достигает 1500–1600, а свыше половины бангладешцев потребляют менее 1805 ккал в день, в то время как средний по этим странам уровень потребления калорий составляет 2360 и 2270 ккал соответственно.

Традиционный рацион подавляющего большинства населения южноазиатских стран характеризуется не только недостаточным количеством килокалорий, но зачастую и не содержит в необходимом объёме белков (прежде всего, животного происхождения), жиров, микроэлементов и витаминов, особенно витамина А, йода и железа (см. табл. 5). Их нехватка отрицательно сказывается на здоровье людей и, как следствие, на качестве рабочей силы.

Для характеристики продовольственной безопасности ФАО использует несколько показателей, в т.ч.: индекс голода, стоимость продукции на душу населения, зависимость от импорта, ожирение взрослого населения, недоедание детей.

Проблема недоедания детей вызывает серьёзную озабоченность экспертов, т.к. влечёт за собой отставание в росте, анемию, нехватку витамина А, йода и др., а это, в свою очередь – слабую успеваемость в школе, неспособность каче-

ственно усваивать учебный материал, особенно по математике и естественным наукам. Не случайно индийский и бангладешский образовательные стандарты не предусматривают изучение в школе дифференциального и интегрального исчисления, а логарифмическое исчисление ограничивается изучением лишь десятичных логарифмов¹².

Табл. 5. Потребление основных продуктов питания в странах Южной Азии (г, в среднем за сутки на одного члена домохозяйства)

Table 5. Consumption of staple foods in South Asia (g, average per day per household member)

	1990–1992 гг.	1995–1997 гг.	2000–2002 гг.	2006–2008 гг.
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчёте на муку, мука, крупа)	421	413	413	409
Сахар	56	57	70	56
Бобовые	21	18	18	19
Масло растительное	16	16	18	24
Овощи	120	140	153	168
Фрукты	86	109	110	133
Мясо	18	20	22	27
Молоко и молочные продукты	128	151	164	182
Яйца	4	6	7	9
Рыба и морепродукты	64	85	105	101

Источник: [13, р. 48]

Масштабы недоедания детей обычно измеряются тремя показателями: количество детей с недостатком веса (т.е. несоответствие веса ребёнка его возрасту), с задержкой роста (несоответствие роста ребёнка его возрасту) и с низким индексом массы тела. Хотя в регионе доля детей с недостатком веса в возрасте до пяти лет сократилась с 49,2% в 1990–1992 гг. до 30% в 2014–2016 гг. (от 20% в Шри-Ланке и Мальдивской Республике до 40% в Индии и Бангладеш), это попрежнему самый высокий показатель в развивающемся мире. Даже в странах Африки южнее Сахары в рассматриваемые периоды он был на уровне 28,5% и 21,1% соответственно¹³. В настоящее время доля детей с задержкой роста в Южной Азии составляет около 40%.

Описанные проблемы связаны с таким распространённым в регионе явлением, как недоедание и анемия женщин в период беременности и грудного вскармливания. Доля беременных, страдающих анемий, в среднем по региону составляет около 65%, от 45% в Пакистане до свыше 70% в Индии, Бутане и Непале [12, с. 318].

¹² Данные по образовательным стандартам других стран отсутствуют.

¹³ The State of Food Insecurity in the World 2015 / FAO UN, IFAD, WFP. 2015. P. 20.

Программы продовольственной безопасности

Правительства стран Южной Азии на протяжении всего периода независимости уделяют большое внимание национальной продовольственной безопасности. Их опыт в выработке и реализации программ по борьбе с голодом может быть полезен многим развивающимся государствам со схожими проблемами.

Основной документ **Индии** в области продовольственной безопасности – «Закон о национальной продовольственной безопасности» (the National Food Security Ordinance 2013, NFSO), вступивший в силу в 2013 г. Как гласит этот закон, в стране идёт становление механизма, выявляющего бедные и наиболее уязвимые домашние хозяйства, реформируется государственная система распределения продовольствия, совершенствуется система обеспечения занятости среди женщин и девушек старше 18 лет из бедных семей. Ответственность за обеспечение продовольственной безопасности на региональном и местном уровне закон возложил на правительства штатов. В их компетенции помимо аспектов продовольственной безопасности также находятся вопросы снабжения домашних хозяйств питьевой водой, повышения грамотности населения, развития системы здравоохранения и проч.

«Закон о национальной продовольственной безопасности» предписывает предоставление бедным 5 кг пищевого зерна на человека по льготным ценам (пшеницы или риса по низкой цене 3 рупии за 1 кг); обеспечение школьников завтраками и обедами; если нуждающиеся не получили помощь в натуральной форме, им гарантирована монетизация положенных льгот.

Для укрепления продовольственной безопасности на федеральном и региональном уровнях реализуется множество программ, среди которых наиболее значимы следующие:

- 1) Действующая с начала 1960-х гг. «Государственная распределительная система» (Public Distribution System). В настоящее время помимо мер, направленных на повышение роста производительности сельскохозяйственного производства, программа включает меры по созданию рабочих мест и обеспечивает функционирование системы распределения среди бедных семей дешёвых продуктов, в т.ч. и по карточкам. В Индии сохраняется сеть государственных «магазинов справедливых цен», которые продают малоимущим товары первой необходимости (рис, пшеницу, растительное масло, сахар и т.д.) по ценам на 20–25% ниже рыночных разница компенсируется за счёт государственных субсидий, объём которых составляет около 1% ВВП. В настоящее время в стране насчитывается свыше 320 тыс. таких магазинов.
- 2) «Предоставление бесплатных обедов» (Midday Meal Programme), действующая в школах, своими корнями уходит в колониальную эпоху. Ещё в 1925 г. в Мадрасе (с 1995 г. Ченнаи) дети из малоимущих семей стали получать горячие обеды по MidDay Meal Scheme. К середине 1980-х гг. эта схема была распространена на весь штат Тамил-Наду, а также на штаты Гуджарат, Керала, союзную

территорию Пондичерри и на территории племён в штатах Мадхья-Прадеш и Орисса. В 1990-е гг. 12 штатов начали финансировать школьные обеды из собственного бюджета, в трёх штатах (Карнатака, Орисса и Западная Бенгалия) к финансированию подключились международные организации (ПРООН, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН – ФАО и др.), а в штатах Андхра-Прадеш и Раджастан финансовое обеспечение полностью взяли на себя международные гуманитарные структуры. В 2006 г. в развитие MidDay Меаl правительство Индии утвердило «Национальную программу поддержки питания для начального образования» (The National Programme of Nutritional Support to Primary Education).

3) «Комплексные услуги по развитию ребёнка» (*The Integrated Child Development Services*, *ICDS*) – самая масштабная программа в мире. Программа начала реализовываться с середины 1970-х гг. и в настоящее время охватывает всех индийских детей.

Две последние программы позволяют национальному правительству параллельно с решением проблемы недоедания постепенно сокращать масштабы неграмотности и развивать человеческий потенциал страны.

4) Программа «Еда за работу» (Food for Work Programme) начала реализовываться с 2000 г. Она гарантирует предоставление малоимущим рабочих мест как минимум на несколько месяцев в году. В качестве заработка выдаются обед и продукты. Тем самым снижается острота двух самых актуальных в стране проблем голода и безработицы.

С 1950-х гг. в Индии развивается система субсидирования фермеров. В настоящее время субсидии охватывают до 63% сельскохозяйственного производства страны и распространяются, главным образом, на закупку минеральных удобрений, сооружение или ремонт оросительных и энергетических установок. Общий объём субсидий вырос с 2,4% ВВП в 1989/90 ф.г. [11, р. 362] до 3% в $2014/15 \, ф.г.^{14}$.

Обладая самыми существенными в южноазиатском регионе финансовыми ресурсами, имея возможность перенимать успешный опыт других государств (например, как член Диалогового Форума ИБСА Индия обменивается наработками в решении актуальных социальных проблем с Бразилией и ЮАР), за период независимости Индия смогла заметно сократить масштабы бедности и недоедания. Только в прошлом десятилетии число домохозяйств, принадлежащих к среднему классу, увеличилось более чем в 2,6 раза и достигло около 30 млн (свыше 120 млн человек), а количество домохозяйств, вырвавшихся из нищеты (с уровнем дохода 1-4 тыс. долл. в год), выросло со 109 до 141 млн (более 600 млн чел.) [8, с. 545].

В **Бангладеш** Министерство управления вопросами продовольствия и кризисных ситуаций в 2006 г. разработало «Национальную продовольственную по-

¹⁴ Economic Survey 2015/16: A55, A58.

литику» (the National Food Policy), в которой для достижения продовольственной безопасности поставлены такие задачи:

- 1) Стабильное обеспечение качественного и достаточного по объёму продовольствия за счёт увеличения объёмов производства сельскохозяйственной продукции; регулирования запасов продовольствия; облегчения поставщикам продовольствия доступа на внутренний рынок.
- 2) Увеличение покупательной способности населения и обеспечение доступности продовольствия в результате снижения зависимости сельского хозяйства от природных катаклизмов.
- 3) Обеспечение сбалансированного рациона питания граждан, особенно женщин и детей. Государство ведёт пропаганду грудного вскармливания, а также сбалансированного рациона питания, стремится обеспечить доступ населения к качественной продукции (для этого ведётся активный мониторинг продуктов питания, реализуемых через сбытовую сеть) и к чистой питьевой воде (силами государства строятся очистные сооружения и ведется бурение скважин под воду в местах, находящихся на безопасном расстоянии от возможных источников загрязнения).

В рамках «Национальной продовольственной политики» приняты программы по преодолению голода, особенно среди малоимущего населения. В частности, программа *The Food for Education* помогает решать проблему недоедания среди детей и одновременно побуждает родителей отправлять в школу своих детей, что особенно актуально для девочек. В результате повышается общий уровень грамотности населения, тем самым увеличивается человеческий потенциал.

Для решения проблемы голода, а также и безработицы, в Бангладеш предпринимаются попытки диверсификации сельскохозяйственной деятельности крестьян. В самых бедных округах страны поощряют развитие не только растениеводства (в первую очередь рисоводства), но также садоводства, огородничества и птицеводства [2, с. 437]. В экстренных случаях правительство прибегает к введению продовольственных карточек для бедняков.

Таким образом, реализуемые в Бангладеш программы помощи, хотя и не способны в силу крайней ограниченности финансовых ресурсов полностью ликвидировать проблему голода и недоедания, всё-таки оказывают небольшую поддержку отдельным обездоленным, попутно решая другие социальные задачи.

В **Непале** в основу продовольственной политики положен «Инвестиционный план по развитию сельского хозяйства и продовольственной безопасности» (the Nepal Agriculture and Food Security Country Investment Plan, AFSP-2010). В этом документе выделены следующие задачи:

увеличение роста производительности сельскохозяйственного производства;

достижение продовольственной безопасности среди бедных слоёв населения, прежде всего, посредством роста их доходов;

повышение качества продовольствия;

расширение разнообразия рациона питания граждан, забота о детях, беременных и кормящих женщинах.

Главные инструменты «Инвестиционного плана» – развитие и внедрение в сельское хозяйство техники и технологий, использование высокоурожайных сортов семян, сооружение оросительных установок.

Среди бедных слоёв населения реализуются следующие проекты:

предоставление субсидий на осуществление предпринимательской активности, в том числе и в сфере сельского хозяйства;

распространение среди нуждающихся бесплатных обедов и ужинов; развитие системы микрофинансирования;

реализация программ занятости для безработных («работа за еду» и специальные государственные программы занятости сельского населения) [2, с. 562].

Большинство непальских исследователей отмечают, что эти проекты помогают отчасти облегчить положение малоимущих.

В **Шри-Ланке** более 70% населения проживает на селе. В сельском хозяйстве производится около 8% ВВП страны, занято около 30% экономически активного населения. В этой стране проблему голода пытаются решить в рамках Национальной сельскохозяйственной политики (the Sri Lanka National Agricultural Policy, NAP-SL-2014). Главные задачи NAP-SL: рост сельскохозяйственного производства и повышение производительности труда; внедрение новых технологий; рост доходов и жизненного уровня фермеров и др.

Ключевая программа политики NAP-SL называется «Давайте выращивать – давайте развивать страну!» (Let's Grow – Develop the Country!). Она нацелена на проведение ирригации, охрану почв, развитие сельского хозяйства в северных провинциях и в засушливых районах, внедрение научных разработок. Обездоленные получают реальную помощь по Программе благосостояния (the Prosperity Programme), которая действует уже много лет. Помимо того, развивается система микрофинансирования, которая даёт беднякам возможность открыть свой бизнес и вырваться из порочного круга бедности и голода.

Однако, несмотря на все усилия, реальных успехов по укреплению продовольственной безопасности не наблюдается. В отличие от подавляющего большинства стран региона, в Шри-Ланке (и ещё в Пакистане) прогресс не виден даже «на бумаге»: статистика ФАО выявляет лишь крайне несущественное сокращение масштабов недоедания в 1990-2016 гг. (см. табл. 1). Среди основных препятствий развитию сельского хозяйства в Шри-Ланке выделяют ограниченность водных, финансовых и научно-технических ресурсов, а также проблемы с транспортировкой, хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции.

В **Мальдивской Республике** реализуется «Мастер-план по развитию сельского хозяйства на 2006-2020 гг.» (Agricultural Development Master Plan 2006-2020). Ожидается, что его реализация приведёт к улучшению рациона питания

и росту доходов граждан страны за счёт коммерциализации и роста производительности труда в сельском хозяйстве. В Плане поставлено пять задач:

развитие садоводства и огородничества для удовлетворения нужд домашних хозяйств;

коммерциализация сельского хозяйства посредством развития связей между фермерами и курортами страны;

сдача фермерам в аренду отдельных островов под сельскохозяйственное использование;

рост занятости в сельском хозяйстве;

внедрение в сельскохозяйственное производство новой техники и технологий.

Главная причина, сдерживающая развитие сельского хозяйства в Мальдивской Республике, заключается в недостаточной инвестиционной привлекательности производства в условиях нехватки пашен, низкого качества почв, проблем с орошением, особенно в засушливый период, сложностей с транспортировкой продукции между островами. Поэтому «Мастер-план» не даёт сколь-либо ощутимых результатов. Снижение относительных показателей масштабов недоедания обусловлено, главным образом, изменением методики подсчёта.

Основной программный документ в области продовольственной безопасности **Бутана** – «Политика продовольственной безопасности и вопросов питания Королевства Бутан» (FNSP-2014) – принят в 2014 г. К числу проблем, которые предстоит решать, в документе отнесены: низкое потребление белка, витаминов и минералов; существенные региональные различия в уровне потребления; уязвимость сельского хозяйства к стихийным бедствиям. Обеспечить населению доступность качественного и разнообразного продовольствия - главная декларируемая цель. Для её достижения предполагается стимулировать рост производства сельхозпродукции; обеспечить постепенную коммерциализацию рынка продовольствия и системы его распределения; импортировать недостающую часть продовольствия. Ответственность за проведение политики в сфере продовольственной безопасности возложена на два министерства: сельского и лесного хозяйства, а также здравоохранения. Правительство принимает меры, стимулирующие рост доходов населения и развитие капиталоёмких отраслей сельского хозяйства. В отличие от большинства государств региона, в Бутане не принимают мер по сокращению масштабов недоедания. Здесь нет т.н. адресной помощи малоимущим, отсутствуют распространённые в других странах Южной Азии программы «Предоставление бесплатных обедов» и «Еда за работу».

В отличие от других стран региона, в **Пакистане** никогда не было продовольственной политики на федеральном уровне, хотя с начала 1960-х гг. активно реализуются региональные программы. Наиболее значимая из них – «Специальная программа по достижению продовольственной безопасности» (the Special Program for Food Security, SPFS) – осуществляется при поддержке ФАО; к настоящему времени она охватила в общей сложности 2 тыс. деревень.

Все пакистанские правительства придавали большое значение самообеспечению пшеницей. Для достижения этой цели фермерам выделяются субсидии, создаются агропромышленные холдинги, финансируется строительство инфраструктуры по переработке и хранению продовольствия; действует система обязательных государственных закупок. С 1960-х гг. внутренние цены на пшеницу традиционно фиксируются на уровне ниже мировых. Позже это правило было распространено на рис, сахарный тростник, кукурузу, картофель, лук, грам и масличные. В Пакистане также реализуются программы бесплатных школьных завтраков, защиты материнства, охватывающие свыше 2 млн чел. [15, р. 15].

Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности – ключевой элемент программ экономического развития и планирования стран Южной Азии. Несмотря на определённое разнообразие инструментов и подходов, страны региона едины в постановке задач государственной политики в области продовольственной безопасности. По отношению к сельскому хозяйству формулируются следующие цели: сокращение уязвимости от природных катаклизмов посредством создания систем оповещения о надвигающихся природных бедствиях; рост производительности труда; внедрение НИОКР; создание крупных агропромышленных комплексов при финансировании со стороны частного и государственного капитала. Реализацию перечисленных задач затрудняет нерешённость проблемы аграрного перенаселения. Регион и поныне остаётся одним из наименее урбанизированных в мире (уровень урбанизации здесь в среднем составляет около 30%). Национальные правительства ищут пути обеспечения занятости сельского населения. Например, в Бангладеш, Непале и Шри-Ланке широко используют систему микрокредитования, поощряя население развивать собственное дело (плетение корзин, изготовление поделок для туристов, пошив готовой одежды и проч.). Ещё дальше пошли в Индии, где местных деревенских жителей привлекают к работе с туристами [5, с. 30-31].

Кроме того, предпринимаются шаги по достижению коллективной продовольственной безопасности в рамках региональной интеграционной группировки СААРК. В мае 2010 г. под влиянием всемирного продовольственного кризиса начал работу учреждённый в 2007 г. Продовольственный банк СААРК. Общую позицию по вопросу продовольственной безопасности озвучил в августе 2008 г. премьер-министр Индии М. Сингх, высказавшийся за реализацию второй «зелёной революции» и призвавший партнёров по Ассоциации «к качественному скачку в сельскохозяйственном производстве, выращиванию зерновых и повышению доходов фермеров, чтобы призрак недоедания и голода исчез из региона» Сельскохозяйственному развитию (SAARC Agricultural Information Centre). Партнёры по СААРК на регулярной основе проводят совместные конференции и симпозиумы, где обмениваются различными наработками в области сельского

^{14 15} саммит СААРК в Коломбо // Индийский вестник. 2008. №7. С. 8.

хозяйства, например, знаниями и опытом в хранении продуктов, выращиванию зерна, богатого белком, и использованию современных сельскохозяйственных технологий [3, с. 39].

Проведённый автором исследования комплексный анализ ситуации с продовольственной безопасностью позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на предпринятые в сельском хозяйстве стран Южной Азии реформы, проблема продовольственной безопасности по-прежнему стоит весьма остро. Продовольственная безопасность не обеспечена ни на индивидуальном уровне, ни на уровне отдельно взятых домашних хозяйств. Недоедание по-прежнему остаётся серьёзным вызовом, в том числе и для горожан, чей доход неуклонно растёт и в настоящее время существенно выше, чем у сельских жителей. Причины этого явления кроются в низкой эффективности сельского хозяйства, обусловленного слаборазвитостью материально-технической базы и социальной инфраструктуры села, низким качеством продуктов питания. Важную роль играет неспособность государства проводить активную аграрную политику и в достаточном объёме субсидировать своих производителей.

Без достижения продовольственной безопасности представляется затруднительным, если не сказать невозможным, решение целого ряда актуальных социально-экономических задач: бедности, голода, слаборазвитости человеческого потенциала.

В современных условиях для обеспечения продовольственной региона необходимы развитие собственного производства продовольствия, сокращение его импорта, а также оказание активной помощи недоедающим.

Список литературы

- 1. Брагина Е.А. Реформы в Индии: продвижения и препятствия // Мировое и национальное хозяйство. 2008. №1(4). URL: http://www.mirec.ru/2008-01/reformy-v-indii-prodvizheniya-i-prepyatstviya (дата обращения: 15.01.2017 г.).
- Галищева Н.В. Экономика стран Южной Азии.
   М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. 768 с.
- Галищева Н.В. СААРК: станет ли Ассоциация двигателем экономик Южной Азии? // Азия и Африка сегодня. 2010. №11. С. 32-40.
- Галищева Н.В. Чем Индия привлекает иностранных инвесторов? // Азия и Африка сегодня. 2012. №1. С. 29-35.
- Галищева Н.В. Позиции Индии в мировом экспорте услуг // Азия и Африка сегодня. 2013. №2. С. 27-32.
- Галищева Н.В. Перспективы развития экономик Южной Азии: факты, цифры, тенденции // Международные процессы. 2015. Т. 13. №3 (42). С. 40-67.

- 7. Иностранная помощь / под ред. Капица Л.М. М.: МГИМО-Университет, 2013. 652 с.
- 8. Мировая экономика и международные экономические отношения. Полный курс / коллектив авторов: под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2017. 916 с.
- Шагайда Н., Узун В. Продовольственная безопасность: проблемы оценки // Вопросы экономики. 2015. №5. С. 63-78.
- Dietary Guidelines for Indians. A Manual // National Institute of Nutrition. Indian Council of Medical Research. Hyderabad, 500007, India, 2011. 127 p.
- Kapila Uma. Indian Economy / Uma Kapila. New Delhi: Academic Foundation, 2005. 490 p.
- 12. SAARC. Ed. by Imtiaz Alam. Pakistan, Lahore: SAPANA, 2006. 499 p.
- Sekhar C.S.C., Bhatt Yogesh. Food Security in South Asia – Prospects for Regional Integration / 12. UNCTAD. Institute of Economic Growth. Background Paper MRVC 6. November

2012. 54 p. URL: http://unctad.org/en/ PublicationsLibrary/ecidc2013misc1_bp6.pdf (дата обращения: 05.01.2017 г.).

- 14. The State of Food Insecurity in the World 2015 / FAO UN, IFAD, WFP. 2015. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/a-i4646e.pdf (дата обращения: 04.01.2017).
- Wickramasinghe Upali. Realizing Sustainable Food Security in the post-2015 Development

Era: South Asia's Progress, Challenges and Opportunities / United Nations ESCAP, 2014. Development Paper 1402. URL: http://www.unescap.org/sites/default/files/Realising%20sustainable%20food%20 security%20in%20South%20Asia%20Upali%20 Wickramasinghe%20_August%202014_FINAL. pdf (дата обращения: 04.01.2017).

Об авторе:

Наталья Валерьевна Галищева – д.э.н., и.о. заведующего кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: galistcheva@yandex.ru.

FOOD SECURITY IN SOUTH ASIA: MAJOR CHALLENGES AND SOLUTIONS

Natalia V. Galistcheva DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-148-168

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The subject of the study is analysis of the state of food security of the South Asian countries at the present time.

The methodological basis of the study is such methods as induction and deduction, analysis and synthesis. The systematic approach to the overall study of the South Asian countries' economy and the state of its food security in particular has become the base of this research. Historical and statistical method were used to solve the main task of the research to reveal the conditions of the region's agricultural development and food availability and food accessibility in the region as well as to carry out an assessment of the ability of households to obtain nutritious food all year round. The author also used the comparative method to analyze the South Asian countries' approaches to realization of food policy that has allowed to reveal the specific tools used by certain countries of the region and the common characteristics of all countries of South Asia.

While selecting the research topics the author proceeded from the idea that the problem of the state of food security of the South Asian countries has not been studied for the last two decades

The research required to attract and summarize a large amount of statistical data that has been drawn from many sources including official-sites of international organizations and South Asian countries. The author also used Russian and Indian scientific journals and monographs.

The article highlights the state of food security in the region in accordance with criteria offered by the FAO. The author examines the situation in the South Asian countries' agriculture sector, its productivity, the volume of production, food waste as well as the countries' dependency on food imports. The article also presents some information on food accessibility which is generally considered within the context of household income, food distribution systems and ability of the household to obtain food seasonally, as well as food consumption within the context of dietary energy consumption and dietary protein and fat consumption. The author examines all the seven South Asian countries' national policies for food security aiming at struggle against undernourishment. The author draws the attention to the fact that despite the slight differences in tools they have common aims and tasks. The key directions of national policies for food security include measures to promote big agro-based industries financed by both private and public sector; increase agricultural productivity; enhance agricultural R&D; managing food security risks and vulnerabilities.

The author also notes the steps to aiming the collective food security within the framework of the regional integration group – the SAARC.

The article presents statistical data characterizing hunger and undernourishment trends in South Asia.

Key words: South Asia; food security in hunger and undernourishment food availability; food accessibility; agriculture; the volume of agricultural production; food waste; national policies for food security; poverty.

References

- Bragina E.A. Reformy v Indii: prodvizheniya i prepyatstviya [Reforms in India: Advances and obstacles]. Mirovoe i national'noe khozyaistvo. 2008. No 1(4). Available at: http://www.mirec.ru/2008-01/reformy-v-indii-prodvizheniya-i-prepyatstviya (Accessed 15.01.2017). (In Russian).
- 2. Galishcheva N.V. *Ekonomika stran Yuzh-noi Azii* [The Economy of South Asian countries]. Moscow, MGIMO University Publ., 2009. 768 p. (In Russian).
- Galishcheva N.V. SAARK; stanet li Assotsiatsiya dvigatelem ekonomik Yuzhnoi Azii? [SAARC: whether the Association will become the Engine of South Asian Economies?]. Azia i Afrika segodnya, 2010, no 11, pp. 32-40. (In Russian).
- Galishcheva N.V. Chem Indiia privlekaet inostrannykh investorov? [Why does India Attract Foreign Investors?]. Azia i Afrika segodnya, 2012, no 1, pp. 29-35. (In Russian).
- Galishcheva N.V. Pozitsii Indii v mirovom eksporte uslug [India's positions in the world services exports]. *Azia i Afrika* segodnya, 2013, no 2, pp. 27-32 (In Russian).
- 6. Galishcheva N.V. Perspektivy razvitiya stran Yuzhnoi Azii [Prospects for a South Asian Economy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, vol. 13, no 3(42), pp. 40-67 (In Russian).

- Inostrannaya pomoshch' [The Foreign aid]. Ed. by Kapitsa L. M. Moscow, MGI-MO-Universitet Publ., 2013. 652 p. (In Russian).
- 8. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya [The World economy and international economic relations]. Ed. by Bulatov A.S. Moscow, KNORUS Publ., 2017. 916 p. (In Russian).
- 9. Shagaida N., Uzun V. Prodovol'stvehhaya bezopasnost': problemy otsenki [Food Security: the question of the assessment]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no 5, pp. 63-78 (In Russian).
- Dietary Guidelines for Indians. A Manual. National Institute of Nutrition. Indian Council of Medical Research. Hyderabad, 500007, India, 2011. 127 p.
- 11. Kapila Uma. *Indian Economy.* New Delhi, Academic Foundation Publ., 2005. 490 p.
- 12. *SAARC*. Ed. by Imtiaz Alam. Pakistan, Lahore, SAPANA Publ., 2006. 499 p.
- 13. Sekhar C.S.C., Bhatt Yogesh. Food Security in South Asia Prospects for Regional Integration. UNCTAD. Institute of Economic Growth. Background Paper №RVC 6. November 2012. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ecidc2013misc1_bp6.pdf (accessed 05.01.2017).
- The State of Food Insecurity in the World 2015. FAO UN, IFAD, WFP. Available at: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/

- files/resources/a-i4646e.pdf (accessed 04.01.2017).
- 15. Wickramasinghe Upali. Realizing Sustainable Food Security in the post-2015
  Development Era: South Asia's Progress,
  Challenges and Opportunities. United Nations ESCAP. 2014. Development Paper

1402. Available at: http://www.unescap.org/sites/default/files/Realising%20sustainable%20food%20security%20in%20 South%20Asia%20Upali%20Wickramasinghe%20_August%202014_FINAL.pdf (accessed 04.01.2017).

About the author:

Natalia V. Galistcheva – Doctor of Science in Economics, the acting head of the department of the World Economy, MGIMO-University (MFA of the Russian Federation). 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

ФАКТОРЫ ЗАЛОГОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ БАНКОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.М. Карминский, О.Д. Хон

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики – Москва Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики – Санкт-Петербург

Региональный сегмент банковской системы России отличается высоким уровнем конкуренции с федеральными банками, существенными ограничениями при формировании ресурсной базы, ужесточением требований регулятора и динамичным развитием финансовых технологий. Сокращение количества региональных банков негативно отражается на деятельности малого и среднего бизнеса и, следовательно, развитии конкуренции в экономике. В то же время практика показывает, что такие кредитные организации способствуют сбалансированности социальных и экономических проблем регионов, оказывая помощь локальным компаниям и предприятиям, как правило, в форме банковского кредита.

Залоговое обеспечение служит для покрытия потерь при дефолте заёмщика, выступает неотъемлемым элементом системы управления кредитным риском в банках. Оно стимулирует использование кредиторами данных инструментов, служит сокращению потерь при дефолте заёмщика.

Цель работы – выявление факторов залогового обеспечения, наиболее влияющих на банковские риски (прежде всего, на региональном уровне) с использованием эмпирических методов. Исследование основано на построении линейных регрессионных моделей на основе данных о фактически заключённых кредитных сделках с предприятиями малого и среднего бизнеса, предусматривающих залоговое обеспечение.

В качестве основного фактора залогового обеспечения рассматривается показатель «кредит/залог» (loan-to-value, LTV). На примере группы региональных банков изучается взаимосвязь требований к достаточности залога (через размер кредита/залога) и назначаемой банком премии за риск. Подтверждается гипотеза о наличии статистически значимой обратной зависимости между кредитом/залогом и премией за риск по кредиту.

Ключевые слова: залоговое обеспечение, кредитный риск, региональные банки, вероятность дефолта, дефолт заёмщика, «кредит/залог».

УДК: 336.71, 336.77, JEL E5 Поступила в редакцию 25.10.2017 г. Принята к публикации 30.01.2018 г. Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

овременная банковская система России находится под воздействием негативных рыночных факторов, которые создают условия к накоплению и масштабному распространению банковских рисков. Среди них особо выделяются последствия наблюдаемых во второй половине 2014 г. девальвационных процессов, а также продолжительной кампании по отзыву лицензий отдельных банков [5; 8]. Это стимулирует рост панических настроений у клиентов кредитных организаций [5] и сужение межбанковского рынка на фоне ослабления доверия как к банковскому сектору в целом, так и между его институциональными участниками [18; 20].

Степень информационного воздействия сведений об очередном отзыве лицензии определяется структурой собственности банка (соотношением частного и государственного капитала), масштабом деятельности и размером активов. Как следствие, проблема уровня доверия клиентов чаще всего затрагивает небольшие региональные банки [10; 11]. Изменение экономической среды трансформируется и в изменение структуры банковского бизнеса [7, с. 46]. Однако уход с рынка малых банков снижает возможность расширения банковских продуктов и услуг в регионах и не содействует повышению устойчивости банковской системы России [3, с. 28].

Именно данный сегмент российской банковской системы находится сегодня в наиболее сложных рыночных условиях. Во-первых, высокая конкуренция с крупными российскими банками сопряжена со значительным сокращением маржинальности бизнеса и ростом принимаемых на себя банковских рисков [29; 35]. Данный процесс усугубляется общей тенденцией развития мировой банковской системы в условиях обострения конкуренции¹. Во-вторых, ограничения при формировании ресурсной базы сжимают потенциальный клиентский портфель. В результате возникает слабо диверсифицированный набор финансируемых проектов. В-третьих, ужесточение требований регулятора в связи с внедрением элементов Базельских соглашений^{2,3} [15] способствует усилению концентрации банковского сектора и сокращению числа небольших банков.

И, наконец, современный этап развития финансовых технологий вызывает в сегменте региональных банков повышенную дезинтермедиацию. Прежде всего, речь идёт об альтернативе банковским кредитным продуктам. При этом основная часть клиентского портфеля региональных банков состоит из предприятий малого и среднего бизнеса, а потребность таких контрагентов во внешних ресурсах, в основном, носит кратко- и среднесрочный характер. Отдельно

¹ International Monetary Fund. Seeking Sustainable Growth: Short-Term Recovery, Long-Term Challenges. World Economic Outlook, October 2017. URL: https://www.imf.org/~/media/Files/Publications/WEO/2017/October/pdf/main-chapter/text.ashx?la=en

² Basel Committee on Banking Supervision. Basel II: International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards: a Revised Framework // Bank for International Settlements document, 2006. URL: http://www.bis.org/publ/bcbs128.pdf

³ Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems // Bank for International Settlements document, 2010. URL: https://www.bis.org/publ/bcbs189_dec2010.pdf

следует выделить проблему отсутствия достаточной ресурсной базы, в том числе для развития современных финансовых технологий.

Региональные банки – это та фундаментальная основа, без которой невозможна деятельность предприятий малого и среднего бизнеса, ключевого драйвера развития конкуренции в экономике [16; 32]. Такие кредитные организации даже при отсутствии соответствующих законодательных норм служат реальным рыночным инструментом в решении экономических и социальных проблем региона [3, с. 31]. В отличие от крупных, региональные банки стараются поддерживать локальные компании и предприятия даже в так называемых депрессивных регионах, невзирая на сравнительно меньшую доходность и более высокие риски банковской деятельности [16].

При этом, как правило, поддержка бизнеса осуществляется в форме банковского кредита, который является основным источником дохода для регионального сегмента банковской системы. Поэтому первостепенное значение приобретает проблема изучения в портфеле региональных банков кредитного риска и его основных компонентов: вероятности дефолта (Probability of Default, PD), доли потерь при дефолте (Loss Given Default, LGD), суммы, подверженной риску дефолта (Exposure at Default, EAD), и срока до погашения кредитного требования (Maturity, M).

Некоторые авторы отмечают повышенное внимание органов банковского надзора и коммерческих организаций к оценке кредитного риска, которое обусловлено внедрением элементов Базельских соглашений в национальную банковскую систему [8, с. 10]. В связи с этим проблема дополнительного обеспечения по кредитному договору как источника покрытия потерь при дефолте заёмщика является предметом пристального изучения [1; 13; 14; 18].

Под обеспечением кредита понимается стоимость активов заёмщика и конкретный вторичный источник погашения долга (залог, гарантия, поручительство, страхование), предусмотренный в кредитном договоре [17]. Наряду с этим к обеспечению кредита также относят организацию контроля над достаточностью, приемлемость и юридическое оформление прав кредитора на использование данного источника [1; 12; 31].

При этом в мировой практике широкое применение получил залог имущества и/или имущественных прав (collateral)⁴, принимаемых в обеспечение любого кредитного договора [25; 33]. Это справедливо и для отечественных банков, в практике которых именно залог – распространённый способ обеспечения возвратности банковского кредита [1].

К тому же факторы залогового обеспечения можно использовать для прогнозирования вероятности дефолта заёмщика. В частности, один из наиболее значимых самостоятельных индикаторов дефолта – это показатель «кредит/за-

⁴ В настоящей работе понятия «залоговое обеспечение» и «залог (имущества и/или имущественных прав)» рассматриваются как синонимы, определяющие предоставление любого вида активов в обеспечение банковского кредита.

Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

лог» (Loan-to-Value, LTV) [27; 38], применяемый совместно с кредитным рейтингом заёмщика [26]. Уменьшение «кредит/залог» может свидетельствовать как о снижении [23], так и о росте [22] вероятности дефолта и дополнительных расходов на взыскание задолженности.

Необходимо заметить, что существенная часть разработок в этой сфере рассматривает только один вид залогового актива: ипотеку или залог недвижимого имущества. К примеру, Базельский комитет по банковскому надзору указывает, что величина «кредит/залог» представляет собой наиболее адекватный параметр потерь по ипотечным кредитам. Данная рекомендация опирается на банковскую практику, согласно которой ипотечные кредиты с более скромным значением «кредит/залог» ассоциируются с меньшими потерями кредитора в случае дефолта заёмщика⁵.

Основные работы по изучению описанной закономерности относятся к рынку жилищной ипотеки, тогда как исследования коммерческой ипотеки менее разработаны и неоднозначны [27]. Ещё реже изучается влияние факторов других видов залогового обеспечения на банковские риски по кредитам нефинансовым организациям, особенно в сегменте кредитования малого и среднего бизнеса. Однако, принимая во внимание важную роль региональных банков, рассматриваемая проблема требует дополнительных исследований на российском рынке. В противном случае высока вероятность снижения качества управления кредитным риском в портфеле небольших, но значимых банков.

При ипотечном кредитовании «кредит/залог» рассчитывается как доля заёмных средств в стоимости приобретаемого объекта недвижимости [8, с. 17]. В более широком понимании показатель «кредит/залог» определяется как отношение суммы заёмных средств и стоимости любого принимаемого банком залогового объекта. «Кредит/залог» рекомендуется дифференцировать по уровням, которые служат ориентирами – правилами.

В странах с развитой экономикой реализуются два подхода: с низким и высоким порогом показателя «кредит/залог». Для рынков с высоким порогом «кредит/залог», таких как США и страны Европейского союза, широко применяются уровни в 75%, 80%, 90% и выше [24; 28; 34]. В странах с низкой пороговой величиной «кредит/залог», например, в Южной Корее, фиксируется практика установления уровней в 50% и 60% [30; 36]. Наряду с этим, развивающиеся рынки отличаются большим разбросом в предпочтениях банков-кредиторов при определении требований к параметру «кредит/залог».

В ряде случаев ужесточение требований к достаточности залогового обеспечения (сокращение порогового уровня показателя «кредит/залог») способствует только дополнительному росту рисков кредитного портфеля. Согласно теории кредитного рационирования (the Credit rationing theory), такое явление

⁵ BIS. Basel Committee on Banking Supervision. Standards: Revisions to the Standartised Approach for credit risk. Consultative Document. Bank for International Settlements document, 2015. URL: https://www.bis.org/bcbs/publ/d307.pdf

наблюдается: а) при финансировании небольших проектов с высокой вероятностью потерь, когда заёмщики обладают сопоставимыми (одинаковыми) объёмами залоговых активов; б) когда заёмщики запрашивают схожие объёмы кредитных ресурсов, но готовы предоставить залоговое обеспечение различного размера [37]. В первом случае требование к снижению показателя «кредит/залог» будет означать предпочтение маленьких проектов, что обуславливает рост рисков кредитного портфеля. Во втором – готовность предоставить большее обеспечение свидетельствует о высокой предрасположенности к риску, а значит, к росту кредитных рисков. Оба описанных случая свидетельствуют о наличии так называемого эффекта неблагоприятного выбора (adverse selection), возникающего в результате асимметрии информации между кредитором и заёмщиком при определении требований к достаточности залогового обеспечения [6].

В любой экономической системе указанные требования используются как дополнительная инструкция при расчёте премии за риск по обеспеченным залогом кредитным договорам.

Цель работы – выявление факторов залогового обеспечения, наиболее влияющих на банковские риски (прежде всего, на региональном уровне) с использованием эмпирических методов. Исследование основано на построении линейных регрессионных моделей, оценка которых проводится методом наименьших квадратов. В качестве основного фактора залогового обеспечения рассматривается показатель «кредит/залог». На примере группы региональных банков изучается взаимосвязь требований к достаточности залога (через размер «кредит/залог») и назначаемой банком премии за риск.

Модель и данные

Для изучения поставленной проблемы авторы рассматривают банки Санкт-Петербурга и Ленинградской области, оказывающие услуги по кредитованию предприятий малого и среднего бизнеса. В исходную выборку включены данные о кредитах, предоставленных под залоговое обеспечение на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2008–2011 гг. Данный интервал был выбран для изучения одного из важных региональных сегментов отечественного банковского рынка после финансового кризиса 2006-2007 гг. Характеристика банка как регионального определяется принадлежностью к Санкт-Петербургу и Ленинградской области по двум категориям: регион выдачи лицензии и география функциональной активности банка.

В рассматриваемый кредитный портфель включены сведения по 205 кредитным договорам, выданным региональными банками субъектам малого и среднего бизнеса под 280 объектов залогового обеспечения. Стоит отметить, что каждый анализируемый кредитный договор предусматривает наличие, как минимум, одного вида залога. При этом набор залогов, принятых в качестве обеспечения по кредиту, может расширяться наличием дополнительных источ-

Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

ников погашения задолженности, в частности, поручительства руководителя предприятия.

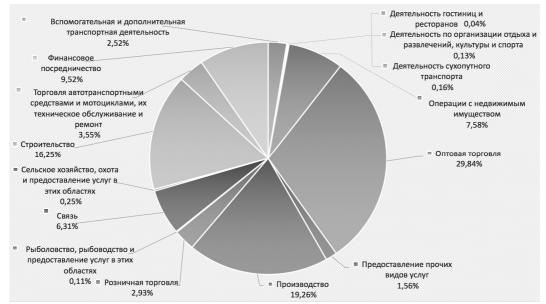

Рис. 1. Структура исследуемого кредитного портфеля по отраслям деятельности заёмщика

Fig. 1. Structure of borrower's loan portfolio by industry

Источник: составлено авторами.

Состав заёмщиков в кредитном портфеле распределён по пятнадцати отраслям деятельности (см. рис. 1). Почти треть кредитного портфеля (29,84%) приходится на предприятия оптовой торговли. Далее по объёму выданных кредитов следуют производство (19,26%) и строительство (16,25%). То есть практически две трети (65,25%) кредитного портфеля распределены по трём из пятнадцати отраслей деятельности заёмщика.

Наибольший уровень риска по кредиту (согласно средневзвешенной величине премии за риск) оценивался банками для кредитов, предоставляемых сухопутному транспорту (7,37%), а наименьший – компаниям, занятым в отрасли «рыболовство, рыбоводство и предоставление услуг в этих областях» (1,75%). По кредитному портфелю в целом средневзвешенная премия за риск достигла 6,51% (см. табл. 1). Распределение кредитного портфеля по каждой отрасли деятельности заёмщика с указанием занимаемой доли и средневзвешенной величины премии за риск на один кредит показано на рис. 2.

В рамках рассматриваемого кредитного портфеля было предоставлено двенадцать видов залогового обеспечения, входящих в структуру прилагаемого залогового портфеля (см. рис. 3, табл. 2). Из приведённых данных следует, что основная доля данного портфеля состоит из трёх групп объектов: недвижимость – на 40,03%; права требования (в т.ч. лизинговые платежи, по договорам постав-

ки, купли-продажи и инвестирования, а также государственному контракту) – на 30, 75%; и товары в обороте – на 19%.

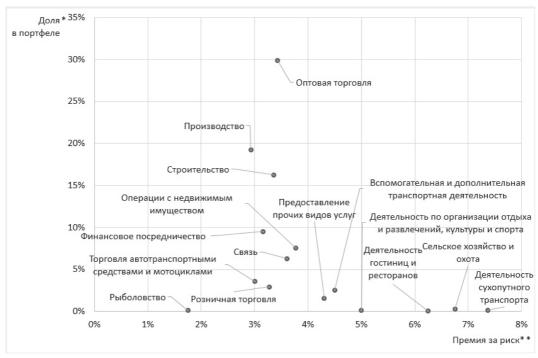

Рис. 2. Распределение исследуемого кредитного портфеля по отраслям деятельности заёмщика

Fig. 2. Distribution of borrower's loan portfolio by industry

Источник: составлено авторами

Табл. 1. Характеристика исследуемого кредитного портфеля по отраслям деятельности заёмщика

Table 1. Characteristics of borrower's loan portfolio by industry

Nº ⊓⊓	Наименование отрасли заёмщика	Доля в кредитном портфеле, %	Премия за риск (средне взвеш.), %	Средний размер кредита, тыс. руб.	Кредит / залог*
1	Вспомогательная и дополнительная транспортная деятельность	2,52	4,50	100 000	1,74
2	Деятельность гостиниц и ресторанов	0,04	6,25	1 500	2,55
3	Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	0,13	5,00	5 000	1,11
4	Деятельность сухопутного транспорта	0,16	7,37	3 250	1,30
5	Операции с недвижимым имуществом	7,58	3,77	30 050	0,76
6	Оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	29,84	3,43	19 081	2,05

Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

7	Предоставление прочих видов услуг	1,56	4,30	20 617	1,53
8	Производство, в том числе:	19,26	2,93	33 208	1,93
8.1	Производство готовых металлических изделий	1,25	2,86	24 788	2,34
8.2	Производство машин и оборудования	3,81	2,00	151 250	4,27
8.3	Производство офисного оборудования и вычислительной техники	0,22	1,25	8 605	4,04
8.4	Производство пищевых продуктов, включая напитки	4,05	2,29	26 751	2,35
8.5	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	0,15	3,00	5 971	0,99
8.6	Производство резиновых и пластмассовых изделий	4,58	3,06	45 350	0,89
8.7	Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	0,46	3,27	6 100	1,19
8.8	Производство электрических машин и электрооборудования	4,72	4,14	46 793	0,61
8.9	Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	0,03	4,75	1 000	0,57
9	Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами, ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	2,93	3,27	11 614	0,78
10	Рыболовство, рыбоводство и предоставление услуг в этих областях	0,11	1,75	4 346	2,60
11	Связь	6,31	3,60	125 000	2,37
12	Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	0,25	6,75	10 000	0,24
13	Строительство	16,25	3,35	28 004	2,83
14	Торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	3,55	3,01	15 630	6,21
15	Финансовое посредничество	9,52	3,16	6 739	0,79
	Итого по кредитному портфелю	100,00	6,51	19 340	2,04

Источник: составлено авторами.

Для оценки влияния показателя факторов залогового обеспечения на назначаемую банками премию за риск по і-кредиту (r_{pi}) нами выделяются следующие факторы:

- а) показатель «кредит/залог» (LTV $_{\rm i}$), рассчитанный с учётом суммарной сто-имости всех k-видов залогового объекта для каждого i-кредита;
- б) количество k-видов залогового объекта, предоставленного в обеспечение по каждому i-кредиту (N_{ki});
- в) суммарная стоимость j-поручительства руководителя заёмщика по каждому i-кредиту (G_{ji}) в млн руб. Данный вид обеспечения учитывается перемен-

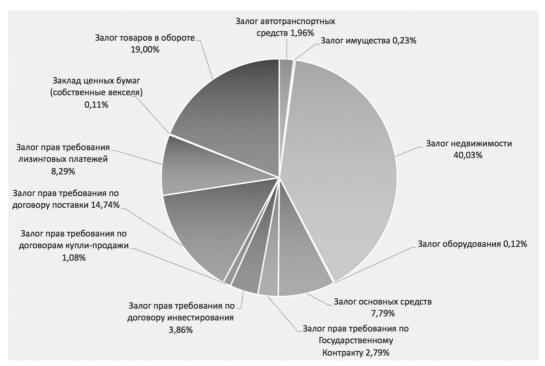

Рис. 3. Структура залогового портфеля по видам залогового обеспечения Fig. 3. Structure of borrower's loan portfolio by types of collateral security Источник: составлено авторами.

ной $d_i^{guaran\ or}$, равной единице, если имеется поручительство руководителя, либо нулю, если такового нет;

- г) наличие просроченной задолженности за последние 12 месяцев по i-кредиту, что оценивается переменной $d_i^{guaran\ or}$, равной единице при нарушении заёмщиком сроков осуществления платежей по i-кредиту, любо нулю в отсутствие такого;
- д) наличие пролонгации договора і-кредита, что оценивается переменной $d_{\it r}^{\it prolong}$, равной единице при заключении соглашения между сторонами о пролонгации договора і-кредита, в противном случае нулю.

Влияние перечисленных факторов на назначаемую банками премию за риск по кредиту мы предлагаем оценивать по формуле (1):

$$\ln(rp_i) = \propto +\beta \cdot \ln(LTV_i) + \gamma \cdot \sum_{j=1}^{m} d_{ji}^{guarantor} \cdot G_{ji} + \delta \cdot d_i^{overdue} + \mu \cdot d_i^{prolong} + \rho \cdot \sum_{k=1}^{n} N_{ki} + \varepsilon.$$
 (1)

Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

Табл. 2. Характеристика залогового портфеля по видам залогового обеспечения

Table 2. Characteristics of borrower's loan portfolio by types of collateral security

№ пп	Вид залогового обеспечения	Общая стоимость, тыс. руб.	Доля в портфеле, %	Средняя стоимость объекта, тыс. руб.	Кол-во объектов
1	Залог автотранспортных средств	88 478	1,96	2 949	30
2	Залог имущества	10 525	0,23	3 508	3
3	Залог недвижимости	1 803 862	40,03	28 633	63
4	Залог оборудования	5 459	0,12	2 729	2
5	Залог основных средств	350 955	7,79	5 399	65
6	Залог прав требования по государственному контракту	125 914	2,79	125 914	1
7	Залог прав требования по договору инвестирования	174 000	3,86	87 000	2
8	Залог прав требования по договорам купли-продажи	48 456	1,08	16 152	3
9	Залог прав требования по договору поставки	664 011	14,74	33 201	20
10	Залог прав требования лизинговых платежей	373 448	8,29	8 892	42
11	Заклад ценных бумаг (собственные векселя)	5 000	0,11	5 000	1
12	Залог товаров в обороте	856 077	19,00	17 835	48
	ИТОГО	4 506 184	100,00	16 094	280

Источник: составлено авторами.

В результате оценивания уравнения (1) осуществляется тестирование пяти гипотез (табл. 3) о влиянии показателей на премию за риск по кредиту (см. табл. 3).

Табл. 3.Тестируемые гипотезы Table 3. Hypotheses under examination

Показатель	Обозначение	Ожидаемое влияние на премию за риск			
		Влияние на премию за риск	Гипотезы и комментарии		
Кредит / залог	LTV	Отрицательное	Гипотеза 1. Снижение объёма залогового покрытия по кредиту допускается при снижении потенциальных потерь, что приводит к повышению величины «кредит/залог» и сокращению назначаемой премии за риск.		
Количество видов залогового обеспечения	N	Отрицательное	Гипотеза 2. Диверсификация залогового портфеля по кредиту способствуют снижению потенциальных потерь из-за сокращения влияния рыночных факторов на суммарную стоимость залогов. Это вызывает сокращение назначаемой премии за риск.		

Стоимость поручительства	G	Отрицательное	Гипотеза 3. Дополнительная ответственность руководителя заёмщика стимулирует более добросовестное исполнение обязательств по кредитному договору и ведёт к снижению кредитного риска, а значит, назначаемой премии за риск.
Наличие просроченной задолженности по договору	doverdue	Положительное	Гипотеза 4. Нарушение сроков платежей по кредитному договору свидетельствуют о росте кредитного риска, а также назначаемой премии за риск.
Наличие пролонгации договора	dprolong	Положительное	Гипотеза 5. Пролонгация сроков кредитного договора свидетельствует о негативных изменениях в условиях реализации проектов заёмщика, об увеличении кредитного риска и назначаемой премии за риск.

Источник: составлено авторами.

В дополнение следует отметить, что посредством параметра N_{ki} оценивается влияние диверсификации залоговых объектов, принятых в обеспечение по i-кредиту. Учёт суммы j-поручительств $(\sum_{j=1}^m d_{ji}^{\ guarantor} \cdot G_{ji})$ по i-кредиту проводится для того, чтобы определить влияние дополнительной личной ответственности руководителя заёмщика на премию за риск по каждому кредиту.

Эмпирические результаты

Описательные статистики, полученные для переменных модели (1), представлены в таблице 4:

Табл. 4.Описательные статистики *Table 4. Descriptive statistics*

Переменная	mean	median	sd	min	max	N
Ln (премия за риск)	-3,29	-3,16	0,59	-5,99	-2,38	205
Ln («кредит/залог»)	-0,23	-0,22	0,96	-4,07	3,17	205
Стоимость поручительства	320,51	16,03	48,16	0	267,77	205
Количество видов залогового обеспечения	1,37	1,00	0,53	1,00	3,00	205

Источник: составлено авторами.

Далее были получены эмпирические оценки влияния факторов залогового обеспечения на премию за риск, а также эффект включения требований о предоставлении поручительства руководителя предприятия (дополнительно к залоговому обеспечению по кредитному договору).

В результате оценивания параметров уравнения регрессии (1) были получены следующие данные:

Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

Табл. 5. Результаты оценивания модели Table 5. Results of the model assessment

Переменная	Коэффициент	t-статистика		
Константа	-3,266 *** (0,118)	-27,719		
Ln («кредит/залог»)	-0,172 *** (0,041)	-4,135		
Стоимость поручительства	-0,002** (0,0001)	-2,092		
Количество видов залогового обеспечения	0,210 (0,075)	0,280		
Наличие просроченной задолженности по договору	-0,605*** (0,178)	-3,403		
Наличие пролонгации договора	0,102 (0,207)	0,491		
R2	0,16	64		
Adj. R2	0,14	13		
Стандартная ошибка	0,54	18		
Наблюдения	205			
F – статистика	7,80	03		

В скобках указаны стандартные ошибки; *p<0,10; **p<0,05; ***p<0,01. *Источник:* составлено авторами.

Подводя итоги, отметим, что факторы залогового обеспечения (через величину «кредит/залог») оказывают влияние (на 1%-ном уровне значимости) на премию, назначаемую за риск по кредиту. При этом увеличение показателя «кредит/залог» на 1% приводит к падению премии за риск на 17,2%, что доказывает справедливость первоначального предположения о наличии положительной взаимосвязи между параметрами (подтверждение гипотезы 1).

Как оказалось, предоставление нескольких видов залога по одному кредиту наряду с соглашением о пролонгации договора не оказывает значимого влияния на премию за риск (опровержение гипотез 2 и 5). Обращает на себя внимание, что на 5%-ном уровне значимости на премию за риск влияет дополнительная ответственность руководителя заёмщика. При увеличении суммы предоставляемого поручительства на каждый миллион рублей происходит снижение премии за риск на 0,2% (подтверждение гипотезы 3).

К тому же, просроченная задолженность по кредиту влияет (на 1%-ном уровне значимости) на премию за риск (опровержение гипотезы 4). Это может быть вызвано аффилированностью банков к некоторым заёмщикам, когда ставка по кредиту и премия за риск назначаются на более выгодных для должника условиях.

Вот почему при определении требований к достаточности залогового обеспечения региональные банки руководствуются многими критериями. В частности, учитывается отрасль деятельности заёмщика с последующей специализацией предоставляемого залогового обеспечения, степень ликвидности и потенциальный рынок сбыта.

В региональном сегменте банковской системы России (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области) в рассматриваемый авторами период проявляются чёткие предпочтения/ограничения в выборе залогового обеспечения по кредитам предприятиям малого и среднего бизнеса. Среди них следует выделить объекты недвижимости, товары в обороте, а также права требований по различным договорам и контрактам, которые занимают в исследуемом залоговом портфеле существенные доли, а суммарно составляют порядка 90% залогового обеспечения.

Такая закономерность, скорее всего, определяется строго ограниченной и высоко специализированной ресурсной базой заёмщиков, функционирующих на региональном уровне. Другими словами, строго прослеживается зависимость между слабой диверсификацией залогового портфеля и существенным преобладанием заёмщиков определённых отраслей деятельности. Отраслевые предпочтения региональных банков обусловлены, помимо прочего, и оценками риска для указанных отраслей.

Таким образом, подтверждается гипотеза о наличии статистически значимой обратной зависимости между «кредит/залог» и премией за риск по кредиту. Данный вывод соотносится с результатами эмпирических работ, проводимых на развитых рынках [21, 36].

Таким образом, слабая дифференциация исследуемого кредитного портфеля и прилагаемого к нему набора залогового обеспечения свидетельствуют о высокой уязвимости регионального сегмента банковской системы (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области) к изменениям рыночной конъюнктуры. Это означает резкое увеличение потенциальных потерь банка в условиях кризиса, что подтвердилось в период 2015–2016 гг., когда рынок сбыта залогового обеспечения существенно сократился и повлияло на устойчивость банков.

В то же время, возможность покрытия повышенных рисков за счёт маржи банка либо премии за риск для данного сегмента банковской системы ограничивается ключевыми макроэкономическими процессами и явлениями (рост концентрации банковского рынка, высокая конкуренция с более крупными банками, развитие новых финансовых технологий). В этих условиях региональным банкам становится всё сложнее оказывать кредитные услуги, являющиеся фундаментом для восстановления российской экономики – представителям малого и среднего бизнеса, потенциального драйвера преодоления стагнации в экономике.

Список литературы

- 1. Банковское дело / О.И. Лаврушин, Н.И. Валенцева [и др.]; под ред. О.И. Лаврушина. 12-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2016. 800 с.
- 2. Банковские риски / коллектив авторов; под ред. О.И. Лаврушина, Н.И. Валенцевой. 3-е
- изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2013. 296 с. 3. Белоглазова Г.Н. Стратегия развития регионального сегмента банковской системы // Банковское дело. 2011. №2. С. 28–21.
- . Горелая Н.В. Организация кредитования в

Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

коммерческом банке. М.: ИД «ФОРУМ» — ИНФРА-М, 2012. 208 с.

- Горелая Н.В. Система страхования вкладов и ее влияние на риски, принимаемые российскими банками // Деньги и кредит. 2015. № 5. С.44–51.
- Карминский А.М. Кредитные рейтинги и их моделирование. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 304 с.
- Карминский А.М., Киселев В.Ю. Построение динамических индикаторов банковского бизнеса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 15. С. 45–52.
- Карминский А.М., Лозинская А.М., Ожегов Е.М. Методы оценки потерь кредитора при ипотечном жилищном кредитовании // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20. № 1. С. 9–51.
- Карпенко В.П., Слуцкий А.А. Оценка залогов при кредитовании: некоторые проблемы и пути их решения // Деньги и кредит. 2012. №1.С. 58-67.
- Леонов М.В. Региональныебанки в банковской системе России // Пространственная экономика.2015. № 2. С. 116–131.
- 11. Мусаев Р.А., Клешко Д.В. Региональные банки: состояние и тенденции развития // Деньги и кредит. 2016. № 6.С. 58–63.
- Основы банковского дела / Н.В. Горелая, А.М. Карминский / под ред. А.М. Карминского. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2017. 272 с.
- Оценка для целей залога: теория, практика, рекомендации / М.А. Федотова, В.Ю. Рослов, О.Н. Щербакова, А.И. Мышанов. М.: Финансы и статистика, 2008. 384 с.
- 14. Пешехонов М.С. Работа кредитных организаций с залоговым имуществом // Банковское дело. 2011. №11. С. 66-69.
- Поздышев В.А. Банковское регулирование в 2016–2017 годах: основные изменения и перспективы развития// Деньги и кредит. 2017. №1. С. 9-17.
- Поморина М.А., Валенцева Н.И. Нужны ли российской экономике региональные банки?
   // Банковское дело. 2011. № 2. С. 21–27.
- Риск-менеджмент в коммерческом банке / коллектив авторов; под ред. И.В. Ларионовой. М. КНОРУС, 2016. 456 с.
- Слуцкий А.А. Оценка залогового имущества: проблемы стоимости // Банковское кредитование. 2010. №2.6 с.
- Спицын С.Ф., Луданов О.В. О принципах регулирования межбанковского рынка в условиях нестабильности // Деньги и кредит.

- 2008. № 6. C. 42-48.
- Тавасиев А.М., Кучинский К.А Ипотечная секьюритизация – уроки прошлого и перспективы // Деньги и кредит. 2010. № 12. С. 16–23.
- Berger, A. N., Frame, W. S., Ioannidou. V. Reexamining the empirical relation between loan risk and collateral: The roles of collateral liquidity and types// Journal of Financial Intermediation. 2016. Vol. 26. Pp. 28-46.
- 22. Case K.E., Shiller R.J. Mortgage Default Risk and Real Estate Prices: The Use of Index-Based Futures and Options in Real Estate //Journal of Housing Research. Special Issue: House Price Indices: Policy, Business, and Research Applications. 1996. Vol. 7. № 2. Pp. 243–258.
- Das S.R., Meadows R. Strategic loan modification: An options-based response to strategic default // Journal of Banking and Finance. 2013. Vol. 37. Iss. 2. Pp. 636–647.
- Epley D.R., Liano K., Haney R. Borrower Risk Signaling Using Loan-to-Value Ratios // The Journal of Real Estate Research. 1996. Vol. 11. №1. Pp. 71–86.
- Fabozzi F.J., Modigliani F., Jones F.J. Foundations of Financial Markets and Institutions. 4th ed. Pearson Education Limited, 2014. 663 p.
- Floros, I., White, J.T. Qualified residential mortgages and default risk // Journal of Banking and Finance. 2016. Vol. 70. Pp. 86–104.
- Grovenstein R.A., Harding J.P., Sirmans C.F., Thebpanya S., Turnbull G.K. Commercial mortgage underwriting: How well do lenders manage the risks? // Journal of Housing Economics. 2005. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 355–383.
- 28. Iacoviello M. House Prices, Borrowing Constraints, and Monetary Policy in the Business Cycle // The American Economic Review. 2005. Vol. 95. № 3. Pp. 739–764.
- Jiménez G., Lopez J.A., Saurina J. How does competition affect bank risk-taking? // Journal of Financial Stability. 2013. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 185–195.
- Jung H., Lee J. The effects of macroprudential policies on house prices: Evidence from an event study using Korean real transaction data // Journal of Financial Stability. 2017. No. 31. Pp. 167–185.
- 31. Koulafetis P. Modern Credit Risk Management: Theory and Practice. Springer Nature, 2017. 234 p.DOI: 10.1057/978-1-137-52407-2.
- Luo, P., Wang, H., Yang, Z. Investment and financing for SMEs with a partial guarantee and jump risk // European Journal of Operational Research. 2016. Vol. 249. Iss. 3. Pp. 1161–1168.
- 33. Mishkin S.F. The Economics of Money, Banking

- and Financial Markets. 11th ed. Pearson Education Limited, 2016. 784 p.
- 34. McClatchey C.A., de la Torre C. The Intended and Unintended Effects of Dodd-Frank on Mortgage Broker Compensation // Journal of Real Estate Practice and Education. 2013. Vol. 16. № 2. Pp. 141–160.
- Mencía J. Assessing the risk-return trade-off in loan portfolios // Journal of Banking and Finance. 2012. Vol. 36. Iss. 6. Pp. 1665–1677.
- 36. Park Y.W., Bang D.W. Loss given default of
- residential mortgages in a low LTV regime: Role of foreclosure auction process and housing market cycles // Journal of Banking and Finance. 2013. № 39. Pp. 192–210.
- 37. Stiglitz J., and Weiss A. Credit rationing in markets with imperfect information // American Economic Review. 1981. № 71. Pp. 393–410.
- Qi M., Yang X. Loss given default of high loanto-value residential mortgages // Journal of Banking and Finance. 2009. Vol. 33. Iss. 5. Pp. 788–799.

Об авторах:

Александр Маркович Карминский – д.э.н., д.т.н., профессор школы финансов Факультета экономических наук НИУ ВШЭ. 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: karminsky@mail.ru. **Ольга Дмитриевна Хон** – старший преподаватель НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. 191021, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16. E-mail: okhon@hse.ru.

COLLATERAL DETERMINATS IN BANK RISK MANANAGEMENT: THE REGIONAL CASE

Alexander M. Karminsky, Olga D. Khon DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-169-185

HSE Moscow HSE St. Petersburg

Regional banks are struggling with significant obstacles in the modern Russian economy. Among them are strong competition with major big banks, strong resource restrictions, tightening the Bank of Russia's requirements, and quite rapid expansion of financial technologies. Thus, the reduction of regional banks occurs, that produces both a negative impact on the development of small and medium enterprises (SMEs) and challenges for balanced competition on the Russian market. Basically, these banks provide the settlement of region's social and economic problems while maintaining local companies and enterprises.

Collateral, as a source for losses covering, became the essential element of credit risk management in banks. Providing lenders to implement such instruments, it helps to reduce bank losses under borrower's default.

The purpose of the article relates to revealing of collateral determinants with higher impact on bank risk with the application of empirical methods (including regional level). This study is based on linear regression models evaluated by the least square method. Private data of secured small and medium business loans is used.

This article presents LTV (loan-to-value) as a major collateral determinant. The empirical evidence of interlinkage between collateral requirements, by the means of LTV, and risk premium is provided for loan portfolio of Russian regional banks. The hypothesis that LTV conversely correlates with risk premium is statistically proved.

Research Article A.M. Karminsky, O.D. Khon

Key words: collateral, credit risk, regional banks, probability of default, default of borrower, loan-to-value.

References

- Bankovskoe delo [Banking]. LavrushinO.I., Valenceva N.I. Ed. by O.I. Lavrushina. 12th ed. Moscow, KNORUS Publ., 2016. 800 p. (In Russian).
- Bankovskie riski [Bank risks]. Ed. by O.I. Lavrushina, N.I. Valencevoi. 3d ed. Moscow, KNORUS Publ., 2013. 296 p. (In Russian).
- Beloglazova G.N. Strategiya razvitiya regionalnogo segmenta bankovskoi systemy [The strategy of development of banking system's regional sector]. Bankovskoe delo, 2011, no. 2, pp. 28–21 (in Russian).
- Gorelaia N.V. Organizaciia kreditovaniia v kommercheskom banke. [The organisation of loan process in commercial banks]. Moscow, FORUM— INFRA-MPubl., 2012. 208 p. (In Russian).
- Gorelaia N.V. Sistema strahovaniia vkladov i ee vliianie na riski, prinimaemye rossiiskimi bankami [Deposit insurance system and its impact on risks of Russian banks]. Den'gi i kredit, 2015,no. 5, pp.44– 51 (in Russian).
- Karminski, A.M. Kreditnye reitingi i ikh modelirovanie [Credit raitings and its simulation]. Moscow, Vysshaia shkola ekonomiki Publ., 2015. 304 p. (In Russian).
- 7. Karminsky A.M., Kiseliov V.Yu. Postroenie dinamicheskikh indikatorov bankovskogo biznesa [The construction of dynamic indicators for bank business]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2014,no. 15, pp. 45–52 (in Russian).
- 8. Karminski A.M., Lozinskaia A.M., Ozhegov E.M. Metody ocenki poter' kreditora pri ipotechnom zhilishhnom kreditovani [Evaluation methods of lender losses for housing mortgage]. *Ekonomicheskii zhurnal VShe*, 2016, vol. 20, no. 1, pp. 9–51 (in Russian).
- Karpenko V.P., Sluckii A.A. Otsenka zalogov pri kreditovanii: nekotorye problemy i puti ikh resheniia [Collateral evaluation in loans: Few obstacles and its solutions]. *Dengi i kredit*, 2012,no. 1, pp. 58-67 (in Russian).
- 10. Leonov M.V. Regional'nye banki v bankovskoi sisteme Rossii [Regional

- banks in Russian banking system]. *Prostranstvennaia ekonomika*, 2015,no.2, pp. 116–131(in Russian).
- 11. Musaev R.A., Kleshko D.V. Regional'nye banki: sostoinie i tenedentsii razvitiia [Regional banks, its state and development tendencies]. *Den'gi i kredit*, 2016, no. 6, pp. 58–63 (in Russian).
- Osnovy bankovskogo dela [The foundation of banking]. N.V. Gorelaia, A.M. Karminski. Ed. by A.M. Karminski. Moscow, FORUM INFRA-M, 2017. 272 p. (In Russian).
- Otsenka dlia tselei zaloga: teoriia, praktika, rekomendatsii [Appraisal for collateral: Theory, practice and recommendations]. M.A. Fedotova, V.Ju. Roslov, O.N. Shherbakova, A.I. Myshanov. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2008. 384 p. (In Russian).
- 14. Peshehonov M.S. Rabota kreditnyh organizacij s zalogovym imushhest-vom. [Credit organizations' functioning with collateral assets]. *Bankovskoe delo*, 2011,no. 11, pp. 66-69 (in Russian).
- 15. Pozdyshev V.A. Bankovskoe regulirovanie v 2016–2017 godakh: osnovnye izmeneniia i perspektivi razvitiia [Bank regulation in 2016-2017: major changes and trends]. *Dengi i kredit*, 2017,no. 1, pp. 9-17 (in Russian).
- Pomorina M.A., Valenceva N.I. Nuzhny li rossiiskoi ekonomike regional'nye banki? [Does Russian economy need regional banks?]. *Bankovskoe delo*, 2011, no. 2, pp. 21–27 (in Russian).
- Risk-menedzhment v kommercheskom banke [Risk management in commercial bank]. Ed. by I.V. Larionova. Moscow, KNORUS Publ., 2016. 456 p. (In Russian).
- Sluckii A.A. Otsenka zalogovogo imushhestva: problemy stoimosti [Collateral appraisal: challenges of the value]. *Bankovs*koe kreditovanie, 2010,no. 2 (in Russian).
- Spitsin S.F., Ludanov O.V. O principakh regulirovaniia mezhbankovskogo rinka v usloviiakh nestabil'nosti [About principles of interbank market under uncertain-

- ty]. *Den'gi i kredit*, 2008, no. 6, pp. 42–48 (in Russian).
- 20. Tavasiev A.M., Kuchinskii K.A. Ipotechnaia sek'iuritizatsiia uroki proshlogo i perspektivi [Mortgage securitization: lessons of the past and future perscpectives]. *Den'gi i kredit*, 2010, no. 12, pp. 16–23. (In Russian).
- Berger A.N., Frame W., Ioannidou V. Reexamining the empirical relation between loan risk and collateral: The roles of collateral liquidity and types. *Journal of Financial Intermediation*, 2016, vol. 26, pp. 28-46.
- 22. Case, K.E., Shiller, R.J. Mortgage Default Risk and Real Estate Prices: The Use of Index-Based Futures and Options in Real Estate. *Journal of Housing Research*, 1996, vol. 7, no. 2, pp. 243–258.
- Das S.R., Meadows R. Strategic loan modification: An options-based response to strategic default. *Journal of Banking and Finance*, 2013, vol. 37, iss. 2, pp. 636–647.
- 24. Epley D.R., Liano K., Haney R. Borrower Risk Signaling Using Loan-to-Value Ratios. *The Journal of Real Estate Research*, 1996,vol. 11, no. 1, pp. 71–86.
- Fabozzi F.J., Modigliani F., Jones F.J. Foundations of Financial Markets and Institutions, 4th ed., Pearson Education Limited, 2014. 663 p.
- Floros I., White J.T. Qualified residential mortgages and default risk. *Journal of Banking and Finance*, 2016, vol. 70, pp. 86–104.
- Grovenstein R.A., Harding J.P., Sirmans C.F., Thebpania S., Turnbull G.K. Commercial mortgage underwriting: How well do lenders manage the risks? *Journal of Housing Economics*, 2005, vol. 14, iss. 4, pp. 355–383.
- Iacoviello M. House Prices, Borrowing Constraints, and Monetary Policy in the Business Cycle. *The American Economic Review*, 2005, vol. 95, no. 3, pp. 739–764.

- Jiménez G., Lopez J.A., Saurina J. How does competition affect bank risk-taking? *Journal of Financial Stability*, 2013, vol. 9, iss. 2, pp. 185–195.
- Jung H., Lee J. The effects of macroprudential policies on house prices: Evidence from an event study using Korean real transaction data. *Journal of Financial Stability*, 2017, no. 31, pp. 167–185.
- 31. Koulafetis P. Modern Credit Risk Management: Theory and Practice. Springer Nature, 2017.234 p. DOI: 10.1057/978-1-137-52407-2.
- Luo P., Wang H., Yang Z. Investment and financing for SMEs with a partial guarantee and jump risk. *European Journal of Operational Research*, 2016, vol. 249. Iss. 3, pp. 1161–1168.
- 33. Mishkin S.F. *The Economics of Money, Banking and Financial Markets.* 11th ed., Pearson Education Limited, 2016. 784 p.
- McClatchey C.A., de la Torre C. The Intended and Unintended Effects of Dodd-Frank on Mortgage Broker Compensation.
   Journal of Real Estate Practice and Education, 2013, vol. 16, no. 2, pp. 141–160.
- Mencía J. Assessing the risk-return tradeoff in loan portfolios. *Journal of Banking and Finance*, 2012, vol. 36, iss. 6, pp. 1665–1677.
- Park Y.W., Bang D.W. Loss given default of residential mortgages in a low LTV regime: Role of foreclosure auction process and housing market cycles. *Journal* of *Banking and Finance*, 2013, no. 39, pp. 192–210
- 37. Stiglitz J., Weiss A. Credit rationing in markets with imperfect information. *American Economic Review*, 1981, no. 71, pp. 393–410.
- 38. Qi M., Yang X. Loss given default of high loan-to-value residential mortgages. *Journal of Banking and Finance*, 2009, vol. 33, iss. 5, pp. 788–799.

About the authors:

Alexander M. Karminsky – Doctor of Science (Economics, Technics), Professor in Department of economics, Higher School of Economics. Moscow, 20 Myasnitskaya ul., 101000. E-mail: karminsky@mail.ru.

Olga D. Khon – Senior lecturer in Department of finance, HSE St. Petersburg, St. Petersburg, 16, Soyuza Pechatnikov str., 191021. E-mail: okhon@hse.ru.

Вестник МГИМО-Университета. 2018. 1(58). С. 186-212 DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-186-212 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

ИННОВАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО БАНКОВСКОГО БИЗНЕСА (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА)

Ф.Ф. Муршудли

Азербайджанский государственный экономический университет

Развитие международного банковского бизнеса, формирование его новой парадигмы в контексте финансовой глобализации и интенсификации мирохозяйственных связей за последние годы объективно требует активной инновационной составляющей. Тесное переплетение инноваций, финансовой и внешнеэкономической среды является одним из важнейших факторов, характеризующих феномен «новой экономики». Поэтому инновационные процессы должны рассматриваться во взаимосвязи с изменениями в процессах, сопряжённых с внешнеэкономической банковской деятельностью.

В статье дан краткий обзор научной литературы по международному банковскому бизнесу и его инновационным трендам. Раскрываются предпосылки возникновения, направленность и целевое назначение банковских инноваций, ареал их внедрения и многовекторные формы проявления, выявляются проблемы инновационного развития международного банковского бизнеса, определяются потенциальные пути их решения. Обоснована необходимость применения инновационных методов и инструментов банковского обслуживания внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов, предложены меры по ускорению их внедрения в этот процесс. Широкий спектр инновационных трендов международного банковского бизнеса определяется как внутренней конкурентной средой, так и внешними векторами. Автор акцентирует внимание именно на тех из них, которые способствуют повышению устойчивости и конкурентоспособности данного бизнеса в условиях волатильности глобальных процессов. В статье на примере Азербайджанской Республики представлены практические рекомендации по развитию новаторских трендов в банковской системе, реализации основных задач в указанной сфере, направленные на выработку эффективных управленческих решений по инновированию международного банковского бизнеса в обозримой кратко- и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: международный банковский бизнес, финансовая глобализация, инновационные тренды, банковские инновации, банковское обслуживание внешнеэкономической деятельности.

УДК 330.142.222;336.71; 339.7; 339.9 JEL F39 Поступила в редакцию 28.11.2017 г. Принята к публикации 25.12.2017 г. а последние десятилетия финансовая глобализация превратилась в определяющий вектор трансформационных процессов в национальных банковских системах. Суть данного феномена заключается в разработке инновационных финансовых инструментов и продуктов, взаимопроникновении капиталов и финансовых технологий, дерегулировании внутренних финансовых рынков, развитии международных банков, усилении связей и интеграции между финансовыми секторами национальных экономик, мировыми финансовыми центрами и институтами. В результате в современной финансовой архитектуре выстраивается новая конфигурация международного банковского бизнеса (МББ) [68, с. 29]. Мощным фактором расширения его масштабов является устранение законодательных ограничений на допуск иностранного капитала на национальные рынки банковских услуг. Наряду с этим наблюдается кардинальное изменение международных экономических отношений, и прежде всего, ключевой структуры, обеспечивающей нарастание самой глобализации, – мировой банковской системы.

Качественная трансформация характера развития и структуры МББ, формирование его новой парадигмы в контексте глобализации финансовой системы и интенсификации мирохозяйственных связей объективно требует активизации инновационной составляющей данного процесса. Тесное переплетение инноваций, финансовой и внешнеэкономической среды является одним из важнейших факторов, характеризующих феномен «новой экономики». Поэтому инновационные процессы должны рассматриваться во взаимосвязи с изменениями в процессах, сопряжённых с внешнеэкономической банковской деятельностью.

Следует признать, что в странах постсоветского пространства инновационные тренды в банковской сфере всё ещё не получили должного развития и находятся в стадии становления. В этом плане весьма показательна Азербайджанская Республика, финансово-кредитная система которой, как показали посткризисные реалии последних трёх лет, оказалась наиболее уязвимым звеном национальной экономики. В этих условиях выявление закономерностей и специфики реализации инновационных векторов развития её банковской системы (в том числе внешнеэкономического компонента последней), выработка практических рекомендаций по их мобилизации и внедрению представляют несомненный интерес и могут быть использованы в других транзитивных странах.

В экономической литературе имеется целый ряд публикаций, освещающих в той или иной степени теоретические и практические аспекты развития МББ и его новых трендов.

Первые научные работы по этой проблеме появились лишь 1970-е гг., и большинство из них были посвящены, в основном, общим вопросам теории и исто-

¹ За исключением стран Балтики.

рии МББ, его роли в экономике развитых государств (главным образом, США и Канады) [27; 35; 59; 66; 67; 68]. В 1975 г. the Columbia Journal of World Business [21; 49; 55; 62; 72; 74] и в 1976 г. the Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Review [22; 64] посвятили этой тематике специальные выпуски, опубликовав цикл статей. Среди их авторов можно выделить таких видных исследователей международных финансов, как R.Z. Aliber, A.F. Brimmer и F.A. Lees (США), Н.G. Grubel (Канада) и другие, заложивших добротную концептуальную основу для дальнейших научных разработок в этой области.

В процессе мирового финансово-экономического коллапса 2007-2009 гг. развитие МББ сопровождалось такими глобальными вызовами как турбулентность мировой экономики, финансовые дисбалансы, растущая уязвимость и глубокое расстройство механизма регулирования национальных банковских систем, серьёзные системные риски, банкротство ряда ведущих транснациональных банков, существенное ограничение их внешнеэкономической банковской деятельности и т.п. В данной связи специалисты в области международного банкинга кардинально изменили теоретико-методологические и эмпирические подходы к проводимым исследованиям. Это в свою очередь нашло воплощение в изданных во втором десятилетии XXI в. фундаментальных трудах, в которых преобладают новые взгляды на вопросы, касающиеся проблем и возможностей международных банков в быстро меняющейся глобальной среде [23; 36; 50; 52; 63; 70].

По мере углубления и развертывания процессов финансовой глобализации спектр исследовательских приоритетов в области развития МББ в трудах западных исследователей заметно расширялся. Наряду с плотным изучением теории вопроса, они стали акцентировать внимание на новых трендах, а также конкретных вопросах более узкого характера, имеющих прикладное значение для банковской отрасли. В их числе такие как стратегия транснациональных финансовых структур [42; 56], регулирование МББ [24; 34; 36; 51], трансграничные слияния и поглощения в банковской сфере [26; 46], экспансия иностранного банковского капитала [38; 40; 60] и т.д.

Получили своё развитие и инновационные аспекты МББ. Теоретико-методологические основы данной проблематики рассматривают в своих работах С. Батилосси [29], А. Бут [33], Х.-У. Дериг [4], П. Друкер [48], Ф. Молинье [69], П. Роуз [14], Дж. Синки [15], К. Скиннер [75], У.С. Фрейм [54] и др. В целом ряде научных публикаций нашли отражение такие локальные инновационные тренды международного банкинга, как электронный аккредитив [31; 43; 44], проектное финансирование (ПФ) в рамках государственно-частного партнёрства (ГЧП) [39; 53; 57; 61; 65], СRМ – Система управления взаимоотношениями с клиентами [25; 58], банковский аутсорсинг [28; 41; 71], исламский банкинг [20; 47; 76].

Следует также отметить, что тематика развития МББ и её отдельные аспекты в разные годы, хотя и не так активно, прорабатывалась учёными-экономи-

стами и на научном пространстве постсоветских стран: А. Абалкина [1]; В. Батрименко [2]; А. Верников [3]; А. Киевич [9]; Б. Логинов [10]; И. Розинский [13]; И. Ярыгина [19] и др. Особо следует выделить исследования, посвящённые проблемам инновационного развития банковской сферы (Таблица 1).

Табл. 1. Тематика инновационного развития банковской сферы в современных исследованиях учёных-экономистов постсоветских стран Table 2. Themes of innovative development of the banking sector in modern studies of post-Soviet scientists

Тематика	Труды учёных-экономистов постсоветских стран
Понятийный аппарат инно-вационного развития банковской сферы	Викулов В.С. Инновационная деятельность кредитных организаций // Менеджмент в России и за рубежом, 2001, № 1, с. 79-89; Коросташивец М.В. Содержание финансовых инноваций в банковском деле // Банковские услуги, 2010, № 5, с. 2-9; Новоселова Е.Г. Классификация банковских инноваций для определения направлений развития банковской деятельности // Вестник Томского государственного университета, 2006, № 292, с. 153-157; Кривич Я. Поняття банківських інновацій та їх класифікація // Проблеми і перспективи розвитку банківської системи України, 2007, Випуск 22, с.104-111; Фрасинюк А.М. Сучасні підходи до класифікації банківських інновацій // Актуальні проблеми міжнародних відносин, 2009, Вип. 84, ч. ІІ. С. 324—329.
Особенности формирования инновационного потенциала банков	Котковський В.С. Інноваційність банківської діяльності. Кривий Ріг: ФОП Чернявський Д.О., 2010. 224 с.; Кох Л.В., Смольянинова Е.Н, Просалова В.С. Инновации в банковском бизнесе. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2009. 490 с.; Лєонов С., Кривич Я. Проблеми формування інноваційного потенціалу банків України // Наука й економіка, 2008, № 1, с. 253-260; Семикова П.В. Банковские инновации и новый банковский продукт // Банковские технологии, 2002, № 11, с. 42-47.
Внедрение ин- новационных банковских продуктов и технологий	Андреева А.В. Роль финансовых инноваций в развитии рынка банковских услуг // Банковские услуги, 2010, № 6, с. 31-35; Гафурова Д.И. Развитие инновационных технологий в российском банковском сек-торе. М.: Анкил, 2009. 160 с.; Замышляева К.В. Влияние технологических инноваций на развитие банковской сферы России // Финансы и кредит, 2007, № 2, с. 22-30; Рубинштейн Т.Б. Развитие банковской системы и инновационные банковские продукты (пластиковые карты). М.: Гелиос АРВ, 2002. 192 с.\
Управление инновационной деятельностью в коммерческих банках	Банковский менеджмент: учебник / под редакцией О.И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2009. 560 с.; Зверев О.А. Современные организационно-экономические инновации в банковском менеджменте // Банковские услуги, 2007, № 10, с. 2-9; Кох Л.В. Эффективность инновационной деятельности банка: теория и методология. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2008. 194 с.; Фалько С.Г., Павлов Ю.Н., Боровик И.Г. Проблемы управления инновационной деятельностью в российских коммерческих банках // Российское предпринимательство, 2000, № 9, с. 75-77.
Реализация современных инновационных стратегий банковского бизнеса	Егорычева С.Б. Инновационные стратегии развития каналов реализации банковских услуг // Банковский вестник, 2010, № 13, с. 40-45; <i>Медвідь Т.А.</i> Інноваційна основа розвитку банківського бізнесу // Зовнішня торгівля: право та економіка, 2007, №1 (30), с. 127-133; <i>Смовженко Т.С., Егорычева С.Б.</i> Инновационные стратегии зарубежных банков // Деньги и кредит, 2010, № 8, с. 51-56; <i>Хоминич И.П.</i> Инновационная стратегия банка // Банковские услуги, 1998, № 3, с. 16-21, № 4, с. 23-30.
Электронный аккредитив	Озель Д.М. Перспективи використання електронних документів при здійсненні акредитивних операцій // Стратегія розвитку України (економіка, соціологія, право), 2007, № 7. С. 10-23; <i>Масюкова Т.Д., Платонова П.С., Савинов Ю.А.</i> Электронный аккредитив и банковское платежное обязательство как альтернатива документарному аккредитиву // Российский внешнеэкономический вестник, 2015, № 11. С. 65-75.

Проектное финансирование в рамках ГЧП	Катасонов В.Ю., Морозов Д.С., Петров М.В. Проектное финансирование: мировой опыт и перспективы для России. М.: Анкил, 2001. 308 с.; Бардиш Г.О. Проектне фінансування. Київ: Алерта, 2007. 463 с.; Филиппова Л.Е. Проектное финансирование в мировой экономике: монография. Минск: Мисанта, 2009. 107 с.
CRM системы в банковской сфере	Маркетинг банковских корпораций в условиях интернационализации сферы финансовых услуг: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009; <i>Галь В.</i> CRM-системы в банковском бизнесе // RS-CLUB, 2005, октябрь-декабрь, № 4, с. 64-68.
Таможенная карта	Парфенов А.В., Смирнова Е.А. Система электронных расчетов «таможенная карта»: преимущества и перспективы развития // Российское предпринимательство, 2005, Том 6, № 2. С. 119-124; <i>Кулумбекова Т.Е.</i> Обеспечение уплаты таможенных платежей в современных условиях // Terra Economicus, 2012, Т. 10, № 4-3, с. 92-95; <i>Смирнова Е.А.</i> Логистика финансовых потоков в таможенной сфере // Налоги и финансы. 2009. № 3. С. 32-36.
Аутсорсинг банковских услуг	Банковский аутсорсинг: теоретические и практические аспекты / Под ред. Г.Н. Белоглазовой. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. 144 с.; Дроздовская Л.П., Коваленин И.В., Останин В.А., Рожков Ю.В. Аутсорсинг как форма сервисизации банковской системы России: монография. Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2015. 212 с.; Стефанович Л.И. Рынок банковского аутсорсинга: проблемы и информационная закрытость // Банковский вестник, 2016, № 8.С. 10-15; Лавров Р.В. Реализация аутсорсинговых решений в банковской среде // Фінансові дослідження, 2016, № 1. С. 43-47; Омельченко Л.С., Лактионова О.Е., Десятский С.П. Динамика и тренды развития аутсорсинговых финансовых услуг на глобальном и наднациональных рынках // Проблеми економіки, 2017, № 3. С. 262–268.
Исламский банкине	Данченко Е.А., Семенюта О.Г. Трансформация современного банковского дела на основе исламского банкинга: монография. Ростов-на-Дону: ИПК РГЭУ, 2017. 199 с.; Журавлёв А.Ю. Исламский банкинг / Научн. ред. А.О. Филоник. М.: ООО «Садра», 2017. 232 с.; Сидоров В.И., Гасим С., Гайдей Н.С. Ислам-ская финансовая система: монография. Харьков: ХНУ, 2017. 420 с.
Финансовые центры	Арыстанов А.К. Региональный финансовый центр города Алматы. Алматы: Жибек Жолы, 2010. 167 с.; Международные финансовые центры и их роль в развитии мировой экономики. Аналитический обзор. М.: Финансовый университет, 2012. 444 с.; Мойсейчик Г.И. Проблемы формирования международного финансового центра в Беларуси // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2011, № 5. С. 24-42.

Вместе с тем следует признать, что, несмотря на значительное продвижение в направлении научного исследования указанных проблем, сегодня недостаточно изученными остаются вопросы воздействия инновационных факторов на трансформацию международного банковского бизнеса и, в частности, банковского обслуживания внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Кроме того, выводы зарубежных авторов не всегда могут рассматриваться в качестве универсальных рекомендаций для банковских систем постсоветских стран, находящихся в стадии своего формирования и имеющих определенную специфику. Всё это и предопределяет актуальность темы настоящей статьи. *Целью автора* является выявление основных инновационных трендов банкинга на постсоветском пространстве, способствующих развитию МББ в контексте современных глобальных вызовов.

Новые тренды в МББ и предпосылки их возникновения

Одним из несомненных плюсов процесса финансовой глобализации является стимулирование развития инноваций в банковском секторе. Оно стано-

вится важнейшим условием достижения конкурентного преимущества коммерческих банков (КБ) на мировом финансовом рынке, где кредитные учреждения стран бывшего СССР в большинстве случаев уступают по конкурентоспособности западным. Применительно к банковскому сектору, конечным результатом инновационной деятельности является абсолютно новый или усовершенствованный банковский продукт, реализуемый на рынке, и технологический процесс, применяемый на практике. Речь идёт о создании банковского продукта (банковской технологии) с более привлекательными потребительскими свойствами по сравнению с предлагаемым ранее. Использование банковских инноваций нацелено на увеличение способности бизнеса к открытию новых направлений развития. Их основным назначением – с учётом растущей конкуренции на рынках банковских услуг – является привлечение новых и удержание существующих клиентов, что выражается, главным образом, в расширении спектра оказываемых услуг и совершенствовании технологий их оказания.

В условиях существующих ресурсных ограничений инновационная деятельность становится важнейшим инструментом, обеспечивающим конкурентоспособность национальной экономики в целом, неотъемлемой составляющей которой являются кредитные организации. Инновации имеют особое значение для повышения эффективности деятельности и обеспечения устойчивого развития КБ. В условиях усиливающейся внутренней конкуренции, наблюдаемой сегодня на банковском рынке, КБ особенно важно обладать удобными инструментами для внедрения новых и совершенствования существующих банковских продуктов, благодаря которым они смогут удерживать и улучшать достигнутую конкурентную позицию.

Таким образом, инновационная деятельность кредитных организаций и связанные с ней вопросы становятся актуальными и приоритетными и для самих банков, и для макроэкономической системы в целом.

Переход большинства постсоветских стран на инновационный путь развития сопровождается неизбежными инновационными изменениями в деятельности КБ, что проявляется в разработке современных продуктов и услуг, внедрении технологий автоматизации расчётов и сделок. Необходимо отметить, что в КБ этих стран новые банковские технологии находятся на начальной стадии их использования. Они недостаточно инициативно занимаются внедрением банковских инноваций. Новые информационные и коммуникационные технологии модернизируют банковскую сферу, коренным образом меняя облик современного банка, его инструменты, способы общения с клиентами. Активное и оперативное внедрение банковских инноваций будет способствовать повышению конкурентоспособности указанных банков, их гармоничному вхождению в международную финансовую среду.

Модель инновационного развития КБ должна охватывать все взаимосвязанные функциональные блоки их деятельности, в том числе и подблок международного бизнеса. Формирование в современных условиях новой парадигмы

МББ объективно требует активизации его инновационного компонента, что является имманентным качеством феномена развивающейся экономики. В этой связи инновационные процессы рассматриваются нами во взаимосвязи с изменениями в процессах, сопряженных с МББ. Его инновационные тренды имеют широкий спектр, причём основное внимание следует акцентировать на тех из них, которые способствуют повышению устойчивости и конкурентоспособности в условиях волатильности рыночных процессов и финансовой нестабильности.

Проведение анализа важного направления МББ – банковского обслуживания ВЭД и, в частности, одного из основных его инструментов – документарных аккредитивных операций – позволяет сформулировать предложения по такому их приоритетному инновационному тренду, как электронное представление документов по аккредитиву. В настоящее время многими банками используются информационные системы, которые упрощают процесс работы банков с клиентами и с другими банками по обмену и передаче информации (документов), обеспечивают передачу документов в электронном виде и в целом улучшают механизм документооборота. Однако в КБ постсоветских стран этот процесс зачастую тормозится из-за отсутствия программного обеспечения, полностью отвечающего требованиям банковской безопасности.

Учитывая вышеизложенное и с целью применения «Приложения к Унифицированным правилам и обычаям для документарных аккредитивов по электронному представлению документов» (eUCP), разработанных Международной торговой палатой, необходимо создание соответствующей информационной системы. В связи с этим считали бы целесообразным выделить основные препятствия и проблемы, мешающие её созданию (Таблица 1).

ВЭД неуклонно движется к общему использованию электронных документов. По нашему мнению, банки и их клиенты не могут игнорировать преимущества их использования. Так, по оценке ООН, затраты на обработку бумажной документации увеличивают стоимость товаров во внешней торговле на 5-10%. Сегодня уже существует проект ООН по введению электронных торговых документов (UNeDocs). Общая идея проекта заключается в создании единого решения для хранения данных и обеспечения управления. Дальнейшее распространение модели электронных торговых документов UNeDocs упростит процесс перехода от «бумажной» к «безбумажной» рабочей среде. Существует также ряд специализированных программ для проведения документарных операций. Однако все они отличаются друг от друга, стоят достаточно дорого и требуют технического сопровождения и получения информационно-консультационных услуг, что приводит к значительным дополнительным затратам. Поэтому лишь появление такого программного продукта, который бы учёл все требования к электронной системе, был бы удобным и доступным и обеспечивал бы беспроблемное её функционирование, позволит банкам и субъектам ВЭД рационально и эффективно сочетать информационные и финансовые ресурсы, а также

обеспечить эффективную организацию и успешное выполнение контрактов, предусматривающих расчёты по аккредитивам.

Табл. 2. Проблемные вопросы создания электронной системы для документарных аккредитивов

Table 2. Problematic issues of creating an electronic system for documentary letters of credit

Проблемный вопрос	Пояснение
Определение достоверности электронной подписи на документах, предоставляемых бенефициаром в электронном виде при проведении операций по аккредитиву, а также возможность проверки документов на соответствие его условиям.	Идентификация лица, которому принадлежит электронная подпись и которое уполномочено подписывать соответствующий документ, в целях беспроблемной расшифровки такой подписи всеми участниками аккредитивной операции.
Наличие законодательства, признающего электронные документы, электронные подписи и методики электронной идентификации, наряду с традиционным использованием в качестве документов их бумажных носителей.	Соблюдение форматов для унифицированных до- кументов (транспортных, страховых и т.д.), четко определенных международной (в некоторых слу- чаях и национальной) практикой, в целях полного восприятия их параметров электронной системой.
Обеспечение надежности и уверенности в том, что электронная система исключает возможность внесения изменений в документы, которые требуются по условиям аккредитива, неуполномоченным на это лицом, и предупреждение о неправомерных исправлениях.	Обеспечение участникам аккредитивной операции высокой степени защиты и надежности электронной системы от посягательств и проникновения в нее посторонних лиц.
Гарантия целостности документов при их передаче через электронную систему во избежание их дублирования.	Унификация формы электронных сообщений между клиентом и банком, приемлемой и удобной для обеих сторон.

В эпоху финансовой глобализации в процессе международного банковского кредитования (МБК) всё чаще применяются такие эффективные формы финансирования инвестиционных проектов, как **проектное финансирование** (ПФ) и **государственно-частное партнёрство** (ГЧП).

Предпосылки возникновения механизма ГЧП в сочетании с ПФ формировались по мере трансформации роли государства и эволюционировали под влиянием научно-технического прогресса, экономических дисбалансов, глобализации, политических курсов стран. Одним из факторов, обусловливающим развитие ГЧП в современной экономике, является «дефицит» инфраструктуры, характерный, прежде всего, для развивающихся стран, или его «износ», отмечающийся в промышленно развитых странах. Рост численности и продолжительности жизни населения, увеличение объёмов мирового производства и торговли, ускорение процесса урбанизации также способствуют возрастанию глобального дефицита инфраструктурных инвестиций. Одновременно наблюдается недостаток бюджетных ресурсов для модернизации и обслуживания находящихся в собственности государства инфраструктурных объектов, что обусловливает необходимость привлечения дополнительных источников их финансирования.

Мировая практика реализации $\Pi\Phi$ в рамках ГЧП демонстрирует эффективность сотрудничества частного сектора и государства в этом сегменте МББ. Это

обусловлено тем, что бизнес характеризуется мобильностью, быстротой принятия решений, способностью к нововведениям, использованию современных технических и технологических достижений. В свою очередь, правительство способствует реализации проектов путём проведения институциональных преобразований, а также за счёт финансово-экономических рычагов (субсидий, гарантий, других видов поддержки). Такое гармоничное взаимодополнение при осуществлении ПФ способствует эффективному решению его целевых установок [18].

Как свидетельствует зарубежный опыт, ПФ довольно часто реализуется в рамках ГЧП. Так, в Германии ПФ возникло именно в таком сочетании и в настоящее время динамично развивается [30, с. 15-16]. Особенностью регулирования ПФ в Великобритании является введенная в 1992 г. программа Private Financing Initiative («Частная финансовая инициатива») — часть существовавшей Public Private Partnership Initiative («Инициативы ГЧП»), в которой были использованы идеи проектного финансирования [30, с. 3-5; 32, с. 12; 70; 71]. В США проектное финансирование в основном представляет собой сотрудничество властей и представителей частного бизнеса, особенно в транспортной сфере страны [6; 12, с. 60]. Япония — первая из азиатских стран, которая эффективно использует механизм ГЧП наряду с введённым в 1999 г. новым законодательством о частной финансовой инициативе [17, с. 109].

Сегмент ГЧП демонстрирует лучшие результаты, чем в целом по ПФ, поскольку базовые принципы ГЧП выгодны как государству, так и частному сектору. Это обусловлено двумя основными причинами: 1) проекты ГЧП в условиях кризиса являются сравнительно стабильным активом, генерирующим в большинстве случаев предсказуемые денежные потоки и зачастую подкрепляемым гарантиями государства; 2) развитие инфраструктуры (основная сфера использования ГЧП) способствует поддержанию и стимулированию экономического роста, что делает проекты в данной области выгодными для государства.

В целом проекты, реализуемые на принципах ГЧП, характеризуются существенной экономией на издержках по сравнению с традиционными методами финансирования и значительно более высокой заинтересованностью сторон в получении результата. Преимущества в эффективности партнёрских отношений по сравнению с обычной практикой слагаются из следующих составляющих:

- экономия бюджетных средств многие ресурсоёмкие проекты не могли бы состояться ввиду ограниченности возможности финансирования из общественных источников;
- рациональное распределение рисков, позволяющее обоим партнёрам минимизировать их;
- более короткие сроки принятия управленческих решений при реализации проекта;
- повышение качества и расширение предложения инфраструктурных услуг, имеющих своим следствием, в конечном счёте, рост благосостояния народа.

Механизм финансирования ГЧП – одна из форм проектного финансирования. Современный мировой опыт подтверждает его значимость при реализации проектов в различных отраслях экономики. Заслуживает особого внимания тот факт, что начиная с 90-х гг. ХХ в. в транзитивных и развивающихся странах создано более 2 700 ГЧП, в том числе и в сфере инфраструктуры [18]. Результативность такого партнёрства особенно проявляется при реализации крупных инвестиционных проектов с инновационной направленностью.

Подчёркивая глобальный характер $\Pi\Phi$, отметим, что оно широко используется международными финансовыми организациями для финансирования крупных проектов, связанных с разработкой природных ресурсов в развивающихся странах, а также ряда проектов в восточноевропейских странах, где наблюдается дефицит капиталовложений. Они во многом способствуют развитию мировой практики применения $\Pi\Phi$, отработке его новых методов и схем, которые в будущем могут распространяться и использоваться КБ и другими частными финансово-кредитными структурами.

В условиях растущей конкуренции на рынке банковского обслуживания ВЭД удержание потенциально ценных клиентов требует оказание сервиса, соответствующего текущим потребностям их целевой группы. При реализации банком продуктов для экспортеров и импортёров можно выделить два основных подхода к Системе управления взаимоотношениями с клиентами (CRM – Customer Relationship Management)². Они включают инновационные схемы, которые можно эффективно использовать при обслуживании внешнеторговых операций, а также способы их применения в реальной работе банка, к которым относят:

– реализацию стандартных банковских продуктов в сфере обслуживания внешнеторговой деятельности. В данном случае речь идёт о реализации унифицированных и относительно безрисковых банковских продуктов, (например, таких, как экспортный или импортный аккредитив с платежом по предъявлении документов, гарантия иностранного банка в пользу бенефициара, документарное инкассо и т.д.), которые не включают в себя финансирование внешнеторговой сделки. Этот подход должен быть направлен на создание максимального удобства для клиентов при пользовании услугами банка, обеспечения близости банка к клиенту. Для этого необходимо осуществить переход от предложения стандартных услуг для всех категорий участников внешнеторговой деятельности к обеспечению обратной связи с клиентами и, затем, к адаптированию имеющегося продукта/услуги и опыта под конкретного потребителя, дифференциации услуг в зависимости от категории клиента. В свою очередь, подобная персонификация требует оценки покупательского поведения и идентификации целевых групп клиентов в зависимости от профиля риска региона, отрасли и т.д.

² Стержнем CRM является клиентоориентированный подход, а основными направлениями – меры по поддержке эффективного маркетинга, продаж и обслуживания клиентов.

– реализацию готовых решений в сфере кредитования ВЭД. В данном случае СRМ подход является средством совмещения знаний о клиентах с корпоративными знаниями и решениями, соединения понимания проблем клиентов со своими методами их решения. Примером тому может служить организация банком комплексного подхода к финансированию внешнеторговой сделки с помощью документарных операций, переход к реализации пакетов услуг (решений) для конкретной проблемы конкретного покупателя. Это укрепляет взаимодействия с покупателем, облегчает выявление новых возможностей по реализации банковских продуктов в сфере обслуживания внешней торговли. Банк должен понять потребности клиента, а затем мобилизовать свои ресурсы для решения проблемы.

В обоих случаях неотъемлемой частью СRM является, по нашему мнению, формирование единой точки зрения на клиента – участника ВЭД. Это требует создания единого информационного пространства по работе с экспортёрами и импортёрами для интеграции с другими элементами клиентоориентированной системы. Оно необходимо для поддержки продаж по всем каналам взаимодействия с корпоративными клиентами, анализа маркетинговой информации на основе имеющихся источников, а также для организации сбора, хранения и обработки информации о клиентах банка. Возможности, предоставляемые единым информационным пространством, иллюстрируются на рис. 1.

Рис 1. Возможности единого информационного пространства

Fig. 1. The possibilities of a common information space

Необходимым условием успешного функционирования клиентоориентированной модели обслуживания внешнеторговых операций является доступная и наиболее полная информация о клиенте – участнике ВЭД. Для этого нужна сегментация потребителей внешнеторговых продуктов банка по ряду признаков, среди которых могут быть доходность клиента и стабильность его работы.

При сегментации клиентов с точки зрения их доходности, например, применительно к документарному бизнесу, целесообразно определить существую-

щие сегменты клиентской базы (ими могут являться целевые группы клиентов, такие, как экспортёры химической продукции или минерального топлива, импортёры машин и оборудования из стран дальнего зарубежья и т.п.) и доходность каждого из них.

В большинстве случаев клиентоориентированная модель нацелена на длительные взаимоотношения с клиентом. С точки зрения стабильности работы клиент, регулярно потребляющий продукт (даже в небольшом количестве) в течение длительного периода времени, обычно более выгоден, чем заказчик, сделавший крупный, но случайный заказ. Этот критерий также должен учитываться при сегментации клиентской базы экспортёров/импортёров, что позволит банку определить стратегию взаимоотношений с ними.

При создании клиентоориентированной модели продаж внешнеторговых продуктов первоначальным этапом для принятия решения о целесообразности использования того или иного канала продаж является определение стадий реализации банковского продукта. В качестве примера возьмем такой банковский продукт, как «Внешнеторговые документарные операции», в подготовке и реализации которого выделяются четыре основных этапа (Рис. 2).

Рис. 2. Основные этапы подготовки и реализации банковского продукта «Внешнеторговые документарные операции»

Fig. 1. The main stages of preparation and implementation of the banking product «Foreign Trade Documentary Operations»

Необходимо подчеркнуть, что основным способом формирования заинтересованности клиента в использовании высокотехнологичных услуг банка в области обслуживания внешней торговли (II этап) является проведение с ним предконтрактной работы (в т.ч. оказание помощи клиенту в выборе защищенной формы расчётов с иностранным контрагентом, минимизации издержек по осуществлению сделки) с учётом принадлежности клиента к целевой группе и особенностей каждой конкретной сделки. Одновременно крайне важно качественное сопровождение внешнеторговой документарной операции в течение

всего её жизненного цикла (III этап). Только в том случае, если оценка клиента результатов осуществления банком внешнеторговой документарной операции превысит его первоначальные ожидания, можно с уверенностью говорить о лояльности участника ВЭД к банку. Последняя формируется также убежденностью участника ВЭД в безусловном соблюдении им всех требований валютного законодательства в рамках каждой конкретной сделки, которую контролирует банк.

В качестве важного инновационного тренда совершенствования МББ предлагается использование **принципа аутсорсинга**³, что является относительно новой формой организации и ведения бизнеса для банковских систем постсоветских стран. Здесь аутсорсинг используется преимущественно в таких областях, как бухгалтерский и налоговый учёт, аудит, маркетинг и реклама, финансовый консалтинг, и имеет широкие перспективы для развития. При этом возможны различные варианты. В частности, банки могут сами привлекать сторонних аутсорсеров (хозяйственные услуги, ІТ и пр.), передавать своим дочерним структурам часть специализированных функций (сопровождение внешнеторговых сделок и осуществление расчётов по ним, торговое финансирование), предлагать своим клиентам, а также иным кредитным учреждениям аутсорсинг по ряду операций (факторинговые услуги).

В данной связи представляется целесообразным создание в ведущих КБ, имеющих внутреннюю и зарубежную филиальную сеть, дочерней структуры – аутсорсинговой компании с выделением в качестве основного направления её деятельности обслуживания международных расчётов и операций торгового финансирования. В основу реализации нового типа финансовых услуг для КБ в качестве долгосрочной цели должен быть поставлен принцип универсальности процедур и возможности одновременного обслуживания клиентов всех дополнительных офисов, филиалов, дочерних банков и, по возможности, банковкорреспондентов. Наряду с этим, в числе главных необходимо рассматривать и следующие принципы:

- независимость деятельности дочерней структуры. Это означает, что сотрудники аутсорсингового подразделения, обслуживающего международные расчёты, будут работать только с документами, без прямого общения с клиентами. Возникающие в процессе этой деятельности вопросы будут решаться клиентским менеджером соответствующего офиса/филиала/дочернего банка, что исключит вероятность «переманивания» клиентов. Такая доверительная тактика актуальна, прежде всего, для дочерних и корреспондентских банков;
- рациональное использование трудовых ресурсов, для достижения которого требуется грамотно сформировать структуру, чётко распределить функции,

³ Аутсорсинг подразумевает передачу сторонней организации отдельных бизнес-функций или частей бизнеспроцессов, не являющихся для компании основными, бизнесобразующими, что позволяет сосредоточиться на основном виде бизнеса, снизить операционные издержки, оптимизировать численность персонала и т.д.

Ф.Ф. Муршудли ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

обязанности и зоны ответственности, определить принципы взаимозаменяемости;

- *оптимальное лимитирование времени* на каждую операцию по обслуживанию международных расчётов по внешнеторговым сделкам;
- *организация системы контроля по двум направлениям* соблюдение сроков и выявление ошибок при выполнении операций, что требует установления критериев эффективности и способов оценки работы каждого сотрудника.

Значимым инновационным трендом в рамках глобализационных вызовов является использование элементов исламского банкинга, традиционно ориентированного на реальный сектор. В настоящее время этот тип банкинга успешно развивается и приобретает высокую популярность⁴ [75, с. 31-34]. Интерес к нему обусловлен как расширением связей между рядом постсоветских республик и странами исламского мира⁵, так и тем, что во время и после глобального финансового кризиса не было случаев банкротства исламских банков.

В последние годы исламский банкинг стремительно развивался: его ежегодный рост за период 2007-2012 гг. и 2008-20013 гг. составил соответственно 19,1% и 16,9% (в 2013 г. – 16,0%)⁷. Лишь в 2014-2015 гг. наблюдалось заметное замедление этой динамики (1,4%), связанное как с макроэкономическими изменениями, так и со снижением цен на углеводородное сырьё, а также с падением обменных курсов в отдельных странах (Иран, Малайзия, Индонезия и Турция). При этом активы исламских банковских учреждений увеличились почти до 1,5 трлн долл. в 2015 г. 8 (рост по сравнению с 2007 г. – более чем втрое, с 2010 г. – около 1,7 раза)9.

Прогнозы по глобальным исламским активам существенно отличаются. Эксперты Moody's Investors Service оценивают потенциал рынка исламских финансов не менее чем в 5 трлн долл. [45]. Согласно другим оценкам, активы последних достигнут в ближайшие годы 4 трлн долл. ¹⁰. Ernst&Young прогнозирует общую сумму исламских банковских активов к 2019 г. на уровне 1,8 трлн долл. ¹¹. Начиная с 1990-х гг. деятельность исламских банков перестала ограничиваться несколькими странами Ближнего Востока. Как отмечают международные эксперты, глобализация исламского финансирования усилилась, в нём стали проявляться элементы транснационализации и тенденции взаимодействия с другими моделями банковского бизнеса. Сегодня исламский банкинг – наиболее

⁴ World Islamic Banking Competitiveness Report 2014-2015. Ernst&Young. 2014. Pp. 14-15.

⁵ В частности, для России актуальность финансового сотрудничества с развивающимися мусульманскими странами в современных условиях связана с экономическими санкциями, введенными западными государствами, и вызванным ими отсутствием надлежащего доступа к мировому рынку кредитных ресурсов.

Islamic Financial Services Industry Stability Report 2014. Kuala Lumpur: IFSB, May 2014. P. 12.

⁷ Islamic Financial Services Industry Stability Report 2015. Kuala Lumpur: IFSB, May 2015. P. 9.

⁸ По состоянию на первое полугодие 2015 года.

⁹ Best Islamic Financial Firms 2012. Global Finance. June 2012; Islamic Financial Services Industry Stability Report 2016. Kuala Lumpur: IFSB, May 2016. C. 9; Top 500 Islamic Financial Institutions // The Banker. 01 November 2011.

¹⁰ Islamic Development Bank. Annual Report 1429H – 2008. Jeddah: IDB, 03 March 2009. P. 63.

¹¹ World Islamic Banking Competitiveness Report 2014-2015. P. 24.

динамичный сегмент рынка глобальных финансов, которые в условиях мирового кризиса оказались менее подвержены финансовым катаклизмам и могут способствовать глобальной экономической стабильности¹². При этом внешняя экспансия исламских банков реализуется в условиях серьёзной конкуренции с западными транснациональными банковскими структурами¹³ [7, с. 324-332; 8, с. 94-102; 11, с. 130-134].

Наряду с изучением исламского банковского бизнеса, его основных преимуществ и недостатков, необходимо также уделять внимание наиболее распространённым моделям финансирования, преимущественно определяющим развитие банковских продуктов и услуг в исламских банках (Мудараба, Мурабаха, Мушарака и Иджара). Вместе с тем считаем, что в ближайшие годы исламский банкинг, если и будет развиваться, то преимущественно в банковских системах тех постсоветских стран, которые имеют соответствующую законодательную базу (Россия, Казахстан, Таджикистан).

Специфика инновационных процессов в МББ на постсоветском пространстве: кейс Азербайджана (практические рекомендации)

Как отмечается в [16, с. 9], экономический рост Азербайджана, наблюдавшийся в 2004-2014 гг. в результате успешных реформ в ненефтяном секторе на фоне увеличения доходов от нефти, положительно повлиял и на его банковскую систему, способствовал усилению позитивных тенденций в данной сфере. По основным количественным и качественным параметрам её развития здесь был достигнут несомненный прогресс: обеспечено наращивание капитальной базы и совокупных активов кредитных организаций, совершенствовалась их структура, повысилась суммарная величина корпоративных депозитов вкладов населения, наметился крен в сторону удлинения их сроков, повысилась доступность кредитных ресурсов и т.д. Указанные процессы сопровождались совершенствованием законодательной и институциональной баз данного сектора экономики страны.

В целом, благодаря реализованным за вышеуказанный период эффективным мерам, банковская система Азербайджана продемонстрировала в эти годы устойчивость к экономическим потрясениям на мировых рынках. Однако начавшееся со второй половины 2014 г. падение цен на нефть, на долю которой приходилось более 90% экспорта страны, оказало негативное влияние на её банковский сектор. Вызванное этим резкое сокращение существующих каналов финансирования экономики и соответствующее сужение совокупного спроса,

¹² Alexander P. (research by G. Hingel). Best prospects for Islamic finance outside core markets // The Banker. 01 November 2011; Best Islamic Financial Firms 2012 // Global Finance. June 2012; Divanna J. Islamic finance roars again // The Banker, 01 November, 2011; Hancock M. Islamic finance's growth story is only just beginning. Top 500 Islamic Financial Institutions // The Banker. 01 November 2011.

¹³ Islamic Banking Expansion into the International Markets. Beirut-Lebanon. July 31-August 1, 2008.

а также почти двукратная девальвация национальной валюты и долларизация значительно ограничили прибыльную бизнес-среду банков, привели к их низкой ликвидности. В сложившихся условиях заметно возросла потребность в инновационном развитии банковского сектора Азербайджана.

Ниже приводятся **практические рекомендации** по стимулированию данного вектора применительно к инструментарию внешнеэкономической деятельности отечественных кредитных учреждений.

В этом аспекте трудно переоценить актуальность применения ГЧП при осуществлении *банковского проектного финансирования* в республике. Частные инвестиции в такие секторы экономики, как строительство, здравоохранение, образование, являющиеся традиционными для ГЧП, остаются минимальными. Вместе с тем ограниченность бюджетных средств для финансирования данных секторов экономики свидетельствует об очевидной необходимости привлечения частных инвесторов.

Наиболее распространёнными рисками при кредитовании частных инвесторов в ГЧП, с которыми могут столкнуться азербайджанские банки при финансировании проектов в рамках ПФ, являются риски разрыва отношений со стратегическим партнёром, завершения проекта и недофинансирования, а также коммерческий, финансовый, валютный и политический риски.

В целях снижения вышеуказанных рисков при организации финансирования инвестиционных проектов посредством ГЧП в Азербайджане целесообразно предусмотреть следующие рекомендации:

- 1. Создание банками собственных финансовых групп, что предполагает пересмотр в сторону смягчения действующих в настоящее время ограничительных нормативов по участию КБ в уставных фондах юридических лиц. Это станет стимулом для банков расширять в портфеле их активов инвестиционные кредиты организациям банковской группы, которые будут включать высокотехнологические инвестиционные кредиты, подкреплённые оказанием необходимых для такого рода инвестиций информационного обеспечения, услуг в разработке и экспертизе бизнес-планов, международного лизинга, страхования. Объединение организаций различных отраслей в одном финансовом пространстве будет способствовать равномерному распределению инвестиционных рисков внутри группы.
- 2. Снижение (а в ряде случаев освобождение) ставки налога на прибыль банков при финансировании наиболее приоритетных для государства инвестиционных проектов.
- 3. Придание системообразующим азербайджанским банкам, обслуживающим государственные инвестиционные программы, статуса инвестиционных банков с соответствующими полномочиями работы на фондовом рынке, гарантиями и льготами со стороны государства.
- 4. Развитие системы мониторинга финансового положения организаций на центральном и региональном уровнях, которая будет способствовать развитию инвестиционного кредитования.

5. Стимулирование в стране синдицированного кредитования крупных проектов, а также укрепление банковского сектора путём слияний и/или поглощений.

- 6. Поддержание действующей льготы по уменьшению начисления фонда обязательных резервов на величину выданных инвестиционных кредитов, а также рассмотрение возможности поддержки в случае необходимости текущей ликвидности банка, выдавшего инвестиционный кредит по льготной процентной ставке.
- 7. Расширение практики рефинансирования КБ со стороны Центрального банка Азербайджана под залог обязательств платёжеспособных клиентов банков с позитивной кредитной историей и отсутствием просроченных долгов перед бюджетами различных уровней и контрагентами.
- 8. С целью снижения отдельных рисков (например, рисков завершения проекта, коммерческого и финансового рисков, валютных и политических рисков) можно предложить использовать различные банковские гарантии.

Интересные перспективы расширения области применения проектного финансирования открываются на основе его симбиоза с венчурным финансированием, формирующим малозатратное инновационное воспроизводство. Профинансированные высокоэффективные инновационные решения продвигаются впоследствии на рынки новых технологий и продуктов, расширяются масштабы и область их применения. В то же время внедрение таких решений не связано с инвестиционными рисками, которые устранены на стадии венчурного финансирования. Таким образом, подобные решения являются привлекательным компонентом ПФ, которое в тесной связи с венчурным становится наиболее эффективной системой финансирования инновационного воспроизводства и в будущем будет формировать прогрессивный облик экономики страны.

Современным, принципиально новым инструментом МББ в Азербайджанской Республике, как в некоторых других постсоветских странах (например, в России) являются таможенные карты. Их введение позволяет экспортёрам и импортёрам осуществлять все виды таможенных платежей по безналичному расчёту непосредственно на таможенных постах и терминалах в момент таможенного оформления, обеспечивает полную надежность проводимых транзакций, способствует упрощению процедур и повышению прозрачности в области таможенного дела. Участники ВЭД, использующие данный инструмент, имеют возможность в режиме реального времени уплачивать таможенные платежи со своего банковского счета, контролировать движение средств и исполнение платежей. С целью проведения таможенных платежей посредством банковских карт во всех таможенных органах Азербайджана ведутся работы по установке POS-терминалов. К этой системе подключены свыше 10 азербайджанских банков во главе с Международным банком Азербайджана, выступившим инициатором введения указанной услуги для участников ВЭД. В настоящее время объём платежей, осуществлённых с использованием таможенных карт, составляет

порядка 40% всех таможенных платежей, поступивших на счёт Госкомтаможни Азербайджанской Республики.

Вместе с тем надо констатировать, что таможенные карты, несмотря на их несомненные преимущества (упрощение и ускорение расчётов по таможенным платежам в момент подачи декларации, устранение задержек с растормаживанием грузов и т.д.), пока не получили должную популярность среди участников ВЭД, а динамика развития этой банковской технологии всё ещё недостаточна. Одна из основных причин сложившейся ситуации - это, прежде всего, высокие тарифы на обслуживание таможенных карт, в связи с чем ими пользуются, главным образом, фирмы, регулярно получающие от экспортёров крупные партии грузов. Кроме того, следует отметить инертность предпринимательских структур, которые не стремятся изменять традиционные взаимоотношения с таможенными органами, отсутствие возможности использовать карту как универсальное платежное средство. Отрицательными моментами в процессе активного внедрения таможенной карты являются также слабая реклама данной услуги со стороны банков и инерционность таможенных органов. Ещё одним тормозящим фактором её внедрения служит элементарная нехватка профессиональных кадров, обученных работе по данной технологии. Применяемая длительные годы (до появления таможенных карт) система единых лицевых счетов оказывается более предпочтительной и практически не требующей дополнительных финансовых вложений – в отличие от спектра возможностей, предоставляемых таможенной картой. Есть и субъективные причины недостаточного спроса на таможенные карты со стороны импортёров: недоверие к новой технологии, опасения по поводу возможных сбоев при использовании карты для уплаты таможенных платежей и несвоевременного поступления денег на счёт таможни. Устранение вышеуказанных проблем будет способствовать повышению эффективности банковского обслуживания ВЭД, созданию благоприятных условий для работы предпринимателей, обеспечит оперативность и прозрачность процесса.

Построение в Азербайджане эффективной системы международных расчётов по внешнеторговым операциям на принципах аутсорсинга – многоэтапный процесс. Он может включать, например, такие стадии как:

- 1. Внедрение программного продукта на условиях IT-аутсорсинга и создание в рамках банка структуры, уполномоченной обслуживать международные расчёты на условиях аутсорсинга бизнес-процесса.
- 2. Подключение местных филиалов банка и его дочерних структур за рубежом, а также банков-корреспондентов к обслуживанию международных расчётов посредством собственного процессинга. При этом для дочерних банков, возможно, потребуется создать дополнительный центр обработки на территории одной из зарубежных стран.

Реализация указанных принципов должна учитывать присущие операциям по международным расчётам в Азербайджане специфику проведения и со-

ответствующие правовые нормы. Предложенные меры позволят существенно уменьшить количество банковского персонала, занятого обслуживанием текущих расчётных операций по внешнеторговым сделкам, и одновременно увеличить количество обрабатываемых документов по всем видам этих расчётов.

Мощный импульс развитию инновационных трендов в МББ может, с нашей точки зрения, дать создание в Азербайджане регионального финансового центра (РФЦ), который сможет успешно конкурировать на рынке капитала и финансовых услуг в Центральной Евразии. Существует мнение, что на современном этапе важной тенденцией развития мировой экономики является стремление государств по всему миру превратить свои столицы или крупные города в конкурентоспособные международные финансовые центры [5, с. 162]. Создание РФЦ требует глубокого анализа методологии и практического опыта становления и развития существующих финансовых центров (особенно региональных и офшорных), в короткие сроки интегрировавшихся в мировые финансовые рынки. Исследование этих проблем приобретает особое значение в связи с разработанной в декабре 2016 г. долгосрочной Стратегической дорожной картой по финансовым услугам в Азербайджанской Республике, где поставлена задача обеспечения сбалансированного роста основных сегментов рынка финансовых услуг, стабильного и безопасного развития банковской системы [16].

Организация РФЦ с инновационными приоритетами предполагает повышение уровня и качества финансово-банковских услуг, увеличение капитализации банковской системы, совершенствование рынка ценных бумаг, налаживание чёткого механизма концентрации национального и привлечения иностранного капиталов для использования их в модернизации азербайджанской экономики. Темпы экономического роста страны, конкурентоспособность и устойчивость всех её секторов во многом будут обусловлены успешным решением этих задач.

Азербайджан объективно уже начал интегрироваться в мировое валютнофинансовое пространство, и проблема заключается в реализации перспективных задач по её вхождению в группу РФЦ. В этом отношении наблюдаются как обнадеживающие мнения, так и пессимистические оценки. Так, положительные моменты проявляются при сравнении ВВП Азербайджана с соответствующими показателями Армении и Грузии: по платежному балансу эта разница составляет 4-5 раз, а по банковскому капиталу сложилось примерное равновесие. В Азербайджане инфляция находится на контролируемом уровне, устойчиво растёт удельный вес финансовой деятельности в производстве ВВП, последовательно формируются и осваиваются современные банковские, коммуникационные и информационные инфраструктуры и технологии, активно осуществляет свою деятельность Бакинская межбанковская валютная биржа. Пессимизм во мнениях связан с волатильностью национальной денежной единицы, ослаблением устойчивости финансово-банковской системы страны и её позиций в международных рейтингах, ощутимым недостатком современного менеджмента, слабым развитием фондового рынка и её инфраструктуры. Ослабление потенциала республики в плане организации РФЦ может быть обусловлено и фактом фактически полного устранения благоприятных зачатков перспектив развития исламского банкинга на базе Международного банка Азербайджана, складывавшихся в республике до середины 2015 г.

Развитие РФЦ должно быть направлено на стимулирование стабильного экономического роста, расширение инновационного и инвестиционного потенциала финансово-банковского сегментов азербайджанской экономики, преодоление имеющихся здесь противоречий. Его формирование – важный фактор повышения эффективности участия страны в международных валютно-кредитных отношениях, являющихся одним из компонентов МББ. Это будет способствовать большей прогнозируемости курса национальной валюты, снижению издержек при проведении валютных операций, повышению доступности к более «дешёвым» кредитам, использованию инновационных банковских инструментов для выбора оптимальных путей достижения внешнеэкономических целей, а также дальнейшему снижению уровня долларизации денежно-финансовой системы Азербайджана и оптимизации его внешнего долга.

Рассмотрение вышеперечисленных трендов МББ вместе с анализом их ключевых характеристик и преимуществ позволяет сделать вывод, что внедрение этих инновационных форм организации банковского сервиса, продуктов, услуг и технологий направлено на обеспечение конкурентоспособности КБ постсоветских стран в международном финансовом пространстве, прибыльности бизнеса и удовлетворение широкого пласта рыночных потребностей. Речь в данном случае идёт о совокупности инновационных сдвигов (как эндогенных, так и экзогенных), обеспечивающих выход бизнеса банков за пределы национальной экономики и его дальнейшее развитие на основе формирования адекватной условиям внешней среды их конкурентной позиции. Комплексный подход к процессу внедрения банковских инноваций в международную деятельность банков является важным, как в теоретическом, так и практическом плане.

Очевидно, что дальнейшее усиление инновационных трендов МББ будет способствовать повышению конкурентоспособности национальных банков постсоветских стран на внешних рынках, повышению устойчивости их банковских систем и экономики в условиях глобальной финансовой нестабильности. Важная роль при этом отводится как менеджменту, принимающему управленческие решения в банковской сфере, так и учёным-экономистам, занимающимся исследованием актуальных проблем её развития в контексте мировых трансформационных процессов.

Список литературы

- 1. Абалкина А.А. Экспансия российских банков за рубеж: эмпирический анализ. Москва: ИЭ РАН, 2016. 30 с.
- Батрименко В.В. Експансія транснаціональних банків у нових ринкових економіках: Монографія. Київ: ВПЦ

- «Київський університет», 2011. 570 с.
- 3. Верников А.В. Иностранные банки в переходной экономике: сравнительный анализ. Москва: ИМЭПИ РАН, 2005. 304 с.
- Дериг Х.-У. Универсальный банк банк будущего. Финансовые стратегии на рубеже века: Пер. с нем. Москва: Международные отношения, 1999. 384 с.
- Долгова А.Ю. «Международный финансовый центр» и «глобальный город»: взаимосвязь понятий // Вестник МГИМО. 2017. № 1 (52). С. 162-172.
- Ефимова Л.И. Некоторые модели государственно-частных партнерств: тенденции и зарубежный опыт. URL: http://www.eatc.ru/ rus/doc.id_71.book_1.php (дата обращения: 26.08.2015).
- Исламские финансовые институты в мировой финансовой архитектуре / Под ред. К.В. Кочмола. Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2007. 368 с.
- 8. Исламский рынок банковских услуг: сущность, развитие, опыт / Н.П. Никитенко и др. Минск: Беларуская навука, 2009. 142 с.
- Киевич А.В. Международный банковский бизнес: функциональный и регулятивный аспекты: Монография. Санкт-Петербург: Издательство Инфо-да, 2011. 133 с.
- Логинов Б.Б. Международный банковский бизнес. Москва: Юрайт, 2016. 179 с.
- Павлов В.В. Исламские банки в исламском финансовом праве. Москва: Анкил, 2003. 256 с.
- Плотникова Е.Б. Проблемы институционализации частно-государственного партнерства: западный опыт и российские особенности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 60-71.
- Розинский И.А. Иностранные банки и национальная экономика. М.: Экономика, 2009.
   384 с.
- Роуз П. Банковский менеджмент. Предоставление банковских услуг / пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1995. 768 с.
- Синки Дж. Финансовый менеджмент в коммерческом банке и в индустрии финансовых услуг / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 1018 с.
- Стратегическая Дорожная Карта по финансовым услугам в Азербайджанской Республике. Утверждена Указом Президента Азербайджанской Республики от 06.12.2016 года. Баку, 2016. 59 с.
- Судас Л.Г., Бобылева А.З., Львова О.А. Зарубежный опыт проектного финансирова-

- ния в сфере энергетики // Государственное управление. Электронный вестник, 2011, Вып. 29. С. 97-116. URL: http://ejounal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_29._dekabr_2011_g./problemi_upravle-nija_teorija_i_praktika/sudas_bobyleva_lvova.pdf. (дата обращения: 26.04.2016).
- Филиппова Л.Е. Государственно-частное партнерство в мировой экономике: монография. Минск: Мисанта, 2012. [Электронный ресурс] 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Ярыгина И.З. Международный банковский бизнес в условиях глобализации: Монография. LAP Lamber Academic Publishing, 2016. 256 с.
- Addawe S.A. What are the impacts of the global financial crisis on Islamic banking system and how Islamic bank spared from the crisis? Helsinki: Aalto University - School of Economics. Winter 2012. 87 p.
- Aliber R.Z. International Banking: Growth and Regulation // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 35 p.
- Aliber R.Z. Towards a Theory of International Banking // Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Review. 1976. Pp. 5-8.
- Allen F., Beck T., Carletti E. Cross-border Banking in Europe: Implications for Financial Stability and Macroeconomic Policies. London: Centre for Economic Policy Research, 2011. 119 p.
- Altmann T.C. Cross-border banking in Central and Eastern Europe. Issues and implications for supervisory and regulatory organization on the European level. University of Wharton, Working Paper 61, 2006. 134 p.
- Anbuoli P., Thiruvenkatraj T.R. A Study on Customer Relationship Management in Banks // International Research Journal of Business and Management. 2013. Vol. VI. Pp. 1-10.
- Ayadi R., Pujals G. Banking Mergers and Acquisitions in the EU: Overview, Assessment and Prospects. Vienna: SUERF, 2005. 96 p.
- Baker J.C., Bradford M.G. American Banks Abroad: Edge Act Companies and Multinational Banking. New York: Praeger Publishers, 1974. xiv, 182 p.
- Barthélémy J. Stratégies d'externalisation: Préparer, décider et mettre en oeuvre l'externalisation d'activités stratégiques. 3e ed. Paris: Dunod, 2007. 216 p.
- Battilossi S. Financial Innovation and the Golden Ages of International Banking // Financial History Review. 2000. No. 7. Pp. 141-175.
- Beckers T., Gehrt J., Klatt J.P. Evaluation of Private Financing Structures in Public-Private

Ф.Ф. Муршудли ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Partnerships // WIP Working Paper. No. 2010-04. Berlin: Berlin Institute of Technology, 2010. 22 p.

- 31. Bergami R. eUCP: A Revolution in International Trade? // The Vindobona Journal of International Trade Law and Arbitration. 2004. Vol. 8. No. 1. Pp. 23-36.
- 32. Blanc-Brude F., Strange R. Risk-Pricing and the Cost of Debt in Public-Private Partnerships: Evidence from the Syndicated Loan Market // Research Papers. No. 45. London: Department of Management. King's College London, 2008. 35 p.
- Boot A., Thakor A. Banking Scope and Financial Innovation // Review of Financial Studies. 1997. No. 10. Pp. 1099-1131.
- Bouchet M.H., Islam A. Transnational Banks and The External Indebtedness of Developing Countries: Impact of Regulatory Changes. ST/ CTC/SER.A/22. UN: New York, 1992. 48 p.
- Brimmer A.F., Dahl F.R. Growth of American International Banking: Implications for Public Policy // Journal of Finance. 1975. No. 30(2). Pp. 341–63.
- Calzolari G., Colliard J.-E., Loranth G. Multinational Banks and Supranational Supervision. CEPR Discussion Paper 11326, June 2016. 56 p.
- Calzolari G., Loranth G. Regulation of Multinational Banks: A Theoretical Inquiry. European Central Bank. Working paper series. No. 431, January 2005. 39 p.
- 38. Cardenas J., Graf J.P., O'Dogherty P. Foreign banks entry in emerging market economies: a host country perspective. CGFS Working Group on FDI in the financial sector, 2003. 29 p.
- Chan-Lau J.A., Kelhoffer K., Zhang J. Long-Run Economic Growth: Does Project Finance Matter? Moody's Analytics. July 2016. 22 p.
- 40. Claessens S., Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. How Does Foreign Entry Affect the Domestic Banking Market? // Policy Research Working Papers. The World Bank, Development Research Group. May 1998. 30 p.
- 41. Clements S., Donelan M., Read C. CFO Insights: Achieving High Performance Through Finance Business Process Outsourcing. Chichester: John Wiley & Sons Ltd., 2004. 328 p.
- 42. Coulbeck N.S. The Multinational Banking Industry. London: Croom Helm, 1984. xvii, 384 p.
- Cronican W.P. Buyer Beware: Electronic Letters of Credit and the Need for Default Rules // McGeorge Law Review. 2013. Vol. 45. Pp. 389-405
- 44. Davidson A. Electronic Records in Letters of

- Credit. 2011. 15 p. URL: https://www.uncitral. org/pdf/english/colloquia/EC/UNCITRAL-paper_Feb2011-Alan-Davidson.pdf (дата обращения: 26.09.2017).
- Derivatives in Islamic Finance: Examining the Role of Innovation in the Industry. Moody's Global Credit Research. 04.04.2010. 18 p.
- Dermine J. The Economics of Bank Mergers in the European Union, a Review of the Public Policy Issues. // INSEAD Working Paper 99/35. 1999. 52 p.
- DiVanna J.A. Understanding Islamic Banking: The Value Proposition That Transcends Cultures. London: Leonardo and Francis Press Ltd., 2006. 192 p.
- 48. Drucker P.F. Innovation and entreprenership: Practice and principles. London: Pan Books, 1986. 277 p.
- 49. Edwards F.R. International Banking: An Overview // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 110 p.
- Faia E., Ottaviano G.I.P., Sanchez I. International Expansion and Riskiness of Banks. CEPR Discussion Paper No. DP11951. Apr 2017. 68 p.
- Felsenfeld C. International Banking Regulation. Huntington: Juris Publishing Inc., 2007. 430 p.
- 52. Finel-Honigman I., Sotelino F.B. International Banking for a New Century. London & New York: Routledge, 2015. xi. 268 p.
- 53. Finnerty J.D. Project Financing: Asset-Based Financial Engineering. 2nd edition. Hoboken: John Wiley & Sons Inc., May 2007. 496 p.
- 54. Frame W.S., White L.J. Technological Change, Financial Innovation, and Diffusion in Banking. NYU Working Paper. No. 2451/33549. 16.01.2014. 37 p.
- 55. Frankel A.F. The Lender of Last Resort Facility in the Context of Multinational Banking // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 29 p.
- 56. Fung J.G., Bain E.A., Onto J.G., Harper I.R. A decade of internationalization: the experience of an Australian retail bank // Journal of International Financial Markets, Institutions and Money. 2002. Vol. 12. Pp. 399-417.
- 57. Gatti S. Project Finance in Theory and Practice: Designing, Structuring, and Financing Private and Public Projects. Burlington, MA: Academic Press/Elsevier, 2008. 440 p.
- Gayathry S. Customer Relationship Management Model for Banks // Journal of Internet Banking and Commerce. 2016. Vol. 21. Iss. S5. 12 p.
- Grubel H.G. A theory of multinational banking // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1977. Vol. 123. Pp. 349-363.

- 60. Hermes N., Lensink R. The impact of foreign bank entry on domestic banking markets: A note. Research Report 01E62, University of Groningen, Research Institute SOM (Systems, Organisations and Management). 2001. 21 p.
- 61. Hoffman S.L. The Law and Business of International Project Finance: A Resource for Governments, Sponsors, Lenders, Lawyers, and Project Participants. 3rd ed. New York: Cambridge University Press, 22.10.2007. 524 p.
- 62. Hutton H.R. The Regulation of Foreign Banks A European Viewpoint // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 189 p.
- 63. International Banking in the New Era: Postcrisis Challenges and Opportunities. Ed. by S.-J. Kim, M.D. McKenzie. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2010. 485 p.
- Johnston R.A. Proposals for Federal Control of Foreign Bank // Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Review, 1976. Pp. 32-39.
- 65. Kleimeier S., Versteeg R. Project Finance as a Driver of Economic Growth in Low-Income Countries. Research Memoranda Oil, Maastricht: METEOR, Maastricht Research School of Economics of Technology and Organization. 13.02.2009. 45 p.
- 66. Klopstock F. Foreign Banks in the United States: Scope and Growth of Operations // Monthly Review of Federal Reserve Bank of New York. June 1973. Pp. 140-154.
- Lees F.A. International Banking and Finance. London: Macmillan, 1974. 419 p. DOI: 10.1007/978-1-349-02148-2

- 68. McCauley R., McGuire P., Von Peter G. The architecture of global banking: from international to multinational? // BIS Quarterly Review. Basel, March 2010. Pp. 25-37.
- 69. Molyneux, Ph. Regulation and financial innovation trends in European banking and the impact on the supply and demand for financial services in Europe // ECB Working Paper. 2002. No. 03. 16 p.
- Navaretti G.B., Calzolari G., Pozzolo A.F., Levi M. Multinational Banking in Europe: Financial Stability and Regulatory Implications: Lessons from the Financial Crisis. Centro Studi Luca d'Agliano Development Studies Working Paper. No. 292. 06.04.2011. 44 p.
- Outsourcing in Financial Services. Basel Committee on Banking Supervision / Bank for International Settlements. February 2005. 22 p.
- Perkins J.H. The Regulation of Foreign Banking in the United States // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 145 p.
- Robinson S.W.Jr. Multinational Banking. Leiden: A.W. Sijthoff, 1972. 200 p.
- Ruckdeschel F.B. Risk in Foreign and Domestic Lending Activities of U.S. Banks // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 68 p.
- Skinner C. The Future of Banking in a Globalised World. Chichester: John Wiley & Sons, 2007. 210 p.
- Warde I. Islamic Finance in the Global Economy.
   2nd Edition. Edinburgh: Edinburgh University
   Press, 2010. 288 p.

Об авторе:

Муршудли Фахри Фуад оглы – к.э.н, докторант кафедры «Финансы и финансовые институты» Азербайджанского государственного экономического университета. AZ1001, Азербайджан, Баку, ул. Истиглалият, 6. E-mail: fahri_murshudli@yahoo.com.

INNOVATIVE TRENDS OF INTERNATIONAL BANKING BUSINESS (CASE OF AZERBAIJAN)

Fahri F. Murshudli DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-186-212

Azerbaijan State University of Economics

Ф.Ф. Муршудли ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Development of the international banking business, the formation of its new paradigm in the context of globalization of the financial system and the intensification of global economic relations in recent years requires the innovative component. The combination of innovations, financial and external economic environment is one of the most important factors that characterize the phenomenon of the "new economy". Therefore, innovative processes should be considered in conjunction with the changes of the processes connected with the foreign trade banking.

The article gives a brief overview of the scientific literature on the international banking business and its innovative trends. Prerequisites are disclosed, direction and purpose of banking innovations, the area of their implementation and multi-vector forms of manifestation, reveals problems of innovative development of the international banking business, identifies potential paths of their solutions. The necessity of implementation of the innovative methods and instruments of bank service of foreign economic activity is justified and measures for their introduction in this process are offered.

A wide spectrum of innovative trends of international banking business is defined as internal competitive environment, and external vectors. The author draws the attention to the contribution of the improvement of the sustainability and competitiveness of the business in terms of volatility of market processes. In the article on the example of the Republic of Azerbaijan presents practical recommendations on the development of innovative technologies in the banking system, the implementation of main tasks in this area, which are aimed to the development of effective management decisions on innovative international banking business in the foreseeable short and medium term.

Key words: international banking business, financial globalization, innovative trends, bank innovation, banking services of foreign economic activities.

References

- Abalkina A.A. Jekspansija rossijskih bankov za rubezh: jempiricheskij analiz. Moskva: IJe RAN, 2016. 30 s.
- Batrimenko V.V. Ekspansija transnacional'nih bankiv u novih rinkovih ekonomikah: Monografija. Kiïv: VPC «Kiïvs'kij universitet», 2011. 570 s.
- Vernikov A.V. Inostrannye banki v perehodnoj jekonomike: sravnitel'nyj analiz. Moskva: IMJePI RAN, 2005. 304 s.
- Derig H.-U. Universal'nyj bank bank budushhego. Finansovye strategii na rubezhe veka: Per. s nem. Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999. 384 s.
- Dolgova A.Ju. «Mezhdunarodnyj finansovyj centr» i «global'nyj gorod»: vzaimosvjaz' ponjatij // Vestnik MGIMO. 2017. № 1 (52). S. 162-172.
- 6. Efimova L.I. Nekotorye modeli gosudarstvenno-chastnyh partnerstv: tendencii i zarubezhnyj opyt. URL: http://www.eatc.ru/rus/doc.id_71.book_1.php (data obrashhenija: 26.08.2015).
- 7. Islamskie finansovye instituty v mirovoj finansovoj arhitekture / Pod red. K.V.

- Kochmola. Rostov-na-Donu: RGJeU «RINH», 2007. 368 s.
- Islamskij rynok bankovskih uslug: sushhnosť, razvitie, opyt / N.P. Nikitenko i dr. Minsk: Belaruskaja navuka, 2009. 142 s.
- Kievich A.V. Mezhdunarodnyj bankovskij biznes: funkcional'nyj i reguljativnyj aspekty: Monografija. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Info-da, 2011. 133 s.
- 10. Loginov B.B. Mezhdunarodnyj bankovskij biznes. Moskva: Jurajt, 2016. 179 s.
- Pavlov V.V. Islamskie banki v islamskom finansovom prave. Moskva: Ankil, 2003.
   256 c.
- 12. Plotnikova E.B. Problemy institucionalizacii chastno-gosudarstvennogo partnerstva: zapadnyj opyt i rossijskie osobennosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2011. № 1 (13). C. 60-71.
- Rozinskij I.A. Inostrannye banki i nacional'naja jekonomika. M.: Jekonomika, 2009. 384 s.
- 14. Rouz P. Bankovskij menedzhment. Predostavlenie bankovskih uslug / per. s

- angl. M.: Delo LTD, 1995. 768 s.
- Sinki Dzh. Finansovyj menedzhment v kommercheskom banke i v industrii finansovyh uslug / per. s angl. M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 1018 s.
- Strategicheskaja Dorozhnaja Karta po finansovym uslugam v Azerbajdzhanskoj Respublike. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 06.12.2016 goda. Baku, 2016. 59 s.
- Sudas L.G., Bobyleva A.Z., L'vova O.A. Zarubezhnyj opyt proektnogo finansirovanija v sfere jenergetiki // Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik, 2011, Vyp. 29. S. 97-116. URL: http://ejounal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/ vipusk_29._dekabr_2011_g./problemi_ upravle-nija_teorija_i_praktika/sudas_ bobyleva_lvova.pdf. (data obrashhenija: 26.04.2016).
- Filippova L.E. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v mirovoj jekonomike: monografija. Minsk: Misanta, 2012. [Jelektronnyj resurs] 1 jelektron. opt. disk (CD-ROM).
- 19. Jarygina I.Z. Mezhdunarodnyj bankovskij biznes v uslovijah globalizacii: Monografija. LAP Lamber Academic Publishing, 2016. 256 s.
- Addawe S.A. What are the impacts of the global financial crisis on Islamic banking system and how Islamic bank spared from the crisis? Helsinki: Aalto University - School of Economics. Winter 2012. 87 p.
- 21. Aliber R.Z. International Banking: Growth and Regulation // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 35 p.
- Aliber R.Z. Towards a Theory of International Banking // Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Review. 1976. Pp. 5-8.
- Allen F., Beck T., Carletti E. Cross-border Banking in Europe: Implications for Financial Stability and Macroeconomic Policies. London: Centre for Economic Policy Research, 2011. 119 p.
- 24. Altmann T.C. Cross-border banking in Central and Eastern Europe. Issues and implications for supervisory and regulatory organization on the European level. University of Wharton, Working Paper 61, 2006. 134 p.
- 25. Anbuoli P., Thiruvenkatraj T.R. A Study

- on Customer Relationship Management in Banks // International Research Journal of Business and Management. 2013. Vol. VI. Pp. 1-10.
- Ayadi R., Pujals G. Banking Mergers and Acquisitions in the EU: Overview, Assessment and Prospects. Vienna: SUERF, 2005. 96 p.
- Baker J.C., Bradford M.G. American Banks Abroad: Edge Act Companies and Multinational Banking. New York: Praeger Publishers, 1974. xiv, 182 p.
- Barthélémy J. Stratégies d'externalisation: Préparer, décider et mettre en oeuvre l'externalisation d'activités stratégiques. 3e ed. Paris: Dunod, 2007. 216 p.
- Battilossi S. Financial Innovation and the Golden Ages of International Banking // Financial History Review. 2000. No. 7. Pp. 141-175
- Beckers T., Gehrt J., Klatt J.P. Evaluation of Private Financing Structures in Public-Private Partnerships // WIP Working Paper. No. 2010-04. Berlin: Berlin Institute of Technology, 2010. 22 p.
- 31. Bergami R. eUCP: A Revolution in International Trade? // The Vindobona Journal of International Trade Law and Arbitration. 2004. Vol. 8. No. 1. Pp. 23-36.
- Blanc-Brude F., Strange R. Risk-Pricing and the Cost of Debt in Public-Private Partnerships: Evidence from the Syndicated Loan Market // Research Papers. No. 45. London: Department of Management. King's College London, 2008. 35 p.
- Boot A., Thakor A. Banking Scope and Financial Innovation // Review of Financial Studies. 1997. No. 10. Pp. 1099-1131.
- 34. Bouchet M.H., Islam A. Transnational Banks and The External Indebtedness of Developing Countries: Impact of Regulatory Changes. ST/CTC/SER.A/22. UN: New York, 1992. 48 p.
- Brimmer A.F., Dahl F.R. Growth of American International Banking: Implications for Public Policy // Journal of Finance. 1975. No. 30(2). Pp. 341–63.
- Calzolari G., Colliard J.-E., Loranth G. Multinational Banks and Supranational Supervision. CEPR Discussion Paper 11326, June 2016. 56 p.
- 37. Calzolari G., Loranth G. Regulation of Multinational Banks: A Theoretical In-

Ф.Ф. Муршудли ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

quiry. European Central Bank. Working paper series. No. 431, January 2005. 39 p.

- Cardenas J., Graf J.P., O'Dogherty P. Foreign banks entry in emerging market economies: a host country perspective. CGFS Working Group on FDI in the financial sector, 2003. 29 p.
- Chan-Lau J.A., Kelhoffer K., Zhang J. Long-Run Economic Growth: Does Project Finance Matter? Moody's Analytics. July 2016. 22 p.
- Claessens S., Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. How Does Foreign Entry Affect the Domestic Banking Market? // Policy Research Working Papers. The World Bank, Development Research Group. May 1998.
   30 p.
- Clements S., Donelan M., Read C. CFO Insights: Achieving High Performance Through Finance Business Process Outsourcing. Chichester: John Wiley & Sons Ltd., 2004. 328 p.
- Coulbeck N.S. The Multinational Banking Industry. London: Croom Helm, 1984. xvii, 384 p.
- Cronican W.P. Buyer Beware: Electronic Letters of Credit and the Need for Default Rules // McGeorge Law Review. 2013. Vol. 45. Pp. 389-405.
- Davidson A. Electronic Records in Letters of Credit. 2011. 15 p. URL: https://www.uncitral.org/pdf/english/colloquia/EC/UNCITRAL-paper_Feb2011-Alan-Davidson.pdf (data obrashhenija: 26.09.2017).
- Derivatives in Islamic Finance: Examining the Role of Innovation in the Industry. Moody's Global Credit Research. 04.04.2010. 18 r.
- Dermine J. The Economics of Bank Mergers in the European Union, a Review of the Public Policy Issues. // INSEAD Working Paper 99/35. 1999. 52 p.
- 47. DiVanna J.A. Understanding Islamic Banking: The Value Proposition That Transcends Cultures. London: Leonardo and Francis Press Ltd., 2006. 192 p.
- Drucker P.F. Innovation and entreprenership: Practice and principles. London: Pan Books, 1986. 277 r.
- Edwards F.R. International Banking: An Overview // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 110 p.

- Faia E., Ottaviano G.I.P., Sanchez I. International Expansion and Riskiness of Banks. CEPR Discussion Paper No. DP11951. Apr 2017. 68 p.
- Felsenfeld C. International Banking Regulation. Huntington: Juris Publishing Inc., 2007. 430 p.
- Finel-Honigman I., Sotelino F.B. International Banking for a New Century. London & New York: Routledge, 2015. Xi. 268 p. 53.
- Finnerty J.D. Project Financing: Asset-Based Financial Engineering. 2nd edition. Hoboken: John Wiley & Sons Inc., May 2007. 496 r.
- Frame W.S., White L.J. Technological Change, Financial Innovation, and Diffusion in Banking. NYU Working Paper. No. 2451/33549. 16.01.2014. 37 p.
- 55. Frankel A.F. The Lender of Last Resort Facility in the Context of Multinational Banking // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 29 p.
- Fung J.G., Bain E.A., Onto J.G., Harper I.R. A decade of internationalization: the experience of an Australian retail bank // Journal of International Financial Markets, Institutions and Money. 2002. Vol. 12. Pp. 399-417.
- 57. Gatti S. Project Finance in Theory and Practice: Designing, Structuring, and Financing Private and Public Projects. Burlington, MA: Academic Press/Elsevier, 2008. 440 p.
- Gayathry S. Customer Relationship Management Model for Banks // Journal of Internet Banking and Commerce. 2016. Vol. 21. Iss. S5. 12 p.
- Grubel H.G. A theory of multinational banking // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1977. Vol. 123. Pp. 349-363.
- 60. Hermes N., Lensink R. The impact of foreign bank entry on domestic banking markets: A note. Research Report 01E62, University of Groningen, Research Institute SOM (Systems, Organisations and Management). 2001. 21 p.
- Hoffman S.L. The Law and Business of International Project Finance: A Resource for Governments, Sponsors, Lenders, Lawyers, and Project Participants. 3rd ed. New York: Cambridge University Press,

- 22.10.2007. 524 r.
- 62. Hutton H.R. The Regulation of Foreign Banks – A European Viewpoint // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 189 p.
- 63. International Banking in the New Era: Post-crisis Challenges and Opportunities. Ed. by S.-J. Kim, M.D. McKenzie. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2010. 485 p.
- Johnston R.A. Proposals for Federal Control of Foreign Bank // Federal Reserve
  Bank of San Francisco Economic Review.
  1976. Pp. 32-39.
- 65. Kleimeier S., Versteeg R. Project Finance as a Driver of Economic Growth in Low-Income Countries. Research Memoranda Oil, Maastricht: METEOR, Maastricht Research School of Economics of Technology and Organization. 13.02.2009. 45 p.
- 66. Klopstock F. Foreign Banks in the United States: Scope and Growth of Operations // Monthly Review of Federal Reserve Bank of New York, June 1973, Pp. 140-154.
- 67. Lees F.A. International Banking and Finance. London: Macmillan, 1974. 419 p. DOI: 10.1007/978-1-349-02148-2
- McCauley R., McGuire P., Von Peter G.
   The architecture of global banking: from international to multinational? // BIS Quarterly Review. Basel, March 2010. Pp. 25-37.

- Molyneux, Ph. Regulation and financial innovation trends in European banking and the impact on the supply and demand for financial services in Europe // ECB Working Paper. 2002. No. 03. 16 p.
- Navaretti G.B., Calzolari G., Pozzolo A.F., Levi M. Multinational Banking in Europe: Financial Stability and Regulatory Implications: Lessons from the Financial Crisis. Centro Studi Luca d'Agliano Development Studies Working Paper. No. 292. 06.04.2011. 44 p.
- Outsourcing in Financial Services. Basel Committee on Banking Supervision / Bank for International Settlements. February 2005. 22 p.
- 72. Perkins J.H. The Regulation of Foreign Banking in the United States // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 145 p.
- 73. Robinson S.W.Jr. Multinational Banking. Leiden: A.W. Sijthoff, 1972. 200 p.
- Ruckdeschel F.B. Risk in Foreign and Domestic Lending Activities of U.S. Banks // Columbia Journal of World Business, Winter 1975. 68 p.
- Skinner C. The Future of Banking In a Globalised World. Chichester: John Wiley & Sons, 2007. 210 p.
- Warde I. Islamic Finance in the Global Economy. 2nd Edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 288 p.

About the author:

Fahri F. Murshudli – Ph.D. in Economics, doctoral student of the Chair for «Finance and Financial Institutions», Azerbaijan State University of Economics, Azerbaijan, AZ1001, Baku, Istiglaliyat Street, 6. E-mail: fahri_murshudli@yahoo.com.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РАЗВИТЫХ ЭКОНОМИК (США, КАНАДА И АВСТРАЛИЯ)

А.Н. Захаров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье раскрываются важнейшие аспекты реиндустриализации мировой экономики, проводится сравнительный анализ стратегий реиндустриализации США, Канады, Австралии. Рассматривается взаимосвязь мирового тренда – перехода к цифровой экономике и процессов реиндустриализации в рамках Четвёртой промышленной революции. На основе сопоставления и анализа экспертных оценок, статистических данных по отраслям промышленного производства США и Канады показывается, что безусловным преимуществом Канады при проведении реиндустриализации экономики является высококвалифицированная рабочая сила, специалисты со средним образованием. Исследованием подтверждается тот факт, что в условиях реиндустриализации на пороге Четвёртой промышленной революции наличие высококвалифицированной рабочей силы является необходимым условием конкурентоспособности государства. Российская Федерация сталкивается с ситуацией, когда проведение реиндустриализации осложняется неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктурой (политикой санкций в отношении России). Выявлено, что для РФ реиндустриализация экономики должна сочетать активную модернизацию существующих производственных мощностей, при формировании новых отраслей промышленности на основе обращения к технологиям шестого технологического уклада. Сравнительный анализ показал, что в этих условиях драйверами новой индустриализации должны стать наукоёмкие отрасли промышленности, в которых сосредоточены новейшие технологии и наибольшее число высококвалифицированных кадров.

Ключевые слова: реиндустриализация, устойчивое развитие, конкурентоспособность, технологическая готовность, Промышленность 4.0, программа цифровой экономики, доля инновационной продукции, технологический уклад, производство, решоринг, занятость, экспорт, импорт, производственные цепочки, США, Австралия, Канада, Российская Федерация.

JEL L5 УДК 339.97 Поступила в редакцию 10.12.2017 г. Принята к публикации 10.02.2018 г. Research Article A.N. Zakharov

XX в. ведущие страны мира завершили переход к постиндустриальной модели развития [5]. В результате главным направлением изменения отраслевой структуры мировой экономики стал опережающий рост сферы услуг (третичного сектора) [19]. Затем этот процесс охватил также менее развитые страны. Одновременно произошло снижение удельного веса вторичного сектора (промышленность и строительство) и первичного (сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство). Сформировавшаяся структура мирового ВВП [7] выглядит следующим образом: сфера услуг — около 70%, промышленность и строительство — 27%, сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство — 2%. Мировые трансформационные процессы, спровоцированные кризисом постиндустриальной модели развития и продолжительным доминированием виртуальной экономики, повышают актуальность исследования и поиска стратегий перехода к новой модели экономики, ориентированной на реальный сектор. Перезапуск роста экономики планируется осуществить за счёт «новой индустриализации» (реиндустриализации) [3], основанной на базе научно-технических достижений шестого технологического уклада.

Как отметил президент России В.В. Путин в своём выступлении на Петербургском международном экономическом форуме¹: «Ведущие страны мира ищут источники роста, и ищут в использовании, в капитализации колоссального технологического потенциала, который уже имеется и продолжает формироваться, прежде всего, в цифровых и промышленных технологиях, робототехнике, энергетике, биотехнологиях и медицине, в других сферах. Открытия в этих областях способны привести к настоящей технологической революции, к взрывному росту производительности труда. Это уже происходит и неизбежно произойдёт: неизбежно произойдёт реструктуризация целых отраслей, обесценятся многие производства и активы, изменится спрос на профессии и компетенции, обострится и конкуренция, как на традиционных, так и на формирующихся рынках».

Под реиндустриализацией развитые страны мира понимают реализацию политики, способной изменить тенденцию спада в реальном секторе национальных экономик государств, в координации с решением проблемы занятости населения за счёт инновационного переоснащения производств, оптимизации производственных цепочек. Программы реиндустриализации в первую очередь затрагивают те отрасли, которые испытывают наиболее сильную конкуренцию с импортными товарами. В процессе поиска точек роста экономики происходит не только возвращение производств в развитые страны, восстановление промышленной активности на инновационной основе, но и формирование новых отраслей промышленности.

¹ Стенограмма выступления президента Российской Федерации В.В. Путина на ПМЭФ-2016. URL: https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html (дата обращения: 20.06.2017)

Прогнозы об успехе программ индустриализации [21] нередко основываются на оценках того, насколько эффективно странам удастся применить западные модели к своим экономикам. При этом особенности национальных экономик отходят на второй план. Часто прогнозы об успешности стратегий индустриализации сводятся к анализу количества отраслей промышленности, подвергающихся трансформации. Проблема также заключается в том, что распространённое сегодня восприятие процесса индустриализации строится на западном понимании этого процесса. Если процесс реиндустриализации страны проходит в меньшем масштабе по сравнению с другими развитыми экономиками, это не обязательно означает, что выбранная государством программа индустриализации окажется не успешной. Существующая дихотомия между понятиями: «развитие промышленности», «новая индустриализация», не подходит для тех государств, экономики которых имеют относительно низкие уровни индустриализации, что справедливо и для стран, относимых к развитым, например, для Австралии. Таким образом, чтобы оценить перспективы реиндустриализации не достаточно простого количественного анализа того, насколько широко индустриализирована экономика страны, без учёта контекстуальных и региональных факторов. При исследовании процесса реиндустриализации важным вопросом экспертного рассмотрения является выбираемая странами стратегия его осуществления. На характер процессов реиндустриализации экономики государств [14; 19] оказывает влияние комплекс факторов, в том числе: отраслевой баланс экономики каждого государства, уровень развития и подготовленности институциональной структуры, место страны в международной торговле, структура экспорта-импорта, мировой политический ландшафт.

Реиндустриализация ведущими государствами осуществляется в понимании необходимости реорганизации отраслей промышленности с целью повышения их конкурентоспособности в сравнении с иностранными товарами как внутри страны, так и на международных рынках [7] и в ситуации, когда «население 17% мировой территории (около 1,3 млрд чел.) не имеют доступа к электричеству» [13, с. 17] и только находятся в «ожидании второй промышленной революции» [13, с. 17]. А ещё «половина населения земного шара, или 4 млрд человек, ожидает третью промышленную революцию, поскольку большинство из них живут в развивающихся странах, где нет доступа к сети Интернет» [13, с. 17].

Как отмечает основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб: «Четвёртая промышленная революция связана не только с умными и взаимосвязанными машинами и системами. Её спектр значительно шире. Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах и составляют фундаментальное отличие четвёртой промышленной революции от всех предыдущих революций.

Research Article A.N. Zakharov

В ходе этой революции новейшие технологии и универсальные инновации распространяются значительно быстрее и куда более масштабно, чем во время её предшественниц....

«Создание единицы ценности с привлечением значительно меньшей рабочей силы является следствием автоматизации, а, кроме того, "информационные товары" могут быть представлены компаниями практически с нулевыми затратами на хранение, транспортировку, тиражирование, и с минимальным начальным капиталом.

В то же время четвёртая промышленная революция создаёт проблемы в основном на стороне предложения, в мире труда и производства. За последние несколько лет подавляющее большинство развитых стран, а также быстро растущих мировых экономик, таких как Китай, испытали существенное процентное снижение доли труда в ВВП. Такое снижение по большей части произошло в результате падения относительной цены средств производства, что в свою очередь было вызвано развитием инноваций (что вынуждает компании заменять труд капиталом).

В результате главными выгодоприобретателями четвёртой промышленной революции являются поставщики интеллектуального или физического капитала – изобретатели, инвесторы, акционеры, что объясняет разрыв в благосостоянии с теми, кто живёт результатами собственного труда, и теми, кто владеет капиталом» [13, с. 23].

Реализация реиндустриализации экономики в условиях четвёртой промышленной революции предполагает помимо создания и развития «важнейших отраслей нового технологического уклада – биоэкономики, наноиндустрии, когнитивных технологий» и модернизации «базовых отраслей обрабатывающей промышленности на современной технологической основе» учёт особенностей национальных экономик, при формировании адаптированных моделей реиндустриализации.

В условиях подготовки мира к Четвёртой промышленной революции, к использованию технологий шестого технологического уклада развиваются процессы новой индустриализации. Как отметил президент России В.В. Путин: «Мы не сможем перейти к новому технологическому укладу без цифровой экономики»². Российской Федерации в контексте четвёртой промышленной революции важно проводить реиндустриализацию своей экономики, с учётом будущих и уже происходящих изменений мировой парадигмы. При этом необходим взвешенный подход к оценке процессов, развивающихся в мировой экономике, позволяющий отделять искусственное формирование финансово-экономических

² Заседание Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации на тему «Реиндустриализация России: возможности и ограничения». URL: http://www.council.gov.ru /media/files/41d4dae1492af75ed959.pdf (дата обращения:22.06.2017).

³ Заседание Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации на тему «Реиндустриализация России: возможности и ограничения». URL: http://www.council.gov.ru /media/files/41d4dae1492af75ed959.pdf (дата обращения: 22.06.2017).

пузырей от долгосрочных трендов и фундаментальных экономических изменений. В то же время необходимо объективно оценивать назревающие изменения и быть способными не только своевременно прогнозировать и предотвращать возможные угрозы от системной трансформации мировой промышленности, адаптироваться к новым законам взаимодействия в мировом экономическом поле, но и стать одним из лидеров, формирующих эти законы.

По мнению экспертов [4], в результате реиндустриализации в рамках четвёртой промышленной революции в среднесрочной и долгосрочной перспективе можно ожидать [15]:

- создание новых рынков и исчезновение некоторых традиционных видов деятельности;
  - формирование глобальных центров быстрого промышленного роста;
- трансформацию устойчивой системы производственной специализации стран за счёт исключения устаревающих элементов технологической цепочки (в качестве технологической основы реиндустриализации ведущих стран можно упомянуть так называемый интернет вещей (IoT, Internet of Things)⁴, объединение технологий искусственного интеллекта, обработки и анализа больших данных, цифровизации производства);
- сокращение потребности в неквалифицированных видах труда и обострение глобальной проблемы безработицы;
- углубление технологического превосходства промышленно-развитых стран.

Еще в 2011 г. в повестке мировой экономики возник вопрос, связанный с возможностью «коренного преобразования глобальных цепочек создания сто-имости» посредством внедрения технологии «умных заводов», на глобальном уровне. Клиентоориентированные технологии Индустрии 4.0 по словам одного из идеологов К. Шваба [13, с. 16] позволят обеспечить:

- «адаптацию продуктов и создание новых операционных моделей»;
- «ускорение сроков внедрения новой продукции» (за счёт переноса подготовительных этапов (разработки, тестирования, инжиниринга) в виртуальную сферу);
  - сокращение времени доставки типовой продукции заказчику на 50%;
- реализованная на новой технологической основе модернизация производственной базы создаст новые «высококвалифицированные рабочие места с потенциалом совершенствования на основе непрерывного обучения» [6].

⁴ Интернет вещей (IoT, Internet of Things) – система объединённых компьютерных сетей и подключенных физических объектов (вещей) со встроенными датчиками и программным обеспечением для сбора и обмена данными, с возможностью удалённого контроля и управления в автоматизированном режиме, без участия человека. Интернет вещей делится на два сегмента:1) потребительский (массовый) сегмент применения интернета вещей, включающий: персональные подключенные устройства – смарт-часы, различного рода трекеры, автомобили, устройства умного дома и т.д. 2) корпоративный (бизнес-) сегмент, включающий: отраслевые вертикали и межотраслевые рынки – промышленность, транспорт, сельское хозяйство, энергетика (Smart Grid), умный город (Smart City) и др. (Подробнее см., например: [11]).

Как представляется, для оценки успешности и результативности стратегий реиндустриализации промышленности [15], принятых рядом стран (США, Канады, Австралии) необходимо представлять не только на каком уровне находится их промышленность и экономика в настоящий момент, технологии какого научно-технического уклада составляют ядро промышленности государств, но также каковы взаимоотношения и связи экономик ведущих государств, необходимо учитывать степень влияния одних государств на другие, в том числе, в области политики и экономики.

Реиндустриализация в США

В США основными направлениями реиндустриализации являются реализация энергетической стратегии по повышению доступности и удешевлению энергоносителей (в первую очередь, для промышленности) и стимулирование так называемого «оншоринга» («решоринга»), то есть возврата на родину ранее вынесенных за рубеж мощностей обрабатывающей промышленности [2]. Среди причин активизации движения к реиндустриализации, начавшегося после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., Е.М. Примаков отмечал «что США, стремясь уменьшить безработицу (эта главная причина) возвращают после кризиса 2008-2009 гг. на свою территорию ряд производств, обеспечивающих потребности внутреннего рынка. Вместе с тем реиндустриализация для США остаётся важным трендом, что связано также с удешевлением внутреннего предложения углеводородного сырья»⁵.

Согласно исследованию Boston Consulting Group (BCG) [16] и авторской оценке, число компаний, которые начали возвращать производство из Китая в США, за 2016 г. выросло более чем на 25%, а число тех, кто рассматривает возвращение производства в ближайшем будущем, увеличилось почти на 30%. При этом большинство опрошенных компаний (60%) высказали интерес к возвращению производства в Соединённые Штаты.

Среди причин возвращения американских ТНК обратно в США отмечается рост расходов на заработную плату в развивающихся странах. В частности, в Китае рост зарплат в 2015 г. составил около 11%, а в 2016 г. – 12% Кроме того, на привлекательности США как центра промышленного производства сказалась и «сланцевая революция», позволившая увеличить добычу нефти и газа в стране – впервые за 40 лет был снят запрет на экспорт нефти и поставлена амбициозная цель превращения США из главного потребителя

⁵ Примаков Е. Масштабная приватизация приведёт к экономическому коллапсу. URL:http://comstol.info/2014/03/aktualnyj-kommentarij/8867 (дата обращения: 20.06.2017).

⁶ Yiran Zheng and Yiyao Wu. Housing outside capital steals show. China Daily. 15.04.2017. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2017-04/15/content_28939940.htm. (дата обращения: 20.06.2017).

нефти в её экспортёра. Однако так как отсутствует сама инфраструктура для экспорта нефти и газа, цены на энергоресурсы на внутреннем рынке заметно снизились. Дешевизна газа и нефти на внутреннем рынке США и Канады означает, что промышленные компании имеют преимущество по цене энергии 60–70% по сравнению с конкурентами в Китае, Японии, Южной Корее и Европе. Долгосрочная перспектива низких цен уже привлекает промышленные компании инвестировать в расширение мощностей в Соединённых Штатах. В результате дешёвый газ может стать локомотивом реиндустриализации США. Это особенно актуально для энергоёмкой тяжёлой промышленности, а также для химии и нефтехимии.

США, как лидер новых технологий, особенно в информационно-коммуникационной сфере, добились наибольших успехов в промышленном внедрении интернета вещей, в том числе благодаря активному использованию механизма государственно-частного партнёрства, что необходимо развивать и России [9]. Так, ещё в 2011 г. Совет при президенте США по науке и технике, проанализировав состояние производственного сектора экономики, сделал вывод о том, что США рискуют ослабить свои позиции, если не будут уделять должного внимания инновационному развитию промышленности. Совет рекомендовал правительству наладить процесс взаимодействия между государством и частным сектором в форме государственно-частного партнёрства для поддержки передовых производственных инициатив. Инициатива, известная сегодня как Manufacturing USA, создала ряд национальных институтов, каждый из которых специализировался на 3D-печати, цифровизации производства и нанотехнологиях. Кроме того, в 2014 г. в США лидерами промышленности General Electric, AT&T, Cisco, IBM и Intel было создано некоммерческое объединение – промышленный Интернет-консорциум (Industrial Internet Consortium), целью которого является ускорение разработки, внедрения и широкого использования промышленных интернет-технологий. Консорциум представляет собой объединение разнородных отраслевых игроков - от многонациональных корпораций, малых и крупных компаний, занимающихся продвижением инноваций до научных кругов и государственных организаций. Инвестиции промышленных компаний в такие новые технологии, как 3D-печать, робототехника и цифровое производство, снижают издержки и делают производство на месте более выгодным. В исследовании Boston Consulting Group⁷ отмечается, что 72% компаний собираются инвестировать в автоматизацию или другие передовые технологии производства в ближайшие годы. В качестве аргументов в пользу реиндустриализации в США можно отметить следующие. Во-первых, обрабатывающая промышленность порождает эффекты распространения новых знаний на всю остальную экономику. Новые знания и технологии, управ-

⁷ Sirkin Harold L., Zinser Michael, and Rose Justin R. Why Advanced Manufacturing Will Boost Productivity. The Boston Consulting Group, 2015. URL: http://img-stg.bcg.com/Why_Advanced_ Manufacturing_Will_Boost_Productivity_tcm9-79861.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

ленческие формы, используемые в производстве новой продукции, неизбежно распространятся на другие бизнес-проекты. Во-вторых, снижение рыночной доли в отраслях, основанных на знаниях, оказывает негативный эффект на всю экономику. Так, если страна теряет аэрокосмическую отрасль, то происходит деградация всей инновационной экосистемы, что затрудняет развитие новых предприятий и генерацию новых технологий. Если утрачиваются технологические возможности в одной отрасли, то почти невозможно её возродить. Это затрудняет рост других отраслей, что ослабляет общую конкурентоспособность. В-третьих, если производство уходит за границу, то инновации обычно следуют туда же, ослабляя международную конкурентоспособность страны.

В США, по расчётам автора, с 2009 по 2016 гг. обрабатывающий сектор промышленности вырос на 20%. В качестве результатов роста данного сектора промышленности можно отметить появление 900 тыс. новых рабочих мест в период с 2008 по 2016 г., из которых в результате непосредственного возвращения из-за рубежа было создано 80 тыс. мест. При этом ВВП США вырос за 2016 г. более чем на 3%, а производство в обрабатывающих отраслях – на 3,5%. Среди мер стимулирования процессов реиндустриализации, предпринимаемых правительством США, можно отметить использование научно-технической базы университетов. Так, в США был создан консорциум⁸, возглавляемый колледжем Университета Луизианы (LSU College of Engineering and Science) и состоящий из пяти университетов (LSU, Louisiana Tech, Grambling, Southern и University of New Orleans) для поддержки перспективных технологий и обучения им. Кроме того, Массачусетский технологический институт разработал ряд программ для поддержки производства следующего поколения. Помимо этого, в Соединённых Штатах реализуется множество других программ, в том числе, региональных, направленных на расширение возможностей использования коллективного потенциала страны.

Представители среднего и рабочего класса США не ощущали роста доходов в течение последних двадцати лет. Более того, деиндустриализация Америки происходила фактически симметрично росту индустриализации Китая и других развивающихся стран, например, Мексики, и росту доходов их среднего класса. Поэтому решение президента США Д. Трампа о возвращении производств в США с позиций среднего и рабочего класса выглядит более чем логично.

Перемещение производств в США стимулируется ограничениями в виде увеличения налога на импорт и, наравне с этим, введением поощрений – фактических льгот по ценам на энергоресурсы для производств внутри страны. Когда производитель оборудования Carrier, продукцией которого являются на-

⁸ LSU faculty lead efforts to win \$20 million grant to form Louisiana Advanced Manufacturing Consortium // EurekAlert! Science News. 03.08.2015. URL: https://www.eurekalert.org/pub_releases/2015-08/lsu-lfl080315.php (дата обращения: 20.06.2017).

греватели и кондиционеры, в феврале 2016 г. объявил о своём решении перенести 1400 рабочих мест в Мексику, власти США в ходе переговоров с руководством компании добились того, что в обмен на предложение понизить налоги, компания объявила о намерении сохранить 1000 рабочих мест в Соединённых Штатах. Хотя при этом и следует упомянуть, что компания United Technologies, чьей дочерней компанией является Carrier, как производитель военной техники ощутимо зависит от государственных закупок (10% продаж компании приходится на государственные компании США).

В качестве ещё одного примера привлечения производств в США можно упомянуть тайваньскую компанию Foxconn, занимающуюся сборкой высокотехнологичной продукции американской Apple (является крупнейшим клиентом компании). Foxconn уже владеет производственными подразделениями в США и сейчас решила создать там же сборочный завод. Строго говоря, это не является прямым переносом деятельности, поскольку компания не предусматривает одновременное «дезинвестирование» на Тайване, но в преддверии ожидания роста американского рынка, установления торговых барьеров, создание полноценного производства в США может оказаться для Foxconn весьма выгодным шагом.

Автомобилестроение и останется в среднесрочной и долгосрочной перспективе одним из основных секторов промышленности США. При том, что сейчас отрасль автомобилестроения является сильно глобализированной, в 2017 г. компания Ford Motors решила отменить свой проект по строительству

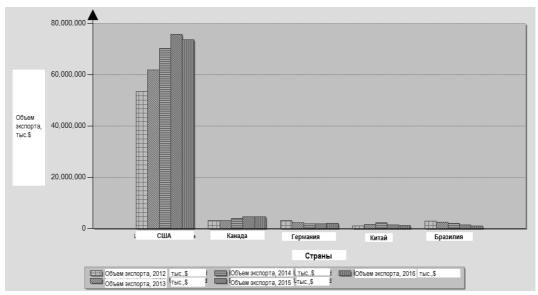

Рис. 1. Ежегодный экспорт легковых автомобилей из Мексики (тыс. долл.) Fig. 1. Annual export of motor vehicles from Mexico (\$ thous.)

Источник: подготовлено автором на основе данных о мировой торговле (trademap.org)

завода в Мексике стоимостью 1,6 млрд долл. и объявила об инвестициях в размере 700 млн долл. в завод на территории США, ориентированный на строительство электромобилей и автономных автомобилей (т.е. автотранспорта с полностью автоматизированной системой управления). Несмотря на то, что автопроизводитель пока полностью не отказался от планов перенести свои производственные мощности в Мексику, а принятое им решение больше похоже на перераспределение производства компании, чем на перемещение, анализ показывает, что вводимые США протекционистские меры, в том числе, увеличение пошлины на ввоз транспортных средств из Мексики и Канады (на сегодняшний день значительная часть импорта автомобилей в США идёт из этих двух стран (Рисунок 1. Доля легковых автомобилей из Мексики.)) способны оказать на производителей и отрасль в целом значительное воздействие.

Кроме того, увеличение пошлин способно помочь конкурентоспособности американского автопрома на внутреннем рынке, так как нарушает планы возможных конкурентов, в частности, ведущих автоконцернов Германии, инвестировавших значительные средства в производство автомобилей в Мексике и планировавших укрепить свои позиции на рынке США, в том числе, за счёт снижения издержек.

Заметим, что хотя возврат производства в США повлечёт за собой снижение энергетических и налоговых издержек для автомобилестроительных компаний, это может значительно увеличить расходы на заработную плату работников (расходы производителей на заработную плату в США в час эквивалентны расходам на заработную плату в Мексике в день).

Добавим также, что США имеют сильные позиции на мировых рынках по производству металлов, продукции химической промышленности, а также по другим отраслям обрабатывающей промышленности, в которых высока доля издержек на энергоресурсы в себестоимости продукции (в химической промышленности – 12,5%, металлургии – 9%, в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности – около 10%). Поэтому снижение стоимости энергии в США является для этих отраслей важным аргументов в пользу развития производства на территории США.

Возврат производства в Соединённые Штаты повлечёт за собой снижение энергетических и налоговых издержек, но может значительно увеличить расходы на заработную плату работников. С учётом того, что на данный момент расходы производителей на заработную плату в США в час эквивалентны расходам на заработную плату в Мексике в день.

Таким образом, США рассчитывают обеспечить успех реиндустриализации за счёт таких факторов, как привлечение квалифицированных кадров и рост численности занятых в промышленности; технологическое лидерство в основных отраслях промышленности (в том числе, использование механизмов государственно-частного партнёрства при трансфере научно-технических достижений в производство); снижение стоимости энергетических ресурсов внутри США.

Реиндустриализация Канады

Канада, обладая развитой обрабатывающей промышленностью в традиционных отраслях, имеет также развитую сферу услуг и выраженную сырьевую составляющую. Структура канадской экономики распределена следующим образом: доля сельского хозяйства в ВВП — 3,1%; промышленности — 30,7% (в том числе обрабатывающей промышленности — 22,1%); сферы нематериального производства — 66,2% ВВП.

В сфере услуг наибольшее развитие получили: гостиничный бизнес, телекоммуникационная сфера, система общественного питания. Значительное внимание уделяется сфере оптовой торговли и развития бизнес-проектов для коммерческих предприятий. Страна занимает ведущие позиции в мире по добыче и производству многих видов сырьевых материалов – никеля, урана, асбеста, алюминия. В то же время, канадский энергетический сектор – бывший долгое время драйвером национальной экономики – последние несколько лет страдал от падения цен на энергоресурсы. Несмотря на это, в 2015 г. Канада даже смогла привлечь наибольший по сравнению с США, Австралией и Мексикой объём инвестиций в горнодобывающую отрасль промышленности. Горнодобывающая промышленность долгое время оставалась центром привлечения прямых иностранных инвестиций, инвестиций в металлургическую промышленность.

В условиях падения цен, нефтяные компании стараются снизить свои издержки и повысить эффективность, но они предпочитают делать это не путём уменьшения заработной платы, а путём сокращения численности персонала. Таким образом, за последние два года общая занятость в добывающем секторе сократилась почти на 21% (большая часть в провинции Канады – Альберте). При этом средняя заработная плата в отрасли, остаётся самой высокой по стране.

Анализ процесса реиндустриализации показывает, что для успеха модернизации промышленности важную роль играет доступность энергоносителей для промышленности при одновременном обеспечении востребованности производимой продукции на рынке. Поэтому одной из важных задач при обеспечении результативности является выстраивание эффективной торговой политики. Среди экспортных партнеров Канады: Соединённые Штаты Америки, Соединённое Королевство, Европейский союз, Китай, Германия и Израиль. Наибольшее влияние на экономику Канады оказывает торговая политика США - её основного партнёра. Канада и США связаны давними торговыми отношениями, долгое время Канада пользовалась статусом источника американского импорта номер один. Но с 2000 г. структура экспорта Канады в США изменилась в сторону резкого увеличения доли нефти, одновременно Канада начала терять своё лидерство в несырьевом товарном экспорте на рынке США (в 2007 г. Китай догнал Канаду по объёму поставляемых в США товаров, а в последнее время значительно выросла и активность Мексики (Рисунок 2)).

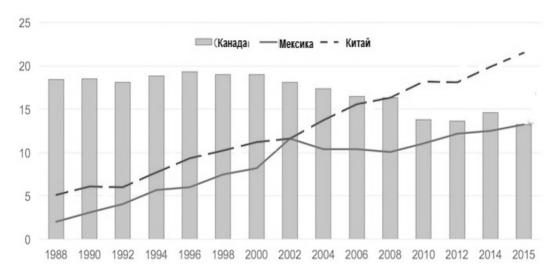

Рис. 2. Доля товарного импорта (в процентах)

Fig. 2. Share of export in commodities (%)

Источник: Desjardins Economics Studies, Economics News February, 17, 2016.

На сегодняшний день Канада продолжает оставаться крупнейшим поставщиком сырой нефти и нефтепродуктов в Соединённые Штаты [18]. Основными видами экспорта Канады являются автомобили и запчасти, промышленное оборудование, телекоммуникационное оборудование, химикаты, пластмассы, удобрения, лес и изделия из древесины, сырая нефть, природный газ, электро-

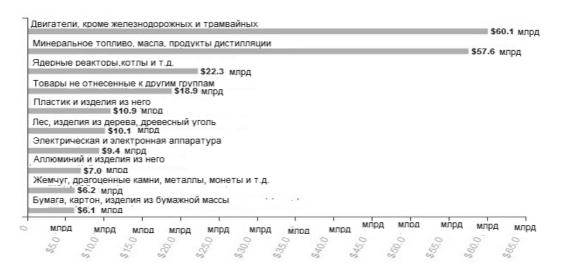

Рис. 3. Структура экспорта Канады в США в 2016 г. Picture 3. US-Canadian export structure in 2016

Источник: подготовлено автором на основе данных о мировой торговле (trademap.org).

энергия и алюминий. Структура экспорта Канады в США представлена на Рисунке 3.

Вследствие начавшейся с 2000-х гг. тенденции сокращения объёма экспорта товаров канадской промышленности и значительной ориентации Канады на рынок США, снижение цен на энергоносители может оказать неблагоприятное воздействие на экономику страны. В частности, с 2016 г. было зафиксировано снижение деловой активности в большинстве секторов промышленности (особенно заметно проявилось в горнодобывающей промышленности, и нефтегазодобывающей отрасли).

В 2016 г. Соединённые Штаты поставили в Канаду товаров более чем на 200 млрд долл. (Рисунок 4).

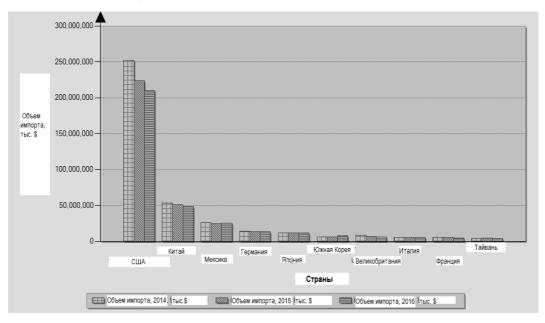
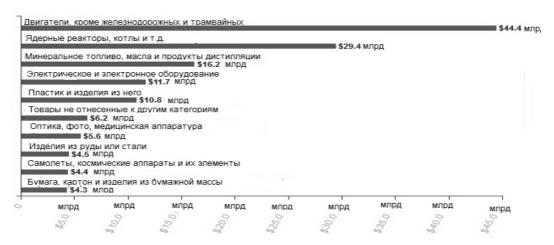

Рис. 4. Основные торговые партнёры Канады по импорту (тыс. долл.) Fig. 4. Main trade partners of Canada on import (\$ thous.)

Источник: подготовлено автором на основе данных о мировой торговле (trademap.org)

Таким образом, Соединёнными Штатами Америки покрывается более 76% импорта Канады (Рисунок 5. Структура товарного импорта Канады из США в 2016 г.).

Снижение цен на нефть привело к значительному падению объёма инвестиций в бизнес в течение последних нескольких лет, что вызвало существенное замедление роста экономики Канады (Рисунок 6). В свою очередь, на восстановление инвестиций в бизнес оказывает влияние ускорение экономического роста. Кроме того, необходимым условием конкурентоспособности предприятий как внутри страны, так и за рубежом является инвестирование средств в повыше-

Puc. 5. Структура товарного импорта Канады из США в 2016 г. Fig. 5. Canadian import in commodities from the USA in 2016

Источник: подготовлено автором на основе данных о мировой торговле (trademap.org).

ние производительности. Оно играет важную роль в сохранении уровня жизни, особенно в ситуации замедления прироста трудовых ресурсов в промышленность, вызванного старением населения страны.

Наконец, поступление инвестиций имеет решающее значение для развития частного предпринимательства, и, как следствие, экономики страны, поэтому одним из основных драйверов реиндустриализации является поступление инвестиций в бизнес.

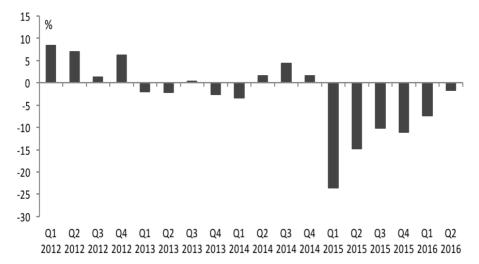

Рис. 6. Динамика темпов инвестиционных вложений в частные предприятия Fig. 6. Dynamics 0f investment in private business, 2012-2016

Источник: Statistics Canada, CANSIM Table 380-0064 (www.statcan.gc.ca)

В период реиндустриализации рост ставок налогообложения, в том числе на инвестиции, тормозит поступление средств в экономику и может значительно осложнить переоснащение производства на инновационной основе.

До 2012 г. эффективная ставка налога на инвестиции в Канаде составляла 17,5% и была самой низкой среди стран G7, что также было ниже среднего показателя по ОЭСР. Но, с 2012 г., Канада начала увеличивать налог на инвестиции, достигнув 20% в 2015 г. (и 20,1% в 2016 г.), что в настоящее время выше среднего показателя по ОЭСР (и является вторым по величине в G7 после Италии) (Рисунок 7).

В это же время средняя эффективная ставка налога на прибыль в странах ОЭСР продолжает снижаться. Например, Великобритания планирует снизить ставку корпоративного налога на прибыль с 20 до 17% в ближайшие два года, также в ближайшие годы ожидается потенциальное значительное сокращение корпоративных налогов в Соединённых Штатах.

В условиях разнонаправленных тенденций между странами ОЭСР и Канадой, которая стремится к повышению налогов, включая налог на выбросы углекислого газа, можно отметить снижение конкурентоспособности страны вследствие оттока инвестиций в страны с меньшими налоговыми ставками. Таким образом, отсутствие налоговой конкурентоспособности, вероятно, будет для реиндустриализации Канады серьёзной проблемой на ближайший период, с учётом того, что большая часть бюджета страны пополняется за счёт налоговых сборов с населения и корпораций.

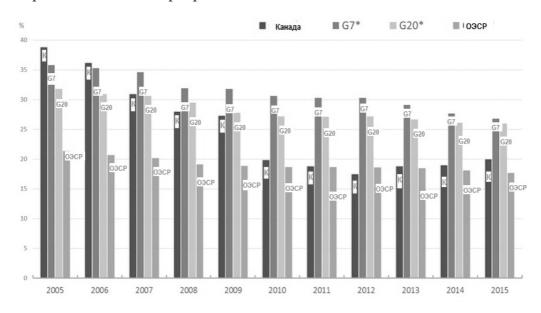

Рис. 7. Эффективная ставка налога на инвестиции в 2005-2015 гг. Fig. 7. Effective investment tax rate, 2005-2015

Источник: Statistics Canada, CANSIM Table 380-0064 (www.statcan.gc.ca)

На протяжении более ста лет Канада является одним из лидеров в области автомобилестроения. Автопромышленная отрасль Канады привлекает иностранные инвестиции и представляет возможности иностранным производителям для размещения своих мощностей. В частности, удачным примером такого взаимодействия является японская компания Honda Motor Co Ltd. Когда Honda открыла своё представительство в 1969 г., мало кто представлял, что компания начнёт производить высококачественные транспортные средства и запчасти для рынков США, Мексики, Китая и Южная Америки. При этом на закупки продукции канадских компаний Honda тратит более 1,1 млрд долл. На сегодняшний день в Канаде размещено три завода Honda. В том числе, благодаря своей инвестиционной политике, на Канаду приходится 13% производства легковых автомобилей в Северной Америке. В 2015 г. канадские автозаводы произвели 2,3 млн легковых автомобилей. Четыре из пяти высококачественных производительных заводов по производству автомобилей в Северной Америке приходятся на Канаду. Кроме того, производственные мощности в Канаде облагаются более низким налогом по сравнению с США и Мексикой. Так, в Канаде налог составляет 25% по сравнению с 30% в Мексике и 35% в США10. Объём товаров, импортируемых государствами НАФТА, представлен на Рисунке 8.

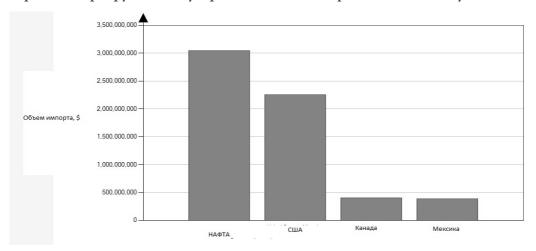

Рис. 8. Объём импорта стран-участников НАФТА Fig. 8. NAFTA members imports

Источник: подготовлено автором на основе данных о мировой торговле (trademap.org)

Агропромышленный сектор Канады обладает рядом преимуществ. Богатые природные ресурсы, в том числе, сельскохозяйственные угодья, водные ресурсы, включая запасы пресной воды, обеспечивают все необходимые составляю-

⁹ Invest In Canada, 2016-2017 Edition - Global Affairs Canada / Affaires. [Электронный ресурс]. URL:http://www.international.gc.ca/investors-investisseurs/assets/pdfs/download/1-Flagship_report.pdf (дата обращения: 20.06.2017)

щие для конкурентоспособности аграрной отрасли Канады. При этом в Канаде действуют высокие стандарты обеспечения продовольственной безопасности пищевых продуктов. Так, среди 16 стран ОЭСР Канада занимает первое место. Глобально интегрированная цепочка поставок агропродовольственных товаров обеспечивает легкий доступ на рынки и эффективный экспорт агропродовольственной продукции, а также лидерство среди стран G7 по низким операционным издержкам и корпоративным налогам.

Большое внимание Канада уделяет исследованию и производству материалов и композиционных материалов на основе биомассы, производству основы химикатов, технологиям ферментирования, разработке биотехнологий. Кроме того, в Канаде хорошо развита химическая промышленность и производство пластмасс. Канада является обладателем богатых природных ресурсов и находится среди крупнейших производителей природного газа, сырой нефти, гидроэлектроэнергии. Наряду с этим Канада является одним из лидеров в добыче калия, меди и других полезных ископаемых.

Важную роль для экономики Канады играет лесная промышленность, в которой занята значительная доля трудоспособного населения, при этом основным рынком сбыта продукции лесной отрасли является США, поэтому инициатива по увеличению пошлин на импорт товаров, предпринятая США, вызывает у канадских властей обоснованные опасения. Увеличение пошлины на древесину из Канады может значительно повлиять на занятость в этом секторе. В создавшихся условиях для предотвращения снижения занятости работников и диверсификации экспорта Канада начинает переориентироваться на рынки Азии и Европы.

Одной из ключевых отраслей, с точки зрения реиндустриализации в условиях четвёртой промышленной революции в среднесрочной перспективе будут являться информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и робототехника, заказы на продукцию которой выросли в Канаде на 35% в период с $2010 \, \mathrm{r}^{10}$.

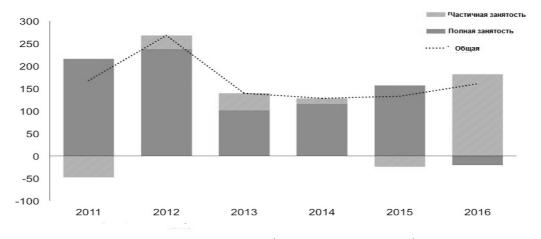
Безусловным преимуществом Канады является высококвалифицированная рабочая сила, специалисты со средним образованием. В условиях реиндустриализации на пороге четвёртой промышленной революции наличие высококвалифицированной рабочей силы является необходимым условием конкурентоспособности государства.

Но при этом следует учитывать, что, согласно прогнозам, внедрение технологии в производство, роботизация рутинных задач, характерных для массового производства, будут продолжаться или даже ускоряться, что может негативно сказаться на уровне занятости населения.

На сегодняшний день структура занятости выглядит следующим образом: в сфере услуг занято 75% трудоспособного населения Канады; в производстве –

¹⁰ Invest In Canada, 2016-2017 Edition - Global Affairs Canada / Affaires. URL: http://www.international.gc.ca/investors-investisseurs/assets/pdfs/download/1-Flagship_report.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

около 14%; в сельском хозяйстве — 4%; в строительстве — 3%. При этом следует отметить, что на рынке труда Канады на данный момент наблюдается тенденция преобладания рабочих мест с неполной занятостью над рабочими местами с полной занятостью. Так, в период с января по ноябрь 2016 г. на рынке труда появилось 160 тыс. новых рабочих мест (что больше, чем за три предыдущих года), но все они относятся к неполному рабочему дню (Рисунок 9). Отмеченное соотношение между полной и неполной занятостью обычно характерно для периода рецессии. В целом, изменение структуры занятости может быть спровоцировано рядом факторов, в частности: кризисными проявлениями (например, вследствие снижения прибыли нефтегазовой отрасли - драйвера экономики), а также происходящей автоматизацией труда, сокращающей численность работников, участвующих в производстве продукции. Форма неполной занятости позволяет работодателям [17] сократить затраты на производство, повышая конкурентоспособность предприятия, но в то же время ухудшает позиции работников, снижая объём заработка, уровень социальной защищённости и мотивацию к труду. Можно говорить о том, что рынок труда отражает проблему, стоящую перед Канадой, связанную с преобладанием частичной занятости.

Рис. 9. Рост занятости в 2011-2016 гг. (по типам занятости) Fig. 9. Employment by types, 2011-2016 *Источник:* Statistics Canada, TD Economics (www.statcan.gc.ca)

Таким образом, проведённый анализ показал, что основными мерами реиндустриализации Канады могут быть выбраны: повышение производительности промышленности за счёт привлечения инвестиций в модернизацию промышленности (в том числе, снижения налогов на инвестиции); наличие квалифицированной рабочей силы, специалистов со средним образованием в промышленности; при одновременном развитии традиционных отраслей (например, агропромышленного сектора, при обеспечении высоких стандартов продукции, химической промышленности, автопрома, деревообрабатывающей промышленности и т.д.); повышения энергоэффективности промышленности; обеспечение доступа на внешние рынки, особенно развивающихся стран.

Реиндустриализация Австралии

В период расцвета глобализации Австралия столкнулась с общей для развитых стран тенденцией переноса производств за рубеж, обусловленное стремлением компаний уменьшить себестоимость своей продукции. Многие австралийские компании, занимающиеся переработкой ресурсов, предпочитали размещать свои заводы за рубежом и затем осуществлять поставки продукции по всему миру, в том числе, в Австралию.

Австралийский бизнес основывался на том, что производство не будет ни выгодным, не жизнеспособным, если оно будет осуществляться в Австралии. Удалённость Австралии от Европейского континента и Северной Америки по существующим на сегодняшний день маршрутам не позволяют наладить выгодную доставку продукции с помощью судов, на которых в Австралию доставляются импортные товары, в том числе, вследствие того, что спрос на экспорт широкой группы австралийских товаров фактически отсутствует. Аналогичным образом импортные товары, конкурирующие с австралийскими, также находятся в невыгодном положении из-за высоких затрат на доставку, поскольку для судов нет обратной загрузки.

Как видно из статистических данных, опорой экономики Австралии является добыча и последующий экспорт полезных ископаемых, нефти и газа, а так-

Рис. 10. Структура ВВП Австралии Fig. 10. Australian GDP structure

Источник: подготовлено автором на основе статистических данных (trademap. org).

же развитая отрасль сельского хозяйства, позволяющая импортировать шерсть, говядину и пшеницу (Рисунок 10).

Сельскохозяйственный и горнодобывающий секторы являются наиболее важными для экспорта. Австралия – один из мировых экспортёров шерсти, мяса, пшеницы и хлопка. В сельском хозяйстве занято 2,6% рабочей силы, что составляет 2,5% ВВП. Страна богата минеральным и энергетическим сырьём, что обеспечивает значительные доходы при экспорте. Австралия входит в десятку крупнейших производителей и экспортёров большинства минеральных руд. Она имеет крупнейшие в мире запасы многочисленных стратегических ресурсов, таких как уран, которые составляют 40% мировых запасов.

Западная часть территории Австралии богата природными ресурсами, такими как железо, золото, никель и природный газ, кроме того, Австралия владеет почти третью общей площади суши, на которой проживает только одна десятая населения.

По состоянию на 2016 г., США являются четвёртым по объёму экспортным рынком Австралии (4,6% экспортного рынка Австралии) и занимают второе место среди импортёров австралийских товаров (11,5% от импорта Австралии). В 2016 г. объём торговли между двумя странами составил 30,5 млрд долл., при этом торговый баланс Австралии составил отрицательную величину – 12,9 млрд долл. (импорт товаров из США составил 21,7 млрд долл., при экспорте в США всего 8,8 млрд долл.). Как видно из графика соотношения экспорта-импорта (Рисунок 11), на протяжении всей новейшей истории торговли между странами всегда сохранялся значительный приоритет импорта над экспортом.

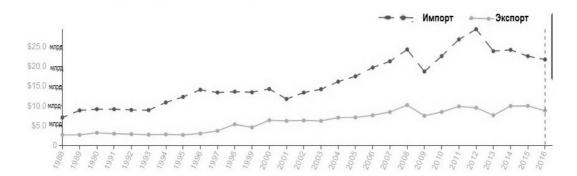

Рис. 11. Экспорт и импорт в торговле Австралии и США Fig. 11. Exports and imports in US-Australian trade Источник: подготовлено автором на основе статистических данных (trademap. org).

Причём, основной объём экспорта в Соединённые Штаты из Австралии приходится на продукцию сельского хозяйства, а именно, на мясо и мясные субпродукты (Рисунок 12).

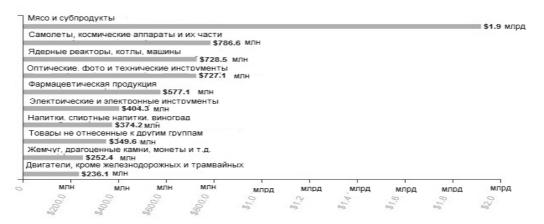

Рис. 12. Десять групп товаров, занимающих лидирующие позиции в экспорте Австралии в США

Fig. 12. Top-10 commodities in Australian export to the USA

Источник: подготовлено автором на основе статистических данных (trademap. org).

Традиционно Австралия является импортёром готовой продукции. Масштабы производственного сектора Австралии в настоящий момент невелики. В нём занято около одной пятой трудовых ресурсов страны и вклад обрабатывающей промышленности в ВВП составляет чуть более четверти. Промышленное производство строится вокруг пищевой промышленности (около одной пятой трудовых ресурсов), машин и оборудования (около 20%), металлообрабатывающей промышленности (около 20%) и химической и нефтехимической промышленности (чуть более 10%).

На сегодняшний день основными импортёрами австралийских товаров продолжают оставаться страны АТР, несмотря на наметившуюся общую тенденцию к снижению импорта из Австралии (Рисунок 14). Австралия главным образом экспортирует товары и услуги в Китай, Японию, Южную Корею и Индию. Чтобы стимулировать экономику, Австралия развивает торговые отношения с Азией, развитие сельского хозяйства осуществляется, в том числе с расчётом на увеличение экспорта в Китай.

Китай является крупнейшим торговым партнёром Австралии, импортёром и экспортёром. Тот факт, что 70% сельскохозяйственной продукции Австралии экспортируется в Китай, говорит о наличии прочных торговых связей между двумя странами, что дополняется географическим расположением двух стран, находящихся в одном часовом поясе, обеспечивающем удобство взаимодействия.

В частности, в конце 2015 г. в силу вступил договор о свободной торговле Австралии с Китаем, её основным на сегодняшний день торговым партнёром. Как показывает поведённый анализ, наблюдается усиление зависимости экономики Австралии от Китая.

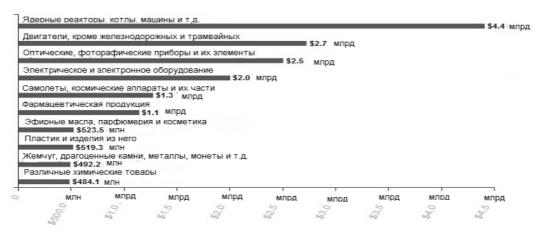

Рис. 13. Десять групп товаров, занимающих лидирующие позиции в импорте Австралии из США

Fig. 13. Top-10 commodities in Australian import from the USA

Источник: подготовлено автором на основе статистических данных (trademap. org).

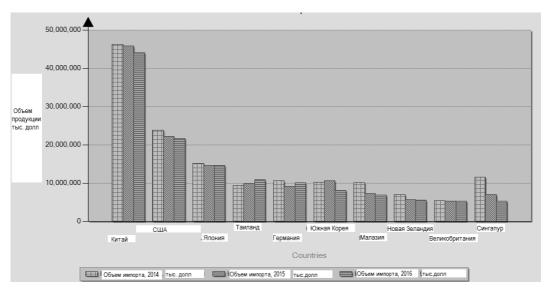

Рис. 14. Импортёры продукции Австралии

Fig. 14. Countries-importers from Australia

Источник: подготовлено автором на основе статистических данных (trademap. org)

Несмотря на то, что на сегодняшний момент экономика Австралии в целом выполняет роль ресурсной базы развитых стран Запада и развивающихся стран АТР, Австралия является единственной страной ОЭСР, которая не вступила в рецессию во время финансового кризиса. Австралийская экономика пережила

25-летний непрерывный экономический рост; в настоящее время страна имеет самые высокие темпы роста в развитых странах. Темпы роста ВВП в 2016 г. достигли 2,9%, что даже немного выше, чем в 2015 г. В то же время снижение стоимости угля и железосодержащих полезных ископаемых, а также снижение спроса со стороны Китая не самым лучшим образом сказалось на прибыли от экспорта. Горный сектор составляет около 20% ВВП, но инвестиции снижаются. В Австралии много других драйверов роста экономики: это и массовый экспорт сельскохозяйственной продукции, и солидный внутренний спрос, и сильный финансовый сектор.

В 2016 г. частное потребление в Австралии продолжает оставаться динамичным, влияя на постоянное повышение цен на недвижимость. При отсутствии заметного роста заработной платы, инфляция сохраняется на уровне 1,5%. В целях стимулирования роста экономики Центральный банк переориентировал свою ключевую ставку на исторически низкий уровень (1,5% в 2016 г.). Эта мера призвана поддержать расходы домашних хозяйств, которые по-прежнему чрезвычайно велики. Тем не менее экономическая ситуация остаётся благоприятной, государственный долг является одним из самых низких из ОЭСР. Правительство всё же больше сосредоточено на укреплении внутреннего рынка, чем на продвижении на рынках АТР. В то же время, несмотря на укрепление связей с Китаем, Австралия строго контролирует направление китайских инвестиций: в августе 2016 г. страна отказалась от проекта, направленного на передачу всей электрической сети австралийского государства китайскому консорциуму. Аналогичное решение было принято относительно богатейших сельскохозяйственных земель Австралии. Под влиянием растущей активности Китая и исходя из других стратегических соображений, в 2016 г. Австралия значительно увеличила свои военные расходы (бюджет увеличился с 22,5 млрд евро до 40,8 млрд евро). С 2014 г. Австралия также принимает участие в контртеррористических операциях на Ближнем Востоке. Что касается иммиграционной политики, то Австралия регулярно обвиняется в возвращении незаконных мигрантов. Австралия является процветающей страной, и её ВВП на душу населения является одним из самых высоких в мире. Уровень безработицы в 2016 г. составил 5,5%. В среднесрочной перспективе Австралия может столкнуться с проблемой старения населения и последствиями проблемы изменения климата. Кроме того, страна является одним из крупнейших загрязнителей в мире и под международным давлением Австралия обязалась развивать свой ядерный энергетический сектор в целях сокращения выбросов парниковых газов.

В результате распространения глобализационных процессов для отраслевой структуры экономики Австралии стал характерен опережающий производство рост сферы услуг. На сегодняшний момент большинство рабочих мест в Австралии относится к сфере услуг, что составляет большую часть национального богатства. Сектор услуг занимает доминирующее положение в австралийской экономике, внося 70% ВВП и используя 70% рабочей силы. Австралия

развивает туризм, предлагает услуги образования для иностранных студентов, инвестирует в научные исследования, НИОКР. В то время как в других секторах экономики Австралии наблюдается некоторый спад, сектор услуг продолжает расти и сможет в среднесрочной перспективе обеспечить рабочие места. В последнее время показатели производительности в Австралии были неудовлетворительными, хотя это в основном было результатом циклических и отраслевых факторов. Экономические реформы, проводимые в 1980-х и 1990-х гг., позволили повысить экономическую гибкость и конкурентоспособность Австралии. Однако эти реформы в значительной степени никак не сказались на большей части сектора услуг, особенно на нерыночных секторах – образовании и здравоохранении.

Между тем, очевидно, что долгосрочное экономическое процветание Австралии в значительной степени зависит от повышения производительности. Технологии четвёртой промышленной революции могут значительно изменить структуру рынка труда в мире, что не замедлит сказаться и на австралийском рынке труда [20]. В этих условиях экономическое процветание Австралии должно строиться на национальной политике направленной на повышение производительности, стимулирующей инновации и повышающей раскрытие потенциала человеческого капитала, в том числе в секторах образования и здравоохранения. В рамках сотрудничества с Китаем Австралия привлекает многих китайских студентов и инвесторов. С установлением всеобъемлющего стратегического партнёрства между Австралией и Китаем, формируются возможности для расширения взаимного влияния в области культуры, технологий и образования.

Наряду с этим, в рамках проведения реиндустриализации промышленного сектора Австралия¹¹, будучи крупным сырьевым экспортёром, планирует ограничить экспорт ради создания более благоприятных экономических условий внутри страны. Это связано со стремлением властей Австралии снизить цены на газ для внутреннего потребления, обеспечив, таким образом, энергетическую платформу для реиндустриализации.

В 2014 г. в Австралии был отменён действующий с 2012 г. налог в размере 24,15 австралийских долл. (примерно 22,6 американских долл.), которым за 1 т углекислого газа облагались около 350 крупнейших горнодобывающих и энергетических компаний. Но стремление снизить уровень выброса углекислого газа на душу населения таким методом не нашло понимания в обществе и привело к серьёзному недовольству промышленного сектора и населения из-за возросших цен на энергоносители.

Соглашение о зоне свободной торговли в рамках экономической концепции Китая «Один пояс, один путь» делает Западную Австралию отличным местом

¹¹ Опыт Австралии может оказаться полезным для России // Независимая газета №124, 21 июня 2017 г. URL: http://www.ng.ru/editorial/2017-06-21/2_7012_red.html (дата обращения: 22.06.2017).

для привлечения возможных инвестиций. В Австралии сформирована развитая система государственного стимулирования на уровне штатов и федерального правительства, для привлечения инвестиций, развития и повышения инновационности бизнеса. Кроме того, в 2016 г. Австралией были предприняты дополнительные меры, направленные на поддержку бизнеса (в частности, было реализовано сокращение налогов и расширение системы льгот за инновации, и предпринимательство (объёмом 1,1 млрд австралийских долл.)). Инновационная направленность экономики Австралии стимулирует вложения в бизнеспроекты, в том числе проекты с участием государства. В частности, венчурный бизнес в Австралии на стартовой стадии фактически полностью освобождается от налога на прибыль. Компаниям, зарегистрированным в Австралии, а также иностранным компаниям, являющимся налоговыми резидентами в Австралии или в странах, с которыми у Австралии подписано соглашение об избежании двойного налогообложения (Double Tax Agreement — DTA) доступны налоговые льготы и правовые механизмы льготного участия в венчурном партнёрстве. В частности, если замысел бизнес-проекта (технология, продукт или услуга) исходит от иностранной компании, а венчурный капитал – австралийский, то налог на прибыль не взимается¹². На научные исследования и результаты НИОКР, используемые в инновационных проектах, также распространяются налоговые льготы. В случае, если исследования по объективным причинам не могут проводиться в Австралии, они могут проводиться и за рубежом при условии наличия связи с бизнесом в Австралии.

Для реализации инфраструктурных проектов австралийским законодательством также предусмотрены льготы. Так, в случае снижения (по сравнению с предыдущим годом) доходов участников инфраструктурных проектов, инициированных государством, предусмотрена соответствующая компенсация.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что для Австралии успех реиндустриализации может быть обеспечен за счёт таких факторов, как стимулирование инновационного развития бизнеса, привлечение предприятий из-за рубежа, организация трансфера результатов научных исследований в промышленность (в том числе, за счёт использования механизмов государственно-частного партнёрства), укрепление внутреннего рынка и обеспечение выхода готовой продукции на внешние рынки (в том числе развивающиеся), снижение стоимости энергетических ресурсов внутри страны.

Анализ подходов к реиндустриализации промышленности трёх стран – США, Канады и Австралии позволяет сделать вывод о том, что «реиндустриализация» в их понимании означает реорганизацию экономики и отраслей промышленности с тем, чтобы повысить их конкурентоспособность с иностранными товарами как внутри страны, так и на международных рынках и

¹² Отчет Deloitte: Australia Taxation and Investment 2017. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/dttl-tax-australiaguide-2017.pdf (дата обращения: 10.09.2017).

подготовить переход экономики на уровень технологий четвёртой промышленной революции.

При проведении реиндустриализации энергоёмких отраслей промышленности важную роль играют низкие цены на энергоносители, развитый внутренний рынок, а также доступ на внешние рынки, особенно рынки стран с развивающейся экономикой, потенциальные продажи на которых действительно могут расти.

Исследование показало, что США и Канада традиционно имеют сильные позиции на мировых рынках по производству металлов, продукции химической промышленности, а также по другим отраслям обрабатывающей промышленности. И в процессе реиндустриализации одной из важных задач для промышленности этих стран является повышение энергоэффективности традиционных отраслей роста.

Важность новой индустриализации для России особо подчёркивал Е.М. Примаков. Говоря о реиндустриализации как о «жизненной необходимости» для нашей страны, которая «безусловно, включает акцент на развитие тех отраслей промышленности, где при концентрации усилий возможны прорывы и где все-таки сохранился, хотя и в урезанном виде, советский потенциал — научный, специалистов, оборудования. Однако это отнюдь не означает отказ от инновационного восстановления отраслей промышленности "старого" уклада» 13.

Говоря об осуществлении в перспективе реиндустриализации в России, Е.М. Примаков отмечал¹⁴: «Основные черты новой индустриализации: диверсификация структуры экономики в сторону повышения в ней доли обрабатывающей промышленности; обеспечение этого процесса трудовыми ресурсами соответствующей квалификации; модернизация финансовой системы страны под нужды реиндустриализации; развитие «каналов», «лифтов», связывающих научный девелопмент промышленности с производством; системный импорт высоких технологий: а) через приобретение технологических активов за рубежом; б) путём привлечения прямых инвестиций в российскую промышленность при условии трансфера технологий».

В условиях сегодняшних ограничений большая часть составляющих предложенной стратегии индустриализации для России затруднена. Российская Федерация сталкивается с ситуацией, когда проведение реиндустриализации, предполагающее, в том числе, опору на импорт высоких технологий, осложняется неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктурой (политикой санкций в отношении России). В этих условиях интенсивное развитие промышленности Российского государства за счёт приобретения за рубежом новых технологий и оборудования ограничено.

¹³ Примаков Е. Масштабная приватизация приведёт к экономическому коллапсу. URL: http://comstol.info/2014/03/aktualnyj-kommentarij/8867 (дата обращения: 20.06.2017).

¹⁴ Примаков Е. Нам нужна новая индустриализация // Российская газета – Федеральный выпуск №5804 (131), 09.06.2012. URL: https://rg.ru/2012/06/09/primakov.html (дата обращения: 20.06.2017).

Как отметил в своём послании президент Российской Федерации В.В. Путин: «Для выхода на новый уровень развития экономики, социальных отраслей нам нужны собственные передовые разработки и научные решения. Необходимо сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие, так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни. Страны, которые смогут их генерировать, будут иметь долгосрочное преимущество, возможность получать громадную технологическую ренту. Те, кто этого не сделает, окажутся в зависимом, уязвимом положении. Сквозные – это те, которые применяются во всех отраслях: это цифровые, квантовые, робототехника, нейротехнологии и так далее» 15.

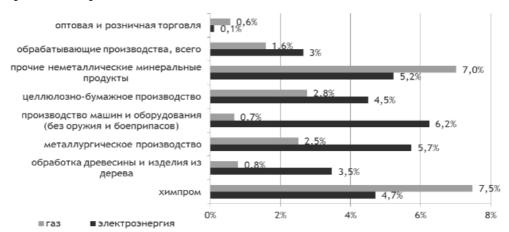
Таким образом, в процессе реиндустриализации промышленности наблюдается возрастание удельного веса обрабатывающих отраслей, происходит сдвиг к капиталоемким отраслям (прежде всего, к химии, машиностроению и металлообработке), а в развитых странах — к наукоёмким (электронное машиностроение, авиакосмическая промышленность, биологическая, фармацевтическая промышленность и др.), способным в перспективе стать основой роста и эффективной адаптации экономик к процессам мировой трансформации.

В свою очередь, высокая доля издержек на энергоресурсы в себестоимости продукции по показателю энергоэффективности по сравнению с США и Канадой, существенно снижает конкурентоспособность Российской Федерации. Доля затрат на приобретение электроэнергии и газа в себестоимости некоторых видов продукции отраслей обрабатывающей промышленности составляет около 10% (химическая промышленность – 12,5%, металлургия – 9%).

Как представляется, для России реиндустриализация экономики должна подразумевать активную модернизацию существующих производственных мощностей, также переформатирование промышленности предполагает формирование новых отраслей промышленности на основе обращения к технологиям шестого технологического уклада. По мнению автора, для Российской Федерации на этом направлении необходимо развивать так называемые технологии «переходного периода», т.е. выделять технологии тех отраслей, интенсивность развития которых позволяет не только добиться ощутимых результатов уже сейчас, но и создать на их основе прочный фундамент для будущих достижений. В этих условиях драйверами новой индустриализации в среднесрочной и долгосрочной перспективе должны стать наукоёмкие отрасли промышленности, в которых сосредоточены новейшие технологии и наибольшее число высококвалифицированных кадров, в частности в оборонной промышленности, при обеспечении трансфера научных достижений в гражданскую промышленность. Наравне с этим России необходимо осуществлять переоснащение аграр-

¹⁵ Послание президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 г. Официальный портал Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/ president/news/53379 (дата обращения: 20.06.2017).

ного сектора, расширять и реализовывать имеющийся транзитный потенциал, в том числе, с опорой на технологии шестого экономического уклада. Следует реализовывать подход, подразумевающий выделение ведущих отраслей промышленности, имеющих внутренний спрос и экспортный потенциал, в качестве драйверов роста, при одновременном направленном развитии связанных с ними отраслей. Например, развивая аграрную отрасль, спрос на продукцию, которой как внутри страны, так и за рубежом значителен, необходимо одновременно развивать химическую промышленность в части удобрений, экологически чистых добавок, стимулирующих рост сельскохозяйственной культур и т.д. Также необходимо одновременно активизировать отрасль машиностроения в направлении производства сельскохозяйственной техники.

Рис. 15. Доля затрат на приобретение электроэнергии и газа в себестоимости некоторых видов продукции

Fig. 15. Gas and energy cost's share in production (by offsets) Источник: Аналитический центр при правительстве $P\Phi^{16}$

Важным условием результативности политики обновления промышленности и экономики является способность государства обеспечить условия честной конкуренции предприятий, в том числе на внутреннем рынке, реализовывать меры эффективного стимулирования выпуска инновационной продукции.

В среднесрочной перспективе в условиях развития цифровой экономики залогом конкурентоспособности стран станет способность продавца не только быстро представить продукцию на рынок, но и предложить связанные с ней услуги. В данной ситуации важным аспектом реиндустриализации, в том числе при переходе к цифровой экономике, является согласованность выбора основных направлений развития отраслей промышленности и сферы услуг, реализуемая на основе нового технологического уклада. Кроме того, Российской Фе-

¹⁶ Энергетический бюллетень. Выпуск 15, июль 2014. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/3295.pdf

дерации в целях развития взаимовыгодного сотрудничества следует активнее использовать заинтересованность европейского бизнес-сообщества в надёжных поставках энергоресурсов, а также растущее понимание экономической нерентабельности санкционной политики против России.

В сложившейся ситуации важную роль в среднесрочной и долгосрочной перспективе для проведения реиндустриализации будет играть механизм государственно-частного партнёрства [8], в рамках которого важна роль государства не только в финансировании научных организаций, но и выработке стратегии и законов развития высокотехнологичного производства и экспорта продукции, развитии инфраструктуры поддержки инноваций. Ощутимую пользу при проведении реиндустриализации может принести повышение эффективности взаимодействия государства с более мобильным и восприимчивым к инновациям частным сектором по реализации проектов трансфера результатов новейших научных исследований в производство, в рамках проектов государственночастного партнёрства осуществление совместного финансирования НИОКР по актуальным проблемам, государством и частным сектором.

Задачей совместных действий Российского государства и бизнеса будет являться формирование стратегии реиндустриализации экономики для создания эффективной среды полного цикла разработки – от выработки теоретических постулатов реиндустриализации до их практического воплощения.

Использование опыта США и Австралии в организации трансфера научных достижений и разработок в промышленность, в том числе посредством реализации проектов ГЧП, может представлять значительный интерес для реиндустриализации промышленности России. Кроме того, полезным для Российской Федерации может стать опыт Австралии по формированию системы мер привлечения инноваций в промышленность в части снижения налогов и предоставления льгот компаниям, внедряющим новейшие разработки в производство, а также принимающим участие в инфраструктурных проектах, предложенных государством. При этом, в отличие от стран западного мира, Канады и Австралии, участвующих в международном обмене инновационными достижениями и новейшими технологиями при реиндустриализации своих экономик, Россия сталкивается с проблемой ограничения возможности импорта высоких технологий и привлечения западных инвестиций в свою промышленность, обусловленную системой санкционных мер.

В то же время, необходимо отметить, что импорт технологий, связанных с прямыми инвестициями, уменьшает спрос на участие в НИОКР национальных научно-технических ресурсов. Широкий импорт технологий усугубляет технологическую зависимость, позволяя быстро повысить технический уровень производства, расширить номенклатуру изделий, но при этом консервирует «технологический разрыв» между государством, импортирующим технологии, и государствами-реципиентами этих технологий. «Технологический импорт» вымывает национальный капитал из отраслей, смежных с производством данной

конечной продукции, и, следовательно, способен затормозить её реиндустриализацию.

Таким образом, проведённый анализ стратегий реиндустриализации развитых стран (США, Австралии и Канады) показал, что для результативности переформатирования и модернизации промышленности России необходимо обеспечить: подготовку высококвалифицированных научных кадров для участия в создании новых отраслей промышленности и специалистов, способных эффективно работать на производствах Индустрии 4.0; построение системы трансфера результатов новейших научных исследований в производство (от формирования стратегии реиндустриализации промышленности на базе технологий шестого промышленного уклада (четвёртой промышленной революции) до вывода продукции на внутренний и экспортный рынки); выпуск инновационной продукции и повышение производительности промышленности за счёт привлечения инвестиций; развитие технологий шестого промышленного уклада (Четвёртой промышленной революции), в т.ч. робототехники, 3D печати, интернета вещей и пр.; модернизацию традиционных отраслей промышленности с учётом перехода на технологии нового поколения в т.ч. отрасли машиностроения (станкостроения, инструментальной промышленности, приборостроения, сельскохозяйственной техники); условия честной конкуренции предприятий, в том числе на внутреннем рынке; одновременное развитие традиционно сильных отраслей (в т.ч., добывающей промышленности, агропромышленного сектора, при обеспечении высоких стандартов продукции и т.д.); повышение энергоэффективности отраслей обрабатывающей промышленности; обеспечение доступа на внешние рынки, в том числе растущие рынки развивающихся стран.

Список литературы

- Бодрунов С.Д. Реиндустриализация экономики как стратегический приоритет развития России // Экономика качества. 2014. №4(8). URL: http://eq-journal.ru/pdf/08/%D0%91%D0%BE%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf (дата обращения: 02.02.2018).
- Бодрунов С.Д. Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 4-12.
- Бодрунов С. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации РФ // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 94-104.
- Вишневская Н. Мобильность рабочих мест и рабочей силы // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 10, с. 62-75.
- 5. Данилова М.А., Захаров А.Н., Иванян А.Г.

- Зарубежный опыт регулирования территориального развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2001. № 10. С. 32-40.
- Загашвили В. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 67-77.
- Захаров А.Н. Экономическая сущность и механизмы повышения конкурентоспособности предприятия (мировой опыт) // Российский внешнеэкономический вестник. 2004.
   № 3. С. 3-6; № 4. С. 11-20.
- Захаров А.Н. Рациональное природопользование в условиях глобализации: международная практика и российская действительность // Российский внешнеэкономический вестник. 2003. № 8. С. 38-45.
- Захаров А.Н. Роль механизмов государственно-частного партнерства в решении эконо-

- мических и социальных проблем России // Мировое и национальное хозяйство. 2011. $\mathbb{N}^{2}$ 1. С. 2-7.
- Захаров А.Н. Тенденции развития реального капитала мира в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 4. С. 27-37.
- Толкачев С.А. Индустрия 4.0 и ее влияние на технологические основы экономической безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №1 (25). С. 86-91.
- Холодова О.А. Неполный рабочий день как способ повышения занятости населения // Экономика труда. 2016. №4. С. 359-370. DOI: 10.18334/et.3.4.37098
- Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. яз. М.: Издательство "Э", 2017. 208 с.
- Christophersona S., Martinb R., Sunleyc P., Tylerd P. Reindustrialising regions: rebuilding the manufacturing economy? // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2014. No. 7. Pp. 351–358.
- Kornev A.K., Maksimtsova S.I., and Treshchina S.V. Experience in World Industrial Development and the Reindustrialization of the Domestic Economy // Studies on Russian

- Economic Development. 2015. Vol. 26. No. 5. Pp. 460–469.
- Made in America, Again: Fourth Annual Survey of U.S.-Based Manufacturing Executives. The Boston Consulting Group. December, 2015. 13 p.
- Szirmai A. Industrialisation as an engine of growth in developing countries, 1950–2005 // Structural Change and Economic Dynamics. 2012. No. 23(4). Pp. 406–420.
- 18. Tang Jianmin. Industrial structure change and the widening Canada–US labor productivity gap in the post-2000 period // Industrial and Corporate Change. 2016. Pp. 1–20.
- Tregenna F. Characterising Deindustrialisation: An Analysis of Changes in Manufacturing Employment and GDP Internationally // Cambridge Journal of Economics. 2009. No. 33(3). Pp. 433–466.
- Wellera S., O'Neill Ph. De-industrialisation, financialisation and Australia's macro-economic trap // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2014. No. 7. Pp. 509–526.
- Zhou K., Liu T., Zhou L. Industry 4.0: Towards Future // Industrial Opportunities and Challenges. 2015 12th International Conference on Fuzzy Systems and Knowledge Discovery (FSKD).

Об авторе:

Александр Николаевич Захаров – д.э.н., профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. 119454 Москва, пр. Вернадского 76. E-mail: a.zakharov@mgimo.ru.

THE PROBLEM OF REINDUSTRIALIZATION OF THE WORLD ECONOMY

A.N. Zakharov DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-213-245

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article looks into the most important aspects of the world economy reindustrialization, examines strategies for reindustrialization of the USA, Canada, and Australia. The correlation between the world trend, namely the transition to the digital economy, and the process of reindustrialization within the framework of the Fourth Industrial Revolution is considered.

On the basis of comparison and analysis of expert evaluations, statistical data by sectors of industrial production of the USA and Canada it is shown that the absolute advantage of Canada when carrying out the re-industrialization of the economy is skilled labor, specialists with secondary education. The study confirms the fact that amid the reindustrialization on the verge of the Fourth industrial revolution, the availability of skilled labor is a necessary condition for the competitiveness of the state. The Russian Federation faces the situation when conducting the re-industrialization is complicated by adverse international economic and political environment (policy of sanctions against Russia). It is revealed that for the Russian Federation the reindustrialization of the economy shall combine the active modernization of the existing production capacity, while shaping new industries on the basis of technologies of the sixth technology wave. The comparative analysis outlined that under the circumstances the drivers of the new industrialization should be science-based industries, with the latest technologies and the largest number of highly skilled personnel concentrating there.

Key words: reindustrialization, sustainable development, competitiveness, technological readiness, Industry 4.0, digital economy program, share of innovative products, technological structure, production, resourcing, employment, export, import, production chains, USA, Australia, Canada, Russian Federation.

References

- Bodrunov S.D. Reindustrializatsiia ekonomiki kak strategicheskii prioritet razvitiia Rossii [Reindustrialization of the economy as a strategic priority of Russia's development]. Ekonomika kachestva, 2014, no. 4(8). Available at: http://eq-journal.ru/pdf/08/Бодрунов.pdf (Accessed: 02.02.2018).
- Bodrunov S.D. Imperativy, vozmozhnosti i problemy reindustrializatsii [Imperatives, Opportunities and Problems of Reindustrialization]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2013, no. 1 (35), pp. 4-12.
- Bodrunov S. Integratsiia proizvodstva, nauki i obrazovaniia kak osnova reindustrializatsii RF [Integration of production, science and education as the basis for reindustrialization of the Russian Federation]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2015, no. 10, pp. 94-104.
- Vishnevskaia N. Mobil'nost' rabochikh mest i rabochei sily [Mobility of workplaces and labor]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2015, no. 10, pp. 62-75.
- Danilova M.A., Zakharov A.N., Ivanian A.G. Zarubezhnyi opyt regulirovaniia territorial'nogo razvitiia [Foreign experience in regulating territorial development]. Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik, 2001, no. 10, pp. 32-40.
- 6. Zagashvili V. Zapadnye sanktsii i rossiis-

- kaia ekonomika [Western sanctions and the Russian economy]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2015, vol. 59, no. 11, pp. 67-77.
- 7. Zakharov A.N. Ekonomicheskaia sushchnost' i mekhanizmy povysheniia konkurentosposobnosti predpriiatiia (mirovoi opyt) [The economic essence and mechanisms of increasing the competitiveness of an enterprise (world experience)]. Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik, 2004, no. 3, pp. 3-6; no. 4, pp. 11-20.
- 8. Zakharov A.N. Ratsional'noe prirodopol'zovanie v usloviiakh globalizatsii: mezhdunarodnaia praktika i rossiiskaia deistvitel'nost' [Rational nature management in the context of globalization: international practice and Russian reality]. Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik, 2003, no. 8, pp. 38-45.
- 9. Zakharov A.N. Rol' mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v reshenii ekonomicheskikh i sotsial'nykh problem Rossii [The role of mechanisms of public-private partnership in solving economic and social problems in Russia]. *Mirovoe i natsional'noe khoziaistvo*, 2011, no. 1, pp. 2-7.
- Zakharov A.N. Tendentsii razvitiia real'nogo kapitala mira v mirovoi ekonomike [Trends in the development of real world capital in the world economy].

- Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik, 2014, no. 4, pp. 27-37.
- 11. Tolkachev S.A. Industriia 4.0 i ee vliianie na tekhnologicheskie osnovy ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Industry 4.0 and its impact on the technological foundations of Russia's economic security]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2017, no. 1 (25), pp. 86-91.
- Kholodova O.A. Nepolnyi rabochii den' kak sposob povysheniia zaniatosti naseleniia [Incomplete working day as a way to increase employment of the population]. *Ekonomika truda*, 2016, no. 4, pp. 359-370. DOI: 10.18334/et.3.4.37098
- Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. 2016. 198 p. (Russ. ed.: Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia. Moscow, E Publ., 2017. 208 p.)
- Christophersona S., Martinb R., Sunleyc P., Tylerd P. Reindustrialising regions: rebuilding the manufacturing economy? Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 2014, no. 7, pp. 351–358.
- Kornev A.K., Maksimtsova S.I., and Treshchina S.V. Experience in World Industrial Development and the Reindustrialization of the Domestic Economy. Studies on Russian Economic Development,

- 2015, vol. 26, No. 5, pp. 460-469.
- Made in America, Again: Fourth Annual Survey of U.S.-Based Manufacturing Executives. The Boston Consulting Group. December, 2015. 13 p.
- Szirmai A. Industrialisation as an engine of growth in developing countries, 1950– 2005. Structural Change and Economic Dynamics, 2012, no. 23(4), pp. 406 - 420.
- Tang J. Industrial structure change and the widening Canada–US labor productivity gap in the post-2000 period. *In*dustrial and Corporate Change, 2016, pp. 1–20.
- 19. Tregenna F. Characterising Deindustrialisation: An Analysis of Changes in Manufacturing Employment and GDP Internationally. *Cambridge Journal of Economics*, 2009, no. 33(3), pp.433–466.
- Wellera S., O'Neill P. De-industrialisation, financialisation and Australia's macroeconomic trap. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2014, no. 7, pp. 509–526.
- 21. Zhou K., Liu T., Zhou L. Industry 4.0: Towards Future. *Industrial Opportunities and Challenges*, 2015 12th International Conference on Fuzzy Systems and Knowledge Discovery (FSKD).

About the author:

Alexandr N. Zakharov – Doctor of Economic Sciences, Professor of World Economy Depart-Doctor of Economic Sciences, MGIMO–University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E–mail: a.zakharov@mgimo.ru.

Research Article P.Ja. Feldman

Вестник МГИМО-Университета. 2018. 1(58). C. 246-258 DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-246-258 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

КОРПОРАТИВИЗМ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ

П.Я. Фельдман

Академия труда и социальных отношений

В статье проведён политологический анализ западноевропейских институтов корпоративизма. Своей основной задачей автор видит изучение политики согласования интересов труда и капитала в странах Западной Европы. Применение институционального и системного подходов, наряду с эмпирическими методами, позволило автору сделать вывод о том, что в развитых европейских государствах механизмы артикуляции и политической репрезентации социально-трудовых интересов за последние 30 лет существенным образом трансформировались: имеет место переход от классической модели корпоративизма к плюралистическим формам взаимодействия государства, труда и капитала. Социальное партнёрство как инструмент коллективного торга между наёмными работниками и работодателями неуклонно вытесняется из политической сферы на отраслевой и организационный уровни. Характерные институты демократического корпоративизма (трёхсторонние комиссии, социально-экономические советы и т.д.), сыгравшие важнейшую роль в восстановлении послевоенной Европы, постепенно становятся рудиментами национальных политических систем. Внятно обозначилась тенденция к ослаблению политического влияния профсоюзов, которые в начале ХХ в. вели ожесточённую и бескомпромиссную борьбу за удовлетворение коллективных требований наёмных работников. Западноевропейские объединения работодателей утратили некогда присущую им внутрикорпоративную сплочённость. Крупные транснациональные компании предпочитают оказывать воздействие на центры принятия политико-управленческих решений автономно, пренебрегая ассоциативным членством в организациях гильдейского типа. Как следствие, на смену архаичным стратагемам корпоративистского торга приходят технологии прямого и косвенного лоббирования, Government Relations и электорального фандрайзинга. На основании выявленных тенденций автор выдвигает гипотезу о постепенном вырождении корпоративизма в Западной Европе.

Ключевые слова: корпоративизм, трипартизм, политическое согласование интересов, гражданское общество, лейбористские партии, профессиональные союзы, лоббизм.

УДК 327.82, 338.2 JEL G34 Поступила в редакцию 01.12.2017 г. Принята к публикации 15.01.2018 г.

большинстве государств Западной Европы вторая половина XX в. ознаменовалась стремительным социально-экономическим развитием на фоне сохранения внутриполитической стабильности и межклассовой кооперации. Достигнутые успехи в значительной мере объясняются эффективностью политических механизмов, обеспечивающих цивилизованное согласование интересов государства, наёмных работников и собственников капитала. Институциональной основой гармоничного взаимодействия указанных субъектов с большой долей вероятности может считаться корпоративизм как специфическая форма трёхстороннего взаимодействия между представителями власти, крупными профессиональными союзами и ассоциациями предпринимателей. Хотя данная модель зиждется на либерально-демократических принципах, она частично воплощает в себе внешние атрибуты, присущие корпоративным государствам первой половины и середины ушедшего столетия (Италии времён Б. Муссолини, Португалии президента А. Салазара, Испании генерала Ф. Франко и т.д.). Одним из первых это сходство отметил американский исследователь Ф. Шмиттер, выпустивший в 1974 г. программную статью под названием «Всё ещё век корпоративизма?» [11]. Основной пафос данной работы заключается в признании того факта, что согласование интересов организованного труда и капитала в Западной Европе по-прежнему сводится к политическому торгу между государством и организациями-монополистами, представляющими крупные социальные общности (привилегированными профцентрами и ассоциациями работодателей). Действительно, на момент выхода статьи Ф. Шмиттера имелись объективные основания для того, чтобы ответить на поставленный в её заголовке вопрос положительно. Однако за последние три десятилетия в наиболее развитых европейских странах политика согласования интересов труда и капитала претерпела ряд весьма существенных изменений, вследствие чего назрела необходимость уточнить её ключевые свойства. В итоге может быть сделан вывод о перспективах корпоративизма в XXI в.

Анализ национальных моделей политического согласования интересов труда и капитала целесообразно начать с Великобритании. Политическая, экономическая и культурно-историческая обособленность этой страны свидетельствует об уникальности её опыта в масштабах западноевропейского региона, однако имперское прошлое Соединённого Королевства обуславливает воспроизводство характерных для него политических институтов практически во всех частях Земли. Британская модель политического согласования интересов труда и капитала парадоксальным образом воплощает в себе левые идеи тредюнионизма и консервативные принципы политики «тэтчеризма», многие из которых актуализировались на современном этапе [3]. Идейно-концептуальный контур данной модели формируют либеральные идеологемы, предполагающие минимизацию государственного вмешательства в политические отношения между группами интересов.

Research Article P.Ja. Feldman

Прочные позиции лейбористской партии в парламенте и высокий организационно-экономический потенциал тред-юнионов вплоть до последних десятилетий XX в. позволяли поддерживать статус-кво в отношениях между государством, объединениями наёмных работников и ассоциациями работодателей. Как следствие, вопрос о политическом неравенстве британских профсоюзов и финансово-экономического лобби долго оставался неактуальным. Ситуация коренным образом изменилась с приходом к власти М. Тэтчер. Ограничение финансовых и политических свобод профессиональных союзов, а также показательная победа премьер-министра Великобритании в конфликте с Национальным союзом горняков нанесли колоссальный удар по имиджу тред-юнионов и повлекли массовый выход граждан из рядов рабочего движения. В период количественного превалирования лейбористов в палате общин с 1997 по 2010 гг. позиции организованного труда несколько укрепились, однако изменение партийной конфигурации парламента после очередных выборов усилило тенденцию к сокращению политических ресурсов профсоюзного движения.

Объединения наёмных работников и работодателей Соединённого Королевства характеризуются высоким уровнем децентрализации. В частности, 90% забастовок на предприятиях организуют местные профсоюзы без согласования с вышестоящими инстанциями или национальными профцентрами. Влияние ассоциаций наёмных работников на государственную политику достигается преимущественно благодаря их тесному партнёрскому взаимодействию с лейбористами, которым они традиционно оказывают моральную и материальную поддержку в ходе выборных кампаний. Британский исследователь Ф. Нортон отмечает, что столь тесных связей между тред-юнионами и трудовыми партиями, как в Великобритании, не обнаруживается ни в одной другой стране Запада [6, с. 181]. По мнению вышеупомянутого автора, механизмы воздействия английских профсоюзов и работодательских объединений на политические институты не отличаются большим разнообразием. «Тред-юнионы предпочитают полностью полагаться на лейбористскую партию для достижения своих политических целей», а «бизнес более тесно сотрудничает с консерваторами», - констатирует Ф. Нортон [6, с. 182]. Принятие закона «О прозрачности лоббизма, проведении непартийных политических кампаний и управлении профессиональными союзами» в 2014 г. существенно ограничило допустимые инструменты и механизмы электоральной поддержки политических партий со стороны тред-юнионов. Данный нормативный акт, по мнению британского эксперта К. Эвинга, был призван «заглушить предвыборную агитацию профсоюзов в пользу лейбористов» и «ограничить политические свободы рабочих ассоциаций»¹. Существуют весомые основания полагать, что принятие соответствующего закона способствовало победе консерваторов на парламентских выборах 2015 г.

¹ Ewing K. Trade unions and the lobbying Bill // The Institute of Employment Rights. 29.08.2013. URL: http://www.ier.org. uk/blog/trade-unions-and-lobbying-bill (дата обращения: 25.01.2018).

Для британской политики согласования интересов труда и капитала характерно отсутствие корпоративистских институтов, наделённых какими бы то ни было властными функциями. В 1962 г. в Великобритании был учреждён «Национальный совет по экономическому развитию», объединивший представителей бизнеса, профсоюзов и органов власти в процессе коллективной выработки политико-управленческих решений [7, с. 99]. Однако тридцать лет спустя члены правительства и представители палаты лордов добились упразднения данного трипартистского института, мотивировав его ликвидацию окончанием эры корпоративизма, стремительным развитием малого и среднего бизнеса, а также необходимостью либерализации отношений между трудом и капиталом. Можно констатировать, что принципы социального партнёрства, успешно воплощённые в ряде европейских государств, чужды политической системе Англии. С одной стороны, это способствует повышению открытости и публичности конкурентной борьбы между организованным трудом и капиталом, но с другой – ставит политическое влияние профсоюзов и бизнес-структур в тотальную зависимость от электоральных предпочтений граждан и партийной конфигурации парламента.

Менее тесное, но достаточно интенсивное сотрудничество между рабочими союзами и лейбористами характерно для скандинавской модели политического согласования интересов труда и капитала. Так, Шведская конфедерация профсоюзов имеет сложившуюся систему партнёрских коммуникаций с социал-демократами, а тред-юнионы Норвегии много лет на взаимовыгодной основе поддерживают Трудовую партию². Уникальность настоящей модели, с нашей точки зрения, заключается в её специфических социал-корпоративистских чертах, которые демонстрируют устойчивость к политическим и экономическим вызовам современности. Нормативно-ценностным фундаментом скандинавской политики согласования интересов служит концепция «государства всеобщего благосостояния», которая предполагает высокий уровень корпоративной солидарности людей наёмного труда и собственников капитала. Паритетное участие власти и групп давления в процессе регулирования социально-трудовой сферы реализуется посредством заключения двусторонних и трёхсторонних соглашений по вопросам тарифов, занятости, пенсионного обеспечения и т.л.

Подходы скандинавских держав к упорядочению политических отношений между трудом и капиталом при всей их внешней схожести не идентичны. В Дании можно констатировать наличие децентрализованной, консенсусно ориентированный системы социального партнёрства, в которой профсоюзы и предпринимательские объединения выступают активными субъектами зако-

² Allern E.H., Aylott N., Christiansen F.L. Scenes from a marriage. Social Democrats and trade unions in Scandinavia // Centre for Voting and Parties Department of Political Science University of Copenhagen. 27 p. URL: http://cvap.polsci. ku.dk/publikationer/arbejdspapirer/working_paper_1/allern_et_al_scenes_from_a_marriage.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

Research Article P.Ja. Feldman

нотворческого процесса³. В отличие от государств Скандинавского полуострова, Дания тяготеет к модели бипартизма, предполагающей минимизацию политико-управленческого воздействия власти на социально-трудовую сферу. За последние десятилетия количество корпоративистских институтов (экспертных комиссий и общественных советов при ведомствах) в этой стране существенно сократилось. Неолиберальные трансформации во внутренней политике Дании 1990-х гг. изменили некоторые принципы политического участия групп давления - в частности, профсоюзы и ассоциации работодателей стали чаще прибегать к использованию лоббизма, нежели традиционных инструментов социального диалога. В Норвегии государство играет значительно более активную роль в сфере упорядочения отношений труда и капитала. Норвежская система социального партнёрства по праву считается в Европе самой централизованной и жёстко регулируемой. Основные принципы её функционирования не зависят от соотношения сил в парламенте. В настоящее время Трудовая партия Норвегии состоит в оппозиции к правоцентристскому большинству, но это не сказывается на силе политического влияния профессиональных союзов.

Ключевые принципы скандинавской политики согласования интересов труда и капитала наиболее концентрированно выражены в политической системе современной Швеции, где представители рабочих и деловых ассоциаций участвуют в работе экспертных советов при министерствах и ведомствах, осуществляющих выработку социально-экономического курса страны. Шведский политический консенсус между капиталом и трудом зиждился на партнёрском взаимодействии национальной Федерации профсоюзов и Конфедерации работодателей (SAF), пока в 1992 г. под давлением транснациональных корпораций представители SAF в одностороннем порядке не вышли из системы социального партнёрства. В результате возникла угроза делегитимизации ключевых институтов административного корпоративизма. По мнению скандинавского исследователя Х. Йоргенсена, политическая система Швеции отреагировала на произошедшие изменения несколько нетипично для страны с доминированием социал-демократической идеологии [4]. В частности, мощный импульс к развитию получил институт лоббизма, который оказался в равной степени востребованным как организованным трудом, так и капиталом. Официальные данные о лоббистской деятельности шведских групп давления свидетельствуют о том, что 55% профессиональных союзов и 39% работодательских ассоциаций контактируют с политическими партиями и органами власти не реже одного раза в месяц [8]. Кроме того, ведущие профсоюзы и объединения предпринимателей с нарастающей интенсивностью задействуют медиа-ресурсы, чтобы воздействовать на органы власти посредством формирования выгодного для себя обще-

³ Mailand M. Corporatism in Denmark and Norway - yet another century of Scandinavian corporatism? // Employment Relations Research Centre. 31.10.2008. 13 p. URL: http://faos.ku.dk/pdf/artikler/videnskabelige_artikler/2009/Corporatism_in_Denmark_and_Norway_0109.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

ственного мнения. На современном этапе скандинавская модель социал-корпоративизма проходит испытание беспрецедентными вызовами, сопряжёнными с экономической и политической евроинтеграцией. Велика вероятность того, что она не сможет сохранить свою идентичность под давлением транснациональных корпораций и брюссельской бюрократии, которая активно насаждает принципы либерализма.

В рамках настоящего исследования нельзя обойти вниманием немецко-австрийский опыт. Американский автор П. Катценштайн называет сложившуюся в этих странах модель, основанную на добровольном и преимущественно неформальном согласовании интересов конфликтующих сторон посредством политического торга, демократическим корпоративизмом [5, с. 27]. Трёхсторонний диалог между властью, профсоюзами и капиталом сыграл заметную роль в послевоенном восстановлении Австрии и Германии, однако к началу XXI в. корпоративистские институты данных государств претерпели серию весьма значительных трансформаций. В настоящее время механизмы социального партнёрства фактически выведены за пределы политической системы ФРГ и сосредоточены на локальном регулировании социально-трудовых отношений. Подобная модель позволяет работникам и работодателям в двустороннем порядке решать широкий спектр вопросов без координирующего вмешательства государства. Предпринятые в конце 1970-х и начале 2000-х гг. попытки включить организованный труд и капитал в процесс принятия политико-управленческих решений за счёт создания трипартистских органов носили временный характер и не увенчались успехом. На сегодняшний день в Германии нет коллегиального политического института, который бы на постоянной основе объединял представителей власти, профсоюзов и бизнеса. Однако, как показывает практика, эффективность немецкой политики согласования интересов труда и капитала от этого нисколько не падает, о чём свидетельствует низкое количество социально-трудовых конфликтов и стабильно высокий, по меркам Евросоюза, уровень доходов населения.

Полагаем, что достигнутая в ФРГ межклассовая гармония обуславливается развитой культурой политического участия групп интересов и стремлением государства к поддержанию цивилизованного диалога с институтами гражданского общества. По мнению европейских исследователей Р. Стабса и Г. Унтерхила, политическое представительство интересов наёмных работников и работодателей Германии не было бы столь эффективным без соответствующей поддержки со стороны власти [9]. Такая поддержка включает финансовую подпитку групп интересов, а также предоставление им привилегированного доступа к центрам принятия политико-управленческих решений. Благодаря тому, что в современной ФРГ лоббистскую деятельность принято отождествлять с экспертным консультированием органов власти, представители профсоюзов и деловых объединений воспринимаются государством как ценные, с практической точки зрения, партнёры. При этом немецкая политика согласования ин-

Research Article P.Ja. Feldman

тересов не отличается высоким уровнем институционализации. Обязательной регистрации подлежат лишь те организации, которые оказывают лоббистское воздействие на нижнюю палату парламента. К середине 2017 г. в официальном реестре аккредитованных при бундестаге лоббистских групп насчитывалось около 40 профессиональных союзов и более 15 неправительственных учреждений, выражающих интересы работодателей⁴. Уполномоченные представители данных институтов гражданского общества допущены к работе парламентских комитетов и комиссий в качестве экспертов.

Специфическая особенность политической системы современной Германии заключается в высокой пластичности политических предпочтений людей наёмного труда и собственников капитала. Немецкие эксперты В. Штреек и А. Хассель справедливо отмечают, что профсоюзы ФРГ при необходимости могут вступать в альянс не только с идеологически близкими им социал-демократами, но и с демохристианами [10]. Это существенным образом отличает немецкую модель политического представительства интересов наёмных работников от британской, где степень влияния тред-юнионов на органы власти прямо детерминирована электоральными позициями лейбористов. Кроме того, высокий уровень развития политико-коммуникационной инфраструктуры Германии позволяет конкурирующим группам давления проводить масштабные информационные кампании в поддержку своих интересов. Позиции немецких профсоюзов и деловых ассоциаций находят комплексное отражение в общественно-политическом дискурсе благодаря традиционно высокому вниманию лидеров общественного мнения и представителей СМИ к социально-трудовой проблематике.

В целом, немецкую политику согласования интересов труда и капитала можно охарактеризовать как пластичную, плюралистическую, транспарентную и умеренно либеральную. При всех очевидных достоинствах данной модели, мы находим в ней и слабые стороны. Во-первых, её стабильности в перспективе может угрожать резкое падение уровня профсоюзного членства, неизбежно влекущее за собой политическое ослабление рабочего движения. Во-вторых, децентрализация системы социального партнёрства и отсутствие общенациональных институтов корпоративизма способствуют асимметричному социально-экономическому развитию федеральных земель (до сих пор в Германии актуальна проблема неравномерного распределения трудовых доходов в восточной и западной частях страны). В-третьих, для немецкой модели характерен чрезвычайно низкий уровень формализации механизмов политического представительства интересов труда и капитала. Полагаем, что наличие развитой системы неформальных партнёрских коммуникаций между государством и

⁴ Ständig aktualisierte Fassung der öffentlichen Liste über die Registrierung von Verbänden und deren Vertretern // Parliamentsarchiv Deutscher Bundestag. 01.02.2018. 887 p. URL: http://www.bundestag.de/blob/189476/3563d55b48d 685cf853a5e38f734475f/lobbylisteaktuell-data.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

гражданским обществом не отменяет потребности в политических институтах, предоставляющих организованному труду и капиталу гарантированный законом допуск к процессу принятия политико-управленческих решений органами власти. В противном случае профессиональные союзы и объединения предпринимателей могут лишиться своего политического влияния, как только позиция истеблишмента в отношении них претерпит гипотетические изменения (подобный сценарий развития событий исключать нельзя).

Французская модель политики согласования интересов труда и капитала обладает рядом весьма специфичных черт. Во-первых, её характеризует чрезвычайно низкий охват граждан профсоюзным членством (менее 10%) и конфликтно ориентированный характер отношений между организованным трудом и капиталом. Кроме того, профсоюзы Франции не отличаются высокой сплочённостью и взаимной солидарностью, напротив - они расколоты на три ожесточенно конкурирующие группы, каждая из которых выступает носителем определённой политической идеологии. Так, «Генеральная конфедерация труда» (Confédération générale du travail) придерживается коммунистических воззрений, крупный национальный профцентр «Рабочая сила» (Force Ouvrière) разделяет социал-демократические идеи, а «Конфедерация христианских работников» (Confédération française des travailleurs chrétiens) занимает консервативную позицию. По сравнению с аналогичными заинтересованными группами ведущих стран еврозоны, французские объединения наёмных работников и работодателей традиционно отличаются своей радикальностью и глубокой политизированностью. Характерное для немецкой и скандинавской моделей стремление к поддержанию социально-политического консенсуса между ключевыми субъектами общественно-производственных отношений не отмечается нами в современной Франции. Более того, датский социолог К. Йенсен утверждает, что задача построения стабильных и высокоинституционализированных отношений труда и капитала никогда не значилась в актуальной общественно-политической повестке этой страны [2].

Постоянная социально-экономическая и политическая напряжённость между ассоциациями наёмных работников, властью и бизнесом вынуждает государство замыкать на себе значительный объём функций по регулированию социально-трудовой сферы. В отличие от Великобритании, современная Франция идёт по пути жёсткого законодательного нормирования всех аспектов, касающихся труда и занятости граждан. В соответствии с реализуемым в этой

overview#1 (дата обращения: 18.01.2017).

⁹ Ввиду отсутствия данных в анализе этого аспекта не учитывались Мальдивская Республика и Бутан. Однако есть все основания предполагать, что их зависимость от импорта продовольствия находится на таком же высоком уровне, как и у Шри-Ланки. Более подробно см. *Sekhar C.S.C. and Bhatt Yogesh*. Food Security in South Asia − Prospects for Regional Integration / UNCTAD. Institute of Economic Growth. Background Paper №RVC 6. − November 2012. P. 15.

¹⁰ The World Bank. South Asia Region. [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldbank.org/en/region/sar/

¹¹ Dietary Guidelines for Indians. A Manual // National Institute of Nutrition. – Indian Council of Medical Research. – Hyderabad – 500007, India, 2011. P. 3.

Research Article P.Ja. Feldman

стране принципом «относительно всех» (erga omnes), действие коллективных соглашений автоматически распространяется на подавляющее большинство наёмных работников и работодателей в рамках конкретной отрасли. Подобная политика согласования интересов, на наш взгляд, способствует снижению мотивации членства в рабочих и предпринимательских объединениях, а, следовательно, сама себя делегитимизирует. Полагаем, что применение механизма erga omnes в целях гармонизации общественно-производственных отношений уместно исключительно в странах с массовым профсоюзным охватом и высоким уровнем доверия граждан к институтам трипатизма или бипартизма.

Другая характерная особенность французской политики согласования интересов, с нашей точки зрения, заключается в существовании общенационального Совета по социально-экономическим и экологическим вопросам, который, в соответствии с конституцией, наделён статусом главного экспертносовещательного института страны. Структура и специфика функционирования данного органа позволяют усмотреть в нём рудиментарные корпоративистские черты. Из 233-х членов Совета 69 делегированы профсоюзами и более 50 представляют ассоциации, выражающие интересы работодателей. В числе прочего, Совет собирает петиции рядовых граждан и транслирует их требования на уровень власти. Однако даже обладая внятным политико-правовым статусом и богатыми традициями участия в общественно-политической жизни Франции, данный коллегиальный орган не может считаться институтом власти, поскольку его решения носят преимущественно рекомендательный характер и нередко игнорируются государством. Американский автор Г. Виарда критически оценивает роль Совета в гармонизации отношений между организованным трудом и капиталом, подчёркивая политическую слабость данного института [12]. По его мнению, имеет место своеобразный парадокс: несмотря на то, что именно во Франции закладывались идейно-концептуальные основы корпоративизма, на сегодняшний день институты политического согласования интересов работников и работодателей в этой стране «слабы, недисциплинированны и мало эффективны» [12]. Мы находим подобную оценку чрезмерно пессимистичной, но небезосновательной. Однако даже в условиях социально-политической дисгармонии в отношениях труда и капитала французским властям пока удаётся поддерживать достаточно высокие по европейским меркам гарантии в сфере труда и занятости.

Сходная модель политического согласования интересов труда и капитала сложилась в современной Италии. Как и во Франции, в Италии профсоюзы раздроблены по идеологическому признаку, а объединения работодателей не отличаются высоким уровнем институциональной организации. При этом трёхстороннее взаимодействие государства, объединений наёмных работников и бизнеса характеризуется перманентной конфликтностью и хаотичностью. От корпоративного государства времён Муссолини современная Италия унаследовала характерный институт политического корпоративизма – Национальный

совет экономики труда (аналог французского Совета по социально-экономическим и экологическим вопросам), куда в общей сумме входят 46 представителей профсоюзов и предпринимательских объединений, а также ряд экспертов и общественных деятелей. Заметим, что данный коллегиальный орган не только осуществляет экспертизу законопроектов, но и, согласно конституции, обладает правом законодательной инициативы. Сравнительно успешное функционирование Национального совета всё-таки не позволяет охарактеризовать итальянскую политику согласования интересов труда и капитала как оптимальную. По мнению швейцарского исследователя Л. Баккаро, Италия с присущей ей организационной фрагментацией и неразвитостью системы социального партнёрства начиная с 1990-х гг. неуклонно отдаляется от модели политического корпоративизма [1]. Возникающий институциональный вакуум постепенно заполняют теневые механизмы лоббирования, что, однако, не сильно диссонирует с общеевропейскими тенденциями.

Завершая политологический анализ западноевропейского опыта, целесообразно сделать ряд обобщающих выводов. Прежде всего, необходимо отметить, что политика согласования интересов наёмных работников и работодателей в большинстве европейских держав эволюционирует в русле универсальных тенденций, заключающихся в институциональной деградации и делегитимизации корпоративистских практик. Традиционные механизмы политического трипартизма, вплоть до конца XX в. позволявшие успешно поддерживать баланс групповых интересов в процессе общественного производства, на современном этапе отчётливо демонстрируют своё несоответствие реалиям и вызовам глобализующегося мира. Социальное партнёрство как инструмент коллективного торга между наёмными работниками и работодателями неуклонно вытесняется за рамки политической сферы на отраслевой и организационный уровни. Характерные институты демократического корпоративизма (трёхсторонние комиссии, социально-экономические советы и т.д.), сыгравшие важнейшую роль в восстановлении послевоенной Европы, постепенно становятся рудиментарными органами национальных политических систем.

Динамика политических процессов, разворачивающихся в развитых европейских странах, убедительно свидетельствует о том, что механизмы артикуляции и политической репрезентации социально-трудовых интересов за последние 30 лет существенным образом трансформировались. В частности, внятно обозначилась тенденция к ослаблению политического влияния профсоюзов, которые в начале XX в. являли пример ожесточённой и бескомпромиссной борьбы за удовлетворение коллективных требований наёмных работников. Стремительное сокращение социальной базы тред-юнионов, резкое снижение их забастовочной активности, организационная инертность, склонность к внутренней олигархизации, бюрократизму и оказёниванию ставят под сомнение способность современных западных профсоюзов полноценно артикулировать и адекватно выражать потребности людей труда в отношениях с организованным

Research Article P.Ja. Feldman

капиталом и органами власти. В ряде развитых государств ведущие национальные профцентры преобразовались в клиентелы лейбористских партий, некогда учреждённых самими рабочими ассоциациями для реализации своих политических целей. Кризис общественного доверия к профессиональным союзам в ближайшей перспективе может лишить западный корпоративизм его главной институциональной опоры и тем самым поставить под вопрос легитимность политики согласования интересов труда и капитала. Однако следует отметить, что характерный для Европы упадок тред-юнионизма распространятся главным образом на политическую сферу и в меньшей степени затрагивает уровень производственных коллективов.

Политические системы европейских держав эволюционируют в сторону либерализации и плюрализации механизмов согласования интересов организованного труда и капитала. В частности, на смену архаичным стратагемам корпоративистского торга приходят технологии прямого и косвенного лоббирования, Government Relations и электорального фандрайзинга. Мощный импульс к развитию на современном этапе получил так называемый «альтернативный труд» в лице компактных и высокомобильных неправительственных организаций, специализирующихся на политическом представительстве интересов индивидуальных предпринимателей, самозанятых граждан и работников крупных торговых сетей. Подобные группы давления лучше адаптированы к открытой и конкурентной модели политического согласования интересов, нежели консервативные профсоюзы, более века занимающие привилегированное положение в системе социального партнёрства.

Западноевропейские объединения работодателей утратили некогда присущую им внутрикорпоративную сплочённость. Крупные транснациональные компании предпочитают оказывать воздействие на центры принятия политико-управленческих решений автономно, пренебрегая ассоциативным членством в организациях гильдейского типа. Таким образом, на современном этапе организованный труд и капитал уже не могут рассматриваться как две институционально монолитные корпорации, противопоставленные друг другу в политическом пространстве. Как следствие, традиционные профсоюзы и объединения работодателей становятся всё менее репрезентативными по отношению к группам, от чьего имени они выступают, а достигаемые ими соглашения не получают должной легитимации со стороны общества. На фоне столь драматических преобразований целесообразно, перефразируя заголовок известной статьи Ф. Шмиттера, поставить перед экспертным сообществом дискуссионный вопрос: «Станет ли XXI в. для западноевропейских стран ещё одним веком корпоративизма?» [11]. Полагаем, что в случае углубления выявленных нами тенденций ответ на данный вопрос будет отрицательным.

Список литературы

- Baccaro L. The Construction of "Democratic" Corporatism in Italy // Politics and Society. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 327-357.
- Jensen K.S. Trade Unionism: Differences and Similarities – A Comparative View on Europe, USA and Asia // Journal of Industrial Relations. 2006. Vol. 48. Iss. 1. Pp. 59-81. DOI: 10.1177/0022185606059314.
- Jessop R.D. From Thatcherism to New Labour: neo-Liberalism, workfarism, and labour market regulation // The political economy of European employment: European integration and the transnationalization of the (un)employment question. London: Routledge, 2003. Pp. 137-153.
- Jorgensen H. The Role of the Trade Unions in Social Restructuring in Scandinavia in the 1990s // Revue Francaise Des Affaires Sociales. 2003. Iss. 4. Pp. 151-176.
- Katzenstein P.J. Corporatism and Change, Austria, Switzerland, and the Politics of Industry. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 1984. 334 p.

- Norton P. The British Polity. N.Y.: Routledge. 2010. 496 p.
- Ringe A. The national economic development council 1962–67 // Contemporary British History. 1998. Vol. 12. Pp.99-130. DOI: 10.1080/13619469808581471
- 8. Svensson N., Oberg P.O. Labour Market Organizations Participation in Swedish Public Policy-Making // Scandinavian Political Studies. 2002. Vol. 25. Pp. 295-316.
- 9. Stubbs R., Underhill G. Political Economy and the Changing Global Order. Oxford: Oxford University Press, 1994. 561 p.
- Streeck W., Hassel A. Trade Unions as Political Actors // International Handbook of Trade Unions. Edward Elgar Publishing, 2003. Pp. 335-365.
- Schmitter P.C. Still the Century of corporatism? // The Review of Politics. 1974. Vol. 36. No. 1. Pp. 85-131.
- 12. Wiarda H.G. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Ism". New York: Routledge, 1996. 212 p.

Об авторе:

Павел Яковлевич Фельдман – к.полит.н., доцент, доцент кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений. 119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90. E-mail: pavelfeld@mail.ru.

CORPORATISM IN WESTERN EUROPE: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR EVOLUTION

P.Ja. Feldman DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-246-258

The Academy of Labor and Social Relations

The article conducts a political analysis of the Western European institutions of corporatism. The main task of the author is the study of the policy of harmonizing the interests of labor and capital (trade unions and employers' associations), which is implemented in countries such as the UK, Germany, France, Italy, Norway, Sweden, Denmark etc. Dynamics of political processes unfolding in the space of Western Europe, suggests that the mechanisms of articulation and political representation of social and labour interests have significantly transformed over the past 30 years. The use of institutional and systemic approaches along with the empirical methods, leads to the conclusion that the most developed European countries

Research Article P.Ja. Feldman

are moving from the classical model of corporatism to a more pluralistic forms of interaction between the state, labour and capital. Social partnership as an instrument of collective bargaining between employees and employers is displaced from the political sphere to the sectoral and organizational levels. The typical institutions of democratic corporatism (tripartite commissions, socio-economic councils, etc.), who played a crucial role in rebuilding postwar Europe, become rudimentary organs of the national political systems. In addition, there is a tendency to weaken the political influence of trade unions, who successfully struggled for the satisfaction of collective demands of workers in the beginning of XX century. Large multinational companies prefer to influence the political decision-making centers autonomously, ignoring the associative membership in the guild organizations. As a consequence, corporatist bargaining is being replaced by direct and indirect lobbying, Government Relations and election fundraising. When accounting for identified trends, the author presents a hypothesis that the evolution of corporatism in Western Europe will lead to its gradual degeneration. Taking into account the identified trends, the author presents a hypothesis that the evolution of corporatism in Western Europe leads to its gradual degeneration.

Key words: corporatism, tripartism, a political coordination of interests, civil society, labor party, trade unions, lobbying.

References

- Baccaro L. The Construction of "Democratic" Corporatism in Italy. *Politics and Society*, 2002, vol. 30, no. 2, pp. 327-357.
- Jensen K.S. Trade Unionism: Differences and Similarities – A Comparative View on Europe, USA and Asia. *Journal of In*dustrial Relations, 2006, vol. 48, iss. 1, pp. 59-81. DOI: 10.1177/0022185606059314.
- Jessop R.D. From Thatcherism to New Labour: neo-Liberalism, workfarism, and labour market regulation. The political economy of European employment: European integration and the transnationalization of the (un)employment question. London, Routledge Publ., 2003. Pp. 137-153.
- Jorgensen H. The Role of the Trade Unions in Social Restructuring in Scandinavia in the 1990s. Revue Francaise Des Affaires Sociales, 2003, iss. 4, pp. 151-176.
- Katzenstein P.J. Corporatism and Change, Austria, Switzerland, and the Politics of Industry. Ithaca, N.Y., Cornell University Press Publ., 1984. 334 p.

- 6. Norton P. *The British Polity*. New York, Routledge Publ., 2010. 496 p.
- Ringe A. The national economic development council 1962–67. Contemporary British History, 1998, vol. 12, pp. 99-130. DOI: 10.1080/13619469808581471
- Svensson N., Oberg P.O. Labour Market Organizations Participation in Swedish Public Policy-Making. *Scandinavian Political Studies*, 2002, vol. 25, pp. 295-316.
- Stubbs R., Underhill G. Political Economy and the Changing Global Order. Oxford, Oxford University Press Publ., 1994. 561 p.
- Streeck W., Hassel A. Trade Unions as Political Actors. *International Handbook of Trade Unions*. Edward Elgar Publ., 2003. Pp. 335-365.
- 11. Schmitter P.C. Still the Century of corporatism? The Review of Politics, 1974, vol. 36, no. 1, pp. 85-131.
- Wiarda H.G. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Ism". New York, Routledge Publ., 1996. 212 p.

About the author:

Pavel Ja. Feldman – PhD in Political Sciences, associate professor of the department of philosophy and social science. The Academy of labor and social relations. 117454, Russian Federation, Moscow, Lobachevsky Street 90. E-mail: pavelfeld@mail.ru.

ЧЕРЕЗ ДВА МОРЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЁНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ ПОЛЬШИ И КАЗАХСТАНА

С.А. Скляров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Od Chanatu do Republiki. Historyczne i współczesne uwarunkowania państwowości Kazachstanu. Wyższa szkoła stosunków międzynarodowych i komunikacji społecznej w Chełmie. Chełm, 2016, 280 S.

В 2016 г. издан сборник научных работ польских, казахстанских и литовских авторов, посвящённый становлению и развитию современного Казахстана. В нём исследуется широкий спектр исторических, юридических, политологических, экономических, экологических, этноконфессиональных и культурных вопросов. Часть статей написана на русском, часть – на польском, часть – на английском языках. Издание сборника стало свидетельством интереса, который к Казахстану испытывают в Польше – стране, десятки тысяч жителей которой в разные времена оказались заброшены в казахские степи, и где до сих пор имеется польская диаспора.

Ключевые слова: гуманитарные связи, история, Казахстан, ханство, республика, Польша.

Book Reviews S.A. Sklyarov

есколько месяцев назад вышел в свет сборник научных статей, посвящённых различным аспектам становления и развития государственности Казахстана. В этом не было бы ничего примечательного, если бы сборник был издан в Казахстане, а языком публикаций был бы казахский или русский – наиболее распространённые языки в научной среде этой страны. Подобные научные сборники издаются ежегодно, что подчёркивает не только общественно-политическую значимость подобной тематики научных исследований для сложившихся государств, но и наличие в них собственных школ гуманитарных исследований. Не вызывало бы особых эмоций издание подобных книг также в странах, претендующих на глобальное лидерство в научных исследованиях, на осмысление всего политического и экономического мироустройства.

Рецензируемый сборник выпадает из устоявшихся схем. Издан он в Польше – европейской стране, которую никак не отнесёшь к мировым лидерам региональных и страноведческих исследований удалённой от Казахстана на 2 тыс. км. Тем не менее, здесь регулярно выходят научные работы, посвящённые Казахстану, а центры подобных исследований сложились в крупных университетских городах: Варшаве, Кракове, Познани, Вроцлаве, Торуни и Хелме. Составители и издатели рецензируемого сборника во введении остановились на исторических причинах интереса польской научной общественности к Казахстану. Первые контакты поляков с землями, входящими в современный Казахстан, относятся к XIII в., когда польский путешественник и исследователь Бенедикт Поляк в составе миссии, отправленной в 1245 г. папой Иннокентием IV, сопровождал францисканца Джованни дель Плано Карпини в ставку монгольского хана в Каракорум. В дальнейшем, вплоть до XVIII в., сведения, которые польские авторы приводили в своих работах по географии и международным отношениям на территории современного Казахстана, основывались в основном на источниках Великого княжества Московского и Российского государства, а также европейских путешественников, например, Марко Поло. Последующее развитие польско-казахских связей и исследований связано с Россией и Советским Союзом.

Нынешний повышенный интерес польских исследователей к Казахстану, а казахстанских – к Польше и трудам польских учёных, проистекает во многом из нахождения польских и казахстанских земель в XVIII–XX вв. (польских до 1917 г.) в составе Российской империи. Поляки внесли свой вклад в исследование казахских земель и населения, находясь на службе у Российской империи, а также будучи там в ссылке. Тысячи поляков были сосланы в Южную Сибирь, или «Степной край» (регионы Северного Казахстана после восстаний 1830-1831 и 1863 гг. Среди них было много представителей шляхты, образованных людей, которые с увлечением взялись за изучение ранее неизвестного края, ставшего не по их воле их новым домом. Более поздние депортации поляков в Казахстан пришлись на период начала Второй мировой войны и присоединения к Совет-

С.А. Скляров

скому Союзу в 1939 г. по пакту Молотова-Риббентропа территорий Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вопрос депортации поляков в Казахстан во времена Российской империи и Советского Союза поднимает в своей статье Бурктибай Аяган, в числе источников использовавший данные НКВД из Северо-Казахстанского областного архива. В статье приводятся статистические данные о численности польской диаспоры в Казахстане: в середине 1920-х гг. в Казахстане проживало чуть более 8 тыс. поляков, а в 1938 г. общая численность депортированных (в том числе в Казахстан) поляков составляла почти 140 тыс. человек, или 16% всех проживавших на территории СССР лиц польской национальности. В 1939-1941 гг. несколько десятков тысяч поляков были депортированы с Западной Украины и Западной Белоруссии. Государство создавало вокруг переселенцев атмосферу враждебности и отказывало им в предоставлении средств на обустройство. Многие из выживших депортированных после окончания Второй мировой войны вернулись на родину, но многие остались в Казахстане. Новая волна репатриации поляков и их потомков пришлась на период независимости, когда Казахстан покинули десятки тысяч человек. Тем не менее, в Казахстане по-прежнему проживает польская диаспора - по переписи 2009 г. более 34 тыс. поляков по сравнению с почти 60 тыс. в 1989 г. в Казахской ССР1.

После 1991 г., когда потомки депортированных поляков получили шанс вернуться на историческую родину, в Польше произошёл всплеск интереса к изучению Казахстана. В результате в имеющих многовековую историю исследованиях польских авторов можно проследить эволюцию в названии земель, входящих в Казахстан, и населяющих его этносов. От средневековой Тартарии и татар к последующему выделению из государства кочевых узбеков ряда племён, создавших в киргизских степях государственно-племенные образования киргиз-кайсаков, как вплоть до XX в. было принято именовать казахов.

Статья В. Соколовского освещает различные подходы казахстанских и европейских авторов к вопросу казахской государственности в XV–XVIII вв. В 2015-2016 гг. в Казахстане официально отмечалось 550-летие основания ханства. Эта дата привязана к учреждению правовой системы, аккумулирующей нормы шариата и традиционного монгольского права. За 350 лет существования ханства было проведено три кодификации права, инициаторами которых выступили ханы Касым, Есим и Таук.

Как известно, традиционные европейские школы ключевым признаком государственности считают существование устойчивой территории и границ, чего у кочевников не было. Близка к этой точке зрения позиция российских исследователей, указывающих, что в отличие от Крымского, Казанского, Астра-

¹ Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Астана 2010. С. 5. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjYvNvbnrzZAhVHUIAKHQbsCfEQFggnMAA&url=http%3A%2F%2Fstat.gov.kz%2FgetImg%3Fid%3DWC16200032648&usg=AOvVaw2zZnnm_Gg-Fon_MItWDhit (дата обращения: 24.01.2018).

Book Reviews S.A. Sklyarov

ханского и Сибирского ханств в российских источниках того времени не упоминается «Казахстанское ханство». Говорится о трёх жузах и об отношениях с казахской степью.

Учитывая различия в методологии, польские учёные осторожно подходят к вопросу государственности у казахов в XV–XVIII вв. Вопрос о том, считать ли кочевое Казахское ханство государством, остаётся дискуссионным. Автор статьи полагает, что несмотря на кочевую специфику, о существовании Казахского ханства можно говорить даже после присоединения к России в 1731 г. Младшего жуза, т.к. Средний жуз и дальше отстаивал независимость от Китая и России. По мнению Соколовского, казахи окончательно утратили суверенитет в 1847 г., когда завершился процесс подчинения казахских жузов России.

В первой части сборника рассматриваются исторические аспекты формирования казахстанской государственности. Выделим работу Султана Хана Аккулу (Жусипа), посвящённую судьбе казнённого в ходе сталинских репрессий Алихана Букейханова (Букейхана), главы и премьер-министра Алашской автономии. В ней прослеживается эволюция взглядов Букейханова (1866-1937), который открыто критиковал В. Ленина за пренебрежение интересами народов, сравнивал его с Николаем ІІ. Вынужденно признав советскую власть, отказавшись от вооружённой борьбы с ней, Букейханов и его сторонники сосредоточились на деятельности в сфере образования и науки, стремясь придать ей национальную окраску.

Вторая часть сборника посвящена правовым, экономическим, политологическим, социальным и международным аспектам становления государственности Казахстана.

Вопросы создания основ современного казахстанского государства поднимаются в статье В.А. Малиновского. Родившаяся в 1991 г. страна была примечательна для остального мира разве что оставшимся от СССР ядерным оружием, судьбу которого предстояло решить. Перед руководством Казахстана остро стояли вопросы модернизации, подъёма экономики, разработки конституции и создания нации. Казахстан был единственной советской республикой, где доля титульного этноса составляла менее половины населения. За годы советской власти доля казахов в общей численности населения республики сократилась с 61,3% в 1926 г. до 40,1% в 1989 г.².

В начале 1990-х гг. примерно половина населения не спешила приобрести гражданство Казахстана, хотя оно предоставлялось каждому проживавшему на территории республики на момент получения независимости. Закон о гражданстве исключал автоматическое присвоение гражданства, выбор должен был быть сознательным и свободным. К середине 1990-х гг. 2/3 жителей Казахстана обзавелись гражданством этой страны, а к 1998 г. их доля повысилась до 85%. К 2015 г. в Казахстане сложилось полиэтничное общество, объединяющее представителей 130 национальностей, при этом доля казахов превысила 66%.

² Там же.

С.А. Скляров

Вопросы регулирования миграции рассматриваются в работе С.К. Есетовой. Общая численность трудовых мигрантов в Казахстане составляет 1,5—2 млн человек. Приведённая Есетовой со ссылкой на экспертов оценка отличается от данных ООН, согласно которым в 2015 г. число иностранных мигрантов в Казахстане превышало 3,5 млн чел., то есть каждый пятый житель страны. По этому показателю Казахстан превзошёл остальные постсоветские государства и тем более Польшу, где мигранты составляют 1,6% населения - 619 тыс. человек³. Есетова отмечает, что большое количество мигрантов, с одной стороны, порождает проблемы безопасности, а с другой – способствует развитию экономики. Отдельно стоит вопрос репатриации оролманов – этнических казахов, в силу разных причин оказавшихся вне территории современного Казахстана.

Представляется закономерным, что авторы из Польши – одной из самых религиозных европейских стран – обратились к проблемам конфессионального устройства и защиты религиозных свобод в Казахстане. Ежи Николаев демонстрирует польскому читателю, как строятся отношения между религией и государством в многоконфессиональном Казахстане, где наряду с доминирующей мусульманской общиной проживает многочисленное православное население, а также представлены другие конфессии, в том числе католицизм.

Оценивая статьи сборника, посвящённые проблемам этноконфессиональной структуры населения и миграции, следует отметить их взвешенность, отсутствие однобокости и проявлений максимализма в оценках тех или иных событий. Вместе с тем работы многих казахстанских авторов не лишены известной комплиментарности в отношении президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и действующей власти.

Немаловажную роль в процессе перехода Казахстана от советской социалистической республики к современной президентской республике сыграло сотрудничество с международными европейскими организациями, прежде всего с Советом Европы, Европейским союзом и ОБСЕ. Вопросы сотрудничества казахстанских властей с этими структурами в процессе трансформации общества и государственных институтов рассматривают в своих работах Ежи Яскерня и Казимеж Клейна. Интеграцию Казахстана в международные экономические структуры и прежде всего в ВТО, а также связанные с этим процессом проблемы поднимает Хенрик Борко. Правовым вопросам института казахстанских референдумов посвящена статья Ежи Шукальского. Проблема высыхания Аральского моря исследуется в работе Гжегожа Низела.

Подводя итог, отметим важность междисциплинарных работ, проделанных авторами из разных стран и изданных на нескольких языках. Эти качества расширяют потенциальный круг читателей, заинтересовавшихся вопросами становления и функционирования казахстанского государства. Сборник, несо-

³ International migration report 2015: Highlightst. United Nations. Department of economic and social affairs. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (дата обращения: 01.02.2018).

Book Reviews S.A. Sklyarov

мненно, ценен для развития гуманитарных связей и контактов между учёными Польши и Казахстана, для сохранения и развития в Польше научного интереса к Казахстану, хотя бы в память о глубоких исторических связях, сложившихся между народами двух стран.

Об авторе:

Сергей Анатольевич Скляров – к.и.н., старший преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

ACROSS TWO SEAS: COOPERATION AMONG SOCIAL SCIENCE SCHOLARS OF POLAND AND KAZAKHSTAN

Sergey A. Sklyarov DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-259-264

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

A collection of research papers by Polish, Kazakh and Lithuanian authors dedicated to the formation and development of modern Kazakhstan was published in 2016. The collection examines a wide range of historical, legal, political, economic, ecological, ethno-confessional and cultural issues. Some of the articles are written in Russian, some in Polish, the rest in English. The publication of the collection shows the interest in Poland towards Kazakhstan – a country where tens of thousands of Poles have been thrown at various times, and where the Polish diaspora still exists.

Key words: humanitarian ties, history, Kazakhstan, khanate, republic, Poland.

About the author:

Sergey A. Sklyarov – Ph.D. in Historical Sciences, Senior Lecturer, Chair of International Relations and Foreign Policy, MGIMO-University. Russia, 119454, Moscow, Prospect Vernadsky. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

«ГУМАНИТАРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ВОЙНЕ»: ОЦЕНКИ РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Г.И. Баязитова, Г.А. Нелаева, Г.Р. Суфиянова

Тюменский государственный университет

Рецензия на: Steinacher G. Humanitarians at War. The Red Cross in the Shadow of the Holocaust. Oxford: OUP, 2017. 330 p.

Рецензируемая книга представляет собой труд историка из Университета Небраска-Линкольн Геральда Штайнахера, посвященный изучению роли Международного Комитета Красного Креста (МККК) в период 1944-1950 гг. Основываясь на различных источниках, в том числе архивных материалах, материалах прессы того периода, отчетах и выступлениях представителей МККК, автор пытается показать, каким образом данная организация в послевоенные годы пыталась преодолеть серьезный моральный, организационный и финансовый кризис. Не сумев оказать достойной помощи жертвам Холокоста и будучи замешанным в оказании помощи нацистам, МККК не только поставил под удар свою репутацию, но и фактически утратил поддержку ведущих держав того периода.

Ключевые слова: Вторая мировая война, неправительственные акторы, Международный Комитет Красного Креста, гуманитарная деятельность, Холокост.

овременные конфликты, отличающиеся многообразием акторов, методов и средств ведения войны, ставят под сомнение уместность и акту-✓ альность норм международного гуманитарного права, закреплённого в классических межгосударственных соглашениях и призванных регулировать поведение враждующих сторон в войнах международного характера. В XXI в., в условиях трансформации понятия «гуманитарная деятельность», тема пределов и возможностей гуманитарных организаций в условиях войны является наиболее актуальной и требует не только переосмысления роли неправительственных акторов в конфликтах и в международных отношениях в целом, но и заключения новых международных соглашений, которые бы регулировали данную деятельность. Последние публикации, посвящённые деятельности гуманитарных организаций показывают, что зачастую эти организации не способствуют установлению мира и стабильности. Более того, они вносят хаос в процесс постконфликтного урегулирования [2]. Исследователи подчёркивают, что в условиях войны гуманитарные организации часто не могут сохранить нейтральную позицию к сторонам конфликта и начинают выдвигать свои оценки происходящего, что ставит под сомнение необходимость их участия в оказании гуманитарной помощи [1].

Актуальность исследования Г. Штайнахера, посвящённого событиям Второй мировой войны и послевоенного периода, обусловлена тем, что в настоящее время остро назрела необходимость всестороннего рассмотрения положительных и отрицательных аспектов гуманитарной деятельности и тех политических решений, которые принимаются гуманитарными организациями. На примере Международного Комитета Красного Креста Штайнахер показывает, что гуманитарная деятельность зачастую формируется под воздействием личных взглядов сотрудников организации, которые далеки от объективной оценки реальности. Несмотря на то, что исследователь рассматривает деятельность МККК в контексте Холокоста, книга затрагивает гораздо более широкий спектр вопросов, относящихся к действиям (и бездействию) организации в период 1940-х-1950-х гг.

Автору удалось использовать большое количество архивных источников не только швейцарских, но и американских и еврейских. При этом шведские документы изучены по вторичным источникам, что могло бы спровоцировать некоторую однобокость исследования. Однако автор успешно справляется с поставленной задачей: роль Швеции в гуманитарном сотрудничестве на заключительном этапе Второй мировой войны хорошо освещена.

Книга состоит из девяти глав, а также включает иллюстрации и список исторических персон с краткой библиографической справкой. Во вводной главе автор ставит перед собой несколько важных вопросов: какова роль старейшей и наиболее уважаемой гуманитарной организации в изучаемый период? Каковы последствия действий и бездействия МККК? Какое значение имеют принципы гуманитаризма, появившиеся в XIX в., в контексте трагедий Второй мировой

войны? Есть ли место принципам А. Дюнана в эпоху крупномасштабного геноцида, и кто или что обеспечит их соблюдение?

Проводя краткий экскурс в историю создания МККК и национальных отделений в целом, автор отмечает, что главные принципы, положенные в основу движения (в частности, «принцип политического нейтралитета и беспристрастности»), были нарушены не раз – как во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг., когда Итальянский Красный Крест, к которому обратились за помощью, встал на сторону Франко и фактически выступил в качестве вспомогательного медицинского корпуса для армии диктатора, так и во время Второй мировой войны, когда Германское национальное отделение утратило свою независимость и нейтралитет (с.23).

В главе «Молчание о Холокосте» Штайнахер отмечает, что, конечно, нужно учитывать сложные условия, в которых приходилось работать организации, но, тем не менее, решения, принимаемые руководством организации, а в частности, вице-президентом Карлом Буркхардтом, указывают на то, что, хотя «Буркхардт и не был поклонником Гитлера, считать его другом евреев также не представляется возможным»

(с. 29). Автор подробно анализирует политические взгляды руководства МККК и приходит к выводу, что эти взгляды (в частности, предубеждения против еврейского населения и равнодушие к его судьбе) повлияли на приоритеты, расставляемые в организации в 1940-1950-е гг.

В следующей главе рассматриваются взаимоотношения МККК и швейцарского правительства, а также попытки Швеции занять место Швейцарии и стать лидирующей страной в гуманитарной сфере. Совместные усилия в 1944 г. со стороны МККК, Швеции и шведского Красного Креста по спасению венгерских евреев Штайнахер называет запоздалым и недостаточным шагом. Неспособность МККК оказать помощь жертвам среди гражданского населения, нежелание в 1942 г. публично обратиться к Германии с требованием прекратить нарушения гуманитарных принципов и запоздалое оказание помощи в конце 1944 г. венгерским евреям, существенно подорвали престиж организации.

Далее автор обращается к послевоенному периоду и анализирует те вызовы, с которыми столкнулся МККК: организацию критиковали не только за то, что она не смогла спасти еврейское население от уничтожения, но и за то, что она не оказала никакой помощи советским военнопленным (что МККК объяснял тем, что СССР не являлся участником Женевской конвенции 1929 г.). Несмотря на то, что Комитет сыграл важную роль в налаживании контактов военнопленных и их семей, посещении лагерей и доставке гуманитарной помощи, далеко не все военнопленные смогли воспользоваться этой помощью как по политическим, так и по финансовым причинам.

Штайнахер также затрагивает одну из наиболее болезненных тем в истории организации. Известно, что МККК помогал населению, высланному из стран Европы после войны и оказавшемуся без средств к существованию. МККК соз-

дал проездной документ, предназначенный для перемещённых лиц, лиц без гражданства и беженцев, которые за неимением документов, удостоверяющих личность, не могли ни вернуться в страну, откуда они родом или где они обычно проживали, ни поехать в избранную ими страну, согласную предоставить им убежище. Однако до сих пор не известно, сколько нацистских преступников и коллаборационистов смогли воспользоваться этой помощью и скрыться от правосудия за границей, получив удостоверения личности от МККК. Данные удостоверения признавались преимущественно в странах Южной Америки, что позволило таким преступникам как Адольф Эйхман скрыться в Аргентине, при пособничестве Ватикана. По данным МККК, около 100 000 удостоверений личности было выдано после войны (с.187). Как отмечает учёный, до сих пор не было серьёзного расследования ни маршрута бегства нацистов за границу (через Италию в Южную Америку), ни роли Ватикана в этой схеме, ни роли отдельно взятых сотрудников МККК.

В заключительной главе автор приходит к выводу: несмотря на то, что в последние годы представители МККК делают публичные заявления, где признают «ошибки прошлого», многие документы, касающиеся деятельности организации остаются засекреченными, хотя сейчас как никогда «организация находится в положении, когда необходимо раскрыть наиболее проблемные и противоречивые главы своей истории» (с. 243).

Как и в предыдущей своей книге «Нацисты в бегах» [3], Штайнахер подчеркивает важность переосмысления Швейцарией своего прошлого, обращения к болезненным для современного швейцарского общества темам.

В заключение следует отметить, что данная книга является важным и серьезным исследованием роли МККК в послевоенные годы и несомненно вносит вклад в изучение истории международных отношений.

Список литературы

- 1. Fox F. Conditioning the Right to Humanitarian Aid? Human Rights and the 'New Humanitarianism // Rethinking Human Rights. Ed. by Chandler D. Palgrave Macmillan, 2002. Pp. 19-37. DOI: 10.1057/9781403914262.
- McMahon P. The NGO Game: Post-Conflict Peace-building in the Balkans and Beyond. Cornell University Press. 2017. 238 p.
- 3. Steinacher G. Nazis on the Run. How Hitler's Henchmen Fled Justice. Oxford: OUP, 2011. 411 p.

Об авторах:

Гульнара Ильгизовна Баязитова – к.и.н., заведующая кафедрой новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ул. Володарского, д.6, 625003. E-mail: q.bayazitova@utmn.ru.

Галина Александровна Нелаева – к.полит.н., профессор кафедры новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ул. Володарского, д.6, 625003. E-mail: q.a.nelaeva@utmn.ru.

Гульнур Рафаэлевна Суфиянова – к.и.н., доцент кафедры новой истории и политических наук, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ул. Володарского, д.6, 625003. E-mail: q.r.sufiyanova@utmn.ru.

«HUMANITARIANS AT WAR»: ASSESSING THE ROLE OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE RED CROSS IN THE IMMEDIATE AFTERMATH OF WWII

Gulnara I. Bayazitova, Galina A. Nelaeva, Gulnur R. Sufiyanova DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-265-270

University of Tyumen

Book review: Steinacher, Gerald. Humanitarians at War. The Red Cross in the Shadow of the Holocaust, Oxford: OUP, 2017, 330 pp.

The book under review is written by Gerald Steinacher, a researcher from Nebraska-Lincoln University and deals with the analysis of the International Committee of the Red Cross (ICRC) activities in the period of 1944-1950. Using a variety of sources (archives, newspaper articles, reports and personal notes by ICRC representatives), the author attempts to demonstrate how the ICRC was trying to overcome a serious moral, organizational and financial crisis it found itself in: because of its failures to respond to the Holocaust and its activities to assist the former Nazis, it not only compromised its reputation and status, but also lost credibility in the eyes of the leading states of that time.

Key words: non-state actors, International Committee of the Red Cross, humanitarianism, the Holocaust.

References

- 1. Fox F. Conditioning the Right to Humanitarian Aid? Human Rights and the 'New Humanitarianism. *Rethinking Human Rights*. Ed. by Chandler D. Palgrave Macmillan Publ., 2002. Pp. 19-37.
- 2. McMahon P. The NGO Game: Post-Con-
- flict Peace-building in the Balkans and Beyond. Cornell University Press Publ., 2017. 238 p.
- . Steinacher G. Nazis on the Run. How Hitler's Henchmen Fled Justice. Oxford, OUP Publ.. 2011. 411 p.

About the authors:

Gulnara I. Bayazitova – PhD in History, Associate Professor, Acting Head of Modern History and World Politics Department, University of Tyumen, Institute for Social Sciences and Humanities, Volodarskogo str. 6, 625003, Tyumen, Russia. E-mail: g.baiyazitova@utmn.ru. **Galina A. Nelaeva** – PhD in Political Science, Professor, University of Tyumen, Institute for Social Sciences and Humanities, Volodarskogo str. 6, 625003, Tyumen, Russia.

E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru.

Gulnur R. Sufiyanova – PhD in History, Associate Professor, University of Tyumen, Institute for Social Sciences and Humanities, Volodarskogo str. 6, 625003, Tyumen, Russia. E-mail: g.r.sufiyanova@utmn.ru.

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА: КАКИМ БУДЕТ ЗАВТРА?

И.Д. Звягельская

Институт востоковедения РАН

Рецензия на монографию А.В. Крылова, В.М. Морозова, А.В. Федорченко «Государство Палестина: право на будущее». Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, М.: МГИМО-Университет, 2017. 380 с.

Ключевые слова: Государство Палестина, история, география, конфликты, экономическое развитие, палестинская проблема, политический процесс, государственность, Государство Израиль.

в.М. Морозовым и А.В. Федорченко – книга о малоизвестном. Казалось бы, про Палестину мы знаем всё – она на протяжении десятков лет остаётся в центре международной политической повестки дня. Географически Палестина включает территорию Израиля, сектор Газа и Западный берег реки Иордан, часть Сирии и Ливана, Иорданию. В представленной книге внимание авторов сконцентрировано на политическом регионе, включающем Государство Израиль и провозглашённое Государство Палестина.

Исторический период, отмеченный окончанием Первой мировой войны, богатый вооруженными конфликтами и столкновениями интересов внешних и региональных сил, ростом национализма, революциями, появлением новых

УДК 323.17 Поступила в редакцию 20.02.2017 г. Принята к публикации 19.02.2018 г. Book Reviews I.D. Zvyagelskaya

государств и новых негосударственных игроков, а затем общим кризисом идеи национального государства, далеко не во всём понятен не только широкому читателю, но и специалистам.

Вокруг событий на Ближнем Востоке ведутся споры и дискуссии, высказываются порой полярные точки зрения, причём не только в академическом сообществе – на научных конференциях и симпозиумах, - но и в средствах массовой информации, как правило, не затрудняющих себя знанием фундаментальных исторических фактов.

Новая книга тоже будет вызывать споры, и это не случайно. Она стала свидетельством желания специалистов не только ещё раз пролистнуть страницы истории, оценить происходившие и современные события, но и, возможно, поставить под вопрос некоторые привычные выводы и оценки. Современная ситуация актуализировала события, отстоящие от нас на века, которые так или иначе определили не только культурный облик, но и политическую судьбу региона, особенности и уровень его экономического развития. Каждый из рассмотренных в книге сюжетов мог бы стать темой для отдельного исследования.

Книга о Государстве Палестина – это своего рода энциклопедия, вобравшая в себя историю, географию, очерки о культуре и религиях, политологический анализ. Собственно сочетание описательной части и аналитической, отличают исследование от других, посвящённых данному сюжету трудов. Многотемье превращено авторами в комплексное и связанное внутренней логикой представление о Палестине как колыбели цивилизации, как священной для последователей трёх авраамических религий земле, в принципе предназначенной для того, чтобы стоять особняком в мало приспособленном для духовных исканий мире, но на деле обречённой на непрекращающиеся войны и столкновения.

Одна из особенностей региона заключается в том, что на Ближнем Востоке особую роль всегда играли внешние силы. В новое время Палестина была частью Османской империи, после Первой мировой войны сферы влияния попытались обозначить державы-победительницы. Одним из этапов раздела Ближнего Востока стало, как это справедливо отмечается в книге, соглашение Сайкс-Пико 1916 г. В связи с недавним столетием этого соглашения некоторые эксперты были склонны приписывать ему чуть ли не главную роль в установлении сфер влияния колониальных держав. На самом деле оно не обозначило границ, и за ним последовало немало других соглашений и договоров. Два молодых дипломата Марк Сайкс и Жорж Пико, как отмечал академик В.В. Наумкин, «в ноябре 1915 г. незатейливо провели прямо по песку почти прямую линию между палестинским городом Акко около Хайфы на берегу Средиземного моря и Киркуком на севере Ирака, получившую название линия «Е – К» (Е по последней букве английского названия первого города – *Асге* до первой буквы в назва-

¹ Наумкин Виталий. Нужно ли присоединять Россию к соглашению Сайкса-Пико?//PCMД,22.08.2016. URL; http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/?sphrase_id=6983339 (дата обращения: 23.08.2016).

И.Д. Звягельская

нии Киркука), к югу от которой должна была расположиться сфера господства Англии, а к северу – Франции. ...Разработанные в 1915-1916 гг. договоренности между Англией и Францией на самом деле ещё не установили границ между формировавшими в Машрике будущими подмандатными территориями/государствами, что было сделано позднее – на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.), в Севрском договоре от 10 августа 1920 г., на конференциях в Сан-Ремо 19-26 апреля 1920 г. и в Лозанне (с перерывом 20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.)»¹.

Авторы исследования в принципе придерживаются сходных позиций, не абсолютизируя соглашение Сайкс-Пико и указывая на маневрирование Британии, которая почти одновременно вела переговоры с руководством сионистского движения о создании еврейского очага в Палестины, завершившиеся 2 ноября 1917 г. Декларацией Бальфура, представлявшей собой письмо министра иностранных дел Великобритании видному сионистскому деятелю Ротшильду.

Зависимость от внешних сил не могла не направить развитие региона по особому руслу. Колониальные державы заменило острое соперничество между СССР и США в биполярную эпоху, затем наряду с глобальными державами все большую роль стали играть региональные. По мнению американского аналитика Яна Ластика, «последствием вмешательства великих держав и навязывания ими международных норм ...было предотвращение использования потенциальными региональными гегемонами их относительных возможностей по захвату или принуждению их соседей к интеграции. Если согласиться с утверждением, что политическое насилие в широких масштабах приводило на этапе становления великих держав к концентрации значительного населения и территории в рамках единого административного образования и единого рынка, то можно полагать, что международные нормы и политика великих держав были ответственны за предотвращение появления на Ближнем Востоке великих держав за счёт сдерживания или недопущения доведения до победного конца государствообразующих войн через ближневосточные границы» [1].

Это утверждение представляется достаточно спорным. Тем не менее, авторы рецензируемой монографии убедительно показывают, как генетическая зависимость от внешних сил объективно снижала возможности для самостоятельной активности вовлечённых в конфликт сторон, меняла соотношение сил и воздействовала на решения о войне и мире на Ближнем Востоке.

В заслугу авторам можно поставить их пристальное внимание как к деталям, которые до сих пор не находили достойного отражения в научных трудах, тем более, что ситуация меняется достаточно быстро и многие данные устаревают, так и к общетеоретическим подходам. В числе первых описание состоя-

² Abbas replaces 'PNA' with Palestine. URL: http://alresalah.ps/en/index.php?act=post&id=1562 (дата обращения: 20.08.2017).

³ Подробнее см. BaskinGershon. Encountering Peace. The Next Palestinian Generation. URL: http://www.jpost.com/ Opinion/Encountering-peace-The-next-Palestinian-generation-502027 (дата обращения: 10.08.2017).

Book Reviews I.D. Zvyagelskaya

ние проблемы палестинских беженцев, израильских поселений на территориях. Среди других – раздел, посвящённый этногенезису палестинцев.

Особое место в монографии занимает вопрос о роли палестинского руководства. Международный статус отличает ПНА от всех других порожденных конфликтом негосударственных акторов. ООН признал Палестину государством-наблюдателем, не являющимся членом ООН². Государство Палестина признано значительным числом государств и имеет в них свои посольства и представительства. Оно обладает государственными символами – флаг и герб – в нём сформированы органы представительной и законодательной власти.Палестинская национальная администрация или правительство Государства Палестины, как она называет себя, действует на национальном, региональном и местном уровнях, предоставляя населению многочисленные услуги. Система образования работает, школы функционируют, учителям платят зарплаты. Существуют частные и общественные клиники и госпитали. Социальная политика – это новые пенсионные фонды, законы о труде, распределение поддержки среди малоимущих. Работают банки, функционируют суды, множится число палестинских юристов, строятся дома и гостиницы³.

Вместе с тем у Государства Палестина нет официальных границ, его территория представляет собой два анклава, с разными правительствами и даже разными «режимами». У него нет армии, хотя есть силы полиции. Израильские военные сохраняют контроль над большей частью Западного берега, Восточный Иерусалим аннексирован Израилем. Палестинское руководство сталкивается со всё более серьёзными трудностями. В их основе отсутствие прогресса на пути переговоров и всё большее разочарование молодого поколения, кризис элиты (отражающий в целом глобальные тренды).

Палестинская проблема, как убедительно показано в книге, переживает собственную трансформацию, что неизбежно с учётом десятилетий её существования. Постепенно, всё более размытыми становятся перспективы подлинной государственности. Вызовами являются сохраняющаяся оккупация, проблемы диаспоры, особая роль палестинцев-граждан Израиля с их разорванной идентичностью.

Проблема палестинского движения заключается не только в его фрагментированности, о которой уже говорилось выше, но и в том, что меняющиеся мировые направления развития, наполнение новым смыслом старых понятий, например, национализма в условиях кризиса национальных государств, требует новых подходов и новых креативных решений.

Так, процесс демобилизации и фрагментации палестинского общества начался после смерти Я. Арафата, воплощавшего национальную идею. Социальная и политическая среда на Западном берегу и в Газе, попавшая под влияние

⁴ Agha Hussein and Khalidi Ahmad Samih. The End of This Road: The Decline of the Palestinian National Movement. 06.08.2017.URL: http://www.newyorker.com/news/news-desk/the-end-of-this-road-the-decline-of-the-palestinian-national-movement (дата обращения: 19.08.2017).

И.Д. Звягельская

кланов и личностей, высветила местные глубоко укоренённые линии напряжения. С палестинским национализмом случилось то же, что и с национальными государствами в арабском мире. В них всё ещё продолжается процесс складывания единой идентичности, перекрывающей клановые, этнические, племенные идентичности, которые вышли на поверхность в условиях ослабления руководства и государственной машины. При этом арабские государства в целом состоялись как главные субъекты международных отношений, что для палестинцев всё ещё остаётся недостигнутой целью. Палестинцы пережили взлёт национализма, базировавшегося на левых революционных идеях, которые были своего рода плавильным котлом, растворяющим иные идеи и подходы - правые, анархистские, джихадистские. Они, разумеется, никуда не исчезали, но были минимизированы в контексте общего националистического тренда с захватывающими социальными горизонтами. Этот национализм ушёл в прошлое. По мнению некоторых арабских авторов, «палестинцам придется понять, что прошлый привычный национализм и «национальное освобождение» не лучшая валюта для политической мобилизации и самовыражения в современном мире, и что им нужно адаптировать свою борьбу и надежды к новым глобальным реалиям»⁴. Вопрос в том, каковы эти реалии, и не будут ли они интерпретированы молодым поколением палестинских лидеров как необходимость возвращения к широкомасштабному вооружённому сопротивлению.

Государство Палестина, выступая как частично признанное государство, даже оставаясь виртуальным и не имея границ, даёт возможность ПНА решать ряд политических задач. Обозначая себя как государство и получив существенное международное признание, палестинское руководство смогло несколько выправить всегда имевшуюся и сохраняющуюся асимметрию по отношению к Израилю. Конфликт происходит не между государством и национальным движением, а между двумя государствами, хотя асимметрия с учётом специфического характера Государства Палестина всё равно сохраняется. Провозглашение государственности было для палестинского лидера Махмуда Аббаса вынужденной мерой, единственным способом добиться «создания» Государства Палестины в отсутствии даже минимального прогресса на переговорах с Израилем и в отсутствии самих переговоров на протяжении длительного времени.

Авторы не ограничиваются лишь рассмотрением политической стороны дела. Большую научную и практическую значимость представляет рассмотрение экономики Западного берега и сектора, которая так и не приобрела характер стабильной, самовоспроизводящейся, конкурентоспособной хозяйственной системы в связи с неурегулированностью ближневосточного конфликта.

Монография написана на основе большого корпуса источников и литературы. В ней содержится ряд имеющих принципиальное значение выводов и оценок.

Book Reviews I.D. Zvyagelskaya

Очевидно, что столь солидный и объёмный труд не свободен от отдельных недостатков: можно, в частности, отметить некоторую «разорванность изложения», периодическое возвращение к истории, которое, возможно, отражает общий замысел, но влечёт за собой неизбежные повторы. Однако в целом книга состоялась, и она, безусловно, представит интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Список литературы

 Lustik Ian. The Absence of Middle Eastern Great Powers: Political «Backwardness» in Historical Perspective // International Organization.1997. Vol. 51.No. 4. Pp. 661-662.

Об авторе:

Ирина Доновна Звягельская – д.и.н., главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. 107031, г. Москва. Ул. Рождественка, д. 12. E-mail: izvyagelskaya@yandex.ru.

THE PALESTINIAN PROBLEM: WHAT TOMORROW WILL BRING?

I.D. Zvyagelskaya DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-271-277

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science

A.V. Krylov, V.M. Morozov, A.V. Fedorchenko «The State of Palestine: the right to the future». Moscow State University of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University), 2017, 380 p.

Key words: the State of Palestine, history, geography, conflicts, economic development, Palestinian problem, political process, statehood, the State of Israel.

References

 Lustik I. The Absence of Middle Eastern Great Powers: Political «Backwardness» in Historical Perspective. *International* Organization, 1997,vol. 51, no. 4,pp. 661-662.

About the authors:

Irina D. Zvyagelskaya – Chief Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science. 107031, Moscow. Ul. Rozhdestvenka, 12. E-mail: izvyagelskaya@yandex.ru.